ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ «КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

На правах рукописи

Тепкеев Владимир Толтаевич

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КАЛМЫКИ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Команджаев Александр Нармаевич

Элиста – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ……..……. 3
Глава 1. Историография и источники …….……. 23
1.1. Историография вопроса ……...…….……...……... 23
1.2. Характеристика источниковой базы …….. 49

Глава 2. Российское государство и калмыки на начальном этапе взаимоотношений ……..... 62
2.1. Установление русско-калмыцких отношений в Западной Сибири и Северном Прикаспии в начале XVII века ……. 62
2.2. Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в 1630-е годы …… 87
2.3. Политический кризис в русско-калмыцких отношениях в 1640-е годы …… 108
2.4. Преодоление политического кризиса в русско-калмыцких отношениях …… 142

Глава 3. Вхождение калмыцкого народа в состав Российского государства ……..….. 181
3.1. Укрепление русско-калмыцких отношений. Вступление калмыков в Русско-польскую войну 1654–1667 гг. ……..…. 181
3.2. Русско-калмыцкие отношения в 1662–1672 гг. Политический кризис на юге России ……..... 223

Глава 4. Российское государство и калмыки в 1672–1700 гг. ……..… 251
4.1. Русско-калмыцкие отношения в период Русско-турецкой войны 1672–1681 гг. ……...…….…… 251
4.2. Калмыки в системе международных отношений в 1681–1690 гг. …..... 297
4.3. Политическое состояние русско-калмыцких отношений в конце XVII века …….. 317

Глава 5. Россия и Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII века …….…….. 351
5.1. Русско-калмыцкие отношения в начале XVIII в. …….…….. 351
5.2. Калмыцкое ханство и южное порубежье России в 1705–1719 гг. …..... 360
5.3. Русско-калмыцкие отношения в период образования Астраханской губернии ……... 425

Заключение …….……. 461
Список источников и литературы ……...……... 482

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема истории политических взаимоотношений в многонациональном и многоконфессиональном Российском государстве всегда была объектом внимания научной общественности. В начале нового тысячелетия она приобретает качественно новое значение, поскольку принимает еще более сложный характер. В историческом контексте она имеет значение для более глубокого осмысления процессов, происходящих в современном обществе.

Российское государство как евразийская империя включило в свой состав десятки народов, проживающих на ее территории. Сегодня федеративное устройство является оптимальным условием, чтобы народы России могли бы реализовать право на самоопределение с сохранением единства государства. В связи с этим весьма актуальна и концепция государственной национальной политики Российской Федерации, учитывающая необходимость обеспечения единства и целостности страны в новых исторических условиях развития государственности, согласования общегосударственных интересов и заинтересованности всех ее народов, налаживания их всестороннего сотрудничества, развития национальных языков и культур.

Исторический анализ устройства Российского государства, особенно включения народов в его состав, причин устойчивости его конструкции позволяет выработать стратегические задачи в области национальной политики. Но для этого необходимо взвешенное и объективное рассмотрение исторического прошлого, без политической ангажированности и оценочного суждения. Также важно, чтобы формирование национального самосознания шло на основе беспристрастного и аргументированного знания.

Изучение истории взаимоотношений России и кочевых народов всегда интересовали большой круг как отечественных, так и зарубежных исследователей. Этот интерес становится еще более понятным, когда речь

идет о появлении отдельных ойратских (калмыцких) кочевых племен у юго-восточных границ России в такую сложную и переломную для нее историческую эпоху, как XVII и XVIII вв. Огромный интерес к данной теме порождает также многочисленные спорные проблемы, над разрешением которых бьются исследователи: спор о степени соотношения авантюризма и рационализма в российской дипломатии по отношению к кочевникам, приоритетах дипломатических отношений в тот или иной период, о наличии или отсутствии имперских (захватнических) тенденций в расширении границ России, о соотношении и взаимозависимости внутренней и внешней политики России данного времени.

Сегодня в исторической науке кардинально пересматриваются многие проблемы и аспекты российской истории. Один из таких принципиальных вопросов – это трактовка присоединения народов и новых территорий к России, выстраивания отношений между ними и центральной властью. Уходит в прошлое апологетический подход, ученые учитывают разные формы присоединения. В современных условиях, когда в стране пытаются построить прочную вертикаль власти, встает вопрос о будущем статусе национальных республик в России, возвращающий нас снова к истории начала взаимоотношений.

Данная тема в указанных хронологических рамках представляет наибольший интерес в изучении исторического прошлого калмыцкого народа, предками которого были ойраты (западные монголы). Начальный процесс политической интеграции калмыков в Российское государство был весьма длительным и сложным. Появление ойратов у сибирских границ Московского государства и продвижение их на запад невольно заставляют искать исторические параллели с событиями прошлого, когда кочевые народы из степных глубин Азии стремительно продвигались на запад. Однако история калмыков XVII и XVIII вв. еще недостаточно исследована, а в исторической литературе по этому вопросу имеются противоречия. Фактический материал, извлеченный из архивных данных того времени,

позволит приблизиться к истине, что даст возможность составить более достоверную историческую картину.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII и первую четверть XVIII в. При их определении в качестве ориентиров учитывался наиболее важный период в истории калмыков, связанный с установлением русско-калмыцких отношений, вхождением в состав Российского государства и образованием Калмыцкого ханства на Волге. Выбор нижней границы хронологического диапазона обусловлен началом миграции западномонгольского этнополитического объединения ойратов (калмыков) из Центральной Азии на южные окраины Западной Сибири и первыми русско-ойратскими посольскими контактами в начале XVII в. В течение всего этого столетия происходит постепенное выделение из общей массы ойратского объединения отдельных групп ойратов, известных как *калмыки*, с дальнейшим переселением на территорию Северного Прикаспия и концентрацией их на юге Российского государства. Наиболее активный процесс политической интеграции калмыков в состав России начался с середины XVII в., что подтолкнуло к решению территориального вопроса. Верхняя граница хронологических рамок ограничивается окончанием петровской эпохи и времени правления Аюки-хана – периодом наивысшего политического взаимодействия калмыцкой правящей знати и Российского государства.

Территориальные рамки работы. История волжских калмыков XVII в. связана с их расселением на юге Российского государства. Ценность владения этими землями заключалась в особой геополитической роли региона на евразийском материке. Черноморско-Каспийский регион и его население представляли важный стратегический узел в борьбе между Россией и Османской империей, а наличие здесь исторически сложившихся транзитных торговых путей имело весьма существенное значение [Кундакбаева, 2005: 20–21]. Необходимо учитывать, что калмыки в начале XVII в. установили связи с сибирскими администрациями Российского государства в Западной Сибири и

в течение этого и начала следующего столетий продолжали поддерживать тесные связи с другими ойратскими объединениями в Западной Сибири и Центральной Азии, государствами и народами Восточной Европы и Средней Азии. Несмотря на то, что основным ареалом кочевания калмыков были степи междуречий Эмбы, Яика, Волги и Дона, они имели довольно интенсивные связи с народами Северного Кавказа и Причерноморья.

Целью исследования является выявление всего комплекса политических проблем во взаимоотношениях калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в. и изучение опыта их разрешения в многообразии подходов. Исходя из цели работы и учитывая недостаточную изученность темы, а также ее многоплановый характер, автор поставил перед собой следующие ***задачи***:

- показать причины и условия переселения калмыков из Центральной Азии в районы Западной Сибири и образования ойратских этнополитических группировок, в том числе и объединения «волжских калмыков»;

- осветить все этапы политической интеграции калмыков в Российское государство и решение территориальной проблемы в XVII в.;

- дать анализ проблемы соблюдения договоренностей калмыцкой знати и Российского государства в XVII – первой четверти XVIII в.;

- рассмотреть начальный этап христианизации калмыков, как одну из проблем в русско-калмыцких отношениях;

- дать характеристику русско-калмыцким переговорам по проблеме ухода части калмыков на Дон во второй половине XVII в.;

- показать влияние российского правительства на отношения калмыков с донскими казаками, особенно в период регионального конфликта в конце XVII в.;

- рассмотреть взаимоотношения российской власти с калмыками в период антиправительственных выступлений на юге страны;

- показать участие калмыков в войнах России и роль российского правительства в решении проблемы безопасности калмыцких улусов;

- проанализировать основные направления политики представителей калмыцкой знати по отношению к царскому правительству, показать методы, применявшиеся ими для достижения своих целей;

- дать представление о конкретной международной политической обстановке и показать роль и значение калмыков в южной политике России;

- рассмотреть административно-политические механизмы государственного управления России в отношении калмыков.

Объектом исследования являются калмыки и Российское государство, в XVII – первой четверти XVIII в.

Предметом исследования выступают политические взаимоотношения калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в.

Научная новизна представленного исследования заключается в том, что осуществлено комплексное, всестороннее и детальное историческое исследование проблемы политических взаимоотношений калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в., основанное на значительном корпусе источников, впервые вводимых в научный оборот.

На основе новых материалов автором разработана концепция образования ойратских этнополитических группировок в XVII в. Показано, что образование в 30-х гг. XVII в. в Северном Прикаспии отдельной ойратской группировки улусов, состоявшей преимущественно из торгутов и получившей название «волжские калмыки», произошло в результате ее выделения из наиболее крупной сибирской этнополитической группировки ойратов («чакарских калмыков»), куда входили в основном дербетские и хошутские улусы, и последующего присоединения к торгутам нескольких дербетских улусов. В 1640-х – 1660-х гг. в междуречье Яика, Волги и Дона стало постепенно складываться отдельное Калмыцкое ханство, которое продолжало поддерживать связь с другими ойратскими группировками на востоке, в том числе и с Джунгарским ханством.

Диссертантом выявлены новые письменные обращения калмыцких тайшей, обнаруженные в документах, адресованные российским монархам и

первым лицам государства XVII и первой четверти XVIII в. Наибольшую ценность имеет публикация самого раннего письменного свидетельства русско-калмыцких отношений – письма калмыцкого тайши Лузана, датированного 1642 г. и адресованного царю Михаилу Федоровичу. Ценность его состоит в том, что это – самое ранее из известных писем калмыцких тайшей на старописьменном монгольском языке. Наличие собственной национальной письменности, созданной в 1648 г., и устоявшаяся посольская традиция позволили представителям калмыцкой знати вести с Российским государством интенсивную переписку – как на региональном уровне, так и с центральными органами власти.

Более детально разработана концепции образования Калмыцкого ханства. Эта тема, как и датировка образования ханства, до сих пор в историографии остается дискуссионной и требует тщательного исследования и анализа. Точкой отсчета провозглашения Калмыцкого ханства можно считать 1647 г., т. е. время с момента возвращения Дайчина в степи Северного Прикаспия из Джунгарии и Тибета, где он был признан ханом большинством представителей верхушки ойратского сообщества и буддийского духовенства, но без наделения соответствующими атрибутами. На основе документальных материалов конца XVII в. диссертанту впервые удалось определить, что в 1698 г. Аюка получил ханское звание от Далай-ламы VI. Признание Россией ханского статуса Аюки можно отсчитывать с момента подписания «Договорных статей, учиненных на реке Камышенка, между Калмыцким ханом Аюкой и боярином кн. Борисом Голицыным» в 1697 г.

Подробно показана роль калмыков в социальных и национальных движениях в XVII и первой четверти XVIII вв. Эта тема долгое время сознательно замалчивалась в историографии, особенно в советский период. Активное участие калмыцкой конницы в подавлении восстаний на юге Российского государства во многом стало решающим фактором в недопущении их широкого распространения в соседних регионах.

Обнаруженные уникальные архивные документы позволили конкретно и детально впервые рассмотреть участие калмыков в подавлении Булавинского восстания. Причем рассмотреть не только чисто военную сторону тех событий, но также понять их политическую подоплеку и мотивы, которые двигали калмыцкими правителями, решившими оказать помощь правительственным войскам. Именно успешные действия калмыцкой конницы против повстанцев под Саратовом не позволили Булавину поднять на борьбу с правительством население Среднего Поволжья и объединиться с восставшими башкирами под Уфой.

Освещены роль и значение калмыков в кавказской политике России и их тесные связи с народами Северного Кавказа. Показано, что с середины XVII в. традиционно калмыцкие тайши имели довольно сильное военно-политическое влияние на этот регион. Весьма часто российская администрация использовала этот фактор для продвижения там своих государственных интересов. Борьба с Османской империей и Крымом за влияние на местные народы опиралась не только на дипломатию, но и на вооруженные силы калмыков. На основе широкого круга новых источников также рассмотрены военно-политические связи калмыков с соседними народами и странами: ногайцами, башкирами, казахами, каракалпаками, а также Персией, Крымским ханством, Османской империей, Польшей, Китаем, Джунгарией и Тибетом. Столь широкая география международных связей ханов и тайшей накладывала отпечаток и на характер русско-калмыцких отношений. Ярким примером этому может послужить первый визит на территорию Российского государства китайского посольства в 1714 г., конечной целью которого была ставка калмыцкого хана Аюки на Волге.

Раскрыта роль калмыцкой знати в процессе административного освоения Россией южного региона и оформления губернского правления в Астрахани. Еще с середины XVII в. представители калмыцкой знати были заинтересованы в особом государственном внимании к проблемам юга страны. Это касалось не только обеспечения безопасности калмыцких улусов

от внешних угроз, но и урегулирования внутренних конфликтов с российскими подданными. Поэтому калмыцкие владельцы выступили инициаторами образования отдельной Астраханской губернии и появления губернатора с особыми полномочиями в целях более эффективного и оперативного решения широкого круга вопросов. Однако в дальнейшем калмыцкие владельцы столкнулись уже с другой проблемой – ограничением своих политических прав и развертыванием широких военных действий в регионе.

Положения ***диссертационного исследования***, ***выносимых на защиту***, связаны с рядом основных политических проблем в рамках взаимоотношений калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в.

1. Со времени появления калмыков на землях Российского государства в начале XVII в. территориальная проблема в русско-калмыцких отношениях стала основной и определяющей. С приходом калмыков в степи Северного Прикаспия на рубеже 1620-х – 1630-х гг. около четверти века ушло на долгие двусторонние переговоры, заканчивавшиеся и вооруженными столкновениями. Принципиальная позиция московских властей о принятии калмыками российского подданства как выполнение основного условия возможности разрешить территориальный вопрос первоначально вызывала у калмыцких тайшей отторжение. Двусторонние соглашения они рассматривали только как союзническое, основанное на совместной военно-политической договоренности. Кроме того, российские власти не желали ущемлять интересы своих данников-ногайцев и не разрешали занимать их территории. И только с началом русско-польской войны 1654–1667 гг., когда у московского правительства остро встала необходимость привлечения калмыцкой конницы против крымских татар, Москва не только разрешила калмыкам закрепиться в волго-яицком междуречье, но и впервые стала содействовать переходу калмыцких улусов на правобережье Волги. Отсюда было удобно направлять калмыцкие отряды на Северный Кавказ и Крым.

2. Анализ выявленных архивных материалов позволяет сделать вывод, что в результате миграции к середине этого столетия ойратские этнополитические объединения занимали огромную территорию – от Волго-Донского междуречья до Северного Тибета. В результате такого расселения образовались четыре основные группировки ойратских улусов: волжская – в Северном Прикаспии, сибирская – в Юго-Западной Сибири и на территории современного Восточного Казахстана (чакарские калмыки), джунгарская – на территории современного Синьцзяна и кукунорская – в восточном Тибете. Численность и состав каждой из этих группировок менялись в зависимости от конкретной военно-политической ситуации. Все эти объединения, за исключением кукунорских хошутов, самостоятельно сносились с Российским государством. Образование в 30-х гг. XVII в. в Северном Прикаспии отдельной ойратской группировки улусов, получившей название «волжские калмыки», стало основой для создания в дальнейшем на волжских берегах Калмыцкого ханства. Это кочевое государство продолжало поддерживать отношения с другими ойратскими группировками на востоке.

3. Процесс образования Калмыцкого ханства можно условно разделить на несколько этапов: образование отдельной этнополитической группировки в Северном Прикаспии; консолидация власти в руках первенствующего тайши; самопровозглашение Калмыцкого ханства; признание Калмыцкого ханства Россией. Точкой отсчета провозглашения Калмыцкого ханства можно считать 1647 г., когда Дайчин вернулся в родные кочевья в Северном Прикаспии из Джунгарии и Тибета, где он был признан ханом большинством представителей верхушки ойратского сообщества и буддийского духовенства, но без наделения соответствующими атрибутами. Однако ханский статус Дайчина не был признан московским правительством. Признание Россией Калмыцкого ханства можно отсчитывать с момента подписания «Договорных статей, учиненных на реке Камышенка, между Калмыцким ханом Аюкой и боярином кн. Борисом Голицыным» от 17 июля 1697 г., когда царские власти впервые использовали в официальном

документе ханскую титулатуру калмыцкого правителя. При этом стоит учитывать и тот факт, что еще до этого времени, во второй половине XVII в., многие соседние государства уже признали титул калмыцкого хана.

4. В первой половине XVII в. в русско-калмыцких отношениях неоднократно возникали проблемы из-за несоблюдения договоренностей (например, шертей 1607, 1613, 1623, 1629, 1631, 1648, 1649, 1650 гг.). Отсутствие политического единства в калмыцком обществе, постоянные локальные конфликты калмыков с царскими подданными на приграничной территории неоднократно срывали эти договоренности. Только с заключением шертей 1655, 1657 и 1661 гг. и вступлением калмыцкой конницы в активную фазу продолжающейся русско-польской войны открылась новая страница в русско-калмыцких отношениях. Однако калмыцкие тайши не могли в полной мере развернуть боевые действия против кубанских ногайцев и крымских татар, поскольку их улусы продолжали подвергаться набегам башкир и других царских подданных. По мнению соискателя, действенный выход из этой сложной ситуации нашел астраханский воевода кн. Григорий Черкасский, способствовавший заключению брачного союза в 1662 г. между его племянницей Абуханой и сыном калмыцкого правителя Мончака – Аюкой. Именно такой формат договоренности, основанный на брачных связях, получил положительный результат и до 1673 г., когда к власти пришел Аюка, не требовал подтверждений.

5. Проблема христианизации калмыков была всегда одной из основных в ходе русско-калмыцких переговоров. Несмотря на отсутствие в калмыцком обществе на тот период глубокой буддийской традиции (распространение буддизма среди калмыков началось в начале XVII в.), калмыцкие тайши с самого начала резко негативно относились к набиравшему обороты процессу христианизации калмыков. Первыми христианство приняли пленные калмыки, вывезенные в русские города в 40–50-е гг. XVII в., и на первоначальном этапе эти случаи носили во многом частный и случайный

характер. Затем этот процесс стал уже носить более массовый характер, и зачастую был связан с проблемой беглых калмыков, не желавших возвращаться к своим владельцам. Принятие христианства рассматривалось ими как залог того, что они не будут выданы обратно. Правительство всячески содействовало этому процессу, законодательно закрепив запрет выдачи калмыцкой стороне крещеных калмыков. По этой причине на переговорах между царским правительством и калмыцкими послами временами возникали споры. Как свидетельствуют шерти 1673, 1677, 1683 и 1697 гг., правительство было заинтересовано в крещении и оседании калмыков в российских городах. Калмыцкий хан Аюка вынужден был признавать факты христианизации калмыков и считаться с ними, но религиозный вопрос, хотя и не был главным в русско-калмыцких переговорах, постоянно фигурировал как раздражитель, придавая напряженный характер отношениям в целом.

6. Одновременно имели место и случаи ухода калмыков на Дон без принятия крещения, но с зачислением на казачью службу, которые довольно часто ставили русско-калмыцкие переговоры в тупик. Калмыцкие тайши в переговорах с представителями российской власти принципиально отстаивали свои позиции по этому вопросу, иногда прибегая к силовым действиям по возврату своих людей. Правительство пыталось выступить в роли посредника в споре тайшей и донских атаманов, не желавших возвращать беглецов. Формально поддерживая претензии калмыцкой стороны, оно подспудно поощряло действия казаков. В смутные периоды, например в годы Булавинского восстания, калмыцкие тайши возвращали своих людей обратно, и уже казачество выступало в роли предъявителя претензии на возвращение донских калмыков, родившихся на Дону.

7. В 70–80-е гг. XVII в. на юге страны разразился затяжной региональный конфликт между калмыками и донскими казаками. Правительство изначально выступало посредником в разрешении этого конфликта, не принимая однозначно чью-либо сторону, поскольку было

заинтересовано в использовании военного потенциала и калмыков, и казаков в русско-турецких войнах. Особенно этот конфликт усилился после смерти государя Алексея Михайловича в 1676 г. и последующего ослабления центральной власти. Политическая ситуация на юге России в последние десятилетия XVII в. была весьма напряженной, и русско-калмыцкие отношения несколько раз подвергались жесточайшим испытаниям. С приходом к власти Петра Алексеевича и активизацией внешней политики царского правительства на южном направлении русско-калмыцкие отношения стабилизировались.

8. Региональные конфликты на юге Российского государства и постоянно возникавшая идея возвращения калмыков на историческую родину, подогревавшаяся некоторыми представителями буддийского духовенства, желавшими возвращения волжских калмыков в Центральную Азию для усиления позиции джунгар в их долгой борьбе с маньчжурской агрессией, периодически поднимали в калмыцком обществе вопрос об уходе из пределов России. Смерть джунгарского Галдан Бошогту-хана и провозглашение Далай-ламы VI в 1697 г., приезд в Лхасу миссии Арабджура – все эти события подвигли тибетско-калмыцкие отношения к активизации на рубеже XVII–XVIII вв. В этот период начались переговоры, целью которых было возможное переселение волжских калмыков на территорию Кукунора для защиты Тибета от маньчжурской агрессии; главным идеологом этого был дэси Сангье Гьяцо, который от имени молодого Далай-ламы VI вел всю внешнюю политику государства. Наделение Аюки ханским титулом в 1698 г. от имени буддийского лидера должно было послужить для него дополнительным стимулом в скорейшей реализации этой идеи. Однако главным препятствием в ее осуществлении являлись отсутствие единства в калмыцком обществе и центробежные процессы, выражавшиеся во временном уходе части калмыков на Дон. Эти обстоятельства, а также нежелание части калмыцкой элиты уходить на восток, не позволили Аюке решиться на уход из России. Идею возвращения на историческую родину в

конечном итоге подхватили его старшие сыновья. Конфликт 1701 г., в ходе которого Аюка был арестован старшими сыновьями и отправлен в Тибет, был вызван борьбой за власть в правящей ханской семье. В дальнейшем мятежники встретились с сопротивлением той части калмыцкой элиты, которая категорически выступала против ухода на восток. Отсутствие у противников хана конкретного плана действий, открытый переход на сторону Аюки большинства влиятельных тайшей и зайсангов, а также всемерная его поддержка царским правительством в конечном итоге склонили чашу весов не в пользу первых. Часть мятежников во главе с Чакдорджабом пошла на примирение с Аюкой, другие во главе с Санджабом пошли на окончательный разрыв и увели 15 тыс. кибиток в Джунгарию.

9. Деятельное участие калмыцкой конницы в подавлении восстаний на юге Российского государства во второй половине XVII – начале XVIII в. стало решающим фактором в недопущении их широкого распространения на соседние регионы. Калмыцкие тайши во главе с Аюкой-ханом остались верны договоренностям, заключенным с российским правительством, и в определенной мере помогли в организации и проведении карательных операций против астраханских, донских и башкирских повстанцев. Присутствие и активные действия калмыцких конных отрядов на Нижней и Средней Волге не позволили Астраханскому и Булавинскому восстаниям перекинуться в соседние регионы например, не позволили тем же булавинцам объединиться с башкирскими повстанцами.

10. Активное участие калмыков в войнах России вынуждало их постоянно находиться состоянии конфликта со многими соседними народами, прежде всего с крымскими татарами и кубанскими ногайцами. Проблема безопасности улусов на переговорах калмыцких владельцев с Москвой ставилась постоянно. Наибольшую угрозу для калмыков представляла Кубанская орда, в разгроме которой они также приняли участие в ходе русско-турецкой войны 1710–1713 гг. После набега кубанских ногайцев 1715 г., когда калмыцкие улусы подверглись серьезному

разорению, проблема безопасности улусов в русско-калмыцких переговорах стала основной. Впервые по многочисленным просьбам калмыцкого хана Аюки по государеву указу при нем появился постоянный царский представитель с отрядом охранения. Однако решение этой проблемы калмыцкие тайши нашли сами, путем установления союза с кубанским Бахта-Гиреем, а наличие российского отряда при ставке хана оказалось обременительным.

10. Калмыцкое ханство играло весьма значительную роль в охране южных границ России. Наряду с участием в военных кампаниях в ходе Азовских походов, Северной войны, русско-турецкой войны 1710–1713 гг. и Персидского похода, охранная служба калмыков стала одним из основных видов их военной деятельности. Активное участие калмыцкой конницы в войнах России и проведение губернской реформы в конечном итоге форсировали процесс политической интеграции Калмыцкого ханства в состав России. Но в процессе интеграции по-прежнему оставались противоречия внешнеполитических интересов сторон. Пограничное положение ханства позволяло проводить достаточно самостоятельную внешнюю политику, в том числе с Крымом, Турцией, Персией, Джунгарией и Китаем.

11. С середины XVII в. представители калмыцкой знати были заинтересованы в особом государственном внимании к проблемам юга России. Это касалось не только обеспечения безопасности калмыцких улусов от внешних угроз, но и урегулирования внутренних конфликтов с российскими подданными, в первую очередь с казаками и башкирами. Образование Казанской губернии, куда входил весь нижневолжский край, создавало серьезные неудобства в коммуникации представителей калмыцкой знати с губернскими властями и столичной администрацией. Постоянно будируя в переговорах с правительством вопрос о присылке в Астрахань уполномоченного с особыми правами, с целью более эффективного и оперативного решения широкого круга проблем, калмыцкие владельцы

невольно выступили одними из инициаторов образования отдельной Астраханской губернии. Однако в дальнейшем калмыцкие владельцы столкнулись уже с другой проблемой – ограничением своих политических прав астраханским губернатором А. П. Волынским.

12. В связи со смертью старшего ханского сына Чакдорджаба в 1722 г. и престарелым возрастом хана Аюки остро встал вопрос о престолонаследии. В его решении приняло активное участие и российское правительство, которое не было заинтересовано в решении проблемы вооруженным путем. В выборе кандидатуры наследника ханского престола правительство исходило из таких важных критериев, как возраст, политический авторитет и лояльность к российской власти. Однако внешнее вмешательство в вопрос о престолонаследии вызывало отторжение и недовольство не только у других калмыцких владельцев, но и у самого выбранного правительством кандидата – Дорджи Назарова. Астраханскому губернатору А. П. Волынскому не удалось предотвратить вооруженный конфликт 1723 г. между владельцами, но влияние на калмыцкие дела он сохранил. Актуальность вопроса и ограниченные сроки для маневров обусловили создание уникальной специфической ситуации, в которой астраханский губернатор самостоятельно выбрал наместника ханства, и Сенат был вынужден согласиться с его решением.

Теоретическая значимость исследования. В научно-теоретическом аспекте анализ взаимодействия калмыцкой знати и Российского государства позволил максимально глубоко осветить те проблемы, которые связаны с развитием политических отношений. Сами по себе они довольно непросты, тем более еще недостаточно осмыслены теоретически в плане исследования истории создания многонационального государства. Использование в работе широкой источниковой базы дает возможность сформулировать обоснованный вывод о том, что проблемы политического взаимодействия Российского государства с калмыками видоизменялись в ходе интеграции

калмыцкого народа в социально-политическую систему страны на протяжении XVII – первой четверти XVIII в.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы научно-исследовательской работы могут быть использованы при изучении истории межнациональных процессов в России, актуальных в сегодняшнее время. Содержащаяся в работе информация может оказаться полезной для лекционных курсов и пособий по истории Востока (Новое время), истории России, спецкурсу по истории Калмыцкого ханства и истории номадов в высших учебных заведениях.

Методология и методы исследования. Методологической основой являются принципы, подходы и подходы современной исторической науки, включая общенаучные принципы (историзм, объективность, системность) и специальные исторические методы (историко-системный метод, метод диахронического анализа, историко-географической реконструкции). В исследовании применяется комплексный подход к анализу событий и явлений и метод критического анализа.

Исторический подход основывается на положении о том, что исследование истории взаимоотношений калмыков с Российским государством обуславливает необходимость выявить политические предпосылки их возникновения, обоснования критериев периодизации и этапов ее развития, определения источниковой базы для реализации поставленной цели и задач.

Объективность в работе обеспечивается комплексным изучением политической истории калмыков рассматриваемого периода и влияния на нее политики Российского государства посредством всестороннего погружения в реальную обстановку того времени.

Системный подход дает возможность рассмотреть историю русско-калмыцких отношений в контексте исторического процесса, с учетом внешне- и внутриполитического положения Российского государства в изучаемый

период. Он предполагает применение историко-системного метода исследования.

Историко-генетический метод позволил направленно и последовательно раскрыть свойства, функции и изменения политической интеграции калмыков в состав Российского государства. Являясь по своей логической природе аналитическим, а по форме выражения информации описательным, этот метод позволил выявить причинно-следственные связи, провести анализ установления и развития русско-калмыцких отношений в указанный период. Несмотря на то, что исторические события в диссертационном исследовании показаны в их индивидуальности и конкретности (с применением диахронического метода исследования), нельзя терять из виду общей исторической картины, в которых развивались эти отношения. Изучая последовательность исторических событий русско-калмыцких отношений во времени, недопустимо пропускать существенные факты в их истории, чтобы не исказить историю, или замалчивать факты, которые не укладываются в какую-либо идеологическую или политическую схему. Использование широкой источниковой базы позволило выстроить исторические события в четкой хронологической последовательности, что позволило избежать каких-либо серьезных временных «провалов», которые могли бы повлиять на действительную интерпретацию прошлого. Использование историко-генетического метода помогло выявить ранее неизвестные или малоизвестные страницы калмыцкой истории XVII–XVIII вв.

Историко-сравнительный метод позволил раскрыть сущность явлений, выявить общее, повторяющееся, закономерное, делать обобщения, проводить исторические параллели. При этом сравнение осуществлялось на конкретных исторических фактах, которые отражали существенные признаки явлений, а не формальное сходство.

Метод критического анализа исторических источников применялся для сбора и систематизации материала. Многие исторические явления могут иметь сходное содержание, но разные формы проявления во времени и

пространстве и, наоборот, иметь разное содержание, но быть сходными по форме. Источники, будь то русские, калмыцкие или тюркские, довольно часто противоречат друг другу, поэтому диссертант попытался составить хронику исторических событий на основе совпадающих сведений, содержащихся во всех или в большинстве источников. Это позволило избежать односторонности в рассмотрении исторических событий и приблизиться к истине. Надо знать эпоху XVII–XVIII вв., идеологические установки и жизненные ценности того времени, типологию явлений. Однако автор отдает себе отчет в том, что в условиях, когда один, более ранний источник используется авторами последующих исторических сочинений, ошибки и неточности первого могут быть повторены последующими.

В работе широко применялся метод историко-географической реконструкции. Без увязки с исторической географией невозможно изучение военной истории калмыков, так как походы и маршруты калмыцкой конницы, участвовавшей в войнах России, приходилось восстанавливать по отрывочным документальным свидетельствам. В них, как правило, упоминается географическое название местности или населенного пункта, рядом с которым случалось то или иное событие. С введением в научный оборот новых источников и переосмыслением уже известных, в историко-географические описания постоянно вносились изменения и уточнения.

Ни один из названных методов не является универсальным и абсолютным. Их подбор и комплексное применение определялись разнообразием вопросов, относящихся к различным направлениям истории проблемы, без анализа которых не представляется возможным изучение истории калмыков. Автор использовал методы с учетом их возможностей и пределов, что помогло избежать в работе ошибок и ложных выводов.

Апробация работы. Основные положения диссертации опубликованы в 61 научной работе общим объемом 138,4 печатных листа, среди которых 4 монографии и 57 статей, из которых 21 опубликована в научных рецензируемых изданиях из перечня ВАК при Министерстве высшего

образования и науки России. Положения и выводы диссертации прошли апробацию на международных, российских и региональных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Черкесске, Элисте.

Работа выполнена в рамках гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Диссертация обсуждалась на объединенном заседании отдела истории, отдела археологии, этнологии и антропологии и лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук».

Степень достоверности результатов проведенных исследований обеспечивается за счет обращения к широкому кругу архивных документов и других источников, содержащих в себе значительный объем фактологического материала. Достоверность представленных архивных данных проверялась путем выявления его происхождения, идейной направленности, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию. Применение в диссертационной работе методов, используемых при анализе политических взаимоотношений между Российским государством и калмыками в XVII – первой четверти XVIII в., обосновывает актуальность современных межнациональных отношений, а также обеспечивает достоверность полученных результатов. Обоснованность научных выводов обеспечивается применением комплексного анализа, основанного на синтезе различных подходов и методов научного исследования; публикациями результатов исследования в различных научных изданиях, в том числе в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК и международные реферативные базы данных и системы цитирования Web of Science, Scopus.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, в каждой из которых от двух до четырех параграфов (всего четырнадцать), заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Историография вопроса

История взаимоотношений России с кочевыми народами всегда интересовала как отечественных, так и зарубежных исследователей. Однако история прихода калмыков в степи к сибирским и южным рубежам Российского государства и процесс их политической интеграции в XVII – первой четверти XVIII в. еще недостаточно исследованы, а в исторической литературе с XVIII в. по этому вопросу имеются противоречивые концепции. Поэтому только богатый фактический материал, извлеченный из архивных данных XVII–XVIII вв., позволит приблизиться к истине, даст возможность составить более достоверную историческую картину.

Изучение истории калмыцкого народа началось после появления отдельных западно-монгольских (ойратских) племен на территории России. Обращение к истории калмыцкого народа дали мощный толчок развитию такой важной области ориенталистики, как научное монголоведение. Именно теоретическое и практическое взаимодействие на стыке монголоведения и отечественной истории позволило добиться к настоящему времени значительных успехов в изучении истории взаимоотношений калмыков с Российским государством в XVII–XVIII вв.

Их приход в степи Северного Прикаспия большинство авторов рассматривали в рамках концепции «нашествия кочевников» в пределы России с целью «восстановления империи Чингис-хана». В русле этой концепции лежит исследование Н. Я. Бичурина (Иакинфа) [Бичурин, 1991], основанное на китайских источниках и опубликованных российских законодательных материалах. Это была первая публикация о калмыках, вышедшая в свет в 1728 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях», но опубликованная в виде отдельной работы в 1734 г.

Истории калмыков XVII в. в этой работе отведено очень мало места, и сведения носят общий характер. По мнению Бичурина, к западу от Урала калмыки появились только в 1636 г., а временем принятия ими русского подданства он считает 1655 г., когда была дана первая письменная шерть. Рассматривая причины прикочевки к русским границам, автор указывает на завоевательные устремления ойратов, подчеркивая, что это движение совершилось якобы с ведома и согласия остальных ойратских владетелей, с которыми волжские калмыки и в дальнейшем не прерывали связей. Всю ответственность за негативные моменты в русско-калмыцких отношениях он возлагает на калмыков, истолковывая их действия неподчинением и постоянным односторонним нарушением обязательств. Только в конце XVII в., по его мнению, «страх неминуемого и строгого наказания», а также «внимательность правительства» ослабили агрессивность калмыков [Бичурин, 1991: 81].

Ошибочность многих из этих суждений можно объяснить отсутствием серьезного архивного исследования русских документов того времени. Несмотря на очевидные недостатки, его работа представляет собой первое систематическое изложение истории ойратов и калмыков со времени падения Юаньской династии в Китае и до начала XIX в.

Самые первые попытки исследования по истории калмыков XVII в., сопровождавшиеся публикацией документов, были предприняты в трудах выдающегося археографа и историка Г. Ф. Миллера. Во время поездки по Сибири (1734–1742 гг.) Миллером было собрано большое количество документов и на их основе написана монументальная «История Сибири», увидевшая свет в 1750 г. и 1764 г. Она была переиздана в 1937 г. и 1941 г., но в этой работе использовано последнее издание [Миллер, 2000 Миллер, 2005]. Для нас наибольший интерес представляет изданный впервые в 2005 г. третий том сочинения, куда вошла ранее не публиковавшаяся десятая глава под названием «Калмыцкие великие князья джунгарского поколения. Кучумовы царевичи и малые калмыцкие князья» [Миллер, 2005: 8–38]. Здесь

автор осветил отдельные эпизоды истории ойратов и русско-ойратские отношения на раннем этапе. Поскольку Миллер в своей работе использовал материал из сибирских архивов, то из его поля зрения выпала та ветвь калмыков, которая выдвинулась в степи Северного Прикаспия. Но в качестве предыстории и выяснения истинных причин миграции части ойратов из южной части Западной Сибири на запад этот материал позволяет ответить на многие вопросы.

В 1761 г. переводчиком Коллегии иностранных дел В. М. Бакуниным была подготовлена работа «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев» [Бакунин, 1995]. Рукопись долгое время оставалась неопубликованной, и только в 1939 г. она в неполном виде была напечатана в журнале «Красный архив». В работе достаточно подробно изображается история взаимоотношений России с калмыцкими владельцами в первой половине XVIII в., в то время как события XVII в. отражены весьма поверхностно. Более того, датировка некоторых событий не соответствует действительности. Например, приход дербетского улуса Солом-Церена на Волгу из Джунгарии автор почему-то относит к 1673–1674 гг. [Бакунин, 1995: 26], хотя русские документы достаточно ясно свидетельствуют, что это событие произошло намного раньше – в 40-е годы XVII в. В целом работа В. М. Бакунина содержит несколько больше информации о XVII столетии, чем работы его предшественников. Но автор часто пользовался непроверенной информацией, которую многие исследователи, взяв у него без должного ее сравнения с архивными источниками, до сих пор используют в своих трудах.

Большой вклад в монголоведение сделал известный путешественник, академик П. С. Паллас. В составе Второй академической экспедиции он объездил весь юг России, собрав богатый материал по истории, культуре и религии калмыцкого народа. Итогом проделанной работы стал выход в свет двухтомного труда на немецком языке «Собрание исторических известий о монгольских народах». В первом томе книги Паллас дает краткий экскурс в

историю калмыков и подробные родословные тайшей, составленные на основе русских и калмыцких источников [Pallas, 1776].

В XIX столетии количество исследований, посвященных истории калмыков, резко возросло, но в основном их авторы опирались на уже опубликованные материалы. В историографии этого времени существовали различные точки зрения в оценке характера политических отношений России и калмыков.

К проблеме определения характера русско-калмыцких отношений в XVII–XVIII вв. обращались многие дореволюционные авторы. Так, Ф. А. Бюлер считал, что калмыки «были скорее плохие союзники, чем беспокойные подданные» [Бюлер, 1846: 15–16]. Весьма интересную оценку дал А. Попов, который считал, что все договоры и соглашения царского правительства с тайшами имели силу только на бумаге, а на деле не исполнялись, так как калмыки «подданство свое России считали не более, как союзничеством». Исходя из такого взгляда, нарушение своих шертей тайши не считали преступлением [Попов, 1886: 19–20]. В том же духе выразился и Г. И. Перетяткович, который сравнивал подданство калмыцких тайшей с присягой ногайских мирз в XVI в., указывая, что она «имела для России более формальное значение, чем по существу дела; она, по всей вероятности, давалась ими лишь для того, чтобы получать от русского правительства разные подарки, до которых всегда охочи были начальники кочевых народов» [Цит. по: Перетяткович, 1882: 181].

Особо стоит отметить точку зрения Н. А. Фирсова, который справедливо отметил, что политика правительства по отношению к нерусскому населению, в том числе и калмыкам, характеризовалась стремлением по преимуществу мирными средствами привести их в подданство, прекратить взаимные набеги, помешать использованию их другими государствами. На первых порах правительство не требовало никаких знаков холопства, кроме шертей, не вмешивалось в их внутренние дела, предоставляло им известную свободу во внешних сношениях. «Сами

калмыки, – замечает Н. А. Фирсов, – смотрели на свои отношения с Русским государством, как на договор между равноправными сторонами или как на меру к достижению определенной цели» [Фирсов, 1866].

Одному из немногих авторов XIX в., кому все-таки удалось привлечь архивные материалы по истории калмыков в рассматриваемый период, был известный российский историк С. М. Соловьев. В своем монументальном труде «История России с древнейших времен» [Соловьев, 1991] он отмечает, что калмыки являлись последними представителями «движения среднеазиатских кочевых орд на запад, в европейские пределы». Но, по мнению автора, это движение запоздало, так как оно натолкнулось на сильную Россию, и калмыки вынуждены были волею-неволею подчиниться власти последней. При этом подчиненность их была довольно шаткой. Внешняя политика России данного периода описана историком довольно подробно, особенно русско-турецкие отношения. Он очень верно подчеркивает взаимосвязь калмыцко-крымских отношений в международной политике России и Турции.

Первую попытку периодизации калмыцкой истории предпринял М. Г. Новолетов, проработавший долгое время в Главном управлении калмыцкого народа. Относительно времени исследования пребывание калмыков в России он разделил на два периода. Первый период, который характеризовался полной свободой от царского правительства, по его мнению, продолжался до 1655 г. Второй начинается временем принятии Дайчином русского подданства. Автор считал, что приход калмыков на Волгу относится к 1630 г., и до 70-х годов XVII в. территория их кочевий не носила постоянного характера. При этом калмыки продолжали поддерживать постоянные связи с покинутой ими родиной и вынашивали планы возвращения. Расширив круг архивных источников, М. Г. Новолетов более детально рассмотрел и события XVIII в. Автор утверждал: «Аюка хан, помимо русского правительства, заключал договоры о войне и мире по своему усмотрению и мог сдержать заключенный с Крымом мир и тем

послужить во вред России, каковой замысел и был от крымцев, когда они прислали к Аюке послов, что хотят идти на русских и чтобы он не посылал своих войск» [Новолетов, 1884: 11]. В целом М. Г. Новолетов более внимательно и объективно изучил материал и пришел к выводу, что, несмотря на столкновения, трения и недоразумения между Россией и калмыками, последних нельзя считать «закоренелыми врагами русского населения» и что в основе всех действий Аюки-хана «не было интриг против России» [Цит. по: Новолетов, 1884: 13].

В 1886 г. появилась статья известного монголоведа А. М. Позднеева, которая представляет собой критический отклик на исторический очерк М. Г. Новолетова [Позднеев, 1886]. Отметим, что сам Позднеев по истории калмыков XVII в. с точки зрения пополнения новых фактических данных не сказал ничего нового. Прикочевку калмыков к границам Российского государства он объяснял не слабостью «ойратского союза», а напротив – значительным его усилением. Почувствовав свою силу в объединении, ойраты, по его мнению, стали расширять свои владения и двинулись на новые территории, а само расселение происходило с ведома и согласия «ойратского союза». Царское правительство XVII в. он обвиняет в отсутствии какой-либо определенной политики по отношению к калмыкам. Заключенным многочисленным шертям, как он считает, кочевники никогда не придавали значения, «потому что содержание этих шертей осталось им неизвестным», поскольку они «писались на плоском или татарском языках, одинаково непонятных калмыкам» [Позднеев, 1886: 167].

В дореволюционной историографии существовали два взгляда по вопросу правовой основы русско-калмыцких отношений, регулировались ли они или были вне контроля российского правительства. А. М. Позднеев и К. И. Костенков считали, что никакой определенной политики по отношению к калмыкам правительство России не выработало и не проводило, а отношения были хаотичны и нерегулируемы [Позднеев, 1886; Костенков, 1870: 33]. Другие исследователи, такие как М. Г. Новолетов и А. Попов,

полагали, что российское правительство старалось ввести отношения с калмыцкими тайшами в определенное русло, регулируемое шертями и договорными статьями. Но в силу того, что последние считали себя больше союзникам, чем подданными России, то часто действовали самостоятельно и выходили из-под контроля [Попов, 1839: 19: Новолетов, 1884: 12, 13].

Практически все авторы были единодушны в признании того факта, что российское правительство рассчитывало на охранные функции калмыков для защиты юго-восточных границ от набегов кочевых неприятелей. В оценке же этих результатов имеются существенные различия. Одна группа авторов считала, что калмыки оправдали надежду правительства и действительно защищали российские границы, особенно от набегов крымских татар [Нефедьев, 1834: 45; Новолетов, 1884: 33]. Другие авторы вообще отрицали какие-либо заслуги калмыков или же утверждали, что хотя у них и были определенные заслуги, но плохое, в конечном счете, перевешивало полезное [Позднеев, 1886: 141; Костенков, 1870: 33; Гурий, 1915: 158].

Сдержанное отношение российского правительства к беспокойным подданным имело свое оправдание, и это оправдание также старались раскрыть в своих работах упоминаемые авторы. Н. Я. Бичурин вполне верно заметил некоторые обстоятельства, которые в то время не давали правительство решительно пресечь своевольства калмыцких тайшей. Он считал, что «при тогдашних трудных для России обстоятельствах со стороны Запада, российский двор старался не столько оружием, сколько выгодными предложениями преклонить калмыков под свою власть» [Бичурин, 1992: 131]. В том же духе высказывался и Н. А. Нефедьев, считая поведение правительства «вполне сообразною с обстоятельствами того времени политикою: содержать народ сей народ в зависимости мерами кротости» [Нефедьев, 1834: 28].

Известно, что в большинстве случаев кочевые государства возникали в результате внешнего завоевания или экспансии. Исторические параллели

между монгольским нашествием в Восточную Европу в XIII в. и калмыцким продвижением в западном направлении в XVII в. проводили многие исследователи. Например, экспансионистский характер продвижения калмыков в степи Северного Прикаспия отмечало большинство дореволюционных авторов, как Н. Я. Бичурин, А. М. Позднеев, Н. И. Веселовский, Гурий и др. Движение калмыков на запад рассматривалось ими как «хорошо задуманный план для завоевания новых земель и восстановления империи Чингис-хана». Например, архимандрит Гурий этот процесс описывал следующим образом: «Историческое прошлое калмыков ясно показывает, что они шли в Россию не с целью мирной жизни возле русских границ, а с целью господства и завоевания русских городов, быть может, в надежде восстановить свое владычество там, где некогда сидели юртом потомки Чингис-хана, его внуки Батый (от сына Джучи) и др.» [Гурий, 1915: 12].

Новые данные о кочевьях и передвижениях калмыков в начале XVII в. были опубликованы в статье Н. И. Веселовского [Веселовский, 1888: 365–370]. На основе новых архивных данных автор делает вывод о том, что калмыки на Волге появились значительно раньше 1630–1632 гг., как единогласно утверждалось предшественниками. Можно согласиться с другим его выводом о том, что калмыки в тот период представляли собой значительную силу, так как сумели сохранить свою независимость в условиях враждебного окружения.

Первым фундаментальным исследованием по истории Крымского ханства были труды выдающегося русского историка-востоковеда В. Д. Смирнова [Смирнов, 2005]. Его работы посвящены в основном внутренней истории Крыма, лишь попутно касаясь внешней политики, в том числе калмыцко-крымских отношений. Более резкую оценку этим отношениям дал К. И. Костенков: «Из сохранившихся актов видно, что ханы (калмыцкие. – *В. Т.*) нередко вели переговоры с Крымом против России, принимая к себе даже оттуда послов. Правительство, зная об этом,

ограничивалось только «разведыванием» не принимая решительных мер к прекращению зла» [Костенков, 1870: 13].

Во второй половине XIX в. резко увеличивается интерес к истории внешней политики России. Наряду с указанными трудами с широтой и профессиональной осведомленностью были освещены важные страницы военной истории в монографических исследованиях крупнейших русских военных историков Н. Е. Бранденбурга, В. А. Потто [Бранденбург, 1867; Потто, 1887]. Большинство из этих работ, к сожалению, носит чисто публицистический характер.

Рассмотрение работ дореволюционных авторов показывает, что большинство из них весьма мало внимания уделяло вопросам внутриполитических взаимоотношений калмыков и связей с соседними народами и государствами. Политические события XVII–XVIII вв. нашли в них весьма краткое и поверхностное освещение.

Тем не менее российская историография XVIII – начала XX вв. достигла определенного уровня, который в немалой степени определяла источниковая база. Своеобразие ее состояло, прежде всего, в использовании практически всего объема опубликованных документов и материалов официального происхождения. Огромная масса источников, в том числе и калмыцкие, оставалась вне поля зрения исследователей. Узость источниковой базы определила, в свою очередь, и проблематику исследований. Дореволюционным авторам так и не удалось создать ни одного обобщающего труда по истории калмыков, охватывающего в комплексе все крупные политические проблемы калмыцкой истории. Также им не удалось выработать правильную оценку характера и хода русско-калмыцких отношений в XVII – первой четверти XVIII в. Вместе с тем несомненной заслугой всех дореволюционных авторов является накопление фактического материала и введение в оборот ранее неизвестных источников.

С началом советского периода и получением национальной автономии в калмыцком обществе резко возрос интерес к историческому прошлому,

особенно к периоду становления и развития государственности в XVII–XVIII вв. В 1921 г. по приглашению руководства Калмыцкой автономной области архивно-музейную секцию возглавил Н. Н. Пальмов, который в ходе систематизации и описании архивных документов XVIII в. приступил к разработке истории Калмыцкого ханства. Одна за одной вышли его работы: в 1922 г. он издал в первом номере «Ойратских известий» краткий «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» [Пальмов, 1992], а в 1926–1932 гг. – «Этюды по истории приволжских калмыков» в пяти частях, из которых нашему периоду посвящена три части [Пальмов, 1926; Пальмов, 1929].

Но ввиду того, что материалы по истории калмыков XVII и начала XVIII вв. в основном хранились в архивах Москвы и Санкт-Петербурга и были малодоступны, по интересующему нас периоду труды проф. Пальмова дали очень немного новых сведений. Особняком стоит только его статья «Абулгази в калмыцких кочевьях» [Пальмов, 2007: 397–409], изданная в наши дни и повествующая о связях калмыков с правителями и народами Средней Азии. В силу ограниченности источниковой базы при изучении истории калмыков XVII в. он в основном опирался на немногие калмыцкие летописи, такие как «История калмыцких ханов», и работы авторов XIX в. В силу этого он, как и предшествующие дореволюционные авторы, в своей работе воспроизвел ряд фактических ошибок: утверждал о смерти Хо-Урлюка под стенами Астрахани в 1645 г., завоевательных настроениях среди калмыков после съезда 1640 г. и т. д., что не подтверждается документами. Однако Н. Н. Пальмов критически отнесся к взглядам А. М. Позднеева и Н. Я. Бичурина на причины появления калмыков у сибирских границ Московского государства. Так, он высказывает мысль о том, что калмыцкая миграция из Джунгарии была вызвана такими естественными причинами, как стремление обособиться друг от друга, возросшей численностью населения и необходимостью расширить пастбища для скота [Пальмов, 1992: 31].

По поводу времени появления калмыков на берегах Волги Пальмов отметил, что «не так важно искать годы, когда калмыки увидели Волгу в первый раз – они могли увидеть ее вскоре после того, как стали производить свои налеты на ногайцев в начале XVII века – но гораздо важнее определить тот политический момент, которым воспользовались калмыки и, подойдя к Волге, почувствовали себя господами положения в такой степени, что перестали опасаться за свою дальнейшую судьбу и порешили остаться здесь» [Пальмов, 1926: 4]. Рассматривая в целом территориальный вопрос, Пальмов справедливо отмечает, «что между моментом, когда калмыки познакомились с Волгой, и временем, когда они получили фактическую возможность пользоваться кочевьями на Ногайской стороне Волги, прошло несколько десятилетий, и что наличные источники позволяют считать калмыков более или менее прочно прикрепившимися к левобережным кочевьям на Волге с 1655 г.». Также без его внимания не остался и вопрос о времени принятия калмыцкими тайшами русского подданства и анализ текстов шертей. Он приходит к весьма интересному выводу, что калмыки стали подданными русского государства с 1661 г. [Пальмов, 1929: 1, 2].

В распоряжении Пальмова, как уже отмечалось, был сравнительно небольшой круг архивных источников по XVII столетию, но его работы стали заметной вехой в изучении истории калмыцкого народа.

В 1929 – начале 1930 года по просьбе Н. Н. Пальмова к изучению истории калмыков XVII в. приступил один из серьезных знатоков архивного дела, специалист по истории Москвы, представитель «школы Ключевского» – Сергей Константинович Богоявленский. Именно его можно отнести к «пионерам» историографии калмыков XVII столетия, поскольку ему впервые удалось ввести в научный оборот огромный массив архивных материалов за указанный период. Результатом этой работы стала рукопись «Материалы по истории торгоутов», которая, к сожалению, так и не была опубликована целиком и судьба которой до сих пор неизвестна. Название этой рукописи фигурирует в списке «Работы С.К. Богоявленского» (от 6 января 1944 г.) в

разделе «Архивоведение и археография», которая хранится в Архиве РАН. В 1930 г. С. К. Богоявленский по так называемому «академическому делу» подвергся аресту и до 1933 г. находился в ссылке в Новосибирске. Однако сокращенное содержание этого исследования стало широко известно благодаря вышедшей в свет в 1939 г. статье под названием «Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века» [Богоявленский, 1939].

Именно ему на основе многочисленных архивных документов впервые удалось осветить в подробностях малоизвестный до этого времени процесс движения калмыцких улусов на запад и опровергнуть ряд ошибочных утверждений своих предшественников. Опираясь на фонды Государственного архива феодально-крепостнической эпохи (ныне – Российский государственный архив древних актов), Богоявленский в четкой хронологической последовательности изложил сведения по истории калмыков до 1645 г. включительно, а также составил ценную историческую справку о калмыцких тайшах того времени. Неслучайно работа им названа «материалами», ибо она представляет собой добросовестную сводку фактических данных. Естественно, что статья С. К. Богоявленского не ставила целью исследовательскую разработку затронутых в ней вопросов, хотя в ряде случаев автор и пытался соответствующим подбором источников выявить свое отношение к тем или иным сторонам жизни калмыков XVII в. Кроме того, С. К. Богоявленский внес существенные фактические поправки к существовавшим до него представлениям. Так, он опроверг господствовавшее долгое время в исторической литературе утверждение о гибели Хо-Урлюка под стенами Астрахани во время осады и по архивным данным выяснил, что на самом деле он погиб в Кабарде в 1644 г. [Богоявленский, 1939: 82].

Вкратце о взаимоотношениях калмыков с донскими казаками в своей работе пишет Н. Л. Янчевский [Янчевский, 1930]. Автор ошибочно полагает, что уже в 30-х годах XVII в. калмыки якобы появляются на Дону. Видимо, основанием для такого утверждения стало то, что в 1638 г. казаки хотели

заключить союз с калмыками для защиты Азова. Автор, правда, не пользовался архивными документами и свои суждения строил на основании описей ногайских, турецких и крымских дел Новочеркасского архива.

На состояние исторических исследований по истории калмыков в последующие годы бесспорно отрицательное влияние оказали начавшаяся Великая Отечественная война и депортация калмыцкого народа. Долгое время изучение истории калмыков находилось под строгим запретом, не появилось ни одной специальной работы. Лишь отдельные авторы, изучая историю других народов, попутно говорили о калмыках.

К таким работам, например, можно отнести вышедшую в 1947 г. статью Н. В. Устюгова [Устюгов, 1947], весьма подробно раскрывающую непростую историю калмыцко-башкирских взаимоотношений в 20–60-е годы XVII в. На основе новых архивных материалов автор подробно рассматривает политику царского правительства к взаимоотношениям двух народов, которые в этот период он называет «сложными и, в основном, враждебными», что было обусловлено борьбой за кочевья. Московское правительство, по мнению Н. В. Устюгова, до 1661 г. неизменно поддерживало интересы башкир и добивалось откочевки калмыков от границ Башкирии. Но политика калмыков, продолжает автор, заключалась в обратном – завладеть не только кочевьями, но и подчинить себе башкир [Устюгов, 1947: 56].

В капитальном труде А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» [Новосельский, 1948] нашли довольно полное отражение калмыцко-ногайские взаимоотношения в первой половине XVII в. Другая работа А. А. Новосельского в виде незаконченной рукописи, основанной исключительно на архивных материалах, увидела свет только в 1994 г., после смерти автора [Новосельский, 1994]. Она также имеет большое значение для исследуемой темы, так как в ней подробно изложены события, связанные с набегами

калмыцких отрядов на Крым и участием калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг.

С восстановлением калмыцкой автономии в 1957 г. и официальным празднованием 350-летия вхождения калмыцкого народа в состав России в 1959 г. интерес к истории калмыков возрос с новой силой. Особенно актуальным стало изучение истории русско-калмыцких отношений в XVII столетии. В 1960-х гг. этой тематике были посвящены сразу две диссертационные работы ученых – П. С. Преображенской и М. Л. Кичикова. Работа с архивными материалами позволила этим исследователям ввести в научный оборот ранее неизвестные факты по истории калмыков XVII в., определить предпосылки вхождения калмыков в состав Российского государства и установить время образования Калмыцкого ханства.

Первой серьезной работой по истории калмыков XVII в. в этот период можно считать статью московской исследовательницы П.С. Преображенской «Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII в.» [Преображенская, 1960]. На основе архивных материалов автор в ней достаточно подробно рассматривает историю русско-калмыцких отношений за указанные годы. В дальнейшем этот материал стал частью диссертационного исследования Преображенской, успешно защищенной ею в 1963 г. [Преображенская, 1963].

Анализируя архивные документы, П. С. Преображенская приходит к главному выводу, что присоединение калмыков к России представляло собой «сложный и длительный процесс, растянувшийся почти на полстолетия». Начальный этап присоединения она относит к 1606–1608 гг., а фактическое подданство только с 1657 г. При этом автор делает существенную оговорку, говоря, что и после окончательного вхождения калмыцкие тайши надолго сохранили полную свободу в вопросах внутренней жизни улусов, а также известную свободу внешних сношений. Вполне верно П. С. Преображенская указывает и на исторические условия, способствовавшие вхождению калмыков в состав Российского государства в конце 50-х – начале 60-х гг.

XVII в.: территориальный вопрос, безопасность кочевий, экономические связи, начало войны России с Крымом и Польшей. В целом автор положительно оценивает для калмыков присоединение к России, что отразилось на усилении Калмыцкого ханства. Доказательством этому служит факт присоединения к нему новых групп калмыцких улусов в 60–70-х гг. XVII в. [Преображенская, 1963: 14, 15].

М.Л. Кичиков, подводя итоги своего диссертационного исследования [Кичиков, 1963], приходит к выводу, что приход калмыков на Волгу не был результатом «нашествия или экспансии», а являлся результатом «объективного исторического процесса». «Вхождение» автор также называет не одномоментным событием, а результатом «сложного процесса», получившего начало в 1608–1609 гг. и завершившегося соглашениями 1655 и 1657 гг. Именно этот процесс, по мнению М. Л. Кичикова, обеспечил фактическое образование Калмыцкого ханства в составе России в 1664 г. Последующее наделение тайши Мончака (Пунцуга) атрибутами власти и полномочиями правителя, продолжает автор, преследовало цель усилить русское влияние на калмыков, укрепить политическое и юридическое положение нового правителя [Кичиков, 1963: 13, 14].

На основе архивных документов М. Л. Кичиков также впервые пришел к выводу, что тайша Дайчин был первым калмыцким ханом, хотя и не признанным в этом новом звании царским правительством. Поскольку его власть была недостаточно устойчивой, она во многом зависела от характера русско-калмыцких отношений. Возникновение полунезависимого и достаточно сильного в военном отношении Калмыцкого ханства соответствовало интересам Московского государства в XVII в. Однако русское правительство, как считал М. Л. Кичиков, желало иметь более послушного калмыцкого правителя, поэтому оно использовало политическое падение Дайчина в пользу его сына Мончака, который оказался более лояльным и преданным интересам России [Кичиков, 1963: 28]. Образование Калмыцкого ханства в составе России, по мнению автора, не было

случайным явлением. Калмыки, поселившиеся в степных пределах Приуралья и Поволжья, не представляли собой «дикую орду» и пришли в Россию с определенно сложившимися феодально-иерархическими и государственными традициями и принесли с собой солидный багаж культурного наследия своих предков [Кичиков, 1966: 137]. Основное содержание диссертации М. Л. Кичикова было изложено в его монографии [Кичиков, 1966], вышедшей в 1966 г., и последующем ее переиздании [Кичиков, 1994].

К сожалению, в дальнейшем П. С. Преображенская и М. Л. Кичиков отказались от продолжения исследования этого периода, но их материалы вошли в третью и четвертую главы первого тома «Очерков истории Калмыцкой АССР» [Очерки, 1967]. Также к написанию этого коллективного труда были привлечены и другие известные советские историки: Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева. Выход в свет «Очерков» стали большим событием в общественной жизни Калмыкии и на многие годы являлись единственной обобщающей работой по истории калмыков.

В 1964 г. вышло в свет фундаментальное исследование И. Я. Златкина, посвященное истории Джунгарского ханства и выдержавшее два издания [Златкин, 1983]. Данный труд, основанный на богатой источниковой базе, подводит итог изучению истории ойратов более чем за двухсотлетний период. В своей работе Златкин опирался преимущественно на русские архивные материалы, но он также впервые широко использовал и монголо-ойратские источники, что, несомненно, положительно сказалось в целом на его исследовании.

Труды военных историков Т. И. Беликова и К. П. Шовунова [Беликов, 1960; Шовунов, 1991] продолжают исследования по военной истории калмыков. Если первый автор осветил значение участия калмыков в войнах России с точки зрения защиты южных рубежей, то К. П. Шовунов создал объемный труд по военной истории калмыков. Он тщательно разработал положение о позиции Калмыцкого ханства как верного союзника России в

борьбе против Османской империи и ее вассала – Крымского ханства в XVII в.

Особо стоит отметить работы советских историков, где затрагивается участие калмыков в подавлении антиправительственных выступлений на юге страны [Рябов, 1984; Пронштейн, 1961; Голикова, 1975]. Несмотря на всестороннее исследование в отечественной историографии этой тематики, роль калмыков в этих событиях полностью не была изучена.

В 70-е – 80-е гг. XX в. вышел целый ряд работ М. М. Батмаева по политической истории Калмыцкого ханства, которые открыли новую страницу в исследовании этой темы [Батмаев, 1976; Батмаев, 1976: 140–157; Батмаев, 1977: 34-53; Батмаев, 1985: 32–39; Батмаев, 1988: 41–59; Батмаев, 1988: 41–59].

С начала 90-х гг. XX в. калмыцкая историография переживает резкий подъем в связи с ростом огромного интереса широкой общественности к истории Калмыкии. В свет выходят новые работы калмыцких историков, а также переизданные труды авторов XVIII – начала XX вв.

Крупными исследованиями на рубеже XX–XXI вв. по социально-политической истории калмыков стали работы М. М. Батмаева, результатом которых стали вышедшие монографии [Батмаев, 1993; Батмаев, 2002]. Большой интерес для нас представляет его аналитический обзор периода формирования калмыцкой государственности. По мнению М. М. Батмаева, Калмыцкое ханство складывалось не как самостоятельное образование, а в составе Российского государства, которое выступало своего рода «повивальной бабкой при рождении не слишком желанного ребенка». В дальнейшем, продолжает автор, оно «пристально следило за каждым шагом своего подопечного, направляя его в нужную сторону: переводя на язык политики – Калмыцкое ханство было вассальным по отношению к России» [Батмаев, 1993: 90]. Несмотря на сложную историческую обстановку, в которой происходило становление ханства, М. М. Батмаев верно указывает на благоприятные факторы, способствовавшие завершению «строительства

здания калмыцкой государственности»: планы правительства по привлечению военных сил калмыков, положительное решение территориальной проблемы и стабилизация населения улусов. Консолидации калмыков также способствовали вытеснение или подчинение ногайцев, организация безопасности улусов, единый подход тайшей в переговорах с царским правительством, чтобы успешнее добиваться выгодных условий [Батмаев, 1993: 91].

М. М. Батмаев также выделил в несколько этапов складывание Калмыцкого ханства: создание предпосылок образования ханства в период перекочевки калмыков в Россию, поселение на Нижней Волге и принятие подданства; складывание общекалмыцкой государственности и оформление ханства в период правления Мончака и Дайчина в 50–60-е гг. XVII в.; окончательное становление государственности в период правления Аюки-хана [Батмаев, 1993: 93].

Существенный вклад в изучении проблемы религиозной политики Российского государства в отношении калмыков внесли работы Э. П. Бакаевой и Г. Ш. Дорджиевой [Бакаева, 1994; Bakaeva, 2014; Дорджиева, 1995]. На основе характеристики исторических деятелей и героев в работах А. Г. Митирова рассматривается политическая история Калмыцкого и Джунгарского ханств [Митиров, 1998; Митиров, 2002].

Вопросам политических взаимоотношений калмыков с Россией, в т. ч. и в XVII столетии, а также становлению национально-государственного статуса Калмыцкого ханства, посвящены работы К. Н. Максимова [Максимов, 2002; Максимов, 2008: 71–90; Максимов, 2013: 5–10]. По мнению автора, Россия до середины XVII в. стремилась строить взаимоотношения с калмыками на добровольных договорных началах, основанных на «вассально-сеньориальных отношениях». В то же время калмыки желали установить «иммунитетные политические отношения», не исключая принципы «сюзеренитета–вассалитета», где обе стороны должны были выступать «носителями суверенитета». Со второй половины XVII в.

калмыки, «юридически оформив и закрепив государственное подданство», добровольно вошли в состав Российского государства, признавшего Калмыцкое ханство «этнополитическим образованием» [Максимов, 2002: 509].

Две главы изучаемому периоду посвятил в своей монографии В. И. Колесник [Колесник, 2003]. Основываясь в основном на опубликованных материалах, он рассматривает не только русско-калмыцкие связи, но и некоторые моменты внутриполитических отношений калмыцкого общества XVII в. Внимание автора уделено калмыцко-донским контактам и отношению калмыков к разинскому восстанию. Оценивая непростой характер русско-калмыцких отношений, В. И. Колесник делает существенное объяснение, что «царское правительство не располагало в регионе достаточным военным и административным потенциалом для того, чтобы надежно оборонять его от внешних врагов и контролировать здесь своих собственных подданных». В то же время Мончак также контролировал ситуацию не во всех калмыцких улусах [Колесник, 2003: 94].

Проблемы политических взаимоотношений Калмыцкого ханства в составе России рассмотрел в своих работах А. В. Цюрюмов [Цюрюмов, 1998: 23–38; Цюрюмов, 2002: 196–199; Цюрюмов, 2006: 164–170; Цюрюмов, 2003: 163–172; Цюрюмов, 2007: 118–125; Цюрюмов, 2005: 248–255; Цюрюмов, Батыров, 2006; Цюрюмов, 2007]. Появление калмыков в Поволжье, как отмечает автор, упрочило экономические и политические позиции России в регионе, так как они превратили южные границы государства в «надежный кордон на пути турецко-крымских войск в центральную часть страны». Приобретение столь важного звена в системе внешней политики России упрочило ее позиции и на международной арене [Цюрюмов, 2007: 366, 367].

В рамках празднования 400-летия вхождения калмыцкого народа в 2009 г. в свет вышел первый том 3-томной «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История Калмыкии, 2009]. Третий раздел «Истории» авторами В. П. Санчировым и М. М. Батмаевым

полностью посвящен рассматриваемому периоду. В своей части раздела В. П. Санчиров впервые ввел в научный оборот ранее неизвестные для российской историографии выдержки в русском переводе из материалов ойратских письменных памятников XVIII–XIX вв.

Отдельно стоит отметить и дискуссионный вопрос о времени образования Калмыцкого ханства, поскольку в историографии существует несколько точек зрения. Так, некоторые исследователи относят это событие к периоду правления Дайчина и Мончака [Позднеев, 1886: 16; Пальмов, 1992: 42; Максимов, 2003: 74-75; Цюрюмов, 2007: 75]. Другие полагают, что существование ханства нужно отсчитывать с момента признания Россией ханского титула Аюки [Костенков, 1870: 6; Преображенская, Кичиков, 1968: 167–168]. Особое мнение было высказано М. М. Батмаевым, считающий, что начало образования государственности и утверждения ханской власти относится к периоду правления Дайчина и Мончака, а окончательное становление ханства произошло к концу XVII в. и было связано с деятельностью Аюки [Батмаев, 1993: 101–104].

Роль буддийской церкви в развитии русско-калмыцких отношениях очень подробно рассматривается в работах астраханского исследователя А. А. Курапова [Курапов, 2007; Курапов, 2010; Курапов, 2018; Курапов, 2017]. Как верно отмечает автор, на протяжении всего периода существования Калмыцкого ханства верховные ламы калмыков стремились к конструктивному взаимодействию с Российским государством, защищая политические интересы светской элиты и буддийской церкви региона [Курапов, 2017: 19].

Вопросы христианизации калмыков и влияние Российского государства на этот процесс рассмотрела в своих работах К. В. Орлова [Орлова, 2006; Орлова, 2018]. Эти работы являются одними из первых монографических исследований по истории христианизации калмыков, в которых рассматриваются более чем двухвековой период процесса

христианизации, начавшийся с момента перекочевки ойратских племен на территорию Российского государства в XVII в.

Теме калмыцко-ногайских отношений XVII в. в своих работах уделили внимание В. В. Трепавлов [Трепавлов, 2002; Трепавлов, 2001], И. В. Торопицын [Торопицын, 2008] и Е. В. Кусаинова [Кусаинова, 2005]. Включив в научный оборот большой массив архивных документов «Калмыцких» и «Ногайских» дел, В. В. Трепавлов вполне верно замечает, что вытеснение ногайцев не являлось целью калмыцких владельцев, так как им нужны были «пространство для кочевания и покорные подданные». Попытки калмыков вернуть к себе ногайских беженцев русским правительством всячески пресекались. В целом, как отмечает автор, «калмыцкое нашествие имело роковые последствия для исторических судеб Большой Ногайской Орды», а ногайцы, лишившись привычной территории, рассеялись по причерноморским степям [Трепавлов, 2001: 414, 415].

В. В. Трепавлов в своих работах также уделяет внимание вопросам трактовки калмыками российского подданства, их представлениям о русском монархе, о пределах подчиненности ему, как и пребывание в составе Московского государства [Трепавлов, 2007; Трепавлов, 2008]. По мнению автора, после шертей 1655 и 1657 гг. начались постепенная интеграция калмыков в структуру Российского государства и юридическое оформление подданства. Тайши, как справедливо считает В. В. Трепавлов, рассматривали соглашения 1650-х гг. прежде всего как «мирный договор с военно-политическим партнером и союзником, пусть и «старшим» по иерархическому рангу» [Трепавлов, 2007: 158, 159].

Истории калмыцко-башкирских отношений посвящено немало работ, но среди них хотелось бы выделить третий том 7-томной «Истории башкирского народа» [История, 2011] и работы И. Г. Акманова, Б. А. Азнабаева [Акманов, 1978; Акманов, 1991; Азнабаев, 2012]. На основе документальных источников и литературы авторы освещают сложный

исторический процесс в отношениях двух народов в рассматриваемый нами период.

Теме истории вооружения кочевников и военной истории калмыков посвящены работы исследователей Л. А. Боброва, М. А. Рюмшина и Ю. С. Худякова [Бобров, 2009; Бобров, Худяков, 2008]. Особенно стоит отметить публикации об участии калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. [Бобров, 2014; Бобров, 2016; Бобров, 2014; Бобров, Рюмшин, 2015], где рассмотрены основные этапы экспансии калмыцкой конницы в северо-кавказский и причерноморский регионы в 50-е – 60-е годы XVII в. Рассмотрев детально все обстоятельства этой военной кампании, Л. А. Бобров приходит к интересному выводу, что, благодаря успешным военным действиям калмыки сумели не только нанести значительный урон Крымскому ханству, но и отвлекли на себя значительную массу крымско-татарских войск, существенно облегчив положение российской армии на Украине [Бобров, 2014: 247].

Участие калмыцкой конницы в Северной и русско-турецкой войне 1710–1713 гг. затронул в своих работах известный исследователь В. А. Артамонов [Артамонов, 1990; Артамонов, 2019]. Отмечая действенную военную помощь калмыков в войнах России, автор отмечает, что Калмыцкое ханство при хане Аюке только формально признавало протекторат царя и проводило независимую политику, поскольку Аюка балансировал между Москвой, Стамбулом и окружающими его мусульманскими народами [Артамонов, 2019: 244].

Действия калмыцкой конницы на первом этапе Северной войны (1700–1709 гг.) проанализировал в своей работе С. А. Иванюк. Опираясь на широкий круг источников, автор пришел к выводу о положительном вкладе участия калмыков в этой кампании, сыграв важную роль в развитии практики ведения «малой войны», которая оказала существенное влияние на военное искусство русской армии [Иванюк, 2019: 102, 103].

К. А. Кочегаров рассмотрел в своей работе попытки польского короля Яна Собеского установить контакты с калмыками в конце XVII в. Автор приходит к выводу, что усилия польской стороны так и не увенчались сколько-нибудь значительным успехом, поскольку это вызывало у российского правительства сильное недовольство, и оно предприняло все усилия, чтобы прекратить эти контакты [Кочегаров, 2008: 204].

Тему истории взаимоотношений калмыков с донскими казаками продолжили в своих работах А. М. Джалаева, О. Ю. Куц, Д. В. Сень [Джалаева, 2008; Куц, 2009; Сень, 2012].

Широкие связи калмыков с народами Северного Кавказа в XVII–XVIII вв. также не могло быть обойдено вниманием современных исследователей. К таким можно отнести работы А. С. Шмелева, Дж. Я. Рахаева, Ю. В. Приймака, . В. Курукина, В. Грибовского [Шмелев, 2004; Рахаев, 2012; Курукин, 2010; Приймак, 2011; Приймак, 2012; Грибовский, Сень, 2010].

Зарубежная историография также не отличается привлечением новых архивных материалов, а ее авторы ограничиваются лишь аналитикой уже известных опубликованных материалов.

Французский исследователь М. Куран, основываясь на китайских источниках, полуторавековое пребывание калмыков в инородном окружении рассматривал как вынужденное, но терпимое до тех пор, пока усилившееся Российское государство не приступило к планомерной экспансии в южном направлении. Все это, по его мнению, сопровождалось постепенным сжиманием калмыцких кочевий путем строительства кольца крепостей, укрепленных линий, через христианизацию калмыков и создания немецких колоний. Характеризуя в целом русско-калмыцкие отношения, М. Куран приходит к главному выводу: «Организуясь на европейский лад и продвигаясь к югу, Россия становилась все более чуждой своим кочевым подданным и все более подавляла их» [Courant, 1912: 131, 132, 133].

В 1966 г. впервые в американской историографии вышел «Калмыцко-ойратский сборник» под редакцией А. Э. Борманжинова и И. Крюгера.

Наибольший интерес для нас представляет вышедшая в нем статья русского историка Г. В. Вернадского [Вернадский, 1966]. На основе опубликованных материалов он дает краткий обзор русско-калмыцким отношениям с начала XVII в. и до 1655 г. Проанализировав текст шерти 1655 г., Г. В. Вернадский отметил существенную разницу в определении политического положения калмыков и ногайцев в Российском государстве. Ногайцы, замечает он, определяются в шерти как «вечные холопы», а калмыки – состоящие в «вечном послушании» у царя, что можно определить как разницу между подданством и вассалитетом [Вернадский, 1966: 33].

В зарубежных востоковедных изданиях появился целый ряд работ, в которых оспариваются многие выводы советского историка И. Я. Златкина и подвергается ревизии его изложения ойратской истории и трактовка конкретных событий. К ним можно причислить японскую исследовательницу Джунко Мияваки, которая опубликовала ряд статей по истории ойратов XVII в. [Miyawaki, 1991; Miyawaki, 1995], применив сравнительно-сопоставительный анализ всех видов источников на разных языках. Подобный источниковедческий подход позволил ей расширить фактологическую базу исследований и приблизиться к пониманию их подлинного смысла. Так, Дж. Мияваки внесла существенные коррективы в работу И. Я. Златкина и правильно интерпретировала события междоусобной войны ойратов 1625–1630 гг. [Мияваки-Окада, 2000: 70–77], которая имела судьбоносное значение для всей последующей ойратской истории и стала главной причиной появления калмыков в Северном Прикаспии.

Проблеме южных границ России и истории русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. посвящены работы американского историка М. Ходарковского [Khodarkovsky, 1992; Khodarkovsky, 2002]. Основываясь на опубликованных русских и турецких источниках, автор дает глубокий исторический анализ политическим отношениям Российского государства и кочевников. Он, в частности, отмечает, что появление калмыков на Волге и их масштабные набеги нарушили существующий баланс сил в регионе и

стали заметным толчком в обороне южных российских границ [Khodarkovsky, 1992: 236]. Также М. Ходарковский считает, что «калмыки со времен их прихода в прикаспийские степи воспринимали отношения с Россией как военно-политический альянс двух равных сил». Целью российского правительства был перевод калмыков в статус «верных российских подданных, состоящих на военной службе взамен государственных выплат». Российское правительство старалось узаконить такое подданство через традиционную церемонию клятвы верности путем поддержки одного сильного лидера. Калмыки, по мнению автора, считали российского монарха только военным лидером и защитником, не имевшим право распространять свою власть на административные и экономические дела калмыков, а также их отношения с иностранными государствами [Khodarkovsky, 1992: 236-239].

В монгольской историографии также существует научный интерес к истории ойратов XVII–XVIII вв. Особо стоит отметить работу исследовательницы О. Болормаа, которая рассмотрела наиболее важные источники по истории миграции ойратов в пределы Российского государства [Болормаа, 2008].

Вопросу о пребывании калмыцких послов в Москве во второй половине XVII в., а также сложному процессу вовлечения калмыков и других кочевых народов Северного Прикаспия в состав Российской империи и разнообразным способам их удержания посвятила свою работу казахстанская исследовательница Ж. Б. Кундакбаева [Кундакбаева, 2005; Кундакбаева, 2006]. Можно согласиться с весьма верным замечанием автора, считающей, что, с одной стороны, калмыки, прибывавшие в Москву, были оглушены торжественностью приема в Кремле; с другой стороны, они сталкивались с совершено чуждой социокультурной средой, и вне парадной стороны, на бытовом уровне, официальные власти не всегда могли оградить их от проявления неприятия русскими людьми на этнокультурном уровне [Кундакбаева, 2006: 531-532].

Подводя итог отметим, что российская историография XVIII – начала XX в. достигла определенного уровня, но в изучении истории взаимоотношений Российского государства и калмыков поднимала далеко не все проблемы. История калмыков в основном рассматривалась через призму русско-калмыцких отношений, когда выделялась роль России в политическом развитии кочевого народа с XVII в. Дореволюционные авторы весьма однобоко характеризовали эти отношения, не учитывая всю противоречивость и сложность этого процесса. Дать более объективную и сложную картину не позволял сложившийся на то время уровень научного познания, который в немалой степени определялся источниковой базой. В основном она была представлена значительным кругом опубликованных документов. Вместе с тем накопление фактического материала и введение в научный оборот новых источников создавало основу и перспективу для дальнейшего более углубленного исследования. Значительная часть русских архивных материалов и калмыцких источников все еще оставалась неизвестной и ждала своей публикации.

В советской и российской историографии достаточно полно изучены социально-экономический и политический строй Калмыцкого ханства. Во главе угла в этих работах стояло рассмотрение проблем русско-калмыцких отношений, участие калмыков в войнах и их роль во внешней политике Российского государства.

Однако, несмотря на столь длительное и в целом плодотворное изучение истории калмыков XVII и первой четверти XVIII столетий, в современной историографии нет единого мнения даже в отношении хронологии событий, к примеру датировки получения ханского звания Аюкой от Далай-ламы VI. В этой работе многие страницы истории калмыцкого народа и русско-калмыцких отношений в указанных хронологических рамках подвергаются новому прочтению и серьезному переосмыслению. Благодаря привлечению широкой источниковой базы,

рассмотрены многие темы и проблемы, которые ранее в историографии сознательно замалчивались или недостаточно освещались.

1.2. Характеристика источниковой базы

Источниковую основу исследования составляют опубликованные и неопубликованные документы центральных и местных органов власти России XVII–XVIII вв. События, излагаемые в работе, связаны с такими регионами, как Северный Кавказ, Причерноморье, Украина, Приуралье, Сибирь, Средняя Азия и Тибет, где калмыки активно контактировали с местными народами. Письменные источники последних довольно слабо представлены в данной работе, поэтому основу источниковой базы составляют официальные документы центральных и местных органов власти России XVII и начала XVIII в. Наиболее значимыми для нашего исследования являются материалы Российского государственного архива древних актов, Архива внешней политики Российской империи МИДа Российской Федерации и Национального архива Республики Калмыкия.

История калмыцкого народа XVII–XVIII вв. довольно полно отражена в документальных материалах Российского государственного архива древних актов. В фондах государственных учреждений, ведавших связями с калмыками, отложилось большое количество документов делопроизводственного характера, составляющих документальную основу в нашей работе. С прикочевкой калмыцких улусов в начале столетия к сибирским границам Московского государства связи с калмыками поддерживались через приказ Казанского дворца, Сибирский приказ или Посольский приказ. Если материалы Сибирского приказа в достаточной мере отражают начальный этап миграции калмыков и русско-калмыцких отношений, то материалы приказа Казанского дворца интересующего нас периода таких больших сведений нам не дают, так как архив этого приказа неоднократно горел.

При подготовке данной работы особое внимание уделялось комплексному изучению еще неопубликованных материалов Посольского приказа, состоящего из нескольких фондов: 111 («Донские дела»), 112 («Дела едиссанских, ембулуцких, буджацких и едичкульских татар»), 115 («Кабардинские, черкесские и другие дела» или «Кабардинские дела»), 119 («Калмыцкие дела»), 123 («Сношения России с Крымом» или «Крымские дела»), 127 («Сношения России с ногайскими татарами» или «Ногайские дела»).

Документы «Калмыцких дел», которые ведут отсчет с 1616 г., достаточно в полной мере отражают историю заселения калмыками степей Северного Прикаспия, взаимоотношения их с соседними народами и государствами и интеграции в политическое поле Московского государства. Характер русско-калмыцких отношений в полной мере раскрывают шертные записи тайшей, жалованные и дипломатические царские грамоты, дела о калмыцких и русских посольствах. Особый научный интерес вызывают «листы» (письма) тайшей центральным и региональным властям, составленных на старописьменном татарском, калмыцком и монгольском языках.

В различных российских архивах сохранились сотни писем, хранящих в себе богатейшую информацию об истории русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. Наши знания об исторических событиях той эпохи не могут быть полными и всеобъемлющими без использования сохранившихся до наших дней широкого круга источников. Задача исследователя, занимающегося изучением исторического прошлого калмыков, существенно осложняется тем обстоятельством, что в специфических условиях кочевого образа жизни и перенесенных потрясений собственные документальные материалы кочевников сохранились не полностью. Тем большее значение приобретают сохранившегося в российских архивах источники эпистолярного характера – письма калмыцких ханов и князей, дошедшие до нашего времени.

С появлением первых калмыцких посольств в Москве в начале XVII в. первый вопрос, как правило, которым их встречали в Посольском приказе, был примерно следующий: «С чем они к государю приехали, грамоты с ними к царскому величеству и сверх грамоты речью приказ есть ли». Члены посольств в свою очередь отвечали вполне стандартно: «грамотчиков у них в их земле нет и писать не умеют и с ними потому и грамоты к царскому величеству нет, а что с ними к государю словесный приказ, и они то объявят» [Котвич, 1919: 1093].

Действительно, большинство исследователей обоснованно считают, что становление старописьменной калмыцкой традиции происходило во второй половине XVII в., т. е. со времени создания буддийским просветителем Рабджамбой Зая-пандитой-хутугтой письменности «тодо бичиг» («ясное письмо») в 1648 г. Судя по архивным материалам, калмыки после появления в степях Северного Прикаспия вплоть до начала 1670-х гг. продолжали использовать традиционное монгольское письмо, но лишь со времени правления хана Аюки в Калмыцком ханстве активно начинают использовать «ясное письмо». Составленные на старописьменном калмыцком языке, эти письма, несомненно, имеют огромную познавательную и научную ценность. Их авторами в большинстве своем являются представители верхушки калмыцкого общества и духовенства. В письмах нашли отражение историческое мышление народа, более архаическое и упрощенное, его оценки отдельных событий и лиц. Здесь мы имеем дело с трансформацией реальных исторических фактов того времени и более раннего периода в устной народной традиции и их фиксацией в письменном виде.

Стоит отметить, что в архивных документах, касающихся официальной переписки между калмыцкими тайшами и русской администрацией, встречаются письма на старописьменном татарском языке (чагатайском тюрки). К наиболее ранним письменным свидетельствам можно отнести письмо тайши Даян-Эрке 1644 г., старшего сына Дайчина, и письмо тайши Сюнке, сына Хо-Урлюка, датированное 1645 г. При калмыцких тайшах, как

правило, находились абызы – владевшие письменной грамотой люди из числа их ногайских подданных.

Первоначально представители центральных и местных органов власти России выступали против присылки к ним от тайшей писем на калмыцком или монгольском языках. Только во второй половине XVII в. в царской администрации появился собственный штат специалистов (толмачей) по переводу писем и грамот с калмыцкого языка. В дальнейшем обращение к письменности и истории калмыцкого народа дали в России мощный толчок развитию такой важной области ориенталистики, как научное монголоведение.

В материалах фонда «Калмыцкие дела» сохранилось калмыцкое письмо Дайчина и Мончака, датированное 1658 г. В историографии до недавнего времени было известно только письмо тайши Дайчина 1661 г., адресованное русскому царю Алексею Михайловичу. Оно было составлено на старописьменном монгольском языке, хотя, как известно, уже к этому времени (с 1648 г.) существовала собственно ойратская письменность (тодо бичиг). Данный документ был связан с приездом в Москву калмыцкого посольства в начале августа 1661 г. Но при изучении архивных материалов о пребывании указанного калмыцкого посольства в Москве выяснились и другие подробности. Оказалось, что послы привезли русскому царю не одно, а одновременно три письма. Данный исторический факт до сегодняшнего времени оставался неизвестным. Второе письмо было уже изложено на старописьменном татарском языке и адресовано царю Алексею Михайловичу одновременно от лица Дайчина, Мончака (Пунцуга) и Манжи-Джалбо (сына Даян-Эрке). Третье письмо было уже от дербетского тайши Солом-Церена (сына Далай-Батура) и изложено на старописьменном ойратском языке *тодо бичиг*. Это на сегодня является наиболее ранним письмом, составленным на старописьменном калмыцком языке и известным науке.

Таким образом, можно констатировать, что формирование письменной традиции у волжских калмыков началось примерно с 40-х гг. XVII в. и под

влиянием буддизма. Сохранившиеся письменные свидетельства того времени отчетливо показывают, что до создания «ясного письма» в 1648 г. волжские калмыки пользовались монгольским письмом, хотя это и не носило массовый характер. Довольно редко встречаются письма тайшей и на старотатарском, но это так и не стало традицией. Дальнейшее выявление и исследование калмыцких писем должно быть комплексным при участии историков, лингвистов, источниковедов, этнографов, фольклористов и других специалистов. Как отметил в свое время Н. Н. Пальмов, историк калмыцкого народа должен искать содействия специалистов монгольской и тюркской филологии в переводе текстов писем тайшей на русский язык, что сделает их достоянием широкого круга ученых [Пальмов, 1992: 28]. Но работа по выявлению и публикации подобных писем, к сожалению, продвигается с большим трудом, практически на энтузиазме нескольких ученых. Таким образом, если учесть, что количество неизвестных калмыцких писем в российских архивах составляет большое количество, то их выявление, исследование и сопоставление представляют вполне перспективное направление в монголоведной науке.

«Ногайские дела» подробно освещают взаимоотношения калмыков с различными ногайскими группами, кочевавшими в Нижнем Поволжье, на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье в первой половине XVII в. Особое внимание автором уделялось изучению многочисленных отписок астраханских воевод в Посольский приказ, где среди различных сведений о положении ногайцев затрагивалась и калмыцкая тематика. Комплексный подход в изучении материалов этого фонда наряду с «Калмыцкими делами» позволил значительно расширить и уточнить сведения о калмыках, касающихся не только калмыцко-ногайских отношений, но и их внутреннего положения. Наиболее ценной архивной находкой стало обнаруженное в Ногайском фонде письмо калмыцкого тайши Лузана московскому царю Михаилу Федоровичу. Датированное 1642 г., оно является самым ранним письменным свидетельством русско-калмыцких отношений.

В ходе рассмотрения материалов «Донских дел» наше внимание в первую очередь привлекла переписка Посольского приказа с атаманами Войска Донского, а также расспросы приехавших в Москву донских казаков. Именно эти сведения подробно освещают не только отношения калмыков с казачеством, но и калмыцко-крымские и калмыцко-ногайские контакты в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Именно материалы этого фонда значительно дополнили сведения «Калмыцких дел» за вторую половину XVII и первой четверти XVIII в. Особенно это касается событий, в ходе которых произошло вооруженное противостояние калмыков с донскими казаками на юге страны в 70-е – 90-е гг. XVII в. и в период разинского и булавинского восстаний. Вместе с тем эти документы отчетливо показывают и боевое сотрудничество соседних народов в годы русско-турецких войн и других военных кампаний.

Весьма скромную информацию о калмыцко-кабардинских связях дают нам документы «Кабардинских дел». Большой интерес вызывают подробные сведения о вторжении калмыков на Северный Кавказ в 1643–1644 гг., нападении их на Терский городок, большом сражении в Кабарде и гибели Хо-Урлюка.

Выборочно на предмет калмыцко-крымских отношений были просмотрены и документы «Крымских дел». В первую очередь это касается сведений о калмыках из переписки Посольского приказа с русскими посланниками в Крыму, показаний гонцов, пленников, донесений воевод и запорожских гетманов и атаманов. Наибольший всплеск подобной информации, конечно, приходится на период русско-польской войны 1654–1667 гг.

Материалы по истории калмыков XVII в. также широко представлены в фонде 178 («Астраханская приказная изба») научного архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Кроме отписок астраханских воевод и правительственных указов, часто дублирующихся в фонде Посольского приказа, этот фонд содержит большое количество первичных материалов по

сношениям с калмыками. Это, в первую очередь, записи или «памяти» о приездах калмыцких посланцев в Астрахань, выдаче им и приславшим их тайшам жалованья. Подобного рода записи характеризуют развитие дипломатических связей воевод с калмыками.

Все эти архивные материалы можно классифицировать следующим образом: отчеты царских воевод различных городов Сибири, Приуралья, Поволжья, Северного Кавказа и Украины; грамоты Посольского Приказа и Приказа Казанского дворца; отчеты и доклады русских послов и посланцев, служилых людей, посещавших калмыцкие улусы для ведения переговоров; показания пленных, беженцев и торговых людей; записи приема калмыцких послов в различных русских городах и Москве; договоры и шертные записи, а также грамоты царей; переписка калмыцких тайшей и ногайских мирз с различными органами власти России.

Наиболее многочисленной группой документов из всех перечисленных нами фондов являются *отписки* в центральные приказы от воевод различных городов. В них воеводы достаточно подробно излагали события за определенные отрезки времени, иногда за целый год. Особой обстоятельностью и тщательностью изложения были отписки астраханских воевод, в связи с чем они и составили значительный объем материала данной работы. Отписки довольно насыщенно описывают связи местной администрации с тайшами, районы калмыцких кочевий, взаимоотношения их с соседями и т. д. В ответ на отписки воеводы получали грамоты из центральных приказов, в которых царское правительство давало подробные указания о порядке сношений с калмыками. Государевы грамоты являются прекрасными источниками для характеристики политики правительства по всем вопросам взаимоотношений с калмыками: попытки привести их в русское подданство, развитие торговых связей, решение территориального вопроса и т. д.

Дополнительные данные можно получить из *расспросных речей* выходцев из калмыцких улусов, взятых в плен калмыков и ногайцев, из

челобитных самого разнообразного содержания, записей о выдаче жалованья посланцам и самим тайшам. Эти категории документов образовывались как в центральных органах власти, т.е. приказах, так и на местах.

Особо отметим группу документов, именуемых *шертями* или *шертными записями*. Сведения о принесении калмыками шертей встречаются в документах с начала XVII в. Но шерти тайшей в сибирский период носили исключительно устный характер. В сношениях же с волжскими калмыками появляются уже шертные записи, скрепленные подписями калмыцких тайшей или их доверенных лиц. Правда, тексты шертей подготавливались заранее царскими властями по определенной кальке с дополнениями для новой политической ситуации. Шертные записи являются чрезвычайно важными источниками, отражающими юридическую сторону вопроса о российском подданстве.

В архивных фондах сохранилось большое количество документов, отражающих дипломатические связи центральных органов власти с калмыцкими тайшами. Среди них упомянем прежде всего *наказы* посланцам, отправлявшимся в калмыцкие улусы из Москвы или из сибирских и поволжских городов. В наказах обстоятельно излагалось то, что следовало сказать тайшам, предусматривались даже ответы на возможные вопросы с калмыцкой стороны. К этой же группе источников относятся записи в Посольском приказе приема калмыцких послов, выписки о предыдущих приездах послов и т. д.

Важными по содержанию являются и *статейные списки* русских послов, побывавших в калмыцких улусах. Они представляют собой своеобразные отчеты послов, весьма подробно отражающие ход переговоров с тайшами. В них можно найти много интересных сведений о жизни в калмыцких улусах, взаимоотношениях калмыков с соседями и т.д.

Следующую группу документов составляют письма тайшей на имя русских царей или адресованные воеводам пограничных городов. По данным В. Л. Котвича, наиболее раннее упоминание об отправке ойратами письма

относится к 1636 г. [Котвич, 1919: 1199–1214]. За изучаемый нами период сохранилось немалое количество документов этого вида.

Важное место среди источников занимают документы Национального архива Республики Калмыкия. В первую очередь это материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», где зафиксированы копии указов центральных органов власти, донесений и рапорты по «калмыцким делам» астраханского обер-коменданта М. И. Чирикова и губернатора А. П. Волынского, а также письма хана Аюки и других владельцев – в оригинале и переводах. Здесь сохранились и копии документов отчетного характера от должностных лиц, исполнявших в калмыцких улусах различные поручения и задания астраханской и царицынской администраций, переписка с органами управления на Дону, Яике, в соседних губерниях.

Краткий обзор всех названных выше групп источников свидетельствует о чрезвычайном их богатстве и разнообразии. Значение русских архивных документов трудно переоценить, поскольку они содержат сведения о внутреннем положении и внешней политике калмыков, данные об экономической, общественно-политической и культурной жизни калмыков в XVII–XVIII вв. Но при работе с такими материалами необходимо принимать во внимание характер тех или иных сведений, их достоверность, поскольку в них запечатлены вольные или невольные следы политической конъюнктуры. В особенности это касается официальных донесений воевод, стремившихся представить свою деятельность перед Москвой в более выгодном свете, и приводимых в этих донесениях показаний различных агентов, побывавших в калмыцких улусах, которые могли выдавать свои предположения за факты, слухи – за действительные происшествия, а иногда и намеренно вводить местные власти в заблуждение [Богоявленский, 1939: 50].

При рассмотрении сборников материалов, относящихся к истории калмыцкого народа и изданных в дореволюционное время, прежде всего бросается в глаза их бессистемность и большие хронологические разрывы

между опубликованными документами. Надо отметить, что до революции не было ни одного специального издания документов по истории калмыков. Весьма значительное их количество по отдельности было опубликовано Археографической комиссией в отдельных томах «Русской исторической библиотеки» [Русская, 1875; Русская, 1909; Русская, 1913; Русская, 1917], «Актов исторических» [Акты, 1841; Акты, 1842] и в «Дополнениях к Актам историческим» [Дополнения, 1846; Дополнения, 1848; Дополнения, 1857].

В «Актах Московского государства» [Акты, 1894; Акты, 1901] представлены документы из дел Московского стола Разрядного приказа, благодаря чему в оборот вошли документы, отражающие историю взаимоотношений калмыков с южнорусскими городами.

Основная масса материалов о калмыках встречается в сборниках документов, посвященных истории других народов России. Взаимоотношения калмыков с донскими казаками отражены в актах материалов «Донские дела», изданных в серии «Русская историческая библиотека», и «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» [Крестьянская, 1954; Крестьянская, 1957; Крестьянская, 1962; Крестьянская, 1976]. В «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России» [Акты, 1867; Акты, 1869; Акты, 1872; Акты, Т1875; Акты, 1877] мы встречаем сведения о контактах калмыков с украинским населением в период русско-польской войны. Материалы, опубликованные в таких изданиях, как «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [Кабардино-русские, 1957] и «Материалы по истории Башкирской АССР» [Материалы, 1936], проливают свет на отношения кочевников с народами Северного Кавказа и Приуралья. Специальные издания таких источников, включая переводы из сочинений восточных авторов, такие как «Материалы по истории Туркменской, Таджикской и Узбекской ССР» [Материалы, 1933] и «Материалы по истории туркмен и Туркмении» [Материалы, 1938], освещают лишь отдельные эпизоды взаимоотношений волжских калмыков с народами и государствами Средней Азии.

Важнейшие документальные материалы по истории калмыков XVII в. публикуются в сборнике «Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг.» [Посольские книги, 2003].Основным источником здесь выступает статейный список астраханского воеводы Я.Н. Одоевского, где размещен текст шерти калмыцких тайшей во главе с Аюкой 1673 г. Документы сборника помогают уяснить характер русско-калмыцких отношений в 70-е гг. XVII в., стремления сторон и методы, применяемые ими для достижения своих политических целей.

Особую группу документов составляют историко-юридические памятники. Среди них, конечно, на первом месте стоит «Полное собрание законов Российской империи» [ПСЗРИ, 1830]. Наибольший интерес для нас представляет опубликованный полный текст шерти 1655 г. В решении территориального вопроса этот документ сыграл большую роль в русско-калмыцких отношениях.

На втором месте уникальный источник – монголо-ойратские законы 1640 г. Составленные на съезде ойратских и монгольских владельцев, законы очень ярко отражают общественное устройство этих народов того времени, дают возможность охарактеризовать различные слои общества, выявить их экономическое и политическое положение. Этот законодательный источник стал известен русским властям в 20-е годы XVIII в. Законы были переведены со старописьменного калмыцкого языка на русский советником Коллегии иностранных дел В. Бакуниным. Перевод до сих пор хранится в фонде «Калмыцких дел» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2]. В XIX в. появилось два издания этих законов: изданы Ф.И. Леонтовичем в 1879–1880 гг. [Леонтович, 1879] и К. Ф. Голстунским – в 1880 г. [Голстунский, 1880]. В. Л. Котвичем дана подробная характеристика всех переводов и разных изданий монголо-ойратских законов [Котвич, 1919: 795–797].

К наиболее полным и достоверным источникам по истории ойратов XVII в. можно отнести биографию виднейшего ойратского религиозного и политического деятеля, просветителя и составителя ойратско-калмыцкого

алфавита Зая-пандиту (1599–1662), написанную его учеником Раднабхадрой. В этом произведении подробно освещены исторические даты, места и персонажи, что вкупе с русскими архивными материалами значительно помогает восстановить события того времени. С качественным переводом и историческими комментариями этого источника можно ознакомиться в нескольких изданиях [Раднабхадра, 1999; Норбо, 1999].

Существенным дополнением к данным русских архивных документов могут служить и калмыцкие историко-генеалогические сочинения XVIII–XIX вв.: «История дурбэн-ойратов» Габан Шараба, «История дурбэн-ойратов» Батур-Убаши Тюменя, «Краткая история калмыцких ханов» и «История Хо-Урлюка» анонимных авторов. Первые два сочинения сходны по структуре и содержанию, содержат родословные ойратских князей и рассказы об их поступках. В «Истории калмыцких ханов» в хронологической последовательности повествуется об основных вехах истории калмыков со времени их поселения на Волге. Выдержки из анонимной летописи «История Хо-Урлюка» в переводе В. П. Санчирова дают нам несколько ранее неизвестных фактов о событиях XVII в., правда, без указания на даты, что, конечно, значительно затрудняет трактовку указанных исторических событий.

Изучая историю калмыков, невозможно обойти вниманием и сочинения среднеазиатских авторов, которые в большинстве своем опубликованы в русском переводе [Абуль-Гази, 1905]. Значительная часть из них издана на русском языке в извлечениях, вошедших в различные тематические сборники документов и материалов [Материалы, 1938; Материалы, 1933]. Сведения о калмыках в них имеют случайный характер, но использование этих источников вкупе с русскими и калмыцкими материалами расширяет наши возможности в изучении этого периода.

В условиях неравномерного освещения в документах истории исследуемого периода приходится привлекать и материалы неофициального происхождения, существующие в разнообразных жанрах (летописи, хроники,

фольклор, предания, биографии и т. п.). А поскольку данные русских, калмыцких и тюркских источников довольно часто противоречат друг другу, в данной работе составлена хронология исторических событий на основе сведений, совпадающих во всех или в большинстве источников. В рассмотрении исторических событий это, надо полагать, позволило избежать односторонности и приблизиться к большей достоверности и полноте.

Таким образом, расширение источниковой базы и ввод в научный оборот новых русских архивных материалов позволили показать более полную и последовательную картину событий политического взаимодействия Российского государства и калмыков в XVII – первой четверти XVIII в. Преобладание в этих документах сведений о русско-калмыцких отношениях стало определяющим фактором в выборе темы данной работы. Однако назвать представленный материал исчерпывающим в изучении данного вопроса нельзя, поскольку дальнейшее выявление в российских и зарубежных архивах документов и материалов, касающихся русско-калмыцких отношений, позволит дополнить или уточнить картину событий того времени.

ГЛАВА 2. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КАЛМЫКИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

2.1. Установление русско-калмыцких отношений в Западной Сибири и Северном Прикаспии в начале XVII века

В исторической литературе существуют различные точки зрения на причины откочевки из Центральной Азии ойратов в конце XVI – начале XVII вв. Не углубляясь в специальное рассмотрение этого вопроса, ограничимся только некоторыми замечаниями.

На территории современной Западной Монголии и Джунгарии (северной части нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая) в XV–XVI вв. существовал так называемый военно-политический союз ойратских племен, именовавшийся «дурбэн ойрат». В него входили наиболее крупные субэтносы: торгуты, хошуты, дербеты, хойты и цоросы (чоросы). К началу XVII в. этот союз трансформировался в отдельные группировки, каждая из которых в зависимости от конкретной политической ситуации пыталась действовать совместно с другими или автономно. Но угроза потери самостоятельности в борьбе с внешними силами побуждала ойратских правителей координировать свои действия перед лицом общей опасности. В этих условиях возрастали роли такого политического института, как съезды князей («чулганы» или «хуралы»), и лиц, возглавлявших работу этого совещательного органа [История, 2009: 250–251].

Опираясь на различные источники, можно сделать вывод, что у миграции ойратов на запад было четыре главных причин:

Экологическая. Природно-климатические явления играли в жизни кочевых народов Востока огромную роль. Ухудшение климатических условий, например, аридизация (иссушение) или значительное похолодание, вызывающее сокращение кормовой базы скота, вели к угрозе голода и

вынуждали кочевников мигрировать в более благоприятные районы на границе с оседлым миром, где происходили вооруженные столкновения. Если в такой исторический момент в степи оказывался сильный и удачливый лидер, способный сплотить кочевников и направить их на путь завоевания, начиналась глубокая военная экспансия [Дробышев, 2014: 63, 64]. Русские и ойратские источники неоднократно свидетельствуют о периодах резкого похолодания в Центральной Азии в начале XVII в., что, скорее всего, и приводило к массовому падежу скота и лошадей, а также поиску кочевниками новых пастбищных земель с более умеренными климатическими условиями.

Внешнеполитическая. В рассматриваемый период причиной откочевки была и внешняя угроза. Ойраты были вытеснены из восточных районов Алтая современной Западной Монголии в результате военных поражений, нанесенных им войсками Алтын-хана во второй половине XVI – начале XVII в. Хотогойтское княжество Алтын-ханов занимало территорию в северо-западной части современной Монголии между озерами Убсу-Нур и Хубсугул. На рубеже XVI–XVII вв. первым Алтын-ханом и основателем этого кочевого государства был Шолой Убаши-хунтайджи, который одновременно претендовал и на роль всеойратского хана [История, 2009: 252–253]. Растянувшаяся почти на столетие вооруженная борьба Алтын-ханов против ойратов вышла за рамки пограничных инцидентов и превратилась в большую войну, в которую постепенно были втянуты все ойратские владения [Златкин, 1964: 70].

Экономическая. Открытое вооруженное противостояние с монгольскими и казахскими феодалами лишало ойратов свободных выходов к китайским и среднеазиатским рынкам. Торговля играло большую роль в хозяйственной жизни кочевников, особенно в период роста поголовья скота. Поэтому в дальнейшем, когда ойраты вступили в непосредственные сношения с царскими властями, они добивались права продавать скот, лошадей и скотоводческое сырье на русских рынках [Златкин, 1964: 66].

Внутриполитическая. По мнению И.Я. Златкина, тайша Хара-Хула пытался объединить ойратов под главенством именно цоросского дома, как это было в XV в. – во времена гегемонии их правителей Тогона и Эсена. Но другие тайши, не желая подчиняться власти цоросов, со своими улусами откочевали в районы Юго-Западной Сибири [Златкин, 1983: 139]. Главным оппонентом Хара-Хулы внутри цоросского дома были дербетские тайши во главе с Далай-Батуром. Именно они стали главными инициаторами откочевки в пределы Юго-Западной Сибири, чтобы там совместно с торгутскими тайшами основать собственный центр кочевий, как политический противовес джунгарским тайшам. Позже к ним присоединились и хошутские тайши, что значительно укрепило позиции Далай-Батура. Только во второй половине XVII в. в результате политических интриг и военных действий джунгарам удалось окончательно подчинить своей власти большую часть ойратов в границах созданного ими Джунгарского ханства.

На рубеже столетий ойратские кочевья простирались: на востоке – до окрестностей озера Баркуль, на западе включали территорию Семиречья, гранича с казахскими владениями, на юге хошутские кочевья граничили с Восточным Туркестаном, а на севере, в районе Черного Иртыша и озера Зайсан, располагались кочевья дербетов. Рядом с ними, у южных и западных отрогов Тарбагатая, кочевали торгуты [История, 2009: 252]. Существует мнение, что Алтын-хан стремился оттеснить ойратские кочевья как можно дальше на запад, за линию Алтайских гор [Бембеев, 2007: 195]. Но главной целью Алтын-хана все-таки было подчинение всех ойратских племен и включение их в состав своего княжества.

Еще до времени своего появления у сибирских границ Московского государства на рубеже XVI–XVII вв. ойраты в русских документах именуются «калмыками». В 50-х гг. XVI в. об этом свидетельствует Р. Джонсон, спутник английского посла Дженкинсона, узнавший от русских купцов о неких «желтых» и «черных» калмыках [Кашин, 1934: 21]. Еще

В. Котвич обратил внимание на то, что в русских документах 1574, 1583 и последующих годов встречаются упоминания о калмыках [Котвич, 1919: 1082–1083]. К этому можно добавить и то, что в посольских делах России с европейскими государствами за 80–90-е гг. XVI в. также имеются прямые указания на калмыков, «колмацкую орду», «пегих калмыков». Впоследствии в русских документах появляется термин «чакарские калмыки» как название группировки ойратов, кочевавших в степях Западной Сибири.

Калмыцкие улусы, откочевавшие из Западной Монголии, расположились в верховьях рек Иртыша, Ишима, по Камышлову, Оми и у Соленых озер. Это были малонаселенные и почти никем не обороняемые степные пространства Юго-Западной Сибири. Калмыки стали ближайшими соседями Тарского, Тобольского и Томского уездов Московского государства. На реке Оби они объявились еще в 1598 г. [Златкин, 1983: 123].

В наказе тобольскому воеводе от 11 февраля 1601 г. московское правительство предписывало внимательно наблюдать за передвижениями калмыков. Но первый официальный контакт в русских документах зафиксирован только в сентябре 1606 г., когда в Таре появляется посланец торгутского тайши Хо-Урлюка – Катачей Бурундуев. Тайша просил разрешения кочевать по Камышлову, Ишиму и приезжать для торговли в Тару. Однако первые переговоры не увенчались успехом, поскольку калмыцкие набеги причиняли серьезный ущерб ясачному населению приграничных районов. Попытки воеводы С.И. Гагарина продолжить переговорный процесс закончились исчезновением его посланников во владении Хо-Урлюка [Материалы, 1959: 28–29].

По мнению К.Н. Максимова, Московское государство в отношении местных народов использовало гибкую мирную дипломатию, предлагая взаимовыгодные условия, свое покровительство, а калмыцкие тайши не отрицали установления верховного права российского царя по отношению к ним [Максимов, 2002: 13]. 30 марта 1607 г. из Приказа Казанского дворца, который в это время заведовал и «Сибирскими делами», была послана, от

имени Василия Ивановича Шуйского, грамота Гагарину, в которой предписывалось ему отправить к калмыкам посольство. Велено было говорить, «чтоб колмацкие князи и мурзы и всякие улусные люди были под нашею царскою рукою и шерть и утверждение и заклады дали, что им бытии вперед под нашею царскою высокою рукою неотступным, и нам ясак с себя платить по вся годы безпереводно… нашим ясачным людем тесноты не чинили и не побивали, а мы их (калмыков. – *В.Т.*) также велим беречи и от недругов оберегати» [Материалы, 1959: 21].

Вызывает сомнение в готовности тайшей выплачивать ясак. Как справедливо отмечает Г.В. Вернадский, из вышеизложенной грамоты видно, что «в Москве не разобрались в сущности калмыцкого вопроса и недооценили силу калмыков, так как указали тарскому воеводе, чтоб он не только принял калмыков под царскую руку, но потребовал, чтобы калмыки платили русскому царю ясак, т. е. потребовали не вассалитета, а подданства с платежом ясака (дани), от которого даже высшие слои сибирских татар были освобождены» [Вернадский, 1966: 27].

Но в 16 июня 1607 г. в Тару прибыл дербетский тайша Кугонай Тубеев. От себя и от имени других четырех старших тайшей – Изенея, Далай-Батура, Ужена и Юрикты Конаевых – Кугонай шертовал в том, что калмыцкие тайши принимают русское подданство, в знак чего готовы платить ясак скотом. В указанной ойратской группировке насчитывалось 45 владельцев под предводительством 5 старших тайшей. Общая численность их улусных людей составляла примерно 120 тыс. человек. У русских властей тайши просили разрешения кочевать вверх по Иртышу и у Соленых озер. Но Кугонай не шертовал за торгутских Хо-Урлюка и Кирсана, которые три года назад отошли от них и расположились с улусами вверх по Иртышу [Материалы, 1959: 22].

Из воеводского донесения видно, что данная ойратская группировка кочевала отдельно от основной массы ойратов и на тот момент действовала самостоятельно в отношении царского правительства. По мнению

С.К. Богоявленского, торгуты в это время также не представляли собой единого общества, будучи разделенными на две группы [Богоявленский, 1939: 53]. Основываясь на данных родословных торгутских князей, можно с уверенностью говорить, что под *Изенеем* здесь подразумевается ни кто иной, как Езене-тайджи, двоюродный дядя Хо-Урлюка. Езене-тайджи стоял во главе той группы торгутов, от которой действовал обособленно Хо-Урлюк.

Из донесения видно, что калмыки готовы были доставлять русским коней и верблюдов, хотя воевода не упомянул слово «ясак». Но в грамоте Приказа Казанского дворца воеводам снова был употреблен этот термин. Отсюда, как делает вывод Г.В. Вернадский, в дальнейшем происходили недоразумения, но ясак калмыки, конечно, так и не согласились платить, при этом лошадей охотно продавали русским [Вернадский, 1966: 28]. Не только калмыки, но и русские были крайне заинтересованы в торговле, поскольку нуждались в средствах для освоения Сибири [Любимов, 2008: 46–47].

Вести о переговорах сибирских воевод с калмыками получили поддержку в Москве. Тарскому воеводе предписывалось командировать к тайшам послов с объявлением, что Московское государство берет их под свое покровительство, обещает защиту от воинственных соседей и разрешает кочевать вверх по Иртышу. Царская грамота воеводе также содержала очень важный пункт – о разрешении калмыкам свободно приезжать в Тару для ведения торговли. На первых порах Москва решила сосредоточить в своих руках дела по осуществлению связей с калмыками, не передоверяя их сибирским воеводам. Для окончательного оформления присяги на подданство настоятельно рекомендовалось приглашать тайшей непосредственно в столицу. Правительство не удовлетворилось несколько пассивными действиями тарского воеводы к призванию «под государеву высокую руку» Хо-Урлюка и Кирсана и поставило перед ним конкретную задачу – проявить инициативу и направить послов к указанным тайшам и добиться принятия ими русского подданства [Материалы, 1959: 23].

Очевидно, что действия тайшей из данной группировки были не совсем

скоординированными. В мае 1607 г. тайши Изеней, Абакай и Узеней прислали в Томск своих послов с просьбой о принятии в подданство и разрешении торговли. Из Москвы поступили указания во многом сходные с теми, которые были получены в Таре. Ответное посольство из Томска в составе конных казаков во главе с Б. Константиновым, отправленное в октябре 1608 г., не достигло калмыцких улусов, получив по дороге известие об уходе тайшей на войну с Алтын-ханом и казахами [Материалы, 1959: 32-33]. Тем временем калмыцкие улусы постепенно продвигались в западном направлении вдоль сибирских границ Московского государства.

В сентябре 1607 г. калмыцкие тайши Далай-Батур, Кугонай Тубеев, Юрикты Конаев и Шевгей Урлюков прислали в Тару посланцев Баучина, Девлета Тахабакшеева, Арлая Алакова и Кесенчака Чиганова. Тайши вновь просили защитить их от Алтын-хана и казахов и разрешить кочевать им вверх по Иртышу, у Соленых озер и Камышлову. Калмыцким торговцам было разрешено беспошлинно продать лошадей в Таре, что официально и положило начало русско-калмыцкой торговле [Материалы, 1959: 24, 25].

Тарский воевода, следуя наказам правительства, отправил калмыцких послов в Москву. Это было первое калмыцкое посольство, посетившее столицу Московского государства. 14 февраля 1608 г. послы присутствовали на приеме у царя Василия Ивановича Шуйского. В Москве были поражены простотой одежды калмыцких послов, для чего им были выданы в качестве жалованья нарядные одежды из Посольского приказа [Материалы, 1959: 75]. Отсюда Г.В. Вернадский делает предположение, что калмыцкие тайши не возлагали больших надежд на это посольство и не придавали ему особого значения, а потому отправили в Москву не знатных, а «худых» людей [Вернадский, 1966: 28].

От имени тайшей они просили о принятии их в подданство и защите от неприятелей, которое могло обеспечить строительство русской крепости на реке Омь. Послы подняли также вопросы о дозволении калмыкам кочевать по Иртышу, Оми и Камышлову и возвращении пленных. Московское

правительство пообещало выполнить все пожелания тайшей [Материалы, 1959: 24–27, 37, 74]. Изенею и Далай-Батуру было разрешено с улусами кочевать в сибирских пределах по Иртышу, Оми и Камышлову и обещано обеспечение защиты от ногаев, казахов и монголов. При этом центральная власть подчеркивала обязательность приезда старших тайшей в Москву для переговоров. В качестве непременного условия выдвигалось требование о выдаче калмыцких *аманатов* (заложников) – привычный для царского правительства способ держать в повиновении подданных, особенно на национальных окраинах. По мнению М. Ходарковского, если власти рассматривали подобную процедуру как знак безусловного и исключительного подчинения, то «иноверцы» – как неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве [Khodarkovsky, 2002: 59]. Институт аманатов был заимствован русскими из ордынской политической практики [Трепавлов, 2007: 140].

Узнав об активных переговорах других тайшей с русскими властями, Хо-Урлюк также включился в этот процесс, прислав в июне 1608 г. в Тару своего представителя – Шапкулу Татугуева. Торгутский тайша также выразил желание быть «под царскою рукою» и отправить своих посланцев в Москву. Эту группу улусов численностью около 4 тыс. человек возглавляли пятеро торгутских тайшей: Хо-Урлюк, Улчечи (возможно, Илю-Цензе, дядя Хо-Урлюка. – *В.Т.*), Тогачи Тохтораев, Буяран Улчиев и Дубеней [Материалы, 1959: 36].

На начальном этапе становления русско-калмыцких отношений правительство было заинтересовано и в покупке калмыцкого скота и лошадей. Пунктами торговли с калмыками были определены: Тара, Тобольск, Тюмень, Пермь (Чердынь), Уфа, Казань и Москва. Калмыцких торговых представителей, едущих с «конскими базарами» в русские города, предписывалось пропускать без задержек и обеспечивать подводами и провожатыми [Материалы, 1959: 34-37].

Но успешно начавшиеся русско-калмыцкие переговоры вскоре зашли в тупик. Поездка в калмыцкие улусы посольства П. Голубина летом 1609 г. не имела успеха. Вдова Изенея – Абай, а также тайши Кошевчей, Хо-Урлюк и другие отказались приехать в Тару и прислать своих торговых людей. Объяснили они это сборами в поход против казахов, в тот момент охваченных междоусобной войной. Тайши также отказались платить ясак, заметив, что сами собирают ясак с «белых калмыков» и впредь никому платить его не намерены. Пределы кочевий тайши определяли самостоятельно, поскольку считали себя людьми вольными. Столь резкая перемена в их настроении объяснялась успешными действиями калмыков против войск Алтын-хана и казахов. Они почувствовали уверенность в своих силах. Возможно, до тайшей дошли слухи и о тяжелом внутреннем положении в Московском государстве. Несмотря на это, правительство предписывало воеводе И. Мосальскому придерживаться прежнего политического курса по отношению к калмыкам [Материалы, 1959: 37-40].

Воодушевленные военными победами над Алтын-ханом, калмыки усилили свои набеги на ясачных татар Тарского уезда. В 1613 г. местный воевода трижды отправлял против калмыков ратных людей. Потерпев ряд поражений в столкновениях с русскими отрядами, в ноябре Далай-Батур и Тургень отправили в Тару своих послов. Тайши обещали не нападать на русские земли и вернуть пленных, в чем послы и учинили шерть. В мае 1615 г. представители Далай-Батура, Тургеня и Хо-Урлюка в очередной раз появляются в Таре. В конце года шертовали уже тайши Тургень, Бутак и Малдышеря. Ответное посольство этих калмыцких владельцев посетило Тару, где калмыцкие послы выразили желание торговать в русских городах [Материалы, 1959: 41-43].

Некоторое затишье и мирный характер в отношениях царских властей с калмыками отмечались до 1620-х годов. В начале 1616 г. в калмыцкие улусы прибыло русское посольство Т. Петрова и И. Куницына, отправленное главой русской администрации в Сибири – тобольским воеводой И.С. Куракиным.

Калмыки проявили радушие к гостям, здесь послы провели переговоры с Далай-Батуром, его братом Исентурой и другими тайшами. Последние подтвердили свое согласие стать царскими подданными, вновь подняв вопрос о беспрепятственном пропуске своих послов и торговых людей в сибирские города. Решение по вопросу о кочевьях тайши представили на усмотрение русских властей, не выражая каких-либо претензий. В распоряжении этой группировки имелось постоянное 40-тысячное войско под командованием четырех тайшей. Первенствующим тайшой здесь выступал дербетский Далай-Батур [Материалы, 1959: 52].

Иначе в это время складывались отношения калмыков с Алтын-ханом, который объективно на тот момент был сильнее ойратов и стремился обложить их ясаком. Последние же искали поддержки у Московского государства [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 8]. По-видимому, при заключении шертей калмыцкие тайши рассчитывали на вполне конкретную военную помощь русских, а не просто на предоставление им рынков сбыта своей продукции. Но правительство, не располагая достаточными силами для ведения активных военных действий в Сибири, стремилось к мирному разрешению пограничных споров и охотно принимало калмыцких послов [Материалы, 1959: 52, 53; Очерки, 1967: 85, 87].

В Тобольске воевода И. Куракин прилагал немало усилий, чтобы склонить калмыцких правителей к осознанию необходимости отправить в Москву авторитетное калмыцкое посольство для переговоров о подданстве. Правительство Михаила Федоровича не желало довольствоваться внешнеполитическими результатами, достигнутыми при правлении Василия Шуйского. Новая династия Романовых всячески стремилась утвердить свое положение и добивалась пересмотра заключенных ранее договоренностей. В ходе переговоров русского посланника Савельева с Далай-Батуром в августе 1617 г. было достигнуто соглашение о поездке его представителей в Москву. В ноябре 1617 г. дербетские послы Буга и Коомдан прибыли в Тобольск, откуда и были отправлены в Москву. 20 марта 1618 г. их принял дьяк

Посольского приказа С. Романчуков. От имени Далай-Батура и его сына послы выразили готовность быть под «царскою рукою» и просили защиты от врагов. Большое впечатление на них оказало сообщение Романчукова о приезде в Москву и послов Алтын-хана с челобитьем о подданстве. После аудиенции в Посольском приказе калмыцкие послы были приняты царем. 14 апреля 1618 г. на имя Далай-Батура была пожалована грамота, извещавшая о согласии царя принять тайшей в русское подданство. Сибирским воеводам строго предписывалось не причинять вреда калмыкам, а последние получили право торговать в сибирских городах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 8–10; Материалы, 1959: 53, 70–79].

Очевидно, что Далай-Батур действовал вполне самостоятельно, и его авторитет в ойратской среде позволял ему единолично вести переговоры с Москвой, в том числе и по вопросу о принятии подданства. Однако в его группировку входили далеко не все ойратские тайши. Например, Хара-Хула, Тургень, Бутак, Табутай и Малдышеря действовали самостоятельно. Все они, кроме Хара-Хулы, автономно сносились с Тарой, шертовали и просили разрешения посылать своих торговых людей [Русская, 1875: 338–339]. Но была еще и третья группа, состоявшая из мелких молодых владельцев и кочевавшая отдельно, о которых Далай-Батур в разговоре с посланником И. Савельевым сообщал следующее: «а царевич и с ними мелкие тайши от них кочюют далече, а бегают от них от ясака тому третей год, а государевы волости воюют воровством без их ведома» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 15]. Именно они вместе с сибирским царевичем Ишимом, сыном Кучума, в 1616 г. и последующие годы совершали нападения на уфимские волости, что в целом противоречило политике Далай-Батура и других старших тайшей, всячески стремившихся стабилизировать отношения с русскими властями [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 13]. Например, в начале 1616 г. тайша Тургень в разговоре с посланцем В. Калашниковым предупреждал русскую сторону о готовящемся набеге летом этого года кучумовича Ишима с калмыками под сибирские города и уфимские волости

[РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 25]. Вместе с тем Далай-Батур заверил русскую сторону, «что они царевича за то ограбят», но при этом отказался выдать его царским властям: «и того у них в мысли нет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1618 г. Д. 1. Л. 15].

Как видим, у ойратов в это время не было единой жесткой организации в обычном понимании, поскольку каждый улус был независим в принятии решении, но при этом только по вопросам не касавшимся всех или нескольких улусов. Лишь общая проблема или угроза объединяли эти автономные образования и способствовали временной консолидации [Любимов, 2008: 48].

О начале образования отдельной группировки ойратских улусов свидетельствуют и показания русских посланцев – Т. Петрова и И. Куницына, побывавших в улусах в 1616 г. Обращает на себя внимание тот факт, что Далай-Батура калмыки называли «всею Колмацкою землею царем, а сам он себя царем не пишет... а думчие ближние тайши – Чюгур да Урлук-тайша» [Материалы, 1959: 52]. Общее признание формальной власти дербетского тайши со стороны его соратников – торгутского Хо-Урлюка и хошутского Чокура – можно рассматривать как признание Далай-Батура «первым среди равных». Такой роли, как известно, ранее удостаивался хошутский тайша Байбагас. Обычно такие союзы скреплялись династическими браками между старшими правителями улусов. Так, например, сестра Хо-Урлюка была выдана замуж за Далай-Батура, дочь хошутского Чокура – за Шукур-Дайчина, старшего сына Хо-Урлюка [История, 2009: 272].

Со временем центральная власть расширила компетенцию тобольского воеводы. Фактически Тобольск становился центром, осуществлявшим связи с калмыками. Например, в 1616 г. без санкции тобольского воеводы И. Куракина тюменский воевода уже не мог отправить вооруженные отряды против калмыков. Такая позиция правительства, возможно, отчасти объяснялась большим влиянием Куракина в придворной среде, где его

ценили как умного и дальновидного администратора. В 1619 г. царская грамота рекомендовала тобольским воеводам не пропускать калмыцких послов в Москву, а все возникавшие вопросы решать на месте [Материалы, 1959: 43–44, 77–78].

Таким образом, первые сношения с калмыками ознаменовались заключением тайшами шерти (договоров) с Московским государством, посещением калмыцкими послами Москвы и отправлением ответных посольств от правительства в калмыцкие улусы. По мнению К.Н. Максимова, подписанные в августе 1609 г. Василием Шуйским две грамоты положили «начала официальному вхождению калмыцкого народа в состав России» [Максимов, 2013: 8]. Но, как показывают дальнейшие события, период в 1607–1609 гг. можно рассматривать все-таки как начало установлению русско-калмыцких отношений. Заинтересованность в обеспечении кочевьями, развитии экономических связей с Московским государством и укреплении обороны от соседей заставляли калмыков искать поддержки у русских властей. Калмыцкие тайши обращались к правительству с просьбой о защите тогда, когда до предела осложнялись их отношения со степными соседями. Однако, как уже отмечалось, царское правительство не располагало в Сибири достаточными ресурсами для оказания вооруженного отпора, поэтому всячески стремилось к мирному разрешению пограничных конфликтов и охотно принимало миролюбивые инициативы калмыков. Но прежде чем говорить о дальнейшем развитии русско-калмыцких связей, необходимо рассмотреть взаимоотношения калмыков с другими государствами и народами.

Столкнувшись с укрепленными пунктами сибирских городов Московского государства, миграция калмыков, начиная со второго десятилетия XVII в., получила уже западное направление. Обойдя с севера казахские кочевья, калмыцкие улусы проследовали по маршруту вдоль рек Иртыш, Ишим и Тобол, достигли степной части Тургайской ложбины, откуда двинулись на юго-запад, добравшись почти до Приаральских Каракумов.

После этого движение их снова получило западное направление, теперь уже вдоль рек Эмба, Яик и Волга. В ходе продвижения калмыки сталкивались с новыми для себя соседями – ногаями и башкирами. По мнению В.В. Трепавлова, первоначально этот процесс носил «пульсирующий» характер миграций, доказательством чему служат свидетельства об эпизодическом появлении калмыков в степях Северного Прикаспия еще во второй половине XVI в., когда в 1556 и 1560 гг. восточное крыло ногаев совместно с астраханскими стрельцами успешно отбило нападение калмыков [Трепавлов, 2001: 371–372]. Если учесть, что ойраты в то время проживали далеко на востоке – в Западной Монголии и Джунгарии, трудно предположить, кто были эти люди. Можно допустить, что это была группа калмыков, подчинявшаяся казахскому хану.

В начале XVII в. восточные границы Большой Ногайской Орды начинались в районе Эмбы. Именно здесь весной 1607 г. ногайцы князя Иштерека неожиданно обнаружили калмыков [Трепавлов, 2001: 412]. Среди ногайских мирз пронесся тревожный слух о поездке калмыцких послов в Москву и получении ими разрешения подчинить ногайцев власти тайшей [Богоявленский, 1939: 56]. Во втором десятилетии XVII в. огромное пространство между Самарской Лукой и Аралом почти ежегодно становилось ареной постоянных стычек калмыков с ногайцами [Златкин, 1983: 83].

Об опасности появления калмыков в районе Яика был предупрежден и московский царь Михаил Федорович, планировавший в 1613 г. отправить своих послов к персидскому шаху Аббасу. В силу невозможности проезда в Персию морем через Астрахань, занятую в то время мятежным атаманом И. Заруцким, посольство вынуждено было ехать окружным путем по Ногайской степи к Яику, а оттуда через Ургенч. По сообщению среднеазиатских купцов, обстановка в Ногайской степи была неспокойной: «А как де только, государь, на реках лед вскроется и снеги последние сойдут, и конский корм будет, тогды де, государь, Колмыки и Нагаи лошеди

откормят, и без людей в степи не будет, потому меж собя Колмыки и Нагаи учнут подъезды чинить (т. е. совершать друг на друга набеги. – *В.Т.*), тогда ды, государь, дорогою будет не проехать» [Цит. по: Веселовский, 1888: 366–367].

Такие опасения не были беспочвенными, так как в том же году был отмечен переход через Яик 4-тысячного отряда калмыков и внезапное его нападение на ногайский улус мирзы Кель-Мухаммеда [Богоявленский, 1939: 57]. В ноябре в Уфе стало известно от башкир, что объединенный отряд, состоящий из ногайцев, астраханских стрельцов, крымцев, казыевцев и черкесов, под началом Иштерека и Кель-Мухаммеда двинулся против калмыков. Местом предполагаемого сражения была назначена «великая гора Урук» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1613 г. Д. 1. Л. 1–3]. Результат этого вооруженного столкновения стал известен из сообщения в Москве ногайского посланца Кары Богатыря, согласно которому, Иштереку якобы удалось разгромить калмыков и «с юртов согнать» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1614 г. Д. 2. Л. 2].

По всей видимости, калмыкам были необходимы новые охотничьи угодья, поскольку в степях южной части Западной Сибири таковые уже были заняты ясачными народами, находившимися под защитой русских военных отрядов. Движение калмыков в яицком направлении не встретило сильного сопротивления. Первоначально это были всего лишь разведывательные отряды калмыков, искавших в том числе и пути для возможной миграции на запад в случае неудачных военных действий на восточном направлении против Алтын-хана. «История калмыцких ханов» во многом это подтверждает, повествуя, что в 1618 г. Хо-Урлюк «послал добрых людей высмотреть берега Каспийского моря» с целью возможного дальнейшего продвижения на запад [История, 2003: 113].

В 1617 г. ногайский мирза Иштерек жаловался в Москву о разорении его людей калмыками [Трепавлов, 2001: 412]. 1619 г. был отмечен новым нападением калмыков на ногайцев, кочевавших по рекам Узень и Камыш-

Самара в Волго-Яицком междуречье. Улусы двух враждующих ногайских родов – Урмаметевых и Тинмаметевых – находились в постоянных столкновениях. Напуганные усилением Урмаметевых, Тинмаметевы увели свои улусы к Яику и стали там в укрепленном месте. Но здесь они подверглись нападению калмыков, страх перед которыми был сильнее внутренней вражды и сильнее недоверия к русской власти. Это в конечном итоге привело к тому, что дети Иштерека и Дин-Мухаммеда вновь были вынуждены прикочевать к Астрахани [Кусаинова, 2005: 158].

Причиной тому послужило тяжелое положение калмыков: разгорелась очередная война с казахами и Алтын-ханом. Под давлением неприятелей калмыцкие улусы отступили к Ишиму и уфимским волостям. Вновь встал вопрос о восстановлении отношений с русскими властями. Чтобы найти выход из создавшегося положения хошутский тайша Байбагас созвал съезд старших тайшей, среди которых были Далай-Батур, Хо-Урлюк и Чокур. Как видим, в период военной опасности во главе данной группировки снова встал Байбагас, шертовавший за всех тайшей перед послом из Уфы. Собрание, состоявшееся в улусе Чокура, приняло решение «быть под царской рукой», вернуть в Уфу всех пленных башкир и в дальнейшем не нападать на их волости. Позже в Уфе калмыцкие послы «шертовали» в подданстве за всех тайшей и сибирского царевича Ишима, просили разрешения в будущем посылать в Уфу торговых людей со скотом. Посол Байбагаса отправился в Москву, где заявил, что его тайша бьет челом за всех калмыцких людей о принятии «под высокую царскую руку» [Богоявленский, 1939: 60–61].

Наступление войск Алтын-хана вынуждало тайшей не только поддерживать мирные отношения с Московским государством, но и искать жизненное пространство в западном направлении, особенно в случае возможного поражения и отступления. В мае 1622 г. ногаец Ишбердей сообщил в Астрахани, что в районе развалин городка Сарайчика на Яике объявился отряд в 800 калмыков под началом Ишима, сына Кучума, и хошутского тайши Тлеченбая – брата Байбагаса. Они разгромили

кочевавших здесь татар-тумаков. Сам Ишбердей в числе 32 человек был взят в плен, но через 3 дня ему удалось сбежать и объявится в улусе Каная. Калмыки перешли в Волго-Яицкое междуречье и кочевали в урочище Насыр Хабырге. Главной целью Тлеченбая и Ишима были алтыульские татары мирзы Султаная, но, узнав, что те приняли царское подданство и кочуют под защитой Астрахани, отменили свой набег и ушли за Яик, на урочище Кайнар Сагызу. Астраханские власти так и не решились отправить посланцев к калмыкам, тем более, что они быстро исчезли из зоны видимости [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 11–13].

Набеги калмыков вызвали такую волну паники у ногайских мирз, что для их успокоения царской администрации пришлось расставить в улусах стрелецкую охрану [Богоявленский, 1939: 61]. Подобные свои действия в степях Северного Прикаспия калмыки считали оправданными, поскольку этот регион представлялся им вполне безопасным, так как находился на весьма отдаленном расстоянии от неприятельских сил.

Отношения с соседями, как отмечалось выше, ухудшало и то обстоятельство, что ряд молодых тайшей без разрешения на то старших тайшей совершали набеги на московских подданных. Именно они своими необдуманными действиями вызывали ответную силовую реакцию царских властей. В условиях постоянного военного давления со стороны восточных и южных соседей старшие тайши пытались сохранить хрупкий мир с Москвой. Войска Алтын-хана все активнее теснили калмыков, и Далай-Батур вынужден был искать новые кочевья вблизи сибирских городов. Зимой 1622 г. он кочевал в четырех днях пути от Тюмени, а некоторые улусы уже приблизились к Уфе. Следует отметить, что калмыки проявляли сдержанность по отношению к башкирам. Один из тайшей, например, упрекал башкир за вторжение на занятые калмыками территории и сетовал, что они ничего не могут поделать, поскольку их старшие тайши решительно запрещают им трогать башкир [Богоявленский, 1939: 61–62].

Весной 1623 г. к Далай-Батуру, Хо-Урлюку, Чокуру и Байбагасу был

отправлен Василий Волков для передачи выговора тайшам о том, что они не соблюдают шерти и нападают на уфимские волости. Но в улусах оказались только младшие тайши, поскольку старшие тайши в это время воевали с Алтын-ханом. Младший брат Далай-Батура, Мангыт, шертовал за 30 дербетских тайшей и торгутского Хо-Урлюка. Как позже выяснилось, нападение на уфимские волости совершил цоросский тайша Исенгул в отместку за разгром башкирами его посольства, направлявшегося в Уфу, и убийство его брата [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 10–11, 18–21].

Военные дела на этот раз складывались для калмыков благоприятно: продвижение войск Алтын-хана вглубь кочевий по Иртышу было остановлено в результате победы в генеральном сражении 1623 г. Именно эти события описаны в «Повести о том, как дурбэн-ойраты нанесли поражение монголам», когда объединенные ойратские войска разбили халха-монголов и убили Шолой-Убаши-хунтайджи или Алтын-хана, как он называется в русских источниках, и вернули себе независимость [Miyawaki, 1991: 207; История, 2009: 283].

Согласно сведениям из русских источников, можно прийти к выводу, что появление калмыков на Эмбе было связано с поражением группировки Чокура от казахов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 2. Л. 342, 343].

О первых контактах калмыков с астраханской администрацией становится известно, когда зимой 1627/28 года в Астрахань для переговоров приехали алтыульский Алей-мирза с двумя калмыцкими посланцами. Как оказалось, инициатором их отправки была супруга тайши Батура, которая с детьми кочевала по Эмбе в 5 днях пути от устья реки. Вверх по реке от них также кочевали небольшие разрозненные группы калмыков, а в 12 днях пути от Эмбы располагался улус торгутского тайши Мерген-Темене. Всего их в общей сложности насчитывалось около 3 тыс. улусных людей, и они испытывали серьезные материальные трудности: «животиною и лошадми скудны», так как в течение 1627 г. дважды подверглись разгрому со стороны казахского хана Ишима. Супруга тайши Батура призывала алтыульских мирз

кочевать с ней совместно, чтобы сообща противостоять «недругам» или совершать на них набеги. Но мирзы предпочли все-таки кочевать отдельно от калмыков, сославшись на зимнюю непогоду [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 137, 138].

Слухи о намерении калмыков перейти в Волго-Яицкое междуречье вызвали среди ногайцев новую волну паники. В октябре в Астрахани объявился выходец из калмыцкого плена ногаец Белек, со слов которого стало известно, что калмыки и алтыулы кочуют в низовьях Эмбы и готовят очередной набег на ногайские улусы. После погрома ногайцев калмыцкие тайши планировали кочевать примерно в 70 верстах от Астрахани – в урочище Кондаки, как они сами объясняли, «потому что те кандаковские места изстари были их калмыцкие кочевные места» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 285, 286]. Алтыулы угрожали остальным ногайцам выгнать их всех на правый берег Волги, а самим с калмыками кочевать в междуречье [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 285, 286].

Астраханские власти не могли согласиться с подобными планами тайшей, но противопоставить им значительные военные силы не имели возможности, ограничившись лишь дополнительным усилением охраны ногайских улусов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 287]. Очередная вспышка междоусобицы в ногайской среде и усиливавшееся давление калмыков вынудили правящую верхушку ногайцев в 1629 г. обратиться к Москве с прошением взять на себя управление ордой [Трепавлов, 2001: 407].

Осенью 1629 г. 30 едисан-ногайцев ходили под калмыцкие улусы на Эмбу и отогнали 130 лошадей. Отряд в 50 калмыков сумел их нагнать, и в ходе боя они взяли в плен ногайца Беша Бегемышева. Через две недели ногайца отпустили в Астрахань, чтобы тот передал воеводам следующие слова: «Они, калмыцкие тайши, преж сево были в холопстве под твоею государскою высокою рукою и кочевали блиско Сибири на реке Иртышу. И тому де государь ныне другой год, учиняя они с своею братею с калмыки меж себя рознь и войну, пришли с улусы своими кочевать на реку на Емму, а

ныне кочуют блиско Яика. И их бы калмыцких тайшей со всеми их улусными людьми принять… под твою царского величества высокую руку в холопство и велети б им с улусы своими кочевать по реке Ембе и по Яику» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 289–293; Богоявленский, 1939: 65].

Астраханские власти положительно отреагировали на просьбу Чокура и его сторонников и отправили к ним того же ногайца Беша и 5 юртовских татар с уведомлением прислать в Астрахань для переговоров послов и аманатов. Калмыкам указывалось кочевать за Эмбой и не приходить войной на астраханских ногайцев. Алтыульским мирзам предлагали отойти от калмыков и вернуться под Астрахань [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 293–295].

Чокур и его сторонники всерьез опасались удара с востока, и эти опасения были не беспочвенны. Еще летом 1629 г. 300 человек из улуса Чокура совершили набег на Каратабынскую волость Уфимского уезда. В Уфе местные власти ошибочно посчитали, что набег совершили люди Далай-Батура. Воевода И. Желябовский отправил в дербетские улусы, кочевавшие в это время на Иртыше, посольство во главе с А. Гладышевым. Но в районе реки Ишим посольство было ограблено все теми же людьми Чокура [Материалы, 1959: 151]. Неизвестно, был ли в курсе событий сам Чокур, по его ли заданию были совершены эти акции, но ограбление русского посольства, направлявшегося к Далай-Батуру, считалось ничем иным, как оскорблением самого дербетского предводителя. Жесткий его ответ не заставил себя долго ждать. Выяснив на месте, что улусные люди Далай-Батура не имели никакого отношения к нападению на башкир, русские послы получили подарки и заверение в виде шерти от союзных тайшей: «быти под государевою высокою рукою» [Материалы, 1959: 149].

Осенью 1629 г. Далай-Батур и Гуши организовали карательную экспедицию против группировки Чокура и Мерген-Темене, обитавшую в степях Северного Прикаспия. Союзники заранее уведомили русскую сторону о своем намерении зимовать с войсками на реке Оил в 10 днях пути от Уфы,

заверив, что возвратят весь башкирский полон, захваченный Чокуром [Материалы, 1959: 151, 152].

Слухи о готовящемся нападении, видимо, дошли до Чокура и его сторонников, так как в начале 1630 г. их группировка, опасаясь прихода «больших калмыков», предусмотрительно перекочевала с Эмбы на Яик, где приняла участие в нападении на местных казаков. В мае 1630 г. самарский воевода Борис Салтыков сообщал в Москву, что яицкие казаки с семьями просятся на житье в Самару из-за массового наплыва калмыков на Яик. В небольших казацких городках, разбросанных по Яику, проживало в общей сложности всего лишь 300 казаков. Зимой 1629/1630 года люди Чокура атаковали казачьи городки. На приступе многие из числа нападавших калмыков были убиты и ранены. Взятые во время боя раненые калмыки сообщали, что у них война с «большими калмыками», а они пришли кочевать по Яику вплоть до Волги с прицелом захватить улусы Большой Ногайской орды. Позже все калмыцкие пленники скончались от ран.

22 апреля, во время осады калмыками Чокура казачьих городков, неожиданно с тыла им совершили нападение союзные калмыки, практически полностью разгромив их. Большинство улусных людей Чокура и его соратников были уничтожены или пленены. Уцелевшие сторонники Чокура бежали вниз по Яику к морю, где в районе Соленого городка вновь вступили в бой с местными казаками. Калмыки при штурме использовали деревянные щиты и огнестрельное оружие, но снова были разбиты. Казакам в этих условиях стало довольно трудно жить на Яике, поскольку пришедшие калмыки расположились по обоим берегам реки, заняв дороги и разбив все принадлежавшие им учуги. Часть яицких казаков, не выдержав калмыцкого вторжения, вынуждена была по воде мигрировать на Волгу и Дон [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 36–39].

Таким образом, впервые калмыцкие улусы появились в степях Северного Прикаспия с целью поселения здесь в 1628 г. Это был хошутский улус супруги и сына Чокура – Мазики и Доржи. Приход их на реку Эмба в

этом же году можно считать началом отсчета пребывания калмыков в данном регионе. Позже, потерпев поражение от казахов, сюда со своими соратниками прибудет Чокур, тем самым численно увеличив присутствие калмыков в Прикаспии. Период с 1628 по 1630 гг. можно рассматривать как начало поселения калмыков в степях Северного Прикаспия.

После разгрома группировки Чокура дербетские улусы расположились кочевьем в районе, охватывавшем территорию от верховьев Эмбы до Приаральских Каракумов. Далай-Батур по достоинству оценил новые для себя земли: торговые пути, близость крупных российских и среднеазиатских рынков, обилие рек и богатых пастбищ, относительно теплый климат в зимнее время. Немаловажное значение имели территориальная удаленность от неприятельских сил в лице Алтын-хана, а также соседство слабых в военном отношении кочевых народов. Все эти преимущества и привлекли дербетских тайшей к этим землям. Оставалось только согласовать с Москвой вопрос о предоставлении возможности безопасного для себя кочевания здесь. Как показали дальнейшие события, предводитель дербетов решил самостоятельно форсировать решение вопроса о кочевьях.

Еще осенью 1629 г. Далай-Батур отправил в Уфу старшего сына, в русских документах фигурирующего под именем Доржи, с просьбой принять дербетов в подданство. Доржи шертовал в Уфе за отца, за братьев и всех своих людей в том, «что им быть под царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным». Кроме того, в Москву Далай-Батур отправил послов Балту и Баучина с аналогичной просьбой и всячески добивался разрешения перекочевать дербетским улусам с Приаральских Каракумов под уфимские волости [Богоявленский, 1939: 66].

10 мая 1630 г. дербетские послы были на аудиенции у царя, и в русских архивных документах сохранились сведения о том, как проходил этот официальный прием. Из государевой конюшни послам предоставили лошадей для проезда в Посольскую палату, возле которой на площади стояли вооруженные стрельцы всех приказов. Там их уже ждали царь, бояре и

окольничьи в позолоченных платьях, а само помещение было расписано золотом. Послов царю представил думный дьяк Е. Телепнев, начавший свою речь следующими словами: «Великий государь и великий князь Михаил Федорович Всея Руси самодержец и многих государств обладатель, калмыцких Далай-тайши да Доржи-тайши послы, Балта да Баучи, Вам, великому государю, челом ударили». После того как послы передали государю пожелания и просьбы своих тайшей, им подали «государево жалованье». Царский ответ, полученный позже от дьяка Телепнева, заключался в перечислении обязательств дербетских тайшей, которые после заключения ими шерти, должны были находиться под «царскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступно», и «великому государю служили». Послам было обещано их народ «держать в царском милостивом жалованье и в призренье и от недругов в обороне и в защищенье» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1630 г. Д. 1. Л. 17–19].

Переговоры в Москве по вопросу получения дербетами разрешения кочевать в степях Северного Прикаспия проходили довольно сложно. Не получив дозволения кочевать на Яике, вблизи Уфимского уезда, дербетские послы предложили царским властям другой вариант. Теперь речь шла уже о районе Эмбы, находившемся в удалении как от Астрахани, так и от Уфы. Послы клятвенно обещали, что дербеты не будут обижать царских подданных ногаев и башкир, напомнив, что за время их 6-летнего пребывания под «государевою высокою рукою» «дурна от них никакова не бывало и вперед не будет», поскольку они «прямые холопи государевы» [Материалы, 1959: 154-155].

В историографии уже неоднократно высказывалось мнение о принципиальных различиях в интерпретации подданства как российскими властями, так и степными правителями. Если первые, начиная со второй половины XVI в., видели в договорных соглашениях начало безусловного подчинения и покорности царю со всеми вытекающими из этого обстоятельствами, то вторые трактовали их как заключение военного союза,

который вовсе не подразумевал их вечного соблюдения [Трепавлов, 2007: 143–144]. В качестве доказательства можно привести пример: спустя два года, в 1632 г., в Москву прибыли калмыцкие послы во главе с Мурзеем, им напомнили, что глава предыдущего посольства тайша Дорджи шертовал в Уфе о том, чтобы всем дербетам «быть под царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки». Однако Мурзей передал, что их тайши наказывали им вести переговоры с царскими властями только о мире и взаимном ненападении, «… а под царскою рукою в холопстве тайши их быти хотят ли или нет, того они (послы. – *В.Т.*) не ведают» [Материалы, 1959: 172].

Дербетские тайши небезосновательно надеялись, что Москва в благодарность за разгром «царских недругов» – Чокура и его соратников разрешит им кочевать в северо-восточной части Прикаспия. Однако царская администрация, формально приняв дербетов в подданство, потребовала от их тайшей отвести свои улусы из района Эмбы и Яика на старые кочевья в Юго-Западной Сибири [Материалы, 1959: 158-159].

Отказ царского правительства был вполне мотивирован. Дело в том, что те земли, которые дербеты просили для кочевки, были традиционными охотничьими угодьями «ясачных» башкир и ногаев, подданных Московского государства. Калмыки, как известно, ясак в казну не платили. Поэтому передача им этих земель означала потерю угодий и как следствие – сокращение поступлений ясака в царскую казну. Пушной промысел обеспечивал государственную казну самой надежной и стабильной на тот момент «конвертируемой валютой» в мире. Между тем конфликты между кочевниками из-за охотничьих угодий в южной части Приуралья продолжались, что приводило к сокращению доходов в казну от этого экспортного товара. Так, дербетские послы в Посольском приказе жаловались на уфимских башкир, которые на Яике убили зятя Далай-Батура, сына тайши Голугеня. В ответ Далай-Батур во время похода на Чокура захватил 10 башкир в заложники, которых впоследствии и обменял [Материалы, 1959: 154].

В переговорный процесс с Москвой включились и другие тайши. В январе 1632 г. в российскую столицу прибыло большое посольство, состоявшее из представителей хошутских и торгутских тайшей. В русских документах сохранились имена всех калмыцких послов: Мурзей и Девлет представляли интересы хошутского Гуши, Болда – хошутского Кунделена-Убаши, Мандраш – хошутского Очирту-тайджи (сына Байбагаса), Чингил и Бойма – представители торгутского Сюнкея (сына Хо-Урлюка), Тургай – хошутского Аблая (сына Байбагаса). 12 января они были приняты в Посольском приказе думными дьяками Федором Лихачевым и Максимом Матюшкиным. Переговоры шли по вопросу о военном сотрудничестве. Когда хошутским послам предложили лично шертовать за тайшей, чтобы «быть им под государскою рукою в холопстве навеки», то они отказались, сославшись на отсутствие у них полномочий решать подобные вопросы: «здесь им шертовать в том не наказано» [РГАДА. Ф. 119. Оп 1. 1632 г. Д. 1. Л. 1–2, 12–13, 15–16; Материалы, 1959: 171–172].

Таким образом, вышеизложенные события ясно показывают, что на рубеже 20–30-х годов XVII в. Далай-Батур вполне серьезно рассматривал прикаспийские степи как основное место пребывания своих улусов. Однако ему так и не удалось получить от царской администрации разрешения кочевать на данной территории. Несмотря на то, что переговоры закончились провалом, дербетский предводитель не стал обострять отношения с русскими, подчинился требованиям Москвы и принял решение вернуться на прежние места кочевок. Далай-Батур оставался последовательным в своих поступках по отношению к русским властям, являясь, таким образом, одним из немногих ойратских политиков, которые вели вполне конструктивную дипломатию и придерживались заключенных ранее договоренностей. Но его примеру не следовали другие ойратские тайши, стремившиеся приобрести для себя новые, более удобные и безопасные кочевья. Только после возвращения Далай-Батура в южные степи Западной Сибири в конце 1630 г. уже в степи Северного Прикаспия пришли торгуты Хо-Урлюка, положившие

начало образованию отдельной группировки улусов, а впоследствии – нового Калмыцкого государства.

2.2. Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в 1630-е годы

Территория эмбо-яицкого междуречья после разгрома группировки Чокура и его союзников недолго оставалась пустующей. На смену ей пришли сюда кочевать улусы торгутских князей. Осенью 1630 г. Хо-Урлюк со своими улусами перекочевал на зимовку от сибирских городов сначала в Приаральские Каракумы, а затем на Эмбу. Здесь он вошел в тесный контакт с алтыульским Султанаем, который предложил ему совершить совместный набег на ногайские улусы под Астраханью [Богоявленский, 1939: 67]. Султанай продолжал оставаться непримиримым противником астраханских властей и промосковски настроенных ногайских мирз, и появление калмыков на Эмбе он расценил для себя как еще одну возможность навредить своим оппонентам. По мнению В.П. Санчирова, междуречье Эмбы и Яика служило своего рода плацдармом для продвижения калмыков к берегам Волги [Санчиров, 2008: 12]. Теперь соседями ногайцев были уже не слабые отряды Чокура и молодых тайшей, а многочисленные торгутские улусы.

При организации набега на ногайские кочевья Хо-Урлюка, по-видимому, тревожила защищенность собственных улусов с восточного направления, так как в качестве заслона на Эмбе он оставил значительную часть своего войска, а в набег при поддержке сотни алтыульцев отправил только 2 тыс. калмыков. Поскольку отряд был небольшой и действовал двумя группами, упор делался на фактор внезапности, и алтыульцы в конечном итоге смогли незаметно в обход застав провести калмыков к окрестностям Астрахани. 27 декабря 1630 г. (по новому стилю – 6 января 1631 г.) ногайские улусы были неожиданно для себя атакованы калмыками.

Наибольшие людские и материальные потери понесли улусы Каная, Кель-Мухаммеда Урмаметева, Алея и Шейдяка [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1631 г. Д. 3. Л. 11, 12; Новосельский, 1948: 224].

После внезапного удара по ногайским улусам калмыки так же неожиданно скрылись, как и появились. Стрелецкий голова И. Болтин с отрядом из стрельцов и ногайцев в двух днях пути от Астрахани сумел настигнуть калмыков в урочище Саразман, где бился с ними целый день, в результате чего отбил только часть захваченного скота и пленных. В ходе боя стрельцы захватили в плен трех калмыков, сообщивших на допросе, что набег совершили улусные люди Хо-Урлюка. Ногайские мирзы открыто признались астраханским воеводам, что против калмыков они бессильны, и просили воевод срочно отправить к калмыкам посланцев с требованием не нападать на их улусы и вернуть полон [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1631 г. Д. 3. Л. 12; Новосельский, 1948: 224; Богоявленский, 1939: 67].

Очередной калмыцкий набег вызвал панику, и масса ногайских семей начала срочно переправляться на «крымскую сторону» Волги. На попытки астраханских властей вернуть к городу ушедших ногайцев Канай и Янмамет упрекнули власти за недостаточное обеспечение безопасности своих улусов. Возле Астрахани оставались в основном только юртовские татары и едисаны, жившие под охраной астраханского гарнизона. В тот же момент из Астрахани срочно была отправлена грамота Хо-Урлюку, где сообщалось, что подобные действия против царских подданных и дружба с царскими изменниками (алтыульцами) не допустимы [Новосельский, 1948: 224; Богоявленский, 1939: 67].

В мае 1631 г. к ногайским мирзам Хо-Урлюк прислал своих послов Хара-Мергена и Мейдалу. Тайша предложил мирзам приехать к нему для выкупа своих людей. Астраханский воевода Ф.С. Куракин отправил к Хо-Урлюку посланцев с напоминанием о том, что ногайцы являются подданными Русского государства и нападать на них нельзя. Он требовал от калмыков немедленно отпустить пленных в Астрахань без всяких условий, а

самим отойти за Яик и Эмбу. Посланцы прибыли первоначально в улус Дайчина на Эмбе, а затем отправились в улус его отца Хо-Урлюка. Выяснилось, что в последнем набеге на ногайцев участвовали люди Дайчина. Тайши признались в содеянном, сказав, что поступили так, «не ведая» о том, что ногайцы «холопи твоего царского величества». Четверо дней у тайшей проходил съезд, на котором они решили вернуть ногайский ясырь в Астрахань [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 1–9].

В августе от тайшей в Астрахань прибыли калмыцкие послы, правда, без писем, объясняя это тем, что «они кочевные люди, грамоте никакой не умеют». Астраханцы обратились через них к тайшам с просьбой не трогать на контролируемой калмыками территории купеческие караваны, направляющиеся сухопутным маршрутом из Бухары и Ургенча в русские города и обратно. Тайши через послов обещали вернуть захваченных в плен ногайцев и впредь на них войной не ходить [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 10, 14].

Обращает на себя тот факт, что Хара-Мерген 12 (22) сентября 1631 г. принес шерть: «Урлюк тайше да сыну ево, Дайчи тайше, и Урлюк тайшиным братьям и детем, и племянником, и улусным калмыцким людем тебе, великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу Всея Руси самодержцу и твоим царским детем служити и прямити и во всем добра хотети и быть под твоею царскою рукою в холопстве вовеки неотступным. И кочевать им, где ты великий государь укажешь. И твоих государевых русских людей нигде ни в которых местах не побивать, и на нагайские улусы, которые кочуют твоего царского величества у отчины Астрахань или в ыных местах учнут кочевать под твоею царскою высокою рукою, войною не приходить и не побивать, и не грабить, и в полон не имати, и у собя не держать, и ни в которые государства не продовати. От твоей царские высокие руки Урлюк тайше з братею и з детьми и з племянники не отступить, и тебе, великому государю, не изменити. В Крым и в Казыев улус, и в Азов, и в горские черкасы, и в Юргенч, и в Бухары, и в Казачью орду, и в ыные ни в

которые государства, и за Яик, и на Эмбу к алтыульским мурзам не отъехати. И с твоими государевыми непослушники и с ызменники ни с кем ни о чем не ссылатца. А как торговые люди из Бухар или из Юргенч пойдут с товары с своими в твою государеву отчину в Астрахань и к Караганской бусной пристани, и им их не побивать и не громити, а от сторонних воинских людей оберегати и дорогу очистить по своей вере и утверженью» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 15–18].

Послам зачитали текст шерти, и они дали клятву по своей вере: «секли сабаку жолтую, да прошли меж сабли и пищали, и ножовое острие лизали». Им вернули ранее захваченных в плен калмыков и выдали жалованье. Обратно в улусы с ними отправили боярского сына Г. Русакова и толмача К. Артемьева [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 18, 22].

Несмотря на шаблонность текста шерти и его ограничительный характер, нельзя быть уверенным в том, что посол был уполномочен от тайшей давать подобные обязательства. Правда, неизвестно, смог ли Хара-Мерген, не владевший русским языком, понять смысл шерти, особенно в той части, где говорится об обязательстве «быть под царскою рукою в холопстве вовеки неотступным». Впоследствии на переговорах с царскими представителями торгутские тайши неустанно подчеркивали, что никогда не принимали обязательств быть «царскими холопами». Можно предположить, что это было всего лишь дипломатическим прикрытием истинных намерений тайшей, поскольку в реальности условия этой шерти не соблюдались.

Калмыки продолжали наносить удар за ударом по ногайским улусам, которые все чаще откатывались за Волгу. Московское правительство, понимая, что с уходом ногайцев приграничные уезды лишатся заслона от агрессии соседних кочевых народов, всячески пыталось вернуть их на левобережье Волги. К тому же в преддверии войны с Речью Посполитой оно не было заинтересовано в увеличении численности войск Малого Ногая и Крымского ханства за счет мигрировавших туда ногайских кочевников из Большой орды. Поэтому астраханские воеводы делали все от них зависящее,

чтобы вернуть ногайцев под Астрахань. Отчасти решению этой задачи способствовало то, что ушедшие ногайцы на «крымской стороне» оказались втянутыми в политические интриги, вылившиеся в кровавые междоусобицы. Некоторые мирзы, потерпев поражение в междоусобной войне и опасаясь окончательного разгрома, уже осенью 1631 г. вынуждены были вернуться на Волгу.

Готовясь к войне с Речью Посполитой московское правительство в 1631 г. попыталось мобилизовать астраханских ногайцев в русскую армию, но эта инициатива встретила резкий отпор. В условиях постоянной угрозы нападения со стороны калмыков и разоренных хозяйств мобилизация ногайцев была практически не возможна. Это подтвердила мобилизационная кампания 1632 г., когда Москва запросила у мирз 20–30 тыс. воинов. Но фактически к июню удалось собрать только 2201 человека, из которых до пункта назначения дошли лишь 800 человек, поскольку остальные разбежались, по пути приняв участие в грабеже крестьянского населения [Новосельский, 1948: 225].

Ситуация под Астраханью в 1633 г. вновь накалилась. Пока большинство ногайцев участвовало в составе русского войска в походе против Малой Ногайской орды и Азова, калмыки вновь разорили их улусы [Кусаинова, 2005: 165, 166]. В начале апреля около 1800 калмыков неожиданно появились на реке Камыш-Самара и двинулись на ногайские улусы с северо-востока. Примерно 13 апреля улусы князя Каная и Урусовых мирз, кочевавших в урочище Тепкире, подверглись нападению, и часть их была захвачена. Для преследования калмыков в Астрахани был срочно сформирован отряд под командованием И. Аристова, куда входили сотня конных стрельцов, дворяне и боярские дети во главе с А. Шушериным и А. Товарыщевым, отряд юртовских татар Я. Бухарова, а также ногайцы князя Каная и Янмамет-мирзы. Несмотря на трудность преследования в условиях ночи, 22 апреля астраханцы и ногайцы нагнали калмыков в степи, возле реки Большая Узень, в 7 днях пути от Астрахани [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д.

1. Л. 106, 112, 139].

По большому счету это было первым значительным военным столкновением русских и калмыков в Северном Прикаспии. Число калмыков доходило до 2 тыс. человек, но к началу боя к ним на помощь подошли еще 3 тыс. воинов, которые стали наступать на русские позиции с правого фланга. Астраханцев было почти вдвое меньше. Местность была открытая, но более грамотно ее ландшафт использовали калмыки – они подожгли камыш. Сильный восточный ветер разносил дым и пепел в сторону стрельцов, и это мешало им эффективно использовать огнестрельное оружие. Калмыки, у которых также было огнестрельное оружие, имели более выгодное положение. Ногайцы в этой ситуации не только не помогали русским, но даже укрывалась за ними либо съезжалась с калмыками, вступая в переговоры и обмениваясь с ними в знак дружбы стрелами, а иные из них открыто стреляли в стрельцов. Некоторые астраханские мирзы во время боя отправились непосредственно к тайшам договариваться об условиях выкупа ясыря. Князь Канай прямо заявил русским, что это измена. Лишь с наступлением ночи сражение прекратилось, астраханцы сумели отбить все атаки калмыков, которые, расставив вокруг русского лагеря заставы, отошли на предельное расстояние. Утром стрельцы обнаружили, что полностью окружены калмыками [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 108-109, 116–118].

Посчитав, что в такой ситуации продолжение борьбы приведет к бессмысленной потере людей, и, не желая напрасно гибнуть из-за ногайцев, стрелецкий голова А. Шушерин вступил с тайшами в переговоры. Русские прислали в калмыцкий лагерь своего представителя И. Шумникова. Тайши охотно пошли на встречу и заявили, что «им до государевых ратных воинских людей дела нет, и с ними биться не хотят, а приходили де войной на улусы по досаде на князя Каная и мурз». Оказалось, что ранее тайши присылали к Канаю своих послов, но князь, отобрав у них лошадей, прогнал обратно. По заключенному соглашению тайши обязались возвратить без

выкупа 900 человек ногайского ясыря, а стрелецкие головы поклялись не препятствовать тем ногайцам, кто пожелал бы добровольно кочевать с калмыками. На этих условиях обе стороны присягнули по своей вере. Мирзы также шертовали на Коране в том, что они со своими улусами будут кочевать с калмыками. Позже они привели под Астрахань захваченный калмыками ясырь численностью в 1052 человека [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 110, 118; Новосельский, 1948: 226; Богоявленский, 1939: 69].

Бой на Узени, по мнению С.К. Богоявленского, не мог не уронить престижа русской власти и поднять славу калмыцкого оружия, а Дайчин, который и раньше невысоко оценивал силу астраханского гарнизона, теперь считал себя хозяином приволжских степей [Богоявленский, 1939: 69]. И хотя по возвращении в Астрахань стрелецкие командиры не признались воеводам в заключении договора с тайшами на указанных условиях, прецедент был уже создан.

В мае до астраханских властей дошел слух о поездке к Дайчину Борис-мирзы Янарасланова, который дал шерть, что через 1,5–2 месяца присоединится к тайше. За это мирзе якобы предоставлялось возможность выкупить у калмыков свой же ясырь «дешевой ценой». В дальнейшем Дайчин предложил ногайским мирзам, «чтоб они с ними (калмыками. – *В.Т.*) помирились и были с ними в миру и в дружбе, кочевали по своим старым кочевным местам, где их нагайских и едисанских мурз отцы и деды по Узени и по Камыш Самаре кочевали». Тайша заверил, что «их (ногайцев. – *В.Т.*) громити не станет и от всяких воинских людей оберегати их учнет и громити их никому не даст». Позже в Астрахани Борис-мирза категорически отрицал эти слухи [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 95–96, 144; Новосельский, 1948: 226].

Одним из немногих, кто упрямо противился усилению калмыков в регионе, был ногайский князь Канай. В мае 1633 г. он предложил царским властям проект по созданию коалиции и просил незамедлительно отдать приказ волжским и сибирским воеводам, башкирским мирзам, а также

тайшам «дальних калмыков» (чакарцам) одновременно ударить по улусам Хо-Урлюка и его сыновей. Канай располагал информацией о том, что Дайчин и Султанай планируют совершить новый набег под Астрахань уже ближайшей осенью [Богоявленский, 1939: 68].

В ноябре из Москвы в Тюмень действительно поступила инструкция о немедленной отправке военного отряда против Хо-Урлюка, Дайчина, Лузана и Султаная. Поводом для этого послужило сообщение в центр от астраханского воеводы И. Салтыкова о тяжелом положении его гарнизона и невозможности в полной мере обеспечить защиту подвластных ногайцев и татар: «против колмацких людей стояти некем, стали безлюдны и безоружны». А пока астраханскому воеводе оставалось только обнадеживать Каная, что правительство обязательно предпримет меры и по торгутским улусам будет нанесен удар со стороны сибирских городов [Миллер, 2000: 475–476].

В этом его активно поддерживал и хивинский хан Исфендияр, осенью того же года отправивший царю Михаилу Федоровичу письменное предложение о совместном выступлении против калмыков, кочевавших на Эмбе: «наши торговые люди хаживали с торгом в ваше государство сухим путем, и они (калмыки. – *В.Т.*) ныне дорогу занели, и людей наших не пропущают» [Материалы, 1933: 142]. Как видим, обширную территорию между реками Сыр-Дарья и Яик занимали со своими улусами Хо-Урлюк и его сыновья.

Набеги и контроль над степными торговыми магистралями, как известно, приносили существенный доход в экономику кочевого общества. Агрессивные действия калмыков на сухопутных маршрутах стали существенным препятствием в торговле России со среднеазиатскими ханствами, Индией и Персией. Кочевники, используя на первом этапе силовое давление, впоследствии пытались навязать свои экономические и политические условия торгово-земледельческим центрам.

Военные действия калмыков в Северном Прикаспии заставили даже

самых непримиримых ногайских владельцев задуматься о целесообразности дальнейшего сопротивления. Они понимали, что слабый в военном отношении астраханский гарнизон не способен их защитить. Бегство на правобережье Волги также не спасало их, поскольку в своем продвижении на запад калмыки не планировали ограничиваться волжскими рубежами, да и с Малым Ногаем у астраханских мирз отношения оставались натянутыми. Канай даже отослал от себя небольшой отряд стрельцов, поставленный в его улусе для защиты от калмыков. Однако некоторые мирзы продолжали настойчиво просить об отправке к ним стрельцов [Богоявленский, 1939: 68].

В Астрахани с тревогой следили за ситуацией в степи. По слухам, дошедшим до астраханских воевод, Дайчин очень образно говорил о военной мощи калмыков: «Такие де у них, калмыков, люди есть, что, пришед под Астрахань среди лета, и заметут ее снегом». С.К. Богоявленский утверждал, что в дальнейшем отношения между калмыками, татарами и русскими Дайчин представлял себе как военный союз [Богоявленский, 1939: 68-69]. Но ногайцев тайша рассматривал не как равноправных союзников, а как потенциальных своих подданных, которые значительно могли бы увеличить численность его войска. Свое политическое видение относительно их будущего Дайчин пытался навязать и русским властям, всячески противившимся развитию подобного сценария.

Дайчин оставался непреклонным относительно заключенных им «узенских» соглашений. В междуречье Яика и Волги повсюду действовали его разведывательные отряды в поисках еще неприсоединившихся к нему ногайских улусов. Зачастую эти отряды вступали в вооруженные стычки со стрелецкими группами, в свою очередь, пытавшимися разведать обстановку в междуречье и не допустить ухода ногайцев к калмыкам.

9 января 1634 г. калмыки совершили новый набег на ногайцев и с богатой добычей вернулись за Яик. Канай немедленно отправил к Дайчину двух посланцев с сообщением, что калмыки разорили его улус, тем самым лишив возможности оставаться под Астраханью. Отъехать сразу же к

калмыкам он не мог, так как за ним повсюду следили стрелецкие заставы. Это стало последним толчком, заставившим ногайские улусы не оставаться далее под Астраханью. По мнению В.В. Трепавлова, фактически с этого времени государственная территория ногаями была утрачена, а левый берег Волги, именовавшийся раньше как «ногайская сторона», ногайцы сами стали называть «калмыцкой» [Трепавлов, 2007: 105].

Однако калмыцкое вторжение не было единственной причиной ногайской откочевки из-под Астрахани. Мирзы припомнили все обиды, нанесенные им воеводами и другими представителями царской власти. Разные должностные лица, прибывавшие в ногайские улусы из Астрахани, отнимали лошадей, овец, некоторые стрелецкие головы на правом берегу Волги даже обзавелись своими отарами, тогда как многие мирзы продолжали находиться в заточении в качестве заложников на Аманатном дворе. Воеводе А.Н. Трубецкому вменяли в вину обидные для ногайцев слова: «пашут де хлеб казанские татаровя, и яз де сделаю вас мурз и черных улусных людей так же, как казанские татаровя, станете и вы хлеб пахать» [Новосельский, 1948: 227]. Ногайские мирзы говорили, что подобные действия местных царских чиновников просто вынуждали их откочевывать к калмыкам. Историческая литература достаточно долго видела в калмыцком нашествии единственную причину ухода ногайцев с Волги. Однако В.В. Трепавлов отмечает, что подобная односторонняя информация о ногаях поступала от астраханских наместников, а те были заинтересованы называть калмыков виновниками ногайской миграции 1634 г., что впоследствии и устоялось в исторической литературе [Трепавлов, 2001: 408].

Не получив реальной поддержки у Москвы, ногайцы в конце 1633 – начале 1634 гг. стали уходить из-под Астрахани. Одна их часть пошла к калмыкам, другая – двинулась на запад. Правительство начало расследование, приступив к поискам виновных среди стрелецких командиров, которые были арестованы, а воеводы и дьяки были смещены и вызваны в столицу для объяснений. Однако большинство ногайцев, не веря

гарантиям в государевой защите, не желали возвращаться назад [Трепавлов, 2001: 409]. Чтобы сдержать ногайскую миграцию, местные власти прибегли к более жестким мерам. Так, в Астрахани в заложниках насильно удерживались следующие владельцы: князь Канай – за то, что ссылался с калмыками, мирзы Алей Урмаметев и Чубармамет (Джаббар-Мухаммед) Тинмаметев – за связи с Крымом, Ак-мирза Байтереков – за попытку уйти в Крым, мирза Борис Янарасланов – за связи с калмыками. Дополнительно были проведены серьезные оборонительные мероприятия: вокруг мест обитания оставшихся едисан и юртовских татар были вырыты рвы, установлены сторожевые башни, выставлена военная охрана улусов и скота [Новосельский, 1948: 228].

Калмыки, по существу, стали полными хозяевами заволжских степей. В январе 1635 г. Дайчин во главе 10-тысячного войска вновь появляется под стенами Астрахани. До этого тайша вместе с алтыульцами охотился на сайгаков в районе Карадуванских песков, и к Астрахани он направился уже с урочища Кигач. По пути калмыцкая разведка в камышах захватила двух русских людей, сообщивших Дайчину о расположении едисанских улусов в городских окрестностях. Получив полную информацию и став лагерем за рекой Бузан, Дайчин для отгона скота и захвата ясыря отправил к морским косам отряды «загонщиков», где едисаны, как им казалось, находились со своими стадами в относительной безопасности. С астраханского направления «загонщиков» прикрывал 4-тысячный отборный калмыцкий отряд [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 10–11].

Оборону Астрахани возглавляли А. Аристов и С. Горохов. В срочном порядке против калмыков были отправлены конные сотни молодых дворян, стрельцов и ногайцев, которые так и не решились вступить в бой с более многочисленным противником. Захваченный скот и ясырь Дайчин приказал пропустить вперед, а сам с войском шел сзади, прикрывая отход с тыла. Возвращались калмыки в свои улусы той же дорогой. Астраханский отряд численностью в 500 человек, державший оборону в тележном городке,

просто наблюдал за тем, как калмыки прогоняли мимо них захваченный скот и пленных. Отправив трофеи на Яик, калмыки так же организованно и беспрепятственно ушли [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 1–4, 6–7, 12–13; Богоявленский, 1939: 71; Новосельский, 1948: 227].

Это был очередной удар по политическому престижу астраханских воевод, а в их лице и Московского государства, только недавно потерпевшего поражение в Смоленской войне 1632–1634 гг. Астрахань снова и снова просила у Москвы подкрепления, в особенности конными стрельцами, так как имеющихся у них сил было недостаточно для охраны ногайцев. Воеводы вынуждены были признать свое бессилие против многочисленных, хорошо вооруженных и организованных кочевников. Эта ситуация наводила на определенные мысли и не присоединившихся еще к калмыкам ногайцев. Москва пригрозила «царской опалой» Аристову и Горохову за бездействие и потребовала немедленно отправить «добрых» послов к Дайчину, чтобы напомнить ему о прежних шертях, данных тайшами в Уфе и сибирских городах [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 16, 33–34].

Могущество Дайчина в Северном Прикаспии постепенно росло. Теперь это были не те 170 кибиток, первоначально выделенных ему отцом в качестве наследства, а гораздо больше. Но самое главное – большинство торгутских тайшей признали в нем лидера, обладавшего харизмой и военным талантом. Даже его отец, кочевавший в это время за Эмбой и находившийся в военном походе против Ургенча и Хивы, в помощь старшему сыну для проведения последней военной операции под Астраханью дополнительно выделил 3 тыс. воинов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 13; Богоявленский, 1939: 71].

Дайчин теперь полностью переключил свое внимание на западный берег Волги, где кочевали еще не подчинившиеся ему ногайские улусы. Калмыцкие тайши, благодаря хорошо организованной военной и дипломатической разведке, были достаточно информированы о состоянии дел среди ногайцев на правобережье Волги. Пока его послы за Волгой предлагали мирзам «мир и совет», он целенаправленно готовился к новой

военной акции, запланированной на 1636 г. Но эти намерения пришлось ненадолго отложить в связи с резким изменением международной ситуации в Средней Азии.

В результате неудачной Смоленской войны 1632–1634 гг. перед Россией снова встала одна из основных проблем – обеспечение надежного прикрытия от набегов кочевников протяженных южных границ. После заключения Поляновского мира с Речью Посполитой (1634 г.) у правительства на повестке дня был не только крымский вопрос, но и ногайский. Массовая миграция ногайцев из Заволжья к Крыму потребовала от правительства проведения масштабных, весьма затратных мероприятий по укреплению южной границы [Малов, 2006: 6].

Напряженной продолжала оставаться и ситуация на границе с калмыками. Москва начала активно перебрасывать вооруженные части с западного на южное направление, которое требовало значительного усиления. Например, в начале 1635 г. в Астрахани насчитывалось всего 573 конных стрельца, поэтому добирать конников пришлось даже из пехоты, а также «из вольных и из гулящих людей». На здешних ногайцев местная администрация особо не рассчитывала, поскольку большинство мирз перешло на правый берег Волги, а оставшиеся, по заключению властей, «от калмыцкого разоренья разорены и в конец погибли, помирают голодной смертью». Астраханские власти дополнительно выделили мирзам рыбные ловли, «чтобы им и улусным их людем пропитатца» [Дополнения, 1846: 149–151].

В конце 1635 г. Дайчин планировал совершить, «как реки станут», новый поход на едисанские улусы под Астраханью [Дополнения, 1846: 149–150]. Именно в этом году астраханские воеводы в своих донесениях центру фиксировали, что «колмацких людей умножилось, и учали кочевать по Нагайской стороне от Астарахани в ближних местах» [Цит. по: Трепавлов, 2001: 414]. По мнению С.К. Богоявленского, Дайчин планировал перейти на правый берег Волги, где кочевало большинство ногайцев, поскольку

оставшиеся на левобережье были настолько разорены, что не представляли сколько-нибудь значительного интереса [Богоявленский, 1939: 72].

Неожиданно для калмыков в конце 1635 г. к ним в улусы прибыл астраханский толмач А. Борисов с группой юртовских татар и едисан «для ясырского откупу». В условиях постоянной военной угрозы, исходившей с востока от чакарцев и сохранявшейся неопределенности в отношениях с Астраханью, Дайчин был весьма рад приезду Борисова. Тайша воспринял это как добрый знак и сразу же пообещал посланцам, что отдаст татарский полон без выкупа, а калмыки, как отмечал Борисов, их «во всем почитали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 26–27].

Сложная обстановка на востоке вынуждала тайшей корректировать свои планы, и они передали воеводам, что готовы к мирным переговорам, обязуются не нападать на русские города и ногайские улусы. Доказательством этому послужил и тот факт, что, когда калмыцкие улусные люди в ходе стычки убили двух астраханских ногайцев, а одного пленного привели к Дайчину, то он тех калмыков за этот проступок «переграбил и жон их и детей распродал в Юргенч» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 13].

В 1636 г. в Большой Ногайской орде обострилась междоусобная рознь: представители клана Тинмаметевых напали на мирз Урмаметевых и подвергли грабежу, что повлекло к бегству 4 тыс. улусных людей Би-мирзы Урмаметева под защиту крымского хана [Кусаинова, 2005: 168, 169]. В разговоре Дайчин поинтересовался у Борисова, насколько верны слухи о том, что будто бы ногайские мирзы изменили государю и откочевали из-под Астрахани на «крымскую сторону» Волги. Он попросил толмача передать воеводам о готовности калмыков оказать военную помощь властям против «государевых непослушников и изменников». В обратный путь с Борисовым Дайчин отправил послом «лутчего своего улусного человека» Карчитая и торговый караван [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 29–30].

Параллельно с переговорным процессом Дайчин активно концентрировал возле себя людские и материальные ресурсы. Отправляя

своих торговых представителей, главным образом, на среднеазиатские рынки для продажи лошадей, он наладил торговлю с яицкими казаками, помирился с бухарцами и ургенцами, возвратив им пленных туркменов. К Дайчину, помимо братьев Елдена и Лузана, присоединился и Хо-Урлюк. Мобилизованы были и алтыульские татары, ногайцы, туркмены, ургенцы, казахи. Участники коалиции, тайши и мирзы, собрались на совещание за рекой Бузан, в урочище Тепкире, на расстоянии дневного перехода от Астрахани, тем самым недвусмысленно давая понять царским властям, кто контролирует территорию Северного Прикаспия. Калмыцкие разведывательные отряды уже действовали и на правобережье Волги. По отношению к тюркским представителям Дайчин проявил себя и как способный идеолог, выбрав известный и всеми почитаемый образ Чингис-хана в качестве объединяющей фигуры для всех кочевников. На требования русских властей удалиться от Астрахани Дайчин заявлял, что калмыцкие тайши – «дети Чингиза», а здешние степи – «древние калмыцкие кочевья» [Богоявленский, 1939: 73–74].

Но астраханские власти не желали мириться с подобным ходом событий. Это выразилось и в том, что они не разрешили калмыкам торговать, а посла Карчитая задержали. К тайшам они отправили теперь толмача Л. Степанова с государевой грамотой. По словам Степанова, Дайчин, сняв шапку, принял грамоту, распечатал, посмотрел, а затем вернул обратно, передав, чтобы из Астрахани больше ему не присылали грамот на татарском языке. Тайша не скрывал своего раздражения по поводу задержания в Астрахани своего посла и прямо заявил о своем недоверии Степанову. Дайчин недоумевал, почему астраханские власти не принимают его военных инициатив, направленных против ногайцев, ушедших из-под Астрахани. Степанову пришлось объяснять тайше, что ногайцы удалились временно и только из-за калмыцкой угрозы. Воеводы категорически были против перехода калмыков на правобережье Волги. Но Дайчин упорствовал, заявляя, что калмыки могут перейти Волгу и без государева разрешения, что не даст

аманатов и придет самовольно кочевать под Астрахань. Если же ногайцы все-таки помирятся с русскими, то и тайша готов был к заключению с ними мира [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 58–60].

В результате стороны договорились о созыве общего русско-калмыцкого съезда с тем, чтобы попытаться решить все накопившиеся проблемы и споры, в частности, вопросы об аманатах и районе кочевий для калмыков. Но заключение договора, по мнению Дайчина, было возможно только при условии возвращения из Астрахани Карчитая. Первоначально стороны условились встретиться в урочище Тепкире, поскольку здесь Дайчин планировал охотиться. По просьбе тайшей на съезд с русской стороны предполагался приезд «добрых боярских и дворянских детей», а также авторитетного предводителя юртовских татар – Янмамета Рамазанова. В январе 1636 г. калмыцкие послы были отпущены из Астрахани. Приехавший с ними в улусы Степанов определил с тайшами уже новое место проведения предполагаемого съезда – урочище Берекете у реки Бузан. Из Астрахани на встречу выехали представители русской стороны: А. Тарбеев, Б. Жуков, подъячий А. Путилов, стрелецкий голова Л. Карасашев, толмачи К. Артемьев и Е. Федоров [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 60].

На съезде Дайчин вновь предложил русским представителям военную помощь в организации похода против мирз Казыева улуса (Малого Ногая), участвовавших в набегах против южных городов. Тайша даже согласился на определенные уступки: во время похода предоставить аманатов в Астрахань. Но при всей заманчивости калмыцкого предложения местные воеводы даже под страхом смерти не имели права нарушить строгую инструкцию, полученную из Москвы: ни при каких обстоятельствах не допускать калмыков на правый берег Волги, требовать от них отхода от Астрахани в дальние кочевья, а также выдачи аманатов для обеспечения соблюдения шерти и права беспошлинной торговли. В противном же случае предписывалось выслать против калмыков войска [Богоявленский, 1939: 73].

Не удивительно, что подобные условия снова завели переговоры в

тупик. Калмыцкая сторона категорически отказалась в одностороннем порядке дать аманатов, мотивируя это тем, что тайши – «Чингисхана дети». Тайши соглашались прислать в Астрахань аманатов только в том случае, если «на договоре к ним с аманаты приедут и договор учинят лет на 5 или на 6, или на 10 на том, что им калмыкам быть в мире и кочевать меж Волги и Яика блиско Астрахани; и торги б им калмыкам в твоих государевых городах были повольные, а они де калмыки русским людем, ко всяким промышленником и юртовским, и едисанским татаром шкоты никоторые чинити не учнут, а им бы де калмыцким людем потому ж от русских людей шкоты никоторые не было». Дайчин подтверждал, что им «недруги чакарские калмыки Далай тайша с братею», поэтому он просил в случае их военного прихода предоставить в помощь «государевых ратных людей с огненным боем». Тайша также готов был помогать астраханскому гарнизону против «государевых неприятелей» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 66]. Но стороны так и не пришли к единому мнению, поскольку предъявляемые друг другу условия были неприемлемы.

По просьбе калмыцких представителей для дальнейших переговоров астраханцы отправили за реку Бузан толмачей К. Артемьева и Е. Федорова в сопровождении двух стрельцов. В марте К. Артемьев вернулся и привез в Астрахань от тайшей новый вариант договора, условия которого больше носили ультимативный характер. Теперь в случае отказа астраханцев принять новые условия Дайчин грозился заключить союз с мирзами Малого Ногая, с которыми он уже вел переговоры. Но если эти переговоры имели бы отрицательный результат, то калмыки планировали уже ближайшей осенью выступить в поход против Малого Ногая, несмотря на категорический запрет русских властей переходить Волгу. Отходить от Астрахани Дайчин не намеревался, объявляя его окрестности, в частности урочище Кандаки, как «искони вечные природные и калмыцкие места», завоеванные прежде «прадедом» Чингис-ханом [Богоявленский, 1939: 73-74].

Также Дайчин передал, что калмыки не боятся русских войск,

поскольку ходили на едисан «не по одну зиму, и государевы де ратные люди с ними, калмыки, сходились многижда, а промыслу над ними никакова учинить не могли». Ногайские мирзы говорили Артемьеву: «всем де едисанским татаром, которые кочуют ныне под Астраханью, быть в Калмаках, потому что им в Калмаках кочевья пространные и повольные, где хотят тут и кочуют». В подтверждение этого толмач сообщил о наличии у калмыков примерно 300 ногайцев, более 3 тыс. едисан, а также туркменов, ургенцев и казахов. Он говорил, что ногайские мирзы Дайчина «наводят на всякое дурно», агитируют тайшу кочевать между Волгой и Яиком, ближе к Астрахани, не давать аманатов и в набегах на русские территории «везде бывать в вожах (проводниках. – *В.Т.*)» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1636 г. Д. 1. Л. 67–73] .

Воеводы восприняли слова Дайчина как прямую угрозу безопасности Астрахани. Но предпринять действенные меры против нарастающей калмыцкой угрозы они не могли, прося у центральной власти подкрепления и дальнейшие инструкции, указывали, что малочисленный астраханский гарнизон почти целиком занят сторожевой службой. Московские власти, занятые решением проблем на западе и юго-западе страны, продолжали хранить молчание.

Дайчин начал новый этап подготовки калмыцкого продвижения на запад, всерьез обеспокоив этим ногайцев на правобережье Волги, причем настолько, что некоторые мирзы предусмотрительно со своими улусами перешли на правобережье Дона. В январе 1637 г. Дайчин вместе с братьями и алтыульскими мирзами направил к Астрахани значительные силы. По сообщению едисан, у тайшей насчитывалось более 10 тыс. воинов, но эта цифра, скорее всего, не совсем точна, поскольку калмыки продвигались несколькими колоннами с разных сторон. Приблизившись к городу на расстояние дневного перехода, Дайчин отправил в разведку за реку Бузан небольшой отряд из «лутчих своих людей» – Дурал-дархана и Калкан-Сарыя во главе отряда из 60 воинов. Сведения, полученные разведкой, для

калмыков оказались неутешительными: под городом едисаны расположились в укрепленных местах, повсюду были выкопаны рвы, поставлены бревенчатые ограды и сторожевые башни, на подходах к городу охрану несли многочисленные патрули. Поэтому о внезапном нападении на едисанские улусы не могло быть и речи. Астраханский гарнизон к этому времени получил из центра достаточно сильное подкрепление [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 69; Богоявленский, 1939: 76].

Выяснив положение, Дайчин через пленных едисан передал в Астрахань, что калмыки приходили войной на ногайские улусы, кочевавшие по крымской стороне Волги и ушедшие из-под «государевой руки», но, как оказалось, «итти стало ныне поздно». Действительно, многие ногайцы ушли за Дон и кочевали теперь под Крымом, поэтому тайши решили выступить с инициативой начать мирную торговлю с астраханцами и предложили прислать людей из Астрахани для ведения переговоров [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 70]. Но отправленный воеводами толмач Л. Степанов не застал тайшей в условленном месте. Встретившиеся ему по пути трое калмыков через 10 дней привезли его к Дайчину на Яик. Они же сообщили о внезапном нападении яицких казаков на калмыцкие улусы, кочевавшие по Эмбе, в которых оставались главным образом женщины и дети. Казаки, разгромив улусы, ушли с богатой добычей в укрепленный городок в устье Яика. Дайчин спешно отправился на помощь своим людям и взял в осаду казацкий городок. Толмач стал невольным очевидцем того, как калмыки «жестокими приступами» держали казаков в осаде. Потеряв много людей, да так и не сломив сопротивления казаков, Дайчин приказал отвести войска [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 72].

Встретившись с Дайчином, Степанов передал ему все те же требования астраханских воевод о немедленном отводе калмыков на дальние кочевья и покорности. Если бы тайша принял бы эти условия и предоставил в качестве гарантии своей шерти аманатов, то власти готовы были разрешить калмыкам вести торговлю под Астраханью, прислав для этого 30–40 своих торговцев.

Но Дайчин категорически пресек все попытки ограничить независимость калмыков, заявив еще раз, что они в «никоторые государства аманат не давали и у добрых царей в холопстве не бывали, а кочевали по своей воле; да и вперед де им, калмыцким тайшам, ни в которые государства аманат не выдавать, да и в холопстве ни у которых царей не бывати». Как альтернативу тайша вновь предложил свои военные услуги против «царских недругов» – малых ногайцев и крымских татар, и только в этом случае он был согласен дать аманатов, да и то лишь на время похода. На следующий после переговоров день Степанов вместе с двумя калмыцкими послами и 60 торговыми людьми, с табунами лошадей и стадами скота отправился в Астрахань [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 71, 73; Богоявленский, 1939: 76–77].

Но последующие переговоры вращались вокруг все тех же пунктов: об аманатах и пропуске калмыков на правый берег Волги для дальнейшего наступления на ногайцев. Результатом этого непростого общения стало разрешение, полученное в виде исключения в расчете на будущую покорность калмыков, их торговым людям распродать лошадей и скот за рекой Болдой [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 74–76].

В сентябре 1637 г. в Астрахань прибыло очередное калмыцкое представительство, возглавляемое Мамутом, а с ними и 40 торговых людей со скотом и лошадьми. Распродав весь скот, в обратный путь калмыки отправились вместе с астраханским представителем – толмачом Д. Аксеновым [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 112]. Поскольку основная масса калмыков откочевала на дальние кочевья и уже не представляла явной угрозы, в декабре 1637 г. астраханские власти стали призывать ногайцев, кочевавших на правобережье, вернуться на покинутые ими старые кочевья. При этом власти не преминули упрекнуть ногайских мирз и в том, что русские противостоят калмыкам из-за ногайцев, а они «с калмыки не бьютца, лишь съезжая с ними сватаютца и торгуют» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 167].

Осенью 1637 г. из Астрахани к тайшам были отправлен Д. Онученов, но к моменту его приезда Дайчина в улусе не было. В это время при посредничестве буддийского духовенства между торгутскими и чакарскими тайшами активно велись переговоры [Курапов, 2007: 85].

В начале 1638 г. Дайчин вернулся в свой улус, и астраханцы вручили ему государеву грамоту и предложили принять русское подданство, предоставив аманатов. Но Дайчин снова отказался от такого предложения, объяснив еще раз: калмыки «искони в государевы городы аманат не давали, люди они степные и в аманатех сидети не привыкли и кочевали по своей воле». Он опять напомнил русской стороне, что готов оказать военные услуги против Крыма и малых ногайцев, и только в этом случае обещал дать в Астрахань аманатов «сына своего или брата, да и то на время» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1638 г. Д. 1. Л. 35–36].

Отсутствие политического соглашения с царскими властями не мешало тайшам использовать переговорный процесс в своих экономических интересах. В марте 1638 г. Онученов вернулся в Астрахань с четырьмя калмыцкими послами и 30 торговыми людьми, пригнавшими на продажу лошадей и скот. Послы привезли от тайшей предложение о мире, а Дайчин в подтверждение своего намерения с Онученовым отпустил более 40 едисан, обещая отдать «на окуп» весь полон «недорогой ценой», как только соизволит калмыкам «государева милость» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1638 г. Д. 1. Л. 30–33, 38]. Торговля выступала своего рода стимулом для переговорного процесса, поскольку калмыки были крайне заинтересованы в российском рынке.

Таким образом, в конце 1630-х гг. происходит планомерное разделение торгутских улусов на две группы. Первая группа (улусы Хо-Урлюка, Дайчина, Елдена и Кирсана) входит в тесный контакт с чакарцами и откочевывает на восток, к Аралу, и далее на север по Тургайской ложбине к сибирским городам. Другая группа (улусы Лузана, Сюнке, Санжина и Даян-Эрке) остается на прежних кочевьях в Северном Прикаспии. Именно с ними

и сносились астраханские воеводы, сообщая им о пограничных стычках и т. д. Наступило сравнительно мирное время, хотя мелкие конфликты с соседями не прекращались. Подобная расстановка торгутских улусов была связана, в первую очередь, с урегулированием их отношений с чакарскими тайшами и наметившейся консолидацией в ойратском обществе накануне монголо-ойратского съезда 1640 г.

2.3. Политический кризис в русско-калмыцких отношениях в 1640-е годы

Консолидация ойратского сообщества, последовавшая после съезда 1640 г., привела к временному отдалению калмыцких улусов от астраханского направления. Но в Астрахани местные власти продолжали следить за перемещениями калмыков в степях Северного Прикаспия. В ноябре 1640 г. в ответ на приезд калмыцкого посланца Бияры астраханский воевода Н.И. Одоевский отправил в калмыцкие улусы боярского сына А. Казанцева и толмача Е. Локтева. Посланец передал тайше «государев лист», в котором были представлены старые требования: предоставление аманатов, запрещение калмыкам нападать на царские города и подданных, уход на дальние кочевья и т. д. Сюнке сразу же обозначил Казанцеву свою позицию: калмыки кочуют в степи «по своей воле», а с астраханцами только желают «быть в миру и в совете» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 13–15].

А. Казанцев в сопровождении Сюнке отправился в улус Лузана. В разговоре с братом Сюнке заявил о своем намерении отправить в Астрахань с русским посланцем своего человека, предложив Лузану последовать его примеру. Но тот отказался, так как уже собирался отправить совместное с Дайчином посольство в Астрахань, когда «конские и животинные стада ожиреют» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 19]. Как видим, тайши

пытались координировать свои действия в по отношению к русским властям, поскольку ситуация, складывавшаяся в Северном Прикаспии, требовала от них выработки общего плана действий под началом старшего брата. Но так как Дайчина все еще не было в улусах, некоторые из его братьев пытались самостоятельно принять политическое решение по астраханскому направлению.

В то же время с севера калмыки продолжали подвергаться башкирским набегам, которые наносили существенный урон пограничным улусам. Тайши стали срочно формировать совместные мобильные отряды для отражения набегов северных соседей, а свои улусы отправили в безопасное место к Яику, в урочище Елек. По этой причине Сюнке еще на некоторое время задержал у себя русских посланцев, выговаривая при этом Казанцеву, что, мол, призываете калмыков «быть в послушании», а башкиры, государевы люди, нападают на их улусы: «Дурно и войну почали башкиры, а не мы». Казанцеву ничего не оставалось, кроме как ответить тайше: «Башкиры приходят без государева указа украдом» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 19, 21–22, 29].

Сложившаяся ситуация заставила Сюнке поскорее отправить Казанцева, а с ним и своего посланца в Астрахань, куда они благополучно прибыли 30 июня 1641 г. В общей сложности миссия Казанцева в калмыцких улусах продлилась около полугода. Калмыцкого посланца астраханские власти поселили за городом, в Вознесеновской слободе. На встрече с воеводами, состоявшейся в «съезжей избе», он предъявил им письмо Сюнке, написанное на фарси (персидском). Тайша просил местные власти предоставить калмыкам возможность торговать под Астраханью, куда он планировал уже осенью пригнать для продажи лошадей и скот. Также он просил прислать к тайшам боярского сына и толмача для продолжения переговорного процесса [Пальмов, 1929: 409].

Но самое интересное – это предложение Сюнке астраханским властям по вопросу разграничения русско-калмыцких земель: «Потом писали вы к

нам в листу своем, чтоб нам кочевать от Астрахани в дальних кочевьях. И ныне слово то есть: Волга – место ваше, а Яик – кочевные места наши. И будет учнут кочевать на ваших местах наши люди у Волги, и вам бы их отгонять; а будет которые ваши люди учнут кочевать по Яику, и мы также отгонять их станем» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 22–25; Богоявленский, 1939: 78].

В октябре 1641 г. в Астрахань от Сюнке прибыло торговое представительство (100 человек) во главе с послом Бюрчи, пригнавшее на продажу 1200 лошадей. Местная администрация разрешила калмыкам торговать за городом, поставив в охранение «калмыцкого базара» 300 стрельцов. В том же месяце большое представительство (300 торговых людей с 3 тыс. лошадей и 10 тыс. коров и овец) прибыло и от тайши Санжина, а его посланник Дарын 31 октября был принят астраханскими властями. В охранение к ним было приставлено 500 стрельцов. Оба посланника привезли подарки царю и просили предоставить им «повольный торг». Власти благосклонно отнеслись к просьбам тайшей, разрешив продажу местному населению калмыцкого скота [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 271–275].

Обратно с калмыками астраханцы отправили к тайшам «для проведыванья» боярского сына Д. Пшагина, толмача В. Зиновьева. Им предстояло выяснить примерную численность калмыков и разузнать о планах тайшей относительно астраханского направления на ближайший осенне-весенний период [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 16–17].

Добравшись до калмыцких кочевий, посланцы остановились в улусе Лузана, который довольно приветливо встретил гостей. Он заверил их в том, что «у великого государя в послушанье быти рад и учнет посылати в… государеву отчину в Астарахань послов своих», то есть, несмотря на свою жесткую позицию по вопросу принятия московского подданства, Лузан был не против находиться с русскими «в миру и в совете». Тайша не отпустил Пшагина к братьям, отправив к ним лишь толмача с «государевым листом»,

это стало для тайшей сигналом к отправке в Астрахань новых своих торговых представителей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 107–108]. Лузан своим поступком ясно дал понять астраханцам, кто на тот момент являлся главным среди тайшей и с кем нужно вести переговоры. Отсутствие в Северном Прикаспии отца Хо-Урлюка и старшего брата Дайчина позволило ему в отношениях с русской властью захватить инициативу в свои руки.

В эти годы русско-калмыцкая торговля заметно активизировалась. Уже в декабре 1641 г. в Астрахань прибыло очередное торговое представительство (400 торговцев с 2 тыс. голов скота и лошадей) от Лузана (представитель Бердыш) и Сюнке (представитель Сенгерчин). В январе 1642 г. прибыли 60 торговых людей от тайши Санжина (представитель Нима-Демчин). Но когда в феврале приехали еще 150 торговых людей от Сюнке (представитель Сыргенчек) и пригнали на продажу 700 лошадей и более 1 тыс. коров и овец, астраханские воеводы уже потребовали у калмыцкого представителя немедленного возвращения русских посланцев из улуса Лузана [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 21–23, 64–66, 105–106].

Действительно, в марте русские посланцы, собрав достаточно информации о положении дел в калмыцких улусах, вернулись в Астрахань. Им, в частности, удалось узнать, что тайши планировали совершить зимний поход против ногайцев, кочевавших на правом берегу Волги, но потом они отказались от задуманного, так как астраханский гарнизон был заметно усилен. Там же они узнали о прошлогоднем ответном набеге калмыков на Уфимский уезд, в ходе которого в плен было захвачено 300 человек. Тайши не раз жаловались русским посланцам на башкирские набеги, от которых калмыки терпели большой урон. Они даже планировали направить своих послов в Москву с официальной жалобой на уфимцев [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 109–110].

Перед отъездом астраханцев Лузан собственноручно составил письмо, которое передал через них воеводам. Но получив его в Астрахани, местные

власти не смогли даже определить, на каком языке оно было написано, не смогли им помочь и приглашенные для его прочтения носители разных языков. Вскоре письмо было отправлено в Москву, но и здесь, несмотря на то, что в Посольском приказе имелись достаточно квалифицированные специалисты, не сумев перевести текст письма, резюмировали: «калмыцкой лист писан мунгальским письмом, а по мунгальски у них никто не умеет, да и наперед сего на такое письмо переводчиков не бывало» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 111–113]. Сотрудникам приказа уже с начала XVII столетия были известны письма Алтын-хана, написанные на старописьменном монгольском языке [Шастина, 1949: 383–395].

Ценность этого краткого документа заключается в том, что из известных на сегодня науке калмыцких писем на старописьменном монгольском языке это самое раннее. Обнаружено оно было в Ногайском фонде, вероятно, поэтому монголоведы не могли выявить его раньше. Приводим современный перевод письма Лузана, адресованного московскому царю Михаилу Федоровичу: «Ом сувасти сиддам. Здравы ли Великий белый хан князь и бояре со всех земель? Мы здесь во здравии находимся. Мы говорим: «Если держать мир, то волосы белеют, а если держать железо, то кости белеют». Поэтому посылал я [к вам] торговать беспрерывно и летом и зимой. Говорят, прогнали их со словами: «Так много раз приезжаете для торговли?». Ты рассуди, что хорошо и что плохо – вражда или торговля. Скажи нашу вину. Зачем многословить?» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 112].

Официальная переписка между тайшами и русской администрацией велась в основном на старописьменном татарском, – на персидском (фарси) языках. Интересно, что татарский язык в то время был своего рода языком международного общения, на нем, в том числе, общались между собой калмыки и русские. Центральные и местные органы власти России выступали против того, чтобы тайши писали им письма на калмыцком или монгольском языках. Только в 1679 г. Посольский приказ обзавелся

собственным штатом специалистов (толмачей) по переводу писем с монгольского и калмыцкого языков [Котвич, 1919: 1206].

Перед отъездом в Джунгарию Дайчин неоднократно предостерегал своих братьев и сыновей, «чтоб они под Астарахань войною не ходили и людей своих не посылали и з государевыми людьми не ссорилися». Этой же весной тайши Лузан, Санжин и Сюнке планировали совершить поход на Уфимский уезд, поскольку башкиры продолжали угонять лошадей у калмыков. Часть торгутских улусов по-прежнему находилась на дальних кочевьях. Известно, например, что улусы тайшей Хо-Урлюка и Елдена располагались на реке Тургай [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1642 г. Д. 1. Л. 201].

Конфликт с чакарскими калмыками в Юго-Западной Сибири привел к тому, что торгутские улусы двинулись в западном направлении, а некоторые из них вышли непосредственно к Волге. В январе 1643 г. в Астрахань прибыло очередное калмыцкое посольство во главе с Баимбетом. Посланцы сообщили, что выступают от имени тайшей Даян-Эрке и Санжина и приехали с предложением о взаимной торговле. Но астраханские воеводы приняли их холодно, заявив послам ряд претензий. Одна из них была на то, что прошлой осенью во время охоты под Астраханью калмыки ограбили струг, замерзший на Волге, близ Енотаевского острова. В ответ посланцы заявили, что у калмыков «неведома какие люди» отогнали 101 лошадь, следы которых привели к вышеуказанному стругу, где стрельцы подверглись нападению. Из сообщения послов стало также известно, что Даян-Эрке охотился в урочище у Нарын-песков, в то время как улусы его находились у Яика. Тайша, видимо, был заинтересован в возобновлении торговли с Астраханью, так как с послами отправил 700 лошадей для продажи, но астраханские власти торговать калмыкам не разрешили [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 5–7, 10].

В это время Даян-Эрке во главе тысячного отряда находился на калмыцкой заставе, в дневном переходе от Астрахани, и ждал возвращения своих послов. Там его и застал боярский сын Л. Бухаров, который должен

был выяснить, с какой целью калмыки оказались в такой близости от Астрахани. Даян-Эрке еще раз заверил Бухарова, что он «великому государю не ослушник», но на обратном пути русские посланцы были ограблены возвращавшимися из Астрахани калмыцкими торговыми людьми (300 человек), которые отняли у стрельцов и татар оружие [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 13-14]. По всей вероятности, провал переговоров по торговле вынудил Даян-Эрке перейти к более активным действиям. Неизвестно, как развивались бы события, если астраханские власти все-таки удовлетворили просьбу калмыков о продаже скота.

С.К. Богоявленский прямо указывает, что Даян-Эрке под видом охоты и ожидания своих торговых людей производил разведку перед запланированным нападением на Астрахань [Богоявленский, 1939: 79]. По другим сведениям, Даян-Эрке пришел под Астрахань «по ссылке» едисанского мирзы Юсупа Тиникеева, который лично шертовал перед тайшей в обязательстве кочевать с ним совместно [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 96]. «Ногайский» вопрос и в этом случае оказался не последним в нагнетании русско-калмыцких отношений.

В феврале 1643 г. Даян-Эрке повел войско из калмыков и алтыульских татар в наступление на окрестности Астрахани. Встретившаяся им на пути стрелецкая застава была полностью разгромлена [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 26, 105; Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 96]. Если говорить о численности участников набега, то, по сведениям едисанских мирз, это были 3 тыс. калмыков и 100 алтыульцев [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 96]. Из Астрахани навстречу калмыкам вышел отряд под командованием воеводы И.Н. Траханиотова, и в районе реки Кутум разгорелся ожесточенный бой. В разгар событий, 19 февраля, неожиданно для астраханцев значительная часть едисан, перебив стрелецкую охрану, под прикрытием калмыцкой конницы начала переправляться с семьями и скотом через реку Кутум по направлению к Яику [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 106; Богоявленский, 1939: 80; Кичиков, 1966: 81].

В то время как Даян-Эрке действовал под Астраханью, другой молодой тайша Бадма, сын Елдена, с крупным отрядом, состоявшим из калмыков и туркменов, совершил нападение на Яицкий городок. Отогнав 20 лошадей у конных стрельцов и 59 лошадей у жителей городка, калмыки «бились болшим боем», взяли пленных и хотели осадить сам Яицкий городок. Но в эти события сразу же вмешались старшие тайши. Хо-Урлюк, только недавно прибывший в степи Северного Прикаспия, сразу отправил к Бадме лучших своих людей «для сыску лошадей и полона» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 282–283]. По мнению С.К. Богоявленского, старый тайша таким образом пытался сохранить свой авторитет среди внуков и не одобрял их действий по отношению к русским властям [Богоявленский, 1939: 81]. Астраханские власти немедленно отреагировали на последние события на Яике. Несмотря на нехватку воинских ресурсов, астраханцы все же отправили подкрепление к Яицкому городку, состоявшее из более 350 стрельцов, артиллерии и боеприпасов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 284–285].

Москва теперь серьезно была озабочена ситуацией на астраханском направлении. Воевода Ф. Телятевский, на которого постоянно поступали жалобы из Астрахани, был смещен со своей должности. Большинство мирз были освобождены из крепости и Аманатного двора. Татары и ногайцы на какое-то время успокоились, но их бегство из-под Астрахани усилилось. Часть мирз с улусами удалились на крымскую сторону Волги, ближе к Тереку, другие направились на север, к калмыкам, кочевавшим у Царицына и Саратова. Астраханские власти усилили стрелецкую охрану ногайских улусов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 381–382; Кичиков, 1966: 82].

Вскоре после боя на Кутуме из Астрахани к тайшам были отправлены посланцы во главе со С. Скарятиным. Приехав в улус Лузана, он только здесь узнал, что Лузан не имел никого отношения к февральскому походу калмыков под Астрахань, более того, по словам тайши, он даже не был в курсе событий. Подтвердилось это уже в присутствии Скарятина, когда в

улус Лузана приехали люди Даян-Эрке и сообщили о произошедшем с астраханцами сражении [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 7].

Новое поколение молодых тайшей все активнее заявляло о себе и таким образом самоутверждалось среди старших тайшей. В отсутствие отца Даян-Эрке, видимо, планировал не только сохранить за собой отцовское владение, но и преумножить его за счет ногайских кибиток. Он понимал, что таким образом вступает в конфронтацию с царскими властями и старшими тайшами. Позже молодой тайша отправил письмо астраханским воеводам, объясняя, что приходил под Астрахань по просьбе едисанских мирз [Кичиков, 1966: 81–82].

Скарятину, находившемуся в улусе Лузана, пришлось на себе испытать суровый характер калмыцкого тайши. На его предложение предоставить аманатов в Астрахань и вернуться на дальние кочевья, Лузан не только отругал его за это, но и пригрозил, что продаст как раба на невольничий рынок в Бухару. Тайша говорил, что давать аманатов русским «не для чести», поскольку калмыки кочуют «из давных лет по своей воле, где похотят, а не на указных местах». Летом, например, Лузан планировал кочевать в урочище Иргиз, что находилось между Саратовом и Самарой, т. е. в непосредственной близости от русских городов. Однако русский посланник провел время в калмыцких улусах не без пользы, собрав различную информацию о положении кочевников. По его наблюдениям, Лузан находился в курсе событий, происходящих в Самаре, Саратове и Уфе, регулярно отправляя туда своих представителей. Например, из Уфы к нему прибыли трое стрельцов с просьбой о выдаче русского полона, захваченного калмыками возле города. Лузан пообещал вернуть им пленных, но только за «государево жалованье». Стрельцов же он оставил у себя в отместку за задержанных калмыцких посланцев в Уфе [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 250–253].

Присутствие новоприбывших ногайских улусов среди калмыков некоторыми тайшами воспринималось неоднозначно, поскольку вскоре они столкнулись с новой для себя проблемой. Весной 1643 г. отряды едисан по

100–300 человек нападали на села, расположенные по Каме и Волге, приводили в свои улусы полон, состоявший из русских, мордвы и казанских татар. Зачастую калмыки насильно отбирали у них захваченных пленников, но иногда и покупали. Например, побывавший в калмыцком плену Д. Ермолин сообщал, что некий тайша отнял у едисан 50 пленных стрельцов за то, что «ходят едисаны в войну на государеву украину воровством украдкою бес калмыцково ведома». Ермолин также был свидетелем того, что едисаны приводили к тайше с целью продажи захваченных в плен 8 астраханских и царицынских стрельцов. Однако тайша не только не купил их, но и своим улусным людям запретил это делать, выговаривая едисанским мирзам, «что они были под государскою рукою, и они де сабаки государю изменили и от Астарахани отошли, а ему да и самому от них какова добра чаят[ь] и готовы де им ему изменит[ь] же». Неизвестный тайша, по словам Ермолина, сам желал быть под «государевой рукою» и выслал этих едисан подальше от своего улуса. Едисаны активно вели торговлю «живым товаром» с башкирами. Своими набегами они тревожили окрестности Саратова и Самары, отгоняли скот и захватывали людей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 102, 402–404].

Все эти действия возле русских городов наряду с февральскими событиями под Астраханью значительно испортили репутацию калмыков и не способствовали достижению взаимопонимания с русскими властями. Вместе с тем сохранявшееся серьезное давление с восточного направления, со стороны чакарцев, привело к концентрации торгутских улусов в междуречье Яика и Волги [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1643 г. Д. 1. Л. 441–443; Богоявленский, 1939: 81; Кичиков, 1966: 82]. Летом 1643 г. калмыцкие тайши во главе с Хо-Урлюком пять раз пытались вступить в переговоры с самарским воеводой Т. Шушериным по вопросам нормализации отношений с населением приволжских городов и ведения торговли. Но царское правительство жестко отреагировало на эти попытки, выдвинув все те же неприемлемые для тайшей условия: выдача аманатов, возвращение

ногайских «изменников» и откочевки за Яик. В Самару так и не были допущены 150 торговых калмыков, и на этой почве вновь возникли вооруженные столкновения [Кичиков, 1966: 82–83].

В поисках новых и безопасных мест для кочевий правая сторона Волги или, как еще называли ее в то время «крымская сторона», для торгутов казалась спасительной от ударов как стрелецких отрядов поволжских городов, так и чакарских калмыков. Именно сюда, по всей вероятности, и планировали переселиться тайши, обезопасив таким образом свои кочевья. К тому же вольные просторы на правом берегу Волги давно привлекали калмыцких кочевников обильными травами, реками и озерами, многочисленными стадами сайгаков и теплым климатом. Но какова была военно-политическая ситуация в этом регионе? Насколько были сильны Малая Ногайская Орда, являвшаяся вассалом крымского хана, и кабардинцы (черкесы или адыги), которые в то время практически контролировали большую часть Северного Кавказа? Ответы на эти вопросы мог дать только основательный военно-разведывательный набег.

Подготовка калмыков к походу на Северный Кавказ практически не находит отражения в документах. В разное время исследователи выдвигали различные версии причин, вызвавших его. По мнению С.К. Богоявленского, пускаясь в столь дальний и опасный поход, такой осторожный политик, как Хо-Урлюк, должен был как-то уладить отношения с Астраханью: было очень рискованно, уходя на большое расстояние от своих улусов, где оставались семьи и имущество, иметь у себя в тылу враждебный город со значительным гарнизоном. Возможно, с астраханскими воеводами, как предполагает С.К. Богоявленский, было достигнуто какое-то соглашение, и астраханцы не воспользовались случаем отплатить за Кутумовку [Богоявленский, 1939: 83]. По мнению М.М. Батмаева, поход имел несколько конкретных целей: нанести решающий удар по улусам Малого Ногая, упорно сопротивлявшегося натиску калмыков; провести разведку боем политической и военной обстановки на Северном Кавказе; проверить реакцию российского

правительства и действенность его контроля над регионами Нижнего Поволжья и Предкавказья [Батмаев, 1993: 94]. Целью этой акции, утверждает В.В. Трепавлов, было не только расширение кочевого пространства, но и погоня за ногайскими улусами, которых тайши стремились убедить или заставить перейти к себе в подчинение [Трепавлов, 2002: 429]. В.И. Колесник в качестве одной из причин похода видит желание Хо-Урлюка обеспечить первенствующее положение своему младшему сыну Кирсану в случае успешного его исхода [Колесник, 2003: 75].

Н.Н. Пальмов склонялся к другому мнению, считавшим, что в поход калмыки отправились под влиянием донских казаков, возмущенных решением московского правительства относительно передачи туркам Азова [Пальмов, 1926: 9]. Во многом с ним согласен и А.В. Цюрюмов, который считает, что стремление калмыков и донских казаков выступить единым фронтом против Крыма имело целью подчинить себе казыевских ногайцев [Цюрюмов, 2007: 72].

Первые контакты калмыков с донскими казаками имели место и ранее. Н.Л. Янчевский указывает, что еще в 1638 г. донские казаки в ходе захвата и обороны крепости Азов (1637–1642 гг.) намеревались заключить с калмыками военный союз [Янчевский, 1930: 104]. Но оставление казаками Азова по настоянию московского правительства и пребывание калмыцких улусов на дальних рубежах за Яиком не позволили реализовать этот замысел. Но постепенный переход калмыков в степи Волго-Яицкого междуречья и появление отдельных калмыцких разведывательных отрядов на правобережье Волги, в районе реки Сал, в 1642–1643 гг. вновь возродили в казацком обществе тему о возможном привлечении калмыков к союзу.

Летом 1643 г. донские казаки, ожидая нападения азовцев и крымцев на Раздорный городок, условились на том, «чтоб им послать в Калмыки с подарками с сукнами и с поручными, чтоб их к себе призвать на помочь». При этом внутри казацкого общества существовали и разногласия по вопросу о целесообразности «призвания калмыков». Одни атаманы, например, были

против и вполне аргументировано убеждали: «калмык призывать нелзе, только де калмыки придут к ним на помочь будет ли, или не будет, про то им знать не мочно, а от нас де им за то быть в опале, а украиным городам будет разоренье». Тем не менее атаманы решили призвать калмыков на помощь и отправили к тайшам с богатыми подарками своих посланцев – казаков Д. Игнатьева, Я. Солдата и И. Багилдинского с тремя донскими татарами [Акты, 1841: 476–477]. К сожалению, в документах не находят отражение результаты этих переговоров, но, судя по отсутствию сведений о каких-либо серьезных совместных военных выступлениях в дальнейшем, можно догадываться, что они все-таки не имели положительных итогов.

По всей вероятности, у калмыцких тайшей никакого конкретного соглашения с донскими казаками накануне их вторжения на Северный Кавказ не было. Куда больший интерес для них представлял договор 1643 г., заключенный с ногайскими казаками, о совместных походах на Казыевский улус. Именно объединение под своим началом всех ногайских улусов и являлось главной целью тайшей. Часть Большой Ногайской орды уже находилась в подчинении у калмыков, и, видимо, последними на очереди оставались кубанские и терские ногайцы. Если бы такое объединение все-таки состоялось, то калмыцко-ногайская орда вполне могла бы серьезно доминировать в регионе.

Интересно проследить хронологию событий, разворачивавшихся в этот период. Архивные материалы из Ногайского фонда свидетельствуют, что первой в поход на Северный Кавказ осенью 1643 г. выступила воинская группа, возглавляемая Лузаном. Численность этой группы составляли 2 тыс. калмыков и 500 ногайцев. Перейдя Волгу выше Царицына, они совершили молниеносный набег на Кубань, разгромив Казыевский улус мирзы Карашеима, и захватили большое количество ясыря, скота и лошадей. Возвращаясь с Кубани, отряд Лузана на реке Сарпа вступил в бой с отрядом астраханских стрельцов, закончившийся в пользу калмыков, в плен тогда

попало несколько астраханцев [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 13; 1645 г. Д. 1. Л. 107; 1646 г. Д. 2. Л. 104].

Успешные действия Лузана на Кубани, в ходе которых были захвачены значительные трофеи, вдохновили и других калмыцких тайшей. Следующей в конце 1643 г. в поход выступила уже группа Даян-Эрке. Основные силы калмыков двинулись дальше на Терек, но и здесь ногайские улусы не были обнаружены. Простояв день около Терского городка, Даян-Эрке направил своих людей «в загон» для поиска ногайцев, которые захватили несколько местных терских ногайцев. Последние сообщили, что ногайские улусы ушли в горы, к кумыкскому князю Казаналпу. Подобное развитие ситуации заставило тайшей призадуматься: стоит ли двигаться вперед, в горы, или вернуться обратно. Простояв на Тереке еще трое суток, калмыки двинулись назад, в улусы. Они были всего в пути полдня, как вдруг Даян-Эрке и Нима-Церен, отъехав в сторону, посоветовались и приняли решение о возвращении на Терек. Обратно в улусы тайши отправили только 1 тыс. калмыков и ногайцев вместе с мирзой Каспулатом. С остальным войском они перешли Терек и двинулись в горы, по направлению к селению Эндери, по дороге захватив всего 100 кибиток ногайского мирзы Чебана Иштерекова [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 109–111].

3 января 1644 г. в Терский городок пришел бежавший из калмыцкого плена астраханский татарин, который сообщил о передвижении большого количества калмыков в районе между Астраханью и Тереком. Терские воеводы М. Волынский и Е. Самарин срочно отправили в Москву и Астрахань просьбы о подкреплении, поскольку не обладали достаточными силами для обороны крепости. Воеводы сразу же передали информацию об угрозе нападения калмыков в Кабарду, к кумыкам и терским ногайцам, предупредив их о необходимости быть готовыми к принятию боя с неприятелем. Буквально на следующий день, 4 января, около часа дня, калмыцкие отряды появились возле Терского городка, и заречные слободы белопоместных казаков, черкесов и юртовских татар сразу же были

атакованы ими. В бою, длившемся до вечера, терцам удалось отстоять слободы князя Муцала Черкасского и Ханмирзы Арсланова. Даян-Эрке, потеряв в сражении значительное количество своих людей, отступил вверх по Тереку и остановился в 30 верстах от городка. Не сумев с ходу захватить Терский городок, тайши попытались присоединить терских ногайцев, ушедших на территорию кумыцкого владения Барагуны. Калмыки остановились в районе междуречья Терека и Аксая, куда через 5 дней к ним прибыли двое посланцев от терских ногайцев. Неизвестно, чем закончились эти переговоры, но тайши с войском двинулись обратно в улусы [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 74–78, 145; Богоявленский, 1939: 82; Шмелев, 2004: 228–229].

Воспользовавшись отходом калмыков, терские воеводы решили не отсиживаться в крепости и перешли к наступательным действиям, отправив крупный отряд к Цареву броду, который перекрыл его для отхода кочевников. Бросок калмыков через брод ни к чему не привел, и они, понеся потери, отступили назад. Казаки организовали ночное преследование и навязали калмыкам еще один бой, который также закончился не в пользу последних. Но неожиданно ударили сильные морозы, и Терек встал. Это позволило калмыкам небольшими отрядами перейти через реку на левый берег. Попытки казаков удержать их и не пропустить обратно к Астрахани оказались безуспешными [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 146–148].

По возвращении в улусы этой группе пришлось еще раз вступить в бой, но уже с астраханским отрядом. Во время переправы через Волгу астраханцы разбили передовой отряд калмыков, сопровождавший ногайский улус, и захватили много пленных. Даян-Эрке с основными силами двигался позади примерно в 10 верстах, и, узнав о разгроме авангарда, попытался настичь астраханцев и отбить полон. Но, подойдя к Волге, калмыки обнаружили, что на скованной льдом реке нет снежного покрова. Поскольку лошади были неподкованными, с ходу перейти Волгу и далее преследовать астраханцев было не возможно. Пройдя вверх по реке от урочища Ичик-боре до

Енотаевки, калмыки, посыпав лед песком, перешли Волгу и вернулись в улусы на Нарын-песках, в урочище Кизыл-илгын [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 112]. Таким образом, войско Даян-Эрке, хотя и не было полностью разгромлено терцами и астраханцами, потеряло в боях значительную часть своего состава.

Главные силы были сосредоточены под началом Хо-Урлюка. Известно, что калмыцкие тайши предварительно вступали в переговоры с малыми ногайцами и кабардинцами, стараясь добровольно привлечь их на свою сторону, но успеха они не имели. Связанные союзническим долгом, кабардинцы выступили на стороне малых ногайцев, и это, по всей видимости, объясняет вторжение калмыков непосредственно на их территорию. Получив информацию о готовящемся нападении калмыков, терские казаки, кабардинцы и малые ногайцы составили план совместных действий, это позволило им избежать больших потерь и в дальнейшем нанести сокрушительное поражение противнику [Кабардино-русские, 1957: 242–244].

В ходе этого сражения обе стороны понесли серьезные потери. Поименного списка погибших калмыцких тайшей не существует, но из сообщения терского воеводы А.П. Волынского известно, что у калмыков на поле битвы погибли Хо-Урлюк, Кирсан, а также некие «Иргентень-тайса да Желдень-тайса» [Кабардино-русские, 1957: 243]. Ш. Ногмов указывает, что из 10,5 тыс. калмыков спаслись только 1,5–2 тыс., а весь конский состав достался победителям [Ногмов, 1958: 129]. Русские источники уточняют, что в плен попало больше тысячи калмыцких и едисанских людей, а вместе с ними двое тайшей, одного из которых звали «Илгердей-тайса» [Кабардино-русские, 1957: 243] (возможно, это был Ергелду. – *В.Т.*). Положение калмыков усугубило и то обстоятельство, что еще больше людей погибло от организованной кабардинцами погони и ударов терских казаков на Куме [Богоявленский, 1939: 82; Кабардино-русские, 1957: 243–244].

По мнению С.К. Богоявленского, поражение в Кабарде сломило мощь торгутов, в их жизни наступил поворотный момент. До этого тайши, достигшие высоты могущества и подчинившие себе многочисленные ногайские улусы и пополнившие свои войска новыми подданными, могли разговаривать с царским правительством как с равным. После Кабарды тайши не знали, где бы они могли кочевать в безопасности [Богоявленский, 1939: 82–83]. Русские источники свидетельствуют, что в середине 40-х гг. XVII в. под влиянием уговоров джунгарского Батура-хунтайджи и из-за военных поражений торгутские правители всерьез задумывались над возможностью покинуть Поволжье и вернуться в Джунгарию [Златкин, 1983: 111].

Но покинуть степи Северного Прикаспия, не решив вопроса о возвращении останков погибших тайшей и пленных, тайши не могли. Поэтому вскоре после поражения в Кабарду приехали калмыцкие послы. Ш. Ногмов указывает на тот факт, что никого из пленных они не нашли, поскольку все были проданы в горы [Ногмов, 1958: 129]. Это подтверждают и материалы фонда «Кабардинские дела». Согласно сведениям кабардинских узденей в Терском городке, в 1644 г. в Кабарду приезжали 20 калмыцких посланцев, которые просили на выкуп пленных. Князья Алегуко и Ходождуко отправили их искать своих соплеменников в горы и Малый Ногай, но там они никого не смогли найти, поскольку пленники были «распроданы в горы в разные земли». Посланцы в начале 1645 г. ни с чем вернулись обратно [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 71, 72].

В «Ногайских делах» за 1644 г. сохранились более подробные сведения о поездке на Кавказ калмыцких послов. В марте тайши отправили к казыевским мирзам калмыцкое посольство (10 человек), которое возглавляли Садашкир, Барын и туркмен Базрек. Калмыки предложили ногайским мирзам присоединиться к тайшам, обменяться пленными и в дальнейшем вместе участвовать в военных акциях против общих недругов. В ответ казыевцы отправили свое посольство (15 человек), привезя к тайшам «для веры»

калмыцкого пленника. В результате стороны все-таки договорились об обмене пленными [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 55, 56].

В калмыцкие улусы отправился казыевский мирза Шагин (Шаим) Ельмурзин, взяв с собой выкупленные у кабардинцев останки (сожженные кости) Хо-Урлюка, Кирсана и Церена, в расчете обменять их на свою жену и детей, находившихся в плену у калмыков [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 72]. Однако Шагин с братом по дороге были перехвачены царским отрядом и посажены в тюрьму в Астрахани. Правительство обвинило их в сговоре с калмыками, и только в 1648 г. они были переведены из тюрьмы в Аманатный двор [Кабардино-русские, 1957: 287, 295, 297].

Получив информацию о нахождении останков Хо-Урлюка в Астрахани, калмыцкие тайши поначалу были обрадованы, поскольку, как говорили очевидцы, они «почитают те кости вместо живых тайшей» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 55]. Но останки Хо-Урлюка, его сына и внука долгое время являлись предметом политического торга между царскими властями и тайшами, которые требовали их выдачи. Только после подписания шерти в 1657 г. правительство распорядилось выдать «кости Урлюка» Дайчину. Именно на этой почве впоследствии появилась легенда о гибели Хо-Урлюка во время осады Астрахани, которую многие исследователи XVIII – начала XX в. принимали за состоявшийся факт.

Возмущенные последними действиями тайшей на Северном Кавказе, астраханские воеводы в феврале 1644 г. срочно отправили в калмыцкие улусы боярского сына Б. Голятина и толмача А. Васильева. С самого начала послы не ждали ничего хорошего от встречи с Лузаном, который выслушал «государев лист» сидя и в шапке, что по правилам русского этикета означало неуважение к царским представителям. Протест астраханцев на недавние действия калмыков, озвученный послами, содержал в себе требование возвратить русских пленных и удалиться на дальние кочевья. В противном случае русская сторона обещала возобновить военные действия против калмыков. Лузан высказал свой взгляд на обострение русско-калмыцких

отношений, по его мнению, этому способствовали неудачные переговоры в Самаре по вопросу о торговле. На военные угрозы русских посланцев Лузан весьма строго ответил: «чаяли они, что присланы они... для миру, а они де к ним присланы з грозами» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 53].

Столь непочтительное отношение к русским посланцам могло еще более ухудшить и без того непростые русско-калмыцкие отношения, и это понимали другие тайши. Поэтому в мае Даян-Эрке обратился к Лузану с просьбой передать ему русских посланцев, что и было вскоре сделано. Молодой тайша, чувствовавший себя в это время больным, приказал предоставить посланцам отдельную кибитку, располагавшуюся рядом с кибиткой его жены Каныш. Принял он их только на десятый день. Даян-Эрке также сидя выслушал «государев лист» и на обвинения в уводе ногайцев из-под Астрахани в 1643 г. ответил, что едисаны сами пожелали присоединиться к нему, а на упреки незаконности занятия калмыками кочевий, тайша спокойно возразил: «Землю и воды бог сотворил, и те места лежат порожжи, и никакие люди на тех местах не живут. А им калмыцким людям те места угодны и покойны, и потому они на тех местах и кочуют» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 57–59].

Голятин вернулся в Астрахань вместе с калмыцкими посланцами во главе с Баимбетом, пригнавшими на продажу 600 лошадей. В число калмыцких представителей входили люди от Даян-Эрке (посланец Мамыт), Елдена (Багым-Батур) и Лузана (Чоклу). Калмыков поселили за Астраханью, в Вознесеновской слободе. В свете последних событий астраханские жители довольно настороженно отнеслись к приезду калмыцких посланцев. Как отмечали очевидцы, калмыки от постоялого двора до Съезжей избы (воеводской канцелярии) шли по дороге, вдоль которой с пищалями стояли стрельцы, посадские и торговые люди. Послы передали воеводам два письма – от Лузана и Даян-Эрке, в которых предлагалось установить мирные отношения и вести торговлю, а также содержалась просьба отправить гонцов в Царицын, Саратов и Черный Яр для предотвращения нападений на

калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 45–47, 63–64, 66–67].

Интерес представляет письмо Даян-Эрке, составленное на старописьменном татарском языке. В послании на имя царя Даян-Эрке сетовал, что после отъезда его отца Дайчина «с добрыми словами добрых послов к нам не присылали» и возмущался тем обстоятельством, что в Астрахани его посланца Ахандея Мергена «засадили и торговать ему не дали, и отпустили нечестно». По поводу последних трагических событий Даян-Эрке отмечал: «А в прошлом году ваша тысяча человек, а наших тысяча человек напрасно померли. А те люди померли оттого, что вы к нам, а мы к вам добрыми людьми не ссылались. И ныне мы послали к вам добрых своих людей и ему, государю, бьем челом...» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 125–127]. Чтобы предупредить возникновение эксцессов в отношениях с русскими властями, Даян-Эрке запретил своим подвластным ногайцам под страхом конфискации имущества, жен и детей совершать набеги под русские города [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 11, 44].

В ответ на действия калмыков зимой 1643/44 года царское правительство в Самаре, Астрахани и других поволжских городах спешно начало усиливать местные гарнизоны. Командование этими полками было возложено на самарского воеводу Л.А. Плещеева и астраханского воеводу Ф.Ф. Волконского. Нанесение удара по калмыцким улусам, видимо, планировалось одновременно с двух направлений – астраханского и самарского. Летом 1644 г. русские совершили нападение на калмыцкие улусы, пленив большое количество людей и захватив лошадей. Калмыки отступили за Яик, лишившись огромных пастбищных территорий. 28 июля Плещеев докладывал царю о своем разгроме калмыков в верховьях реки Яик и захвате в плен 480 человек. Царь Михаил Федорович отправил к воеводе государево жалованье, а также «милостивое слово и с золотыми и велел о здоровье спрашивать». Наибольшие потери понес Даян-Эрке, поскольку люди Плещеева захватили калмыцкий ясырь (женщин и детей) в основном из

его улуса. Когда же его улусные люди отправились к русским за своими женами и детьми, тайша по дороге их нагнал и убедил вернуться обратно, обещая признать русскую власть и таким образом вернуть в улусы калмыцких пленных [Богоявленский, 1939: 83; Кичиков, 1994: 72].

По сведениям бывшего пленника А. Серебряка в Астрахани, в июле 1644 г. тайши, опасаясь нового прихода царских войск, с улусами начали отходить за Яик, перейдя реку в ее верховьях. По ходу движения калмыцких улусов в восточном направлении Даян-Эрке для обеспечения безопасности пытался урегулировать отношения с соседями. С этой целью он заключил мирный договор с туркменами, около трех лет притеснявшими калмыцких торговцев. Тайша отправил к южным соседям посольство из 100 человек, которое и договорилось с ними о взаимной торговле. В августе 1644 г. послы Даян-Эрке прибыли в Уфу с сообщением, что их тайша кочует в верховьях реки Илек. Тайша просил предоставить возможность беспошлинной торговли в Уфе, а также район кочевий по Яику, Сакмаре и вверх по реке Белой [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 7; Ф. 127. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 128].

Но Москва придерживалась прежней политики по отношению к калмыкам. Уфимскому воеводе Б.А. Репнину было направлено строгое указание: требовать от калмыков вернуться на дальние кочевья, отдать русский полон и вернуть ногайцев на прежние их кочевья под Астраханью. С этой целью в октябре 1644 г. из Уфы в улусы Даян-Эрке вместе с калмыцкими посланниками был направлен стрелецкий пятидесятник Д. Брызгалов. Но буквально за три дня до его приезда Даян-Эрке при загадочных обстоятельствах неожиданно умирает. По слухам, которые дошли до Брызгалова от ногайцев, виновником смерти молодого тайши был его дядя Лузан, якобы отравивший своего племянника с помощью некоего ламы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1644 г. Д. 1. Л. 16–17, 33–34].

Узнав о трагедии, постигшей родственников, Дайчин отправил в Уфу Бакши Сабанова с ходатайством разрешить ему проезд в Москву. Появившись 26 октября 1644 г. в Уфе, посланец Дайчина пояснил, что с тех

пор, как Дайчин отправился «в мунгалы к Алтыному царю по своей вере молитца» пошел уже шестой год (т. е. ориентировочно он выехал в 1638–1639 гг. – *В.Т.*). По словам посланника, Дайчин уже возвращался домой, когда узнал о разгроме царскими войсками улуса старшего сына. Поэтому он немедленно отправил его в Москву с целью скорейшего урегулирования конфликта. Вместе с Сабановым в Уфу прибыли и посланцы от Елдена – Кулачи Аздраев и другие. В качестве подарка Дайчин отправил русскому царю 8 коней и 2 иноходцев, Елден – 2 коней [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1644 г. Д. 2. Л. 1–5].

Получив 20 марта 1645 г. официальное разрешение на выезд в Москву, калмыцкие послы 5 июня были уже в столице. На следующий день их приняли дьяки Посольского приказа – Г.В. Львов и С.Б. Кудрявцев. Послы жаловались, «что они от его государевых ратных людей разорены, многие люди побиты, а жены и дети в полон поиманы, а животы и стада пограблены и разорены без остатку». И поинтересовались у дьяков о карательном походе Плещеева против калмыков: «от ково та война учинилась, з государева ли ведома или без государева ведома?» Дьяки бросили упрек послам в том, что тайши неоднократно шертовали русскому царю, но постоянно нарушали соглашение, нападая на русских и татар. Однако те уверяли их, что калмыки сами никогда не нападали на царских подданных и не угрожали русским городам, «только они его государеву траву едят да воду пьют, а в ыном ни в чем перед ним, великим государем, не повинны». С их стороны, как убеждали послы, могли быть только ответные действия: «и змея де по земле ползет и только кто на нее не наступит, и она никово не укусит, а кто на нее ступит, и тово де укусит, а их де [обычай] такой: только их хто не задерет, и они молчат, а будет хто их задерет, и им как не поборонитца?» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1644 г. Д. 2. Л. 17–18, 44–45, 48, 51; Устюгов, 1947: 50].

Тайшей также обвинили в том, что они, учинив погром ногайцам, взяли их к себе в улусы. Но Сабанов объяснял, что ногайцы пришли к ним сами «от насильства астараханских воевод» и кочуют с калмыками «в своей же воле»,

часть же из них, кто пожелал, вернулись обратно под Астрахань. Послы просили вернуть захваченные калмыцкое улусное население и скот, передать останки Хо-Урлюка, его сына и внука. Они говорили, что Хо-Урлюк перед походом на Кабарду якобы отправил в Астрахань весть, что он «праведному государю не недруг, а казыевцы и черкасы вам, государем, и нам недруги» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1644 г. Д. 2. Л. 48, 61; Кичиков, 1966: 87].

Понятно, что перед калмыцкими послами стояла довольно сложная задача – смягчить острые моменты в русско-калмыцких отношениях, возникшие по вине отдельных калмыцких тайшей. Послы заявили, что все сыновья Хо-Урлюка желают быть «в вечном холопстве» у русского царя, однако дьяки еще раз подчеркнули, что верить шертям тайшей на словах нельзя и потребовали для гарантии аманатов. Тогда послы сослались на то, что тайши им об аманатах ничего не говорили, поскольку раньше такого не бывало. Окончательный ответ Москвы заключался в том, что все просьбы калмыцких тайшей будут удовлетворены русской стороной только при условии выдачи аманатов и принятия калмыками подданства [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1644 г. Д. 2. Л. 49–52, 80–82].

Как показали дальнейшие события, Дайчин задержался в Джунгарии еще на 2 года, не имея возможности безопасно проехать через кочевья чакарских калмыков. Задача послов заключалась, в первую очередь, выиграть время до приезда Дайчина в свои улусы и по возможности урегулировать отношения с Москвой, чтобы не допустить повторных карательных действий со стороны русских, как это произошло летом 1644 г. Поэтому не удивительно, что в Москве калмыцкие послы для решения поставленной задачи манипулировали вопросом о возможном принятии тайшами русского подданства.

Во многом калмыкам благоприятствовало то обстоятельство, что Московскому государству в конце 1644 г. был нанесен новый удар со стороны крымских татар. Новый крымский хан Ислам-Гирей III (1644–1654 гг.), назначенный Портой в декабре, свое правление начал с

организации военного набега на русские территории, таким образом вероломно нарушив мирный договор с Москвой. Братья хана, Гази-Гирей и Мурад-Гирей, во главе войска вторглись в пределы южной России, но были встречены русскими отрядами и отброшены обратно за пределы государства. Москва начала подготовку к ответному удару по Крыму [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 228]. Однако русская армия остро нуждалась в дополнительной военной силе, особенно в коннице, поскольку действовать приходилось в степной местности против мобильных кочевников. Такими силами она в достаточной мере не располагала, а подвластные татары и башкиры были не совсем надежными союзниками в борьбе против их же единоверцев. Калмыки представляли вполне реальную силу на южном направлении, тем более что еще с 1630-х гг. они предлагали Москве использовать свой военный потенциал против крымских татар.

Приезд калмыцких послов в Москву оказался для этого вполне подходящим моментом. Поэтому просьбу тайшей отправить к ним русских послов для дальнейших переговоров Москва удовлетворила. В улусы был отправлен стрелецкий голова А. Кудрявцев, когда-то побывавший в калмыцком плену и потому неплохо знавший калмыцкий язык. Вместе с ним отправились стрелецкий сотник Д. Шепелев, толмач В. Киржатцкий и стрельцы. Кудрявцеву предписывалось привести тайшей к шерти и призвать их идти войной вместе с русскими ратными людьми на Крым. Правительство стягивало в Царицын войска для организации крымского похода и предложило тайшам на время военных действий прислать сюда 12 тыс. лошадей. Погибших и «худых» лошадей правительство в дальнейшем по договору предполагало компенсировать товарами «недорогой ценой». При этом аманатов от тайшей Москва требовала только на время похода, а после войны обещала предоставить калмыкам торговые привилегии в русских городах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 232–236].

Выехав 22 марта 1645 г. из Уфы, посольство А. Кудрявцева, состоявшее из 50 человек, 21 апреля прибыло в калмыцкие улусы. С ними

приехали и те калмыцкие послы, которые три года насильно удерживались в Уфе. Калмыки были рады возвращению своих людей и приезду русских послов. Первоначально послы остановились в улусе Лузана, на реке Кииm. 27 апреля Лузан официально принял Кудрявцева, зачитавшего ему государеву грамоту. Тайша по просьбе посла заслушал грамоту стоя и сняв шапку. На просьбу тайши оказать военную помощь против кабардинцев, русский посол ответил отказом, мотивировав это тем, что «черкасы их, калмыцких тайшей и улусных людей, не задирали и зла им никоторово не делали и воевать их отцу Урлюк тайше [было] незачто». Вполне обоснованно Кудрявцев также добавил, «чтоб наших ратных людей на наших же искони вечных холопей войною послать... немочно». Видимо, Лузан услышал не то, что хотел, а неуступчивость русского посла вывела тайшу из себя. Через неделю он приказал своим людям отобрать все вещи у послов, пригрозив Кудрявцеву отрезать бороду, а толмачу выколоть глаза ножом. Лузан сообщил послам о скором приезде Дайчина, совместно с которым угрожал совершить набег на Уфимский уезд [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 99; 1645 г. Д. 2. Л. 264–265; 1646 г. Д. 1. Л. 142, 159].

Неизвестно, чем бы закончились эти угрозы, если бы к Лузану не приехали от Нима-Церена доверенные его лица – Чокула и Замала и не забрали к себе русских послов. К Нима-Церену они прибыли 4 мая, а тайша их принял 7 мая. Молодой и неопытный тайша не знал, о чем конкретно вести переговоры с Кудрявцевым и потому отправил его к дяде Елдену. Приехав 13 июня в улус Елдена, 17 числа посол был принят тайшой. Около месяца тайши активно между собой советовались, пока 17 июля на реке Орь в урочище *Одного дерева* (в улусе Елдена) у них не состоялся общий съезд, на котором присутствовали практически все калмыцкие и ногайские владельцы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 266–267; 1646 г. Д. 1. Л. 181–182].

Несколько дней тайши совещались по выработке общей позиции на предстоящих русско-калмыцких переговорах. 20 июля Елден, Лузан,

Санжин, Сюнке, Нима-Церен и другие тайши назначили русским послам встречу, во время которой выразили благодарность русской стороне за прием в Москве калмыцких послов и возможность продолжить переговоры. Кудрявцев напомнил тайшам, что Далай-Батур, Хара-Хула и Хо-Урлюк «искони» были в «повеленье и послушанье» у государя и шерть свою никогда не нарушали, на русские города и деревни не нападали. Он упрекнул тайшей в нападении на Астрахань и уводе к себе в улусы ногайцев. Посол не преминул напомнить и о том, что после поражения калмыков в Кабарде тайши «не унялися» и начали наступать на Саратов и иные «понизовые» города, за это по указанию правительства и разбил их воевода Плещеев. Кудрявцев призывал тайшей принести шерть и дать аманатов, и подчеркивал, что только в этом случае правительство разрешит им беспошлинно торговать в русских городах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 268–281, 289; Соловьев, 1991: 552].

Выслушав посла, тайши заявили, что «в прошлых годах калмыцкие тайши некоторых улусов с улусными людьми у них, у прежних государей московских, в повеленье и в послушанье бывали или нет, и чем их прежние государи тайшей жаловали или нет, того мы не упомним...». Они еще раз напомнили, что под государевой рукой «в повеленье и в послушанье не бывали». Относительно приезда калмыцких послов в Москву тайши пояснили, что «не посылали, что быть нам в неволе, а посылали мы послов своих к государю бить челом о том, чтоб с ним, государем, быть в миру и войны не чинить». Точку в этом вопросе они поставили следующей фразой: «И отец наш, Урлюк, и мы, и иные калмыцкие тайши великому государю не служивали и шерти по своей вере не давали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 281–283, 288–289; Соловьев, 1991: 552–553].

Тайши категорически отвергли обвинения в свой адрес в нападении калмыков на Астрахань, Саратов и другие города. Они говорили, что если таковые набеги и происходили, то «приходили от нас украдкой, того мы не ведаем, потому что кочуем на новом месте», что под Астрахань в 1643 г.

ходили тайши Даян-Эрке и Нима-Церен, причем не против самого города, а только навстречу едисанским мирзам, пожелавшим добровольно присоединиться к калмыкам: «они у нас не в неволе живут, не как у вас, аманатов их у нас нет». Кавказский поход 1644 г., по словам тайшей, стал следствием нападения на крымской стороне Волги ногайских мирз на отряд Лузана, возвращавшегося из набега на Казыевский улус, подчинявшийся крымскому хану. По поводу поражения, которое калмыки потерпели в Кабарде, они вполне философски заметили, что «и то сделалось волею божьею, а мы извека на войне помираем». А насчет поражения, нанесенного им воеводой Плещеевым, сказали, что «то повелось извека на войне побивают и в полон емлют». Тайши наотрез отказались уйти на дальние кочевья, объяснив, что не кочуют непосредственно рядом с русскими городами, заметив при этом: «земля де божия, кочуем на порозжей земле; а мы люди божии, вольные, и кочуем по своей воле, не в указ, а на его государеве земле николи не кочуем». Они предложили Кудрявцеву дать клятву с целованием креста в том, что русские не направят свои войска против калмыков. Со своей стороны тайши обещали дать указание своим лучшим людям принести шерть в том, что не будут совершать нападения на русские территории [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 284–284, 286–287, 290–291; Соловьев, 1991: 553].

По вопросу об аманатах позиция тайшей была непоколебима, поскольку в этом они видели угрозу своей самостоятельности. Они еще раз твердо заявили: «Нам аманатов давать нельзя, наши деды и прадеды, и отцы наши, и мы прежним государям аманатов не давали извека ни с тайшей, ни черных людей тово у нас не повелось... Да и впредь у нас тово не будет». Возможность вести торговлю с русскими городами взамен на предоставление аманатов тайшей также не устроила: «нам и мимо государевых людей есть с кем торговать, а пошлин мы никому не даем». Кудрявцев наотрез отказался без аманатов верить на слово тайшам, поскольку калмыки «многое свое зло и грубость и измену показали», на что тайши ответили, что приходили войной

на войну, и государю не изменяли по причине того, что никогда не были у него «под началом» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 291–293; Кичиков, 1994: 75–76].

Угроза военного столкновения с чакарскими калмыками стала причиной и отказа тайшей принять предложение Кудрявцева совершить совместный военный поход против Крымского ханства. Крым, по словам калмыков, находился далеко и «то нам место незнакомо, прежде сего мы не бывали». Основанием для отказа было и различие в военных традициях. Как говорили тайши, с государевыми людьми вместе «идти нельзя, что ваш русский поход пеший, где нам идти день, а русским людям идти неделю». Лошадей же для русской армии калмыки предлагали продать в Уфе или Астрахани [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 331–332].

Переговоры, по существу, закончились провалом. Тайши достаточно резко отклонили практически все предложения Кудрявцева. Тогда русский посол, действуя согласно правительственной инструкции, перешел к прямым угрозам в адрес тайшей. Он заявил о возможном выступлении против торгутов русских войск совместно с отрядами чакарских калмыков, которые неоднократно предлагали правительству свою военную помощь. Посол опять напомнил тайшам о поражении и о потере ими значительной части своих воинов в Кабарде. Услышанное из уст Кудрявцева вызвало возмущение у калмыков, некоторые из них предлагали русских послов развезти и распродать, а другие – физически расправиться с ними. Старшие тайши говорили Кудрявцеву: «Грозить приехал, только [если] бы ты не с Москвы прислан к нам, и ты бы был за такое слово у нас в Бухарах». Единственными, кто в этой ситуации заступились за Кудрявцева и его товарищей, были калмыцкий дархан Чокула и хошут Абека, которые поспешили увезти русских послов от разгневанных тайшей в улус Нима-Церена [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 295–297; Кичиков, 1994: 76].

Здесь Кудрявцев познакомился и сблизился с вышеназванными Чокулой и Абеком, которые уговорили Нима-Церена отпустить русских

послов. При отъезде посольства простые улусные люди обращались к Кудрявцеву с просьбой посодействовать в освобождении за выкуп своих жен и детей, захваченных воеводой Плещеевым. Посол им честно признался, что сделать это будет сложно ввиду отказа тайшей выполнить требования Москвы. Многие калмыки причину своих бед видели именно в отсутствии в улусах Дайчина, который всегда, как они говорили, защищал интересы простых людей. 20 сентября посольство Кудрявцева с урочища на реке Тургай отбыло обратно в Москву. Вместе с русскими послами Чокула отправил и своих людей – Абеку и Кутагыка. В целях безопасности посольства он лично трое суток сопровождал его до границ кочевий. 5 октября 1645 г. посольство Кудрявцева благополучно вернулось в Уфу вместе с калмыцкими посланниками, просившими разрешение на проезд в Москву. Но уфимским воеводам было категорически запрещено пропускать калмыков в столицу до тех пор, пока их тайши не примут русское подданство и не предоставят аманатов. Позже выяснилось, что посланники от калмыков представляли интересы не тайши Нима-Церена, как считали воеводы, а его дархана Чокулы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 2. Л. 310–313, 335; 1646 г. Д. 1. Л. 197–198; Кичиков, 1994: 76].

Очевидно, что большинство тайшей, участвовавших в русско-калмыцких переговорах, находилось под влиянием Лузана, который не был сторонником прорусской ориентации и добивался сохранения полной независимости калмыков, хотя и не отрицал полезности сохранения добрососедских отношений с Москвой. Гибель Хо-Урлюка, смерть Даян-Эрке и продолжавшееся длительное отсутствие в улусах Дайчина фактически сделали Лузана первенствующим тайшой среди торгутов. Именно его позиция, по мнению М.Л. Кичикова, и стала определяющей в провале русско-калмыцких переговоров [Кичиков, 1994: 75]. Но большинство калмыцких улусных людей желало нормализации русско-калмыцких отношений, поскольку на тот момент возвращение пленных и решение территориального вопроса для народа было жизненно важным.

В сентябре 1645 г. в Уфу из калмыцких улусов вернулись А. Онучин, толмач Г. Люзмин и башкирский тархан Табынай. Тайши долгое время насильно их удерживали у себя, но уфимцам удалось в конечном итоге сбежать. По их словам, Лузан не раз угрожал им набегами на Уфимский и Казанский уезды [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1645 г. Д. 1. Л. 112–113, 116]. В свою очередь бегство Онучина и его людей сорвало замыслы калмыков на очередной набег на Уфимский уезд [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1646 г. Д. 2. Л. 82]. Как правило, в случае бегства пленников тайши отменяли запланированный набег на соседей, поскольку это лишало их действия фактора внезапности и ставило под сомнение успешное окончание военного мероприятия.

Осенью 1645 г. ожидания тайшей оправдались, из Астрахани к ним были отправлен ранее задержанный калмыцкий посол Исенгелдей с листом. Поскольку он был человеком Сюнке, то последний срочно оповестил о прибытии своего представителя и других тайшей. Елден вместо себя отправил к брату на переговоры своего сына Бадму, Лузан – одного из своих приближенных, а Нима-Церен лично явился к дяде. На встрече Сюнке старался особо выделить свой успех на дипломатическом поприще, достигнутый, как он считал, благодаря отказу от участия во всех военных акциях против России. Бадма от имени отца дальнейшие отношения с русскими предложил начать, что называется, с «чистого листа»: «наперед сего от них, что ни бывало, и того б старого ничего не начинати, а вперед бы никому дурну не быть». Его позиция устроила практически всех собравшихся тайшей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1646 г. Д. 2. Л. 87].

По договоренности с чакарскими калмыками и Зая-пандитой торгуты должны были к ним присоединиться. Но отход от Астрахани, где оставались еще останки Хо-Урлюка, Кирсана и Церена, а также задержанные калмыцкие послы, был в принципе невозможен. Поэтому на ближайшую зиму тайши выработали общий план, предусматривавший совместный поход с отрядами к Астрахани и новой попытки договориться с воеводами о возвращении

послов и останков тайшей. Если последнее не удалось бы, то калмыки планировали захватить астраханских татар и ногайцев, кочевавших по крымской стороне Волги, для дальнейшего их обмена. В том случае если бы ногайцы согласились добровольно присоединиться к калмыкам, то планировался уже совместный набег на Казыевский улус, чтобы затем казыевцев обменять на «кости» тайшей. Возвращение останков тайшей для калмыков было принципиальным вопросом: «однолично добиватца, потому что де им без Урлюковых костей к дальним калмыкам никоторыми делы идти не уметь» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1646 г. Д. 2. Л. 107].

1 декабря 1645 г. в Астрахань прибыл калмыцкий татарин Козеин с письмом от тайши Сюнке. Ниже приводится фрагмент перевода письма со старописьменного татарского языка:

Божиею милостью великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича Всеа Руси Самодержца и многих государств царя и обладателя, боярину и воеводе князю Борису Александровичу Репнину, да окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьякам Григорию Леонтьевичу да Дмитрию Никифоровичу Шункей тайша Урлюков с честью челом бьет.

В прошлом году взят был Кересан тайчин калмыченин и с тем калмыченином прислали вы к нам с грамотою дву человек татар Адная да Доюна, а с ними приказали, чтоб нам Андрея толмача (Сафонова. – *В.Т.*) *с товарищами отдать. Да посылали мы с братею в Астрахань послов своих Исенгелдея с грамотою, а в грамоте своей писали, как Урлюк тайши убили, и шли с той войны назад и в то время взяли на погроме Берека туркмена да двух человек калмычат. И тово туркмена и калмыка посадили в темницу. А калмыков имен Сершкеп да Барсу. Чтоб вам тово туркмена и калмыков прислать с послом нашим на Яицкий город. А мы тово толмача Андрея с товарищами привезем к тому де городу, и трех татарин вам бы разменять. И вы прислали к нам посла нашего, а с ним прислали Алей мурзиных, и те татары и калмыки до нас доехали здоровыми. А с тем нашим послом прислали к нам грамоту, и мы ту грамоту к братьям своим к Елден тайше*

да Церен тайше, Урлюковым детям всем, и чтоб им учинить мир и послами ссылатца. А как мы учинили договор и в Астрахань послов посылали и шертовали, после того под Астраханью сами войной не хаживали и никово не посылали, и ни под которыми городами и в уездах не бывали, и рыболовам никоторого дурна не чинили.

И стою на своей шерти и по Волге не кочую, а кочую за Яиком. И учну зимовать и кочевать на Сагизе. А как Шерешкеп к нам приехал, и мы для государева здоровья Андрея толмача отпустили с Алей мурзиным человеком Козеем с честью. А ево было взяли не мы, отдали нам ево Андрея едисанские мурзы, а один его товарищ бежал наперед сего, а одного товарища послали с Исенгелдеем [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1646 г. Д. 2. Л. 130-132].

Действительно, в декабре в Астрахань вернулся толмач А. Сафонов, который около года насильно удерживался в калмыцком улусе. Тайша через толмача предлагал астраханским властям обменять своих послов Барина и Байтерека, содержавшихся в тюрьме, на пленных стрельцов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1646 г. Д. 2. Л. 92, 99]. Следует сказать, что долгое пребывание в калмыцких улусах позволяло русским посланникам собрать значительный объем информации о состоянии калмыцкого общества, и сегодня эти материалы представляют огромный интерес для исследователей.

С приходом к власти царя Алексея Михайловича в 1645 г. правительственный курс по отношению к калмыкам постепенно стал меняться к лучшему. Для поддержания переговорного процесса в феврале 1646 г. из Астрахани к тайше Сюнке как ответ на его письмо были отправлены юртовские татары Чаргу и Багазыч с листом, в котором поощрялась мирная инициатива тайши, предлагались обмен пленными и возвращение калмыками ногайских кибиток [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1646 г. Д. 2. Л. 122-125].

В мае 1646 г. в Астрахань прибыли калмыцкие посланцы Исенгелдей Тазаев и татарин Русмамбет, представлявшие интересы тайшей Сюнке и Нима-Церена. Как позже стало известно астраханцам, инициатором отправки

посольства был и Дайчин, поручивший сыну Нима-Церену урегулировать отношения с русскими властями, признать свою вину и в дальнейшем всячески избегать столкновений. Вероятно, отец просил сына до его приезда постараться выиграть время и не втягиваться в никакие конфликты. Еще перед отъездом в Тибет Дайчин поручил свой улус старшему сыну Даян-Эрке, но после смерти последнего отцовским уделом совместно с дядей Елденом стал управлять следующий по старшинству сын – Нима-Церен [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1646 г. Д. 1. Л. 4–6].

Для заключения мирного договора калмыцкие посланцы просили прислать к тайшам знатного дворянина и толмача. С калмыцкой стороны участвовать в переговорах выразили желание тайши Сюнке, Елден, Нима-Церен, Батур и Шарап-Омбо. По сообщению посланцев, по возвращении Дайчин намеревался «бить челом» перед государем и просить у него русские войска, чтобы совместно «итти на черкас (черкесов. – *В.Т.*) отомстить кровь отца своего Урлюк тайши и брата своея, которых черкасы побили». Только на этих условиях тайша соглашался дать в аманаты сына или предоставить на государеву службу своих воинов. При этом со стороны калмыков речь шла исключительно о взаимном аманатстве и только на период военных действий. Но астраханские воеводы особо не верили обещанию тайшей принять российское подданство. Краеугольным камнем в русско-калмыцких отношениях оставался пресловутый вопрос об аманатах. Астраханцы еще раз напомнили посланцам, что без выдачи аманатов калмыкам никак не возможно будет принять русское подданство. В качестве примера они приводили ногайцев, татар, башкир, кабардинцев и другие народы, которые, дав аманатов, уже находились в орбите политического влияния Московского государства. Но калмыцкие посланцы лишь уклончиво ответили, что тайши не уполномочивали их вести переговоры по данному вопросу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1646 г. Д. 1. Л. 6–9, 10].

Другой острой проблемой оставался «ногайский» вопрос. Тайши просили у русских кочевья между Яиком и Волгой, взамен обещая вернуть

едисан, но только в том случае, если они сами пожелают вернуться под Астрахань. Воеводы отказывались заключать соглашение на подобных условиях, аргументировав это тем, что едисаны и джембойлуки еще до прихода калмыков были под «государевой рукой». Посланцы также просили назначить встречу возле Яицкого городка для обмена русских пленных на останки Хо-Урлюка, Кирсана и Церена.

В калмыцком обществе находились и те, кто давно для себя определил характер будущих отношений с русскими властями как мирное развитие на основе взаимовыгодного сотрудничества. К ним с полной уверенностью можно отнести тайшу Сюнке, чьи посланцы Эсембет и Онкай с тремя сопровождающими прибыли в Астрахань в ноябре 1647 г. С собой на продажу они пригнали 40 лошадей, 80 овец и 2 верблюдов. Посланцы передали воеводам письмо Сюнке на татарском языке, в котором тайша, в частности, жаловался на едисан, которые якобы подстрекают калмыков участвовать в набегах на русские селения, продают полон, сами же отгоняют у калмыков лошадей и продают их в Астрахани. На этом основании тайша предостерегал астраханцев особо не доверять едисанам. Посланцы также отрицали факт участия калмыков из улуса Сюнке в зимнем набеге на ногайцев, кочевавших на правом берегу Волги [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 93, 96, 99, 104–105].

В поиске способов урегулировании русско-калмыцких отношений находился и Лузан. Осенью 1647 г. он предлагал Нима-Церену, Елдену, Сюнке и другим тайшам собраться с отрядами недалеко от Астрахани, чтобы предложить русским заключение мирного договора, а в случае отказа начать военные действия. Но братья и племянники Лузана не одобрили этот план, поскольку в Астрахани посланцы Сюнке еще продолжали вести переговоры с воеводами. Большие надежды тайши возлагали на скорый приезд в улусы Дайчина. Братья посоветовали Лузану не предпринимать никаких активных действий хотя бы еще полгода, т. е. до лета 1648 г., и только потом попытаться снова заключить мирный договор с астраханцами. В дальнейшем

тайши планировали совместный военный поход против Казыевского улуса [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 148]. А в это время Дайчин уже возвращался в родные кочевья.

2.4. Преодоление политического кризиса в русско-калмыцких отношениях

Возвращение Дайчина в родные улусы долгое время считалось не вполне определенным. При анализе сведений из архивных документов удалось выяснить, что Дайчин вернулся в свои кочевья примерно в конце 1647 г. Именно с этого времени его имя присутствует в показаниях астраханской администрации. Как только Дайчин вернулся, другие тайши, мирзы и лучшие улусные люди приехали поприветствовать его, поздравить с долгожданным приездом и привезли многочисленные подарки. Дайчин сразу объявил им план своих действий на ближайшую зиму. С началом ледостава на Волге он планировал с войсками подойти под Астрахань, предварительно отправив своих послов к воеводам с мирным предложением, чтобы в дальнейшем двигаться уже на Северный Кавказ и отомстить кабардинцам за гибель отца. В случае непринятия астраханцами мирных условий Дайчин уже весной и летом следующего 1648 г. собирался открыть военные действия против русских в Поволжье и на уфимском направлении [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 33].

По сведениям очевидцев, Дайчин по возвращении выражал недовольство и упрекал своих родственников: «для чего де они без него, Дайчина тайши, с государевыми людьми учинились в ссоре, и за то их ссору в Астрахани и послов их задерживают». Действительно, тайши уже опасались отправлять новых послов к русским, поэтому ожидали положительных вестей из Астрахани. Дайчин был крайне возмущен, когда родственники честно признались ему, что к ним из Москвы приезжал

«государев посланник» (А. Кудрявцев) с письмом и «для договору», но они, отпустив его обратно, мирное соглашение так и «не учинили» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 34, 131]. Калмыцкий предводитель прекрасно понимал, что приезд царского посланника А. Кудряцева в 1645 г. был самым подходящим моментом для урегулирования русско-калмыцких отношений.

Астраханские воеводы, в свою очередь, также побаивались отправлять своих людей к калмыкам. Местные ногайцы небезосновательно опасались новых калмыцких набегов, они даже обратились с коллективной просьбой к астраханскому архиепископу Пахомию, чтобы тот повлиял на воевод по вопросу об отправке к тайшам посланцев с мирным предложением. В декабре 1647 г. из Астрахани к тайшам были отправлены трое татар с письмами, в которых им указывалось отвести свои улусы на дальние кочевья, прекратить военные действия против государевых людей, а в случае невыполнения вышеуказанных условий калмыкам угрожали отправить против них царские войска [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 40-41, 50].

Долгое время Россия на крымском направлении остро нуждалась в дополнительных военных силах, особенно в коннице. Такими возможностями русская армия в достаточной мере не располагала, и калмыки, предлагавшие Москве еще с начала 1630-х гг. использовать их военный потенциал, представлялись для решения подобной задачи вполне реальной силой. Крымское направление в политике тайшей примерно с начала 1640-х годов обрело вполне четкое и зримое очертание.

Во время прошлого приезда посольства А. Кудрявцева, где решался среди прочих, как известно, и крымский вопрос, русский посол еще больше обострил интерес тайшей к данному направлению. Но только с возвращением Дайчина тайши попытались использовать в своих политических целях «крымскую проблему», одну из острых во внешней политике России, для урегулирования серьезно подорванных на тот момент русско-калмыцких отношений. Примерно около полугода ушло на подготовку крупномасштабного для того времени военного похода калмыков

на Крым. Разногласия у тайшей, видимо, имелись только по одному вопросу – куда первоначально нанести удар: по Северному Кавказу или Крыму.

Посовещавшись, калмыцкие тайши приняли общее решение – отказаться пока от похода на Кавказ и двигаться на Крым. Это направление было поддержано ими еще и потому, что были получены разведданные о нахождении Урмаметева улуса недалеко за Доном и о том, что они «государю не послушны». Исходя из этого, у тайшей возник довольно смелый и дерзкий план – захватить данный ногайский улус, овладеть его конскими табунами и уже на свежих лошадях вторгнуться непосредственно на Крымский полуостров. Именно захват ногайского конского состава, по мнению тайшей, позволил бы калмыкам достичь Крыма, поскольку на своих лошадях да еще и в зимних условиях совершить далекий марш-бросок было весьма сложно [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 132, 155].

29 января 1648 г. многочисленное калмыцкое войско, двигавшееся по Дону, появилось в окрестностях столицы донского казачества – Черкасского городка. По отпискам донских казаков в Москву стало известно, что во главе войска стояли 8 калмыцких тайшей: Дайчин, Лузан, Сюнке, Чукур, Нима-Церен, Шарап Кучаров, Солюнтюр, Далантай Чукурев. В состав калмыцкого войска входили и ногаи едисанских мирз Абдыли Теникеева и Теникея Абдыкова, джембойлукских мирз Шамамбета с братьями и малибашских мирз Аксака Келмамбета с братьями. По пути калмыки в степи захватили «на гульбе» (охоте) многих казаков и в знак доброй воли передали их в Черкасский городок. Тайши и мирзы сообщили атаманам об отправке своих посольств в Москву и Астрахань, предлагая и казакам заключить с ними мирный договор. Донские атаманы при столь массовом присутствии кочевников на своих землях не могли открыто ответить им отказом. Численность калмыцкого войска казаки точно не знали. По словам тайшей, всего их насчитывалось 60 тыс. человек, а по сведениям донских татар, калмыков насчитывалось не более 20–30 тысяч [Акты, 1894: 196]. По сведениям ногайских мирз в Астрахани, участников данного военного

мероприятия, всего в крымском походе приняло участие около 40 тыс. калмыков и ногаев [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 155–156]. Тайши предложили казакам присоединиться к ним для участия в совместном походе против крымских татар и ногайских улусов Урмаметевых, но донские атаманы отказались. В Москве свой отказ донские представители объясняли следущим обстоятельством: «бояся твоей государевы опалы и опасаючи их (калмыков. – *В.Т.*), чтоб над нами какова дурна не учинили» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1648 г. Д. 4. Л. 1]. 8 февраля калмыки начали переправу через Дон на правый берег в районе между казачьими городками Раздорный и Бесергенево [Акты, 1894: 198].

В Черкасский городок на переговоры прибыли тайши Сюнке и Нима-Церен, джембойлукский мирза Шамамбет и едисанский мирза Сююнча Абдулов, там они казакам дали шерть по своей вере. Тайши, мирзы и атаманы, взявшись за руки, клялись друг другу: «что им, калмыцким людем, с ними, донскими атаманы и казаками, в нынешнюю зиму быть в миру и под их казачьими городками людей в полон не имать и лошадей и животину не отгонять; а им де донским казакам над ними калмыцкими людьми под своими городками потому ж никакие хитрости не чинить и за Дон на Урмаметевых детей улусы и назад через Дон их калмыков перепустить безо всякие шкоты». Приехавшим тайшам и мирзам, а также Дайчину казаки подарили учюги (узкие кафтаны-безрукавки) из турецкого сукна, тогда как тайши, по свидетельствам очевидцев, к атаманам приехали без подарков [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 24]. Правда, как выяснилось позже, казацкая верхушка во главе с атаманом Т. Григорьевым в своей войсковой отписке в Посольский приказ информацию о заключении мирного договора с калмыками умолчала [Куц, 2009: 317–318].

Простояв под Черкасским городком четверо суток, калмыки перешли Дон, при этом к ним присоединились около 40 донских татар. Однако продолжению похода помешали погодные условия – ударили сильные морозы, глубокий снег покрыл до этого выжженную летним зноем траву,

практически лишив конский состав подножного корма. Начался массовый падеж лошадей, в пешем строю оказались многие калмыцкие воины. К тому же из передового отряда Лузана сбежал некий татарин, который успел предупредить ногайцев Урмаметева улуса о приближении калмыков, и это, конечно, лишало удар внезапности. По дороге калмыками были захвачены 6 азовских воинских людей, которых, после получения от них информации, отпустили в Азов. Дойдя до реки Миус, тайши приняли решение повернуть обратно, но к Урмаметевым они отправили четырех татарских посланцев с требованием присоединиться к калмыкам. В случае отказа калмыки угрожали прийти на них войной уже ближайшим летом, после весеннего половодья [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1648 г. Д. 2. Л. 17; Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 25; Русская, 1913: 841–843].

Известие о массовом движении калмыков на Крым вызвало серьезную панику среди крымцев и ногайцев, бежавших со своими улусами к Днепру и за Перекоп. Крымский хан Ислам-Гирей III (1644–1654 гг.) в организации указанного похода открыто и незаслуженно подозревал московское правительство [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 26; Акты, 1894: 196; Новосельский, 1948: 394].

Возвращаясь, калмыки на двое суток опять остановились на Дону, под Черкасским городком устроили с казаками торговый обмен. Тайши пообещали атаманам, что вновь пойдут на Крым уже ближайшей весной, как только появится трава. По достигнутой договоренности, казаки должны были осведомлять калмыков о передвижениях крымских и ногайских улусов, особенно во время их перехода на летние пастбища от полуострова ближе к Дону. Если крымцы не выйдут из Крыма, то зимой следующего года тайши планировали пойти на них уже совместно с казаками. По сообщению атамана Т. Григорьева, полученного от него в Москве, тайши заявили казакам, что «они за государя хотят умереть, а чтоб Урмаметевы улусы и крымские татары подвесть под государскую руку» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 134; Ф. 119. Оп. 1. 1648 г. Д. 2. Л. 18; Русская, 1909: 843].

После в целом неудачного крымского похода Дайчин со своим улусом кочевал за Яиком, в урочище Кайнасаргыз. Именно сюда и приехали из Яицкого городка отправленные из Астрахани татары во главе с Болсендеем, которые по дороге подверглись нападению людей тайши Далантая. Дайчин тепло встретил посланцев, обеспечил их полным содержанием и приказал найти их обидчиков. Астраханцы передали тайше лист, и, судя по их сведениям, это была первая встреча представителей Астрахани с Дайчином после его почти 8-летнего отсутствия в родных кочевьях. Дайчин сразу же упрекнул астраханцев в том, что во время похода калмыков на улус Урмаметевых, астраханские татары трижды совершили набег на слабо охранявшиеся калмыцкие улусы, отогнав в общей сложности 5 тыс. лошадей. Улус Дайчина потерял при этом убитыми двух калмыков и 100 верблюдов. При переходе через Волгу калмыки по приказу тайшей старались не трогать государевых людей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 197, 365–366].

Дайчин понимал, что эти набеги не были санкционированы воеводами, но он ратовал за то, чтобы царские власти повсеместно строго контролировали своих подданных. Тайша сознательно не стал акцентировать внимание на этом инциденте, зная, что это может привести к дальнейшему обострению русско-калмыцких отношений. 6 июня астраханцы были отпущены обратно, и на прощанье Дайчин передал, чтобы воеводы в знак примирения прислали к нему послов и «отгонную животину». В противном случае он обещал начать военные действия [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 368–369].

Сведения о возвращении Дайчина и активизация его действий против Крыма для Москвы стали своего рода сигналом к возобновлению переговорного процесса с калмыками. Из центра в Астрахань сразу же поступила инструкция о том, «чтоб Дайчин тайша был у великого государя в послушанье и с государевыми людьми в миру». В июне 1648 г. воеводы посланцами срочно отправили к Дайчину четырех юртовских татар, а с ними и ранее задержанных калмыцких послов – Эсембета и Балдана. Тайша

обрадовался возвращению своих людей и приезду астраханцев, он демонстративно принял у них «государев лист» стоя и сняв шапку. В качестве широкого жеста Дайчин отпустил с послами 1,5 тыс. астраханских татар, приехавших к калмыкам торговать без разрешения администрации [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 1–4, 11].

По свидетельствам астраханских посланцев, у калмыцкого тайши было свое видение причины ухудшения русско-калмыцких отношений: «как он ездил по своей вере молиться, и без него де от братьи и от детей, и от племянников, и от улусных их людей учинился задор и ссора с государевыми людми, и он де Дайчин то все унял». Он снова предложил астраханцам мир, обмен пленными и военное сотрудничество. В результате переговоров определенная договоренность, видимо, была заключена, поскольку «лутчие родственные люди, Дурал-тархан с товарищи, перед государевым посланником по своей вере шертовали» [Акты, 1842: 111].

В феврале 1649 г. в Астрахань прибыли уже калмыцкие посланцы – Токмак, Онкобай и Батыркей. По их словам, Дайчин кочевал за Яиком, в урочище Каракол в двух днях пути от Индерских гор. Посланцы просили вернуть им останки погибших тайшей, разрешить кочевать по ногайской стороне Волги у Астрахани, а «к государю бы посылать людей своих с ордобазарными лошадми». Но калмыки напрасно ожидали перемен в отношениях от воевод, те твердо стояли на своем, выдвигая прежние условия: выдача аманатов, возвращение ногаев, а предоставление возможности торговать – только с разрешения царя. Посланцы отказались обсуждать вопрос о выдаче калмыками аманатов, поскольку Дайчин не уполномачивал их вести переговоры на эту тему, да и ранее приезжавшие в улусы астраханские посланники не затрагивали ее. Калмыки просили прислать «доброго» боярского сына и толмача, с которыми Дайчин мог бы заключить договор и вернуть полон.

В результате калмыцкие послы дали по своей вере шерть за Дайчина, всех калмыцких тайшей и подвластных ногайских мирз: *«... на том, что им у*

великого государя у его царского величества быти в вечном послушанье, и его царскому величеству служити и прямити и добра хотети во всем вправду, безо всякие хитрости, и никакова дурна не мыслити, и с государевыми непослушники и с изменники ни с кем ни о чем не ссылатися; и государевых русских людей, и вечных холопей, нагайских и едисанских и юртовских татар, в улусех и на проездех и промыслов, нигде не побивати и в полон не имати и не грабити, и к себе в улусы от Астрахани и от иных городов их не призывать и не подговаривать, а будет кто отъедет, и тех не принимати; и к Астрахани и к иным государевым городом и на уезды, на государевых людей и на нагайские и на едисанские и на юртовские улусы, и на рыбные и на соляные промыслы войною самим не приходить и никого не посылати, и государевых городов, и сел и деревень, и учюгов и рыбных ловель, и всяких промыслов не жечь и не грабить, и никакого зла не делати и не мыслити; а где случится им, калмыцким тайшам, и братьям, и детем, и племянником их, и их улусным людем, быть на государеве службе с государевыми ратными людми, и им с государевыми изменники и с непослушники битися до смерти, не щадя голов своих, а великому государю его царскому величеству не изменити, и государевых людей не [на]подати и хитрости над ними никакие не чинить; и русской полон, которой у них в калмыцких улусех, собрав им, весь отдати в его государеву отчину, Астрахань, и в иные государевы городы; и кочевати б им, калмыцким людем, с улусы своими в летнее и в зимнее время за рекою Яиком, в прежних своих дал[ь]них кочевных местех, а на Нагайскую степь, через Яик и к реке Волге, и царского величества к отчине к Астрахани в ближние места без государева указу кочевать не ходить; и посыльщиков, которых по государеву указу ныне пошлют и вперед из государевы отчины из Астрахани и из иных городов бояре и воеводы учнут посылать для его государевых дел в калмыцкие улусы к нему, Дайчину тайше, и к братье его, и к детем, и к племянником, и к улусным людем, и им не грабити и тесноты и безчестья

никакого не чинити, и отпущать тех посыльщиков без задержанья» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 6–9; Акты, 1842: 112–113].

В правительстве все больше убеждались, что Дайчин будет придерживаться мирных отношений с Москвой. В марте 1649 г. воеводы отправили в улусы астраханца И. Суслова и толмача М. Герасимова. С ними также были отпущены калмыцкие послы Буранай и Емаги-Батур, задержанные в Астрахани еще в 1644 г. Дайчин с радостью встретил возвращения своих людей и почтительно принял у астраханцев «государев лист». В первую очередь, стороны договорились о взаимном наказании воров, чтобы «вперед ссоры и смуты никакие не было». Правительство заверило тайшей о готовности пресекать нападения своих подданных на калмыков. Дайчин согласился выдать русский полон взамен калмыцкого, захваченного астраханцами в 1644 г. Вопрос об аманатах продолжал оставаться одним из ключевых в переговорах. Русской стороне нужен был сам факт признания тайшами своей зависимости от Москвы. Так, Суслов просил Дайчина предоставить какого-нибудь аманата, обещая, что «им будет государево жалованье, корм и питье, и платье, и переменять их станут повольне, сколько хто похочет побыть» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 13–14; Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 132–133, 139; Акты, 1842: 114; Кичиков, 1966: 94].

Еще одни важным вопросом, обсуждавшимся на переговорах, были непростые отношения калмыков с яицкими казаками, которые беспокоили своими набегами калмыцкие улусы и отгоняли лошадей. Награбленное у калмыков имущество казаки, как правило, сбывали в Самаре, а здешние воеводы, в свою очередь, снабжали их продуктами, в том числе алкоголем и оружием. Иногда самарцы совместно с казаками нападали на калмыцкие улусы. Астрахань немедленно сообщала об этих инцидентах в Москву и просила центральные власти запретить самарцам совершать подобные действия, так как они подрывали и без того непростой русско-калмыцкий переговорный процесс. Дайчин, со своей стороны, пригрозил, что, если

правительство не урегулирует данную проблему, он начнет военные действия против яицких казаков и Самары [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 143–144; Куц, 2009: 77].

Со своим послом Салтаном Дасаковым в Астрахань Дайчин отправил письмо, в котором, помимо прочего, предлагал воеводам заключить мир на весьма длительный срок, примерно как «дети в нынешнее время породились, да как они состарятца». Калмыцкий посол присягнул за Дайчина, что он «от высокой руки отступать не будет» и наказывать будет тех калмыков, которые нарушат шерть или «учнут воровать». Но на просьбу тайши выдать ему останки отца, брата и племянника воеводы опять потребовали сначала дать им аманатов и вернуть весь русский полон. Посол ответил, что «им, не взяв костей отца Дайчинова и братьи, шертовать на том, что Дайчину аманаты дать и русской полон собрать и прислать, приказу нет». Такой ответ астраханцев не устроил, и они так и не решились первыми сделать шаг к примирению [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 145–148; Кичиков, 1994: 81].

Взаимные набеги калмыков и башкир были распространенным явлением среди кочевников. В весьма частых подобных конфликтах правительство, как правило, принимало сторону башкир, уже почти столетие являвшихся подданными России. Если астраханское направление Дайчину удалось более или менее урегулировать, то уфимское оставалось нерешенной проблемой. В плену у башкир и уфимцев еще оставалось множество калмыцких людей, в основном это были женщины и дети, захваченные еще в 1644 г. во время карательной экспедиции воеводы Плещеева.

В 1648 г. на башкирско-калмыцкой границе возобновились вооруженные стычки. Неизвестно, кто стал зачинщиком нового конфликта, но в русских документах сохранилась версия башкирской стороны. Как сообщал астраханским татарам в калмыцких улусах башкирский тархан Илмамет Аксакалов, один из членов посольства В.К. Голубцова, первыми мир нарушили именно калмыки, совершив весной 1648 г. набег на Уфимский

уезд, который башкиры успешно отразили, захватив в плен 12 человек [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 8].

В июле Дайчин с 30-тысячным войском уже стоял в полной готовности для наступления на уфимском направлении. Однако башкирам стало известно о готовящемся нападении от бежавшего из калмыцкого плена казанского татарина Ишмамета Исаева. С его слов, Дайчин якобы отправил под Астрахань, Самару, Саратов и Царицын, Казанский и Уфимский уезды вниз по реке Белой по 5 тыс. воинов, а в Уфимский уезд вверх по реке Белой – 500 человек. Эта сообщение стало сигналом, и башкиры разных дорог и волостей срочно эвакуировали свои семьи в труднодоступные места и собрали свои военные силы. Оборону возглавил князь Акбулат Сулейманов, под началом которого собралось 560 воинов [История, 2011: 84].

Тайши добивались от царских властей принятия жестких мер для недопущения в дальнейшем башкирских набегов на калмыков. Правительство пошло на определенные уступки калмыкам в этом вопросе, в октябре 1648 г. предписав уфимскому воеводе созвать башкир и объявить им, что калмыцкие улусы кочуют по Яику, Ори, Киилу, Сакмаре и другим рекам. Башкирам было указано на недопустимость совершения набегов на калмыцкие улусы. Власти не преминули упрекнуть их в постоянных набегах на калмыков, вследствие которых последние стали вторгаться не только в Уфимский, но и в Казанский и Самарский уезды. За нарушение этого запрета правительство пригрозило башкирам смертной казнью и отказывалось в случае попадания их в плен к калмыкам во время набегов освобождать через обмен. В свою очередь, уфимские власти предприняли меры предосторожности, выставив во всех волостях отряды стрельцов. В Уфе был издан приказ о переписи и сборе всех калмыцких пленников для их будущего обмена на русский полон [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 56, 59, 72–73; Устюгов, 1947: 51; Очерки, 1967: 107]. Для изъятия калмыцких пленных и захваченного башкирами скота в Уфе был сформирован отряд служилых людей во главе с А.И. Приклонским и В.И. Киржацким, деятельность

которого сопровождалась насилием и произволом. Вместо поиска калмыцких пленных и захваченного у калмыков имущества Приклонский просто обложил башкир произвольной денежной данью [Азнабаев, 2012: 15].

В дальнейшем правительство предприняло более решительную попытку навести порядок в башкирско-калмыцких отношениях. В октябре 1648 г. из Уфы к Дайчину были отправлены боярский сын В. Голубцов, толмач В. Киржацкий, башкирский тархан Илмамет Аксакалов и стрелец Н. Турищев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 14–15]. При встрече Голубцов напомнил Дайчину о том, что его отец Хо-Урлюк считал себя подданным Русского государства и со своими улусами кочевал за Эмбой, а теперь калмыки кочуют по Яику, Ори, Килу, Сакмаре и другим рекам, где расположены волости государевых ясачных людей. Из-за этого, по мнению Голубцова, и происходили между калмыками и башкирами постоянные столкновения. Посол предложил Дайчину отойти на дальние свои кочевья, взамен обещая не посылать на них ратных людей, а башкир удерживать от нападений на калмыков. Переговоры проходили в доброжелательной обстановке, и в результате стороны договорились об обмене пленными. Дайчин запретил своим улусным людям, а также другим тайшам и мирзам под угрозой смертной казни нападать на русских и башкир. «Лучшие люди» Дайчина – Дурал-дархан и Заргучи – по приказу тайши дали шерть [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 9–10; Устюгов, 1947: 51].

6 января 1649 г. В. Голубцов и В. Киржатцкий вернулись в Уфу, привезя из калмыцкого плена 1 русского и 7 башкир. Что касается остальных, то Дайчин обещал, что, он как только соберет весь полон, пришлет его в Уфу ближайшей весной, так как улусы других тайшей располагались на дальних кочевьях. Отойти с вотчинных башкирских земель тайша пообещал лишь после совершения обмена пленными. Принципиальным оставался также вопрос о калмыцких пленных, принявших крещение в русских городах. Правительство под разными предлогами отказывалось выдавать новокрещенных калмыков тайшам [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 17].

Таким образом, впервые в русско-калмыцких отношениях конфликт приобрел и религиозный оттенок.

В Уфу с Голубцовым прибыли послы от Дайчина – Батур Бухин и Баста Недеев, которых тайша просил пропустить в Москву. Дайчин передал через них подарки русскому царю: 7 коней, «камка на золоте да бобров кожу». 7 мая 1649 г. послы прибыли в Москву и были приняты толмачом Посольского приказа Ф. Елчиным, а 5 июня – царем. Дайчин предлагал русскому царю мир, военное сотрудничество и взаимное наказание воров. Послы жаловались на башкирские набеги и просили разрешения на обмен пленными. Правительство, со своей стороны, призвало Дайчина во избежание конфликтов с царскими подданными отвести улусы на дальние кочевья, а между Яиком и Волгой не кочевать. Царский указ, направленный в Астрахань, Уфу и другие города, запрещал нападение на калмыков и призывал произвести скорейший обмен пленными [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 20; Д. 3. Л. 1–14, 53–59, 77–80, 137, 161].

Именно в 1649 г. уфимские власти попытались в Уфе взять под централизованный учет всех калмыцких пленных для последующего обмена их на российских подданных [Цит. по: Азнабаев, 2012: 13]. По мнению Б.А. Азнабаева, несмотря на законодательный запрет под страхом смертной казни нападать на калмыцкие улусы, указ ввиду отсутствия какого-либо контроля над юго-восточной границей фактически не исполнялся [Азнабаев, 2012: 15]. Башкирские набеги на калмыков продолжались, сводя на нет всякие русско-калмыцкие договоренности.

В то время как Дайчин пытался урегулировать проблемы на уфимском направлении, его брат Лузан переместился со своими улусами ближе к астраханской стороне. В апреле 1649 г. Лузан отправил в Астрахань своих посланцев Илгуная и Ургечея в сопровождении 200 торговых калмыков, пригнавших 3 тыс. лошадей на продажу. Тайша вновь предложил воеводам военное сотрудничество, взаимную торговлю и обмен пленными. В результате его посланцы дали в Астрахани шерть:

Лузану тайше, з братею своею и з детьми, и с племянники и с улусными своими людьми быть у тебя, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича Всея Русии, под твоею царского величества высокою рукою в вечном послушанье. И служити, и прямити, и добра тебе, великому государю, и твоим государевым людем хотети во всем в правду безо всякие хитрости и никакова дурна не мыслити. И с твоими государевыми непослушники и с ызменники ни с кем, ни о чем не ссылатися. И твоих государевых русских людей и вечных холопей, нагайских и едисанских и юртовских татар, в улусех и на проездех и у промыслов нигде не побивати и в полон не имати и не грабити. И к себе в улусы от твоей государевой отчины, от Астарахани и от иных твоих государевых городов, их не призывать и не подговаривать, а будет хто отъедет, и тех не принимать. И к твоей государеве отчине, к Астарахани, и к иным твоим государевым городам и на уезды, на твоих государевых людей и на нагайские, и на едисанские, и на юртовские улусы, и на рыбные, и на соляные промыслы войною самим не приходити и никово не посылати. И твоих государевых городов, и сел, и деревень, и учюгов, и рыбных ловель, и всяких промыслов не жечь и не грабити, и никакова зла не делати и не мыслити.

А где, государь, случитца их калмыцким тайшам, и их улусным людем, и братем, и детем, и племянником их на твоей государеве службе с твоими государевыми ратными людми и им с твоими государевыми изменники и с непослушники битися до смерти, не щадя голов своих. А тебе, великому государю, твоему царскому величеству, не изменити и твоих государевых людей не подать и хитрости над ними никакие не чинити.

И русской полон, которой у них в калмыцких улусех, собрав, им весь отдать в твою государеву отчину, в Астарахань и в ыные твои государевы городы.

И кочевать бы им, калмыцким людем, с улусы своими в летнее и зимнее время за рекою Яиком в прежних своих дальних кочевных местех. А на Нагайскую степь через Яик и к реке Волге, и к твоей государеве отчине, к

Астарахани в ближние места без твоего государева указа кочевать не ходить [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 111–113].

Воеводы с калмыцкими послами в улусы Лузана отправили И. Шумникова и толмача В. Михайлова. Тайша к моменту их приезда кочевал в урочище Щучья Узень, где и произошла встреча. Когда Лузан намеревался принять «государев лист» сидя, Шумников ему напомнил, что «лист прислан к нему [от] царского величества боярин и воевод». Только после этого тайша встал и с поклоном принял лист от астраханского воеводы Ф.С. Куракина. Содержание письма особо не отличалось от предыдущих, в нем выдвигались все те же требования: о предоставлении аманатов, отводе калмыцких улусов на дальние кочевья и т.д. Лузан выразил желание оставаться с русскими в мире, но только без выдачи аманатов. При этом тайша, подчеркивая главенство своего брата Дайчина, заявил: что «будет де брат ево Дайчин тайша учинит государю шерть и аманатов в государеву отчину в Астрахань учнет давать, и он де, Лаузан тайша, также станет делать, как и брат ево». Как отмечали очевидцы, к этому времени отношения у братьев улучшились, хотя они «пересылаютца улусными своими людми, а сами не съезжаютца» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 114, 275, 278; Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 161, 165].

По наблюдениям Шумникова, калмыки имели достаточно оживленные торговые отношения с яицкими казаками. На время торга калмыки предоставляли казакам аманатов из числа знати. Например, в городке в качестве аманата сидел племянник Лузана – тайша Далантай. Как только торг заканчивался без эксцессов, то казаки отпускали тайшу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 170]. Получается, что яицким казакам удалось добиться от калмыков примерно то, что долгое время не получалось у астраханских воевод. Отношения калмыков с яицкими казаками были довольно сложными и переменчивыми. В архивных документах сохранились сведения не только о вооруженных конфликтах между ними, но и о взаимопомощи [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 185; Куц, 2009: 402].

Лузан просил русских посланцев по возвращении в Астрахань передать воеводам, чтобы они разрешили «торг повольный, то бы де государевых людей к нам была и правда». Тайша выразил желание лично шертовать воеводам на реке Бузан. По «ногайскому» вопросу Лузан высказал Шумникову такое мнение: «государевы люди верят нагайским татарам китайского да кипчацкого родства, а лутче бы де их разорили, и сколько де их государевым людям у себя ни держать, а не удержать будет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 168–169]. Улус Лузана кочевал в районе между Царицыном и Черным Яром, рядом с ним находился улус ногайского мирзы Салтаналы [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 277].

Начало 1650 г. ознаменовалось резким ухудшением русско-калмыцких отношений на астраханском направлении, вызванным очередным набегом калмыков на ногайские улусы под Астраханью. Согласно сведениям из различных источников, изначально у тайшей не было намерения нападать на астраханских ногаев. Одним из основных их требований была выдача астраханцами останков Хо-Урлюка, Кирсана и Церена. Но когда из Астрахани пришел отрицательный ответ, калмыки перешли к наступательным действиям [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 239, 243]. В ноябре 1649 г. на военный сбор на заставе у реки Ахтуба собралось в общей сложности около 20 тыс. калмыцких воинов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 102].

На заставе Дайчин отговаривал Лузана от агрессивных действий против астраханцев. Но улусные люди Дайчина втайне от своего тайши отогнали скот у астраханских едисан. Когда об этом узнал Лузан, он прямо обвинил старшего брата в обмане, на что Дайчин ответил, что весь отогнанный скот у своих людей отыщет и обязательно вернет в Астрахань. Но это уже не могло удержать Лузана. Он приказал отправить около 2 тыс. своих людей под началом племянников, безулусных тайшей Шура и Омбо, на морские косы и Мочаги для отгона скота у астраханских едисан [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 106, 110, 277].

Астраханская администрация сразу же отреагировала на приход к Волге большого количества вооруженных калмыков. К Дайчину был отправлен астраханец И. Остриков, а к Лузану – толмач М. Герасимов. В дальнейшем Остриков сумел выехать от калмыков в Астрахань только на третий день, поскольку Дайчин опасался за его безопасность, «чтоб де на дороге на встрече над ними Лаузановы люди дурна никакова не учинили». Лузан же принял «государев лист» от толмача Герасимова демонстративно сидя и даже не прочитал его, что являлось выражением крайнего неуважения. Затем с заставы он отправил его к себе в улусы. На попытки Дайчина заступиться за Герасимова, Лузан «осердился» на старшего брата, выговаривая, что «де к нему (к Дайчину. – *В.Т.*) из Астарахани присылают присыльщиков добрых (знатных. – *В.Т.*), а к нему де Лаузану присылают присыльщиков худых, да и иво ж людей из Астарахани ис тюрмы к нему не отпустили, да и послов де иво в Астарахани долго держали». Герасимов вернулся в Астрахань только в апреле 1650 г. Лузан предлагал астраханским воеводам обменять русский полон на кости отца и на своих людей, находившихся в городской тюрьме. В противном случае он обещал возобновить военные действия [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 102–103, 107, 111, 433–434, 437–438, 444].

Воеводы немедленно приняли ответные меры на нападения калмыков на астраханских едисан. В помощь им из Астрахани были отправлены несколько отрядов стрельцов и служилых татар, которые местами вступали в бой с калмыками [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 44–46]. Наибольшие потери в ходе последнего набега понесли улусные люди Лузана [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 216, 249].

Астраханские воеводы в свете последних событий сразу же прислали к Дайчину своими представителями татар для обмена и выкупа полона. Тайша был рад приезду астраханцев и заверил их в своем мирном отношении к Астрахани. Он приказал собрать со всех улусов захваченный на Тереке русский и ногайский полон. Тайша даже отправил своих людей к брату

Лузану с требованием отпустить удерживаемого им толмача Герасимова и весь русский полон. Около 50 стрельцов удерживались в плену у ногаев, подчинявшихся Лузану [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 232, 233, 271, 272].

В апреле 1650 г. в Астрахань прибыли послы Лузана – Балдан и Темир. Тайша через них передал воеводам, что признает свою вину в недавнем набеге и на этом основании предлагал обменяться пленными [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 288–289, 321]. В июле 1650 г. Дайчин отправил в Астрахань письмо, адресованное воеводе И.Ф. Голицыну: «От нас к вам никоторые войны нет, з Белым Князем были мы мирны, а ныне учинилося дурно от нас или от вас про то не ведомо. И за что вы Лаузанова посла засадили? И вам бы Лаузанова посла прислать, а что Лаузан взял, и мы то вам отдадим. Лаузанова посла пришлете, и мы примем, а не пришлете, и мы учнем воевать. В мире быть добро или воеватца добро сами ведаете. И о том бы вам прислать к нам весть» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 466].

Как видно из содержания письма, всю ответственность за последние события Дайчин переложил на астраханскую сторону. Он всячески оправдывает своего брата, хотя отношения с ним складывались в это время у него весьма не просто. К осени 1650 г., когда из Астрахани были отпущены послы Лузана, русско-калмыцкие отношения еще не были окончательно урегулированы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 184–185, 188]. В ноябре из Астрахани к тайшам были отправлены Д. Ефимонов и толмач А. Герасимов. В районе Нарын-песков их встретил Утеш-дархан, который и отвез астраханцев к Дайчину и Санжину, охотившимся в это время на сайгаков. Их встреча состоялась 18 декабря [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 3. Л. 1, 6].

На просьбу посланцев отправить в составе посольства в Астрахань кого-нибудь из ближайших родственников Дайчин ответил категорическим отказом, что так «у нас не повелось». При обсуждении обмена полона Дайчин сделал строгое внушение русским по поводу того, что в Уфу он

отпустил 10 человек, в Астрахань отдал 10 русских пленников, освободил 20–30 астраханских татар с семьями, а с русской стороны еще не поступил ни один пленный калмык. Дайчин соглашался дать аманатов в Астрахань только при условии, если Москва разрешит ему организовать военный поход против Крыма или Казыевского улуса [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 3. Л. 8-11].

Вопрос об обмене пленными в этот период стоял довольно остро в русско-калмыцких отношениях. Данная проблема рассматривалась калмыками не только на астраханском направлении, но и на уфимском. По царскому указу от 9 сентября 1649 г. в калмыцкие улусы для выработки условий обмена пленными был направлен уфимец И.И. Онучин в сопровождении толмача В. Киржатцкого, стрельца Ф. Федорова и башкирского тархана Аккуса Кусябердеева.

Выехав из Уфы 21 сентября, посольство 4 ноября благополучно прибыло в калмыцкие улусы. 8 ноября послы были приняты Дайчином, которому они передали прежнее государево требование – отход калмыков на дальние кочевья и обмен пленными. Только при выполнении этих условий правительство обещало калмыкам мир, отказаться от посылки против них русских войск и запретить башкирам нападать на калмыцкие улусы. Дайчин также выразил свою готовность к сотрудничеству. Но, немного подумав, тайша сформулировал уже свои претензии к московскому правительству. Он напомнил, что приезжавший год назад в калмыцкие улусы В.К. Голубцов предъявлял аналогичные требования и давал тайшам те же обещания, что и Онучин. Но после отъезда Голубцова башкиры уже четырежды совершали набеги под калмыцкие улусы, отгоняли лошадей и убили пятерых калмыков. Дайчин потребовал немедленного расследования по этим делам, наказания виновных и возвращения отогнанных лошадей. В случае невыполнения его требований он пригрозил, что и сам справится с башкирами. На том и закончилась их первая встреча [Устюгов, 1947: 52].

Через неделю Дайчин, посоветовавшись с братом Лузаном, сыном Нима-Цереном и другими тайшами, отправился на заставу на реке Ахтуба. В

декабре он уже вернулся в свой улус. Онучин сразу же отправился на встречу с тайшой, чтобы выразить протест по поводу последнего набега под Астрахань [Материалы, 1974: 354]. Дайчин объяснил ему ситуацию: «Я под Астраханью не бывал, а стоял на Волге с воинскими людьми, а под Астраханью повоевал с воинскими своими людьми брат мой, Лаузан, а ведаете вы и сами, что брат мой кочует о себе и меня ни в чем не слушает. Ходили с братом моим, с Лаузаном, под Астрахань воевать мои, Дайчиновы люди калмыки, без моего ведома, а те, которые кочевали с ним, Лаузаном, вместе и которые мои, Дайчиновы люди, з братом моим, с Лаузаном, ходили под государеву отчину под Астрахань войною без моего ведома, и я их по своей вере велю переграбить, а инова наказанья никакова у нас не бывает» [Материалы, 1974: 356].

Онучин напомнил Дайчину о шерти 1648 г., которую дали калмыцкие представители В. Голубцову и В. Киржацкому, в частности, где упоминалось об отказе калмыков нападать на государевы земли. Русский посланник вопрошал, в чем состоит «правда» Дайчина, если он с калмыками все же ходил в набег на русские земли и захватил полон. Также он поставил в известность тайшу о событиях начала XVII в., когда «прежние Батыр-тайша (Далай-Батур. – *В.Т.*) и Каракола-тайша и отец ваш, Урлюк-тайша, з братьею и с вами, з детьми своими и с племянники, и все калмыцкие тайши с своими улусными людьми были под его царскою величества высокою рукою в повеленье и в послушанье, и послов своих к нему, великому государю, присылали почасту, и ему, великому государю, служили во всем правдою». Но Дайчин сразу же отверг все претензии и обвинил Онучина во лжи: «И вы то солгали: отцы наши и деды и прадеды отвеку в холопстве ни у кого не бывали. Да и в книгах у нас того не написано, чтоб мы у ково были в холопстве, а живем мы о себе, владеем сами собою и улусными своими людьми. Да и ныне мы, окроме бога, никово не боимся, а послами мы ссылались наперед сего и ныне ссылаемся ж о миру и о совете». Онучина не

устроил такой ответ тайши, и он пригрозил ему, что, если это будет ведомо государю, «тебе за то чаю от царского величества не прибудет».

В дальнейшем в ходе разбирательств о причине вооруженного конфликта под Астраханью выяснилось, что выступление калмыков произошло из-за ареста астраханскими властями посланцев Лузана. Но Онучин владел информацией о недавнем разгроме калмыками русско-татарского отряда, направлявшегося из Москвы в Астрахань, что в конечном итоге и стало причиной ареста калмыцких послов. Как оказалось, виновником нападения был дербетский владелец Субалтай, кочевавший совместно с Лузаном и который, по словам Дайчина, «своровал без нашего ведома». На предложение Онучина наказать владельца смертной казнью, чтоб «иным неповадно было воровать», Дайчин отказался это делать: «У нас того не повелось, што смертью казнить, и никакова наказанья не чинят, окроме тово, что животы грабят». Но такой ответ не устроил русского посланника: «И ваша то какая правда, что через шерть свою велите людям своим воровать, а сказываете, што воруют без вашего ведома, а казни и наказанья им никакова не учините» [Материалы, 1974: 356].

Дайчину нечем было парировать на вполне резонные доводы Онучина. Набеги продолжались и не только на астраханском направлении. Весной к Онучину часто с жалобой обращались калмыцкие ногаи, что «Дайчин-тайша поволил под государевы городы и на уезды войною ходить» [Материалы, 1974: 356; Устюгов, 1947: 52–53]. Действительно, летом 1650 г. четверо едисанских мирз с отрядом в 1100 человек совершили набег на Казанский уезд, где башкиры их полностью разгромили. Вернулись только двое мирз с 300 человек. Под Самару же ходили 90 калмыцких едисан, и их самарцы также разбили. Как отмечали очевидцы, «плачь в едисанских улусех по побитых татарех был многой». Недовольство едисан Дайчин всячески пресекал, а едисанского мирзу Сююнчу Абдулова в качестве заложника держал у себя в улусе, чтобы его подвластные не ушли к Астрахани [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 37–38, 109].

На следующей встрече с Дайчином Онучин поднял вопрос и о продолжающихся набегах. По сведениям, полученным им от кочевавших с калмыками ногайских мирз, Дайчин посылал войной ногаев на приграничные русские города и уезды. Тайша не отрицал этот факт, но уточнил, что посылает их в набег не в Уфимский уезд, с населением которого он находился в мирных отношениях, а Казанский: «та чуваша и черемиса Казанского уезду со мною не в миру». Подобный ответ не устроил Онучина: «Шертовали за тебя улусные твои люди на том, что было тебе не ходить и улусных своих людей не посылать ни под которые государевы городы и в уезды… И Казань, и Уфа – царского величества городы, и люди в тех городех и в уездех одного государя, а не самовластные: живут под государевою высокою рукою».

Как видно, конструктивного диалога между Онучиным и Дайчином не получилось. Каждый из них остался при своем мнении. При отъезде из улусов Онучин еще раз пришел к тайше и на прощание ему еще раз напомнил о прежних договоренностях калмыков с В. Голубцовым и Д. Долгоруковым, где они обязывались сойти с башкирских вотчин и отйти в дальние свои прежние кочевья на реке Иргиз и Каракумах: «а меж Яика и Волги, где преж сего калмыцкого кочевья не бывало, на государеве ясачных людей земле не кочевали». Но у Дайчина было свое видение по территориальному вопросу, которое он весьма подробно объяснил: «Земля и воды божьи, а прежде сево та земля, на которых мы и ногайцы ныне кочуем, была ногайская, а не государева, и башкирских вотчин в тех местах не бывало. И мы, на те места пришед, и ногайцев с того места сбили. И ногайцы после того кочевали под Астраханью, а мы, калмыки, после ногайцев кочуем на той земле и по се число. А как мы под Астраханью ногайских, едисанских и ембулутцких мурз и улусных их татар за саблею взяли, и мы по тем рекам и по урочищам с теми ногайцы посполу и кочуем вместе по-прежнему, потому что они, ногайцы ныне стали наши холопы. А наперед сего по тем местам и по рекам кочевали они и нам де в тех местах и ныне зачто не кочевать. Да и

кочевать нам, окроме тех мест, негде. А на той земле и по тем рекам государевых городов нет».

На основе вышеизложенного разговора М.Л. Кичиков сделал ряд существенных выводов: во-первых, в 1649 г. Дайчин в русско-калмыцких переговорах выступает в качестве главного лица от калмыцкой стороны, хотя он еще не имел полной власти над братом Лузаном; во-вторых, Дайчин все еще пытался найти какое-либо обоснование правам на земли, по которым кочевали его подвластные; в-третьих, Дайчин доказывал необходимость кочевки калмыков в междуречье, так как кочевать им было больше негде [Кичиков, 1994: 83]. Территориальный вопрос в русско-калмыцких отношениях занимал ключевое место. В.В. Трепалов отмечает, что, несмотря на притязания царского правительства на обладание заволжскими степями в первой половине XVII в., настоящего административного «освоения» региона не происходило, а, следовательно, эта территория не воспринималась местными народами как российская [Трепавлов, 2007: 156–157].

14 июня 1650 г. Онучин вернулся в Уфу вместе с калмыцкими послами от Дайчина – Чегланом Кесеповым и Таганом Чентуевым. Калмыки привезли с собой 14 пленных для обмена и выкупа. Уфимский воевода Ф.Я. Милославский 17 июня принял послов, которые дали шерть за Дайчина, его братьев, племянников и за всех улусных людей, кроме Лузана, который, как отмечали сами калмыки, «з братом своим, с Дайчином, не в совете и ни в чем ево не слушает». Тайши обещали сойти с государевой земли, не нападать на башкир и других русских подданных, совершить обмен пленными, а также предлагали военно-политическое сотрудничество [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 2. Л. 1–2, 10; Устюгов, 1947: 53–54; Очерки, 1967: 108].

Текст шерти 1650 г.: *Дайчину тайше и братье ево, и племянником, и всем улусным их людем, окроме Лаузана тайши, на государевы городы войною не ходить, городов и уездов не воевать, и людей не побивать и в полон не имать. А которой полон взят преж сево в калмыцкие улусы, и тот полон отпустить в государевы городы весь безо всякие зацепки. И з*

государевы земли, з башкирских вотчин, сойти в дальние свои прежние кочевья и впредь на те места для кочевья Дайчину и братье ево, и племянником, и улусным их людем не приходить и на промыслех ясашных людей не побивать и не грабить. Быть с государевыми людми в дружбе и в совете вовеки непременно. И Лаузану тайше и иным тайшам, и всяким владетелем людми и казною на государевых людей не вспомогать. А где будет ему, Дайчину, вмоч Лаузана или иных каких владетелей, и их людей унять и ему унимать. А кто государевым людем друг, тот и ему Дайчину будет друг, а кто государевым людем недруг, тот и Дайчину недруг.

Послы дали шерть и совершили клятвенный обряд: «секли собаку», прошли между пищалями и целовали носимые при себе нательные золотые червонцы, священные книжки и бурханы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 2. Л. 10–11].

Миссия Онучина в калмыцких улусах еще раз подтверждает мнение, что в те годы тайши искали скорее союза с Россией, чем принятия подданства. Слова Дайчина, видимо, отражали взгляд на русско-калмыцкие отношения большинства калмыцких владельцев. Шерти, заключенные в начале XVII в. и в настоящее время известные как договора о принятии калмыками русского подданства, требуют дополнительного исследования и более точной трактовки. Калмыцкая интерпретация шертей начала XVII в., как видно из слов Дайчина, существенно отличалась от русской. Сохранившиеся и опубликованные калмыцкие источники также не дают однозначного ответа на данный вопрос. «Калмыцкие книги», на которые ссылается Дайчин, к сожалению, так и остаются для нас неизвестными. Подобные диалоги, записанные русскими дипломатами, и письма калмыцких тайшей на сегодня являются ценнейшими источниками.

Перекочевка калмыков в междуречье Яика и Волги подтолкнула Астрахань снова активизировать переговорный процесс с тайшами. В октябре 1650 г. воеводы отправили к Дайчину астраханца Д. Ефимонова и толмача А. Герасимова, а к Лузану – Т. Селезнева и толмача А. Борисова. В

январе астраханцы вместе с калмыцкими посланцами вернулись в Астрахань [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 88; 1651 г. Д. 1. Л. 55]. Послы Дайчина – Кулеген Демчи и Утеш Тархан – передали представителям местной администрации письмо тайши, написанное на старописьменном татарском языке, в котором Дайчин впервые именует себя и покойного своего отца ханскими титулами. Воеводы сразу же обратили внимание на то обстоятельство, что «государево имя не попригожу написано», а ханский титул Дайчина «наперед сего в листах своих к государевым боярам и воеводам не писывали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1651 г. Д. 3. Л. 1–2].

Представленное письмо – иллюстрация того, как Дайчин рассматривал последние события, произошедшие под Астраханью. Зачастую агрессивное поведение калмыков по отношению к царским подданным объяснялось невыполнением взятых на себя обязательств противоположной стороной. На следующей встрече, во время приезда в улусы Я. Ушакова, русский посланник напомнил Дайчину о его письме, отправленном в Астрахань, где он «себя написал не так, как писывался отец ево Урлюк». Замечание Ушакова очень удивило тайшу, и он, немного подумав, дал довольно любопытный ответ: «велел де я писать в листах так, как прежде сего писывали, а что меня написали над калмыки и над татары самодержцем и обладателем, и то я писался над своими людьми, а не над чужими – и то обычное дело» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1651 г. Д. 4. Л. 12].

В конце 1649 г. донские казаки оказались в очень сложной ситуации. Крымский хан Ислам-Гирей III начал собирать силы для военного похода против Черкасского городка. Поскольку московское правительство не имело возможности выделить на Дон дополнительные военные силы, то оно разрешило казакам «посылать от себя к калмыцким тайшам нарочных своих посыльщиков, призывать калмыцких людей войною на Крым», часть из которых еще осенью 1649 г. перешла Волгу и кочевала около Царицына, ближе к донским городкам, Чиру и Сарпе [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 362; Русская, 1913: 444, 445]. Первыми на контакт вышли именно

калмыки, прислав к атаманам посланцев с предложением мира и заверением, «чтоб они, казаки, от них, калмыцких людей, дурна никакова не опасалися, и жили б с ними в миру и в совете» [Русская, 1913: 454, 455]. Вспомнив о заключенном с калмыцкими тайшами союзном договоре 1648 г., донцы отправили атамана Чирского городка К. Федосеева с двумя донскими татарами в близлежащий калмыцкий улус Лузана. Но тайши в улусе не оказалось, в это время он находился на заставе против Астрахани. Улусные люди Лузана в его отсутствие не решились принять письмо от донцов, и тем пришлось ни с чем вернуться обратно [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 351–352, 362].

Царский указ, разрешающий казакам призывать на помощь калмыков, ставил в двусмысленное положение уже астраханских воевод. С одной стороны, они всячески стремились не допустить перехода калмыков на правый берег Волги, с другой – Москва поощряла участие калмыков в союзе с донскими казаками в крымской кампании. Подобная несогласованность политики центра и местных администраций по отношению к калмыкам мешала нормальному развитию русско-калмыцких отношений. Но попытка через казаков привлечь калмыков для обороны против Крыма, по всей видимости, носила все-таки секретный характер, и правительство в ходе русско-крымских переговоров старалось особо не афишировать какие-либо свои связи с тайшами, указывая, что те самовольно кочуют по обоим берегам Волги.

Со своей стороны калмыцкие тайши также не собирались отходить от заключенных договоренностей с казаками. Более того, в отношении Крыма у них имелись свои планы, которые во многом не отвечали интересам московского правительства, так как оно в это время вступило в переговоры с крымской стороной. Урегулировав в течение 1650 г. отношения с Астраханью, тайши все свое внимание устремили на крымское направление. В начале 1651 г. Лузан перешел Волгу в районе между Царицыном и Черным Яром по направлению к реке Сарпа. В дальнейшем он намеревался

совершить набег под Крым, чтобы отогнать у местных ногаев и татар лошадей. По сведениям русских послов, находившихся в это время в улусе Лузана, с ним находилось около 4 тыс. калмыков и ногайцев мирзы Салтаналы Аксакельмаметева. При этом не все в калмыцких улусах точно знали, чем был вызван этот переход на правобережье Волги. Одни говорили, что Лузан пошел будто бы по призыву донских казаков, другие – что тайша хочет идти в горы, «отмеща кровь отца своего Урлюкая и братьи своей» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1651 г. Д. 1. Л. 72–75; Новосельский, 1994: 52].

Весной 1651 г. тайши прислали к донским атаманам своих посланцев, которые заверили их в том, чтобы «они от них, калмыцких людей, дурна никакова не опасалися, и жили б с ними в миру и в совете». В ответ атаманы с послами вновь отправили к тайшам К. Федосеева с товарищами. В результате стороны договорились, что в случае прихода на Дон крымцев и запорожцев калмыки окажут казакам военную помощь, а если крымцы и черкесы пойдут против калмыков, то уже донские казаки обязаны были им всячески помогать. С целью укрепления отношений калмыки и казаки совершили торговый обмен [Русская, 1913: 454–455].

Подойдя к Крыму в конце 1651 г., калмыки в ходе вооруженной стычки на крымской заставе убили двух мирз Мансуровых и всех их людей, а также отогнали 40 тыс. лошадей. Поскольку некоторые преследуемые ими ногайские улусы успели скрыться на полуострове, большую часть своих людей Лузан направил за Перекоп, где они вступили в бой с ногайцами Урмаметевых и Ураковых, в то время как крымские татары со своими царевичами выступили против Лузана и Салтаналы. Вторгшиеся на полуостров калмыки и ногаи были «все побиты», о чем сообщил Лузану вырвавшийся оттуда с 30 ногаями мирза Аллачуват Акимбетев (племянник Салтаналы). Сам Салтаналы погиб в сражении [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1651 г. Д. 1. Л. 77].

Как и в 1648 г., крымцы всерьез считали организаторами калмыцкого похода именно московское правительство. Толмач Г. Гостев в Москве

делился своими впечатлениями о крымских настроениях: «а в Крыму о том калмыцком приходе татаровя говорят от мала и до велика, будто де те калмыки приходили з государева ведома», якобы через Волгу их перевозили астраханские люди [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1652 г. Д. 3. Л. 5]. Но из документов ясно видно, что царское правительство не имело никакого отношения к военной акции калмыков. Приезд русского посольства в Крым в конце 1651 г., т.е. накануне калмыцкого вторжения на территорию ханства, прямо свидетельствует о незаинтересованности Москвы в силовых действиях во время русско-крымских переговоров. Негласное разрешение донским казакам призывать калмыков на помощь касалось только совместных оборонительных действий, но не наступательных.

В русских документах сохранилась и калмыцкая интерпретация результатов крымского похода. В феврале 1652 г. Лузан прислал в Астрахань своего посланца Илгоная с письменным сообщением, в котором говорилось, что калмыки «Крым погромили, а крымские люди государевым и им, калмыцким людям, были недруги, а они, калмыцкие люди, государевым людям друзья». Лузан предлагал в дальнейшем действовать уже совместно против Крымского ханства. В Астрахани вполне благосклонно отнеслись к инициативе калмыков и на этом основании разрешили людям Лузана вести торговлю под городом, тайше выплатили жалованье. По словам посланца, поход против Крыма оказался вполне успешным, однако, по другим сведениям, калмыки все же потеряли много людей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 16, 24].

Одновременно с вышеописанными событиями началось движение и в калмыцких улусах. В январе 1651 г. в Астрахань из калмыцких улусов возвратились Д. Ефимонов и толмач А. Герасимов. С ними Дайчин и Санжин прислали своих посланцев, которые заявили о готовности калмыков быть с русскими в «мире и в совете и старого не вспоминать». Тайши сообщали о своей готовности выступить войной против «государевых ослушников». Всех русских пленных они обещали вернуть только после того, как будут

возвращены их люди. Но астраханский воевода выдвинул ряд встречных условий (отход за Яик, возвращение полона и т.п.), требуя подтвердить их шертью. Посланцы лишь ответили, что без согласия Дайчина тайши дать шерть на подобных условиях не смогут. В этом же месяце в калмыцкие улусы из Астрахани были отправлены Я. Ушаков и толмач Д. Аксентьев. Дайчин был весьма недоволен тем, как идет процесс обмена пленными, поэтому на встрече с астраханцами заявил, что он уже отпустил из улусов несколько десятков русских пленников в Астрахань, Уфу, Самару, а оттуда не прислали ни одного калмыцкого пленника. Ушаков объяснял это тем, что русские взяли пленных в бою, а калмыки захватили мирных жителей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1651 г. Д. 4. Л. 1, 9].

Продолжал оставаться открытым и вопрос о передаче Дайчину останков его родственников. Тайша просил передать ему людей, которые везли останки и находились в астраханской тюрьме. Но Ушаков указал на невозможность такого шага, так как Шаим-мирза, везший эти останки, – «природной холоп государев». Далее Дайчин пригрозил посланнику сойтись с крымским ханом в случае, если царские власти надумают поставить городки по Яику и Камыш-Самаре. Тайша также указал на недопустимость требования правительством выдачи калмыцкой стороной аманатов: «А об аманатах послам своим шертовать не приказывал, что мне аманаты в Астрахань дать. Шертовали они в чем я им приказывал моею волею, а о чем им не приказано и то их силою шертовать заставили. И вольно и мне над тобою также силу учинить велеть крест целовать поневоле. И на Москве у меня государь аманатов просить не велел» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1651 г. Д. 4. Л. 10].

Уже в феврале посольство Ушакова вернулось в Астрахань с весьма неутешительными вестями: Дайчин так и не шертовал, пленных и аманатов не выдал, но прислал очередного своего посланца Укора Даулата. По словам Дайчина, никто из калмыков не пожелал быть в качестве аманата, поскольку «они наперед сего в аманатах в Астрахани не бывали». Выдав жалованье для

Дайчина (однорядки и шапки), воеводы вскоре отпустили калмыцкого посланца обратно в улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1651 г. Д. 4. Л. 1–5].

Нормальному развитию русско-калмыцких отношений продолжали препятствовать несанкционированные набеги и отгоны лошадей. Если тайшам удавалось как-то контролировать своих улусных людей, запрещая им ходить в набег на государевых людей под страхом конфискации имущества, то у царской администрации на местах это выходило не всегда. Так, во время крымского похода Лузана астраханские татары отогнали из его улуса 212 лошадей. Тайша через своих посланцев в Астрахани требовал вернуть захваченных лошадей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 16–18].

Сохранявшаяся напряженность в русско-калмыцких отношениях имела и другую причину. Калмыкам было известно, что в Яицкий городок свозится большое количество лесоматериалов и кирпичей. Дайчин через их посланцев передал астраханским воеводам, что в случае постройки русскими властями крепости в Индерских горах на Яике и невозвращения всех отогнанных лошадей, он будет с ними «в недружбе». Посланцы предъявили ответные претензии, заявив в невозврате калмыками всего русского полона и продолжающихся случаях нападений на государевых людей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 27, 29].

В декабре 1652 г. тайши Нима-Церен и Мончак, сыновья Дайчина, прислали в Астрахань двух посланцев – Телебердея и Темира, которые сообщили воеводам об отъезде Дайчина в дальние калмыцкие улусы. Отбывая, тайша наказывал своим людям жить мирно с государевыми людьми и отправить в Астрахань послов. Поводом для приезда калмыцких посланцев послужил отгон астраханскими татарами 270 лошадей у калмыков. Воеводы уверяли посланцев, что они уже вернули 200 лошадей Лузану, а остальных пообещали возвратить позже, как только их отыщут. В свою очередь, астраханские власти имели свои претензии к тайшам, в частности, продолжительное удерживание в калмыцких улусах Михаила Щукина [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 1–4].

В дальнейшем отношения между калмыками и русскими стали обостряться еще больше. В ответ на действия группы молодых тайшей – Серешкепа (сына Сюнке), Солом-Церена и Мончака, которые совместно с дядей Лузаном стояли во главе войска на заставах по обоим берегам Волги, калмыцкие посланцы были задержаны в Астрахани. Фактически с суши на расстоянии 10 верст калмыки заблокировали все подходы к Астрахани. В окрестностях города, а точнее в районе учуга Басаргу, у астраханцев произошел ночной бой с калмыками, отогнавшими у местных татар лошадей и скот. В районе Черного Яра калмыки захватили 7 местных жителей и одного убили. Воеводы срочно отправили к тайшам задержанного калмыцкого посла Телебердея, а также М. Щукина и туркмена Аклаша [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 8–10].

13 января 1653 г. Лузан и Мончак с заставы прислали в Астрахань Щукина с калмыцким послом Батыром-Демчи. Тайши передали, что пришли под город для заключения договора о возвращении калмыцких отогнанных лошадей и возобновлении торговли. Взамен они были готовы вернуть астраханцам весь захваченный полон и скот. Инцидент под Басаргу калмыки объясняли тем, что это были люди Лузана, ходившие в набег без ведома своего тайши. В Астрахани Батур-Демчи дал шерть и 16 января был отпущен обратно в улусы. Вместе с ним к тайшам отправились стрелецкий голова М. Волков, толмач В. Михайлов и М. Щукин в сопровождении 14 стрельцов. На этот раз калмыкам вернули 134 лошади и 2 верблюдов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 11–12, 15–16].

Мончак заявил русским представителям, что уже после последней шерти, которую дал калмыцкий посол в Астрахани, из его улуса астраханские татары отогнали 400 лошадей. Но окончательный мир калмыцкая сторона обещала только после выдачи астраханцами останков тайшей, а также удерживаемого в городе с 1644 г. казыевского мирзы Карашеима. Волков упрекнул тайшей в том, «что де посол их в Астрахани

шертовал, и они де то ставят ни во что». В ответ русские посланцы были калмыками задержаны [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 18–19].

Мончак снова отправил к астраханским воеводам Телебердея с Щукиным. В письме, привезенном послом от него, тайша просил предоставить ему возможность беспошлинно торговать под городом и требовал возвращения всех угнанных лошадей. При этом в письме Мончак именовал себя «великого царя сыном» (т.е. ханским сыном), что вызывало явное раздражение у воевод. В своих ответных письмах они требовали от Мончака писать свое имя соответсвенно прежнему титульному обозначению – «тайша». Астрахань обещала удовлетворить требование тайши о возврате лошадей, но, задержав Телебердея, выдвинула Мончаку ультиматум – в течение трех дней вернуть всех удерживаемых в калмыцких улусах русских посланцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 6–7, 19–20]. Как видим, ультиматумы и угрозы продолжали сыпаться с обеих сторон, что, конечно, не способствовало налаживанию мира, подрывало переговорный процесс.

Переговоры с Волковым вел лично Мончак, поскольку Лузан в это время был болен. В улусе русскому посланцу пришлось пережить немало неприятных моментов, так как его пребывание там происходило на фоне следующих событий. В урочище Алгарах произошел ночной бой между калмыками и отрядом стрельцов. Астраханцы под натиском превосходящих сил калмыков отступили к Красному Яру, но 31 стрелец и 1 боярский сын попали в плен. Калмыцкие войска полностью блокировали Красноярский городок. Практически все калмыцкие тайши, а с ними и ногайские мирзы участвовали в этой военной операции, за исключением едисанского С. Абдулова, который со своими людьми оставался охранять улусы. Воеводы поспешили отправить к тайшам разъяснение, что отряд стрельцов направлялся не против калмыков, как те посчитали, а для охраны Красного Яра, и на этом основании требовали вернуть всех захваченных во время боя пленных [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 22–24].

1 февраля в 3 часа дня калмыки вновь появились под Астраханью, блокировав город с обоих берегов Волги. Улусы астраханских мирз Салтанаша, Аксака Келмаметева и Ямгурчея кейкувата Янмаметева оказались блокированными. Часть калмыков, перейдя реку Кутум, подошла вплотную к улусу Иштерековых, засевшему в укрепленном Ногайском городке. Ногаи из вышеуказанных улусов совместно с астраханцами вышли из укреплений и в ходе боя смогли оттеснить калмыков. В вооруженной стычке погибли боярский сын В. Есипов и трое калмыков. Следует отметить, что непосредственно в самом городе гарнизон был малочисленным, ввиду того, что был рассредоточен по окрестным заставам и учугам. Вечером того же дня калмыки отошли в степь. Многие астраханцы в окрестностях города были ранены или захвачены в плен [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 24–26].

3 февраля Волков, толмач и стрелец вернулись в Астрахань, но остальных продолжали удерживать калмыки. С Волковым в посланцах от тайшей приехал татарин Отей. 10 февраля вернулся и Щукин с новым предложением от тайшей обменять в Красном Яру останки Хо-Урлюка на пленных стрельцов. Он же вернулся к калмыкам с ответом от воевод: только обмен тех, кто был захвачен в бою, на калмыцких пленных и отогнанных лошадей. В случае невозвращения русских представителей Астрахань обещала больше не присылать к тайшам своих посланцев и не предоставлять калмыкам возможность торговать. По-видимому, это условие подействовало на тайшей, и 21 февраля Мончак отпустил еще семерых человек. 27 февраля Щукин вернулся с двумя выкупленными им стрельцами. Мончак со своим войском возвратился в улусы на Яике. Воеводы попросили стрелецкого голову И. Горяинова, который находился в Яицком городке, чтобы тот обратился к Нима-Церену, не участвовавшему в последних событиях, за содействием в освобождении остальных пленных стрельцов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 26–29].

Как видим, силовая акция калмыцких тайшей под Астраханью не принесла им ожидаемых результатов, усложнив и до того непростые русско-калмыцкие отношения. Причина столь агрессивной позиции тайшей становится известной из доклада в Астрахани русского посланца Волкова. Когда после переговоров Мончак и Лузан уже хотели было отправить с ним своего посла, из города приехал некий татарин с сообщением, что астраханские стрельцы идут войной на калмыцкие улусы. После этого по приказу тайшей всех русских послов связали и ограбили. На попытки Волкова объяснить, что тот татарин сознательно их ссорит, а указанный отряд стрельцов направлялся всего лишь на заставу, Мончак обвинил посла во лжи и отправил 7 тыс. калмыков и ногаев под Астрахань, которые впоследствии вернулись ни с чем. Тайши угрожали Волкову, что, если Астрахань не выполнит их требования, то послов продадут в Крым, Бухару или Ургенч. При этом почти как угроза из уст тайшей прозвучало заявление о том, что они с крымским ханом учинили мир, на что Волков ответил: «хотя меня отдадите в Крым или куды и продадите, и я человек последней, а вам впредь меж Яика и Волгою не кочевать». После этого калмыки послов морили голодом, кормя «скверной кобылятиной», которую сами русские не ели [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1653 г. Д. 1. Л. 41–44, 50].

Из донесения астраханского воеводы в сентябре 1653 г. стало известно, что улус Лузана кочевал между Волгой и Яиком. Тайша на осень планировал вооруженный поход с 8-тысячным отрядом, правда, о направлении удара никто не знал. Под Царицыном, Саратовом и Черным Яром уже действовали калмыцкие разведывательные отряды по 200–400 человек, которые отгоняли скот и лошадей у местных жителей. Видимо, в этом регионе калмыки чувствовали себя настолько уверенно, что улус Мончака планировал провести зимовку в урочище Карадуван, в 2-3 днях пути от Астрахани. Воеводы поволжских городов постоянно запрашивали у Москвы военное подкрепление, указывая на большое скопление калмыков между Царицыном и Саратовом.

В связи с этим ситуация в регионе накалялась, и в октябре уже самарский воевода сообщал в Астрахань о намерениях Лузана и Мончака совершить набег под Уфу, Царицын, а также в Казанский и Самарский уезды. Мончак кочевал недалеко от Яицкого городка, а Лузан из-за Яика направился к Волге с целью совершить набег на ногаев, кочевавших по крымской стороне [Акты, 1842: 195]. В ноябре калмыцкие улусы появились возле Черного Яра, где калмыками были захвачены четверо местных рыбаков, а сам городок с суши был полностью блокирован. Часть калмыцких улусов перешла на крымскую сторону Волги. Астраханские татары и ногаи, жители Яицкого городка властями были срочно предупреждены об угрозе нападения калмыков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 1–5]. Несмотря на эскалацию событий, тайши не исключали возможного приезда астраханских посланцев для заключения мирного договора, в противном случае они планировали снова прийти на заставу под Астрахань [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 9-10].

Судя по дальнейшим событиям, возвращение Дайчина из Джунгарии в улусы было своевременным, что не позволило вооруженным стычкам между калмыками и русскими перерасти в полномасштабную войну. Позже калмыцкие пленники из Царицына были переданы Дайчину с просьбой «унять» брата Лузана, который, видимо, и являлся главным зачинщиком конфликта. Уже на тот момент начал действовать особый царский указ, строго запрещавший воеводам нападать на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 16–17, 54–55, 57–58].

Подводя итог, отметим, что в историографии утвердился ряд ошибочных взглядов относительно отдельных страниц истории калмыков первой половины XVII в., которые, как видится, не состоятельны в свете появления новых фактических данных.

Во-первых, на самом начальном этапе в авангарде ойратской миграции в прикаспийские степи находились не торгуты Хо-Урлюка, а хошутские улусы под началом Чокура и его соратников. Борьба, возникшая внутри

хошутского дома, переросла в общеойратскую войну 1625–1630 гг., которая и создала предпосылки первых поселений калмыков в степях Северного Прикаспия. Таким образом, переселение торгутов на Волгу было не бегством из-за внутренних раздоров джунгаров, а следствием междоусобной войны хошутов, в которую, в конечном счете, были вовлечены все ойраты .

Во-вторых, район северо-восточного Прикаспия в качестве поселения серьезно рассматривал и дербетский тайша Далай-Батур, чьи послы вели довольно интенсивные, но безуспешные переговоры по этому вопросу с московским правительством в 1629–1630 гг. После разгрома группировки Чокура на Яике перед многими тайшами открылись явные преимущества нового для них региона: пересечение торговых магистралей, близость крупных рынков, слабость соседних тюркских племен, отдаленность от враждебных сил Алтын-хана, благоприятные климатические условия, богатые биоресурсы и т.д.

В-третьих, только после откочевки дербетов и хошутов на старые кочевья в Юго-Западной Сибири в конце 1630 г. в Северном Прикаспии появляются торгутские улусы Хо-Урлюка и Дайчина. Но идейным вдохновителем переселения торгутов в степи Северного Прикаспия выступал не Хо-Урлюк, а его старший сын Дайчин, формально признававший отца главой торгутских родов. Успешные военные действия в регионе, харизматичность, массовый приток тюркских племен и калмыцких родов в его улусы позволили ему фактически претендовать на главенство в торгутском доме, поскольку он стал владельцем наиболее многочисленного улуса и войска. Хо-Урлюк старался держаться поближе к ойратскому сообществу, но после конфликта с Далай-Батуром в 1635 г. вынужден был откочевать из Юго-Западной Сибири к старшему сыну в степи Северного Прикаспия.

В-четвертых, калмыки, как повествуют калмыцкие источники, не могли прийти на Волгу с целью поселения в 1630 или 1632 гг. Более того, в течение 30-х гг. XVII в. они так и не смогли окончательно закрепиться в волжском

регионе. Кратковременные набеги, совершенные калмыками на астраханских ногайцев и татар в 1630, 1633, 1635 гг., можно рассматривать не как их приход на Волгу, а как эпизодические появления, имевшие место и ранее. Основной ареал кочевок торгутских улусов в это время находился между Яиком и Приаральскими Каракумами – по рекам Эмба, Илек, Иргиз, Орь, хотя некоторые из них пытались обосноваться и в Волго-Яицком междуречье – на Узени и в верховьях Самары. Попытки калмыков подойти к Астрахани и перейти Волгу в 30-е гг. XVII в. не имели положительного результата. Иногда калмыки переходили на «крымскую сторону» Волги, но главным образом эти переходы носили военно-разведывательный характер. Появление калмыков западнее Яика царским правительством рассматривалось как нарушение границы, и на переговорах власти неоднократно требовали откочевки их улусов именно за Яик .

В течение 30-х гг. XVII в. на торгутских тайшей, пытавшихся самостоятельно закрепиться в степях Северного Прикаспия, со стороны ойратского сообщества оказывалось мощное политическое и военное давление. Главным проводником такой политики выступал один из предводителей так называемых «чакарских калмыков» – Далай-Батур, пользовавшийся в этом вопросе поддержкой буддийского духовенства. Именно дербетский предводитель при поддержке хошутских тайшей требовал от торгутов отказа идеи поселения в Северном Прикаспии, немедленного возвращения на старые кочевья, выдачи Чокура и его сторонников. Если Хо-Урлюк под давлением более сильных соседей склонялся к принятию компромиссного решения по данному вопросу, то Дайчин решительно отказывал им. Только смерть Далай-Батура и поражение чакарцев в столкновениях с отрядами сибирских городов во второй половине 30-х гг. XVII в. снизили накал в отношениях. Постепенное сближение недавних противников подвигло торгутских тайшей к принятию решения о переходе части улусов в Юго-Западную Сибирь, а другую половину улусов оставить на прежних кочевьях в Северном Прикаспии.

Для выработки общеполитической доктрины в сентябре 1640 г. в Джунгарии состоялся крупнейший съезд монгольских ханов и ойратских тайшей, на котором присутствовали Хо-Урлюк и его старшие сыновья. Буддийскому духовенству во главе с Индзан-хутугтой к концу 1630-х гг. удалось примирить враждующие ойратские группировки и в целом наладить отношения между ойратами и восточными монголами. Объединению способствовали идеологические установки, утвержденные на монголо-ойратском съезде 1640 г., выразившиеся в едином законодательном кодексе. Также было принято решение о продолжении совместного участия ойратов в религиозной войне в Тибете. Примирение и консолидация ойратских группировок с восточномонгольскими княжествами были приоритетными в политике тайшей и буддийского духовенства.

Консолидация ойратского сообщества, отмечавшаяся после съезда 1640 г., не мешала торгутским тайшам, чьи улусы были разделены на две группы, одновременно участвовать в политических событиях как в Северном Прикаспии, так и в Юго-Западной Сибири и Центральной Азии. Однако такое положение было прервано дербето-торгутским конфликтом 1642 г. Именно это событие ускорило разрушение системы безопасности, выработанной и принятой на съезде 1640 г. В условиях затяжного внутреннего конфликта буддийское духовенство пыталось его урегулировать при помощи разработанного ими же кодекса законов. Однако за период вооруженного противостояния в течение нескольких лет погибло большое количество ойратских тайшей, в том числе и двое непосредственных участников съезда – торгутский Хо-Урлюк и дербетский Дайчин-Хошучи.

Длительное отсутствие Дайчина в родных кочевьях объяснялось тем, что он в составе общеойратской военной кампании под командованием Гуши принимал непосредственное участие в религиозной войне в Тибете. Но, даже находясь в Джунгарии, Дайчин продолжал активно влиять на политическую ситуацию в Северном Прикаспии. Именно он выступил с важными инициативами – привлечь в качестве посредников хутугту Зая-пандиту и

джунгарского Батура-хунтайджи для урегулирования торгуто-дербетского конфликта, а также отправить посольство в Москву, чтобы наладить взаимоотношения с русскими властями.

ГЛАВА 3. ВХОЖДЕНИЕ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

3.1. Укрепление русско-калмыцких отношений. Вступление калмыков в Русско-польскую войну 1654–1667 гг.

К 1653 г. в России улучшилась экономическая ситуация, поутихли сотрясавшие страну волнения и мятежи, обновленный при молодом и энергичном царе Алексее Михайловиче состав правительства усиленно занимался подготовкой к войне с Речью Посполитой и формированием новых армий. 1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о принятии Войска Запорожского (Гетманщины) в российское подданство. А 23 октября государь Алексей Михайлович объявил в Успенском соборе о начале войны с Речью Посполитой. Наступление трех основных русских армий в Литве должны были поддержать Б. Хмельницкий и воевода А.В. Бутурлин с полком (4000 чел.), сковав на Украине польские войска. С юга, со стороны Крымского ханства, прикрывал воевода В.Б. Шереметьев с Белгородским полком (свыше 7000 чел.) [Малов, 2006: 15–16]. Как видим, в предстоящей войне южное направление оставалось недостаточно защищенным участком в случае крымского вторжения, как это произошло во время предыдущей Смоленской войны.

В связи с этим на повестке дня в царском правительстве встал настоятельно вопрос об окончательном урегулировании русско-калмыцких отношений. С весны 1654 г. в дипломатических кругах России активно стала обсуждаться возможность использования калмыков в борьбе против Крымского ханства. Поводом для этого послужили события на Украине. 8 января 1654 г. решение о воссоединении Украины с Россией было единогласно принято участниками Переяславской рады. Именно тогда в доверительной беседе московского боярина В.В. Бутурлина с войсковым писарем И. Выговским была озвучена идея привлечения калмыков против

Крыма. В письме от 21 марта 1654 г. Б.М. Хмельницкий сообщал боярину В.Б. Шереметьеву, что «калмыки с донскими казаками живут советно» и только ожидают царского указа, чтобы двинуться на Крым, что в походе под Терки калмыки захватили 28 мирз Большого Ногая, намеревавшихся идти на помощь полякам. Он предлагал направить калмыков степью, а донцов морем на Крым, тогда, по его мнению, татары оберегали бы свои города и не имели бы возможности прийти на помощь польскому королю Яну Казимиру [Санин, 1987: 124, 125–126]. Сведения о попытке Б. Хмельницкого вступить в непосредственный контакт с калмыцкими тайшами мы находим в его письме на имя царя, где он жалуется на донских казаков, задержавших на Дону его посланцев, направлявшихся к калмыкам [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1654 г. Д. 3. Л. 73]. Правительство указала донцам пропустить их в калмыцкие улусы, но, к сожалению, нам не известны результаты этих переговоров.

В конце 1654 г. донские казаки, в том числе и с подачи правительства, отправили к калмыкам посланцев с предложением участвовать в совместном военном походе против Крыма. Момент для этого был избран подходящий, поскольку большинство крымцев ушли в польские и литовские города, ослабив тем самым защиту своего ханства. Тайши согласились и уже на весну 1655 г. планировали совместное с казаками выступление на Крым. Правительство, всячески поощряя такие связи, предоставило калмыкам возможность вести вольную и беспошлинную торговлю в русских городах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 19–20, 70–71]. Мирное соглашение с калмыками давало возможность передислоцировать значительную часть стрельцов, размещенных в волжских городах на границе с восточными кочевниками, на польско-литовское направление [Khodarkovsky, 1992: 80].

До заключения шерти 1655 г. целый год велись сложные переговоры между астраханской администрацией и тайшами. 8 января 1654 г. в Астрахань прибыли 4 татарских посланца от Мончака во главе с Тлевбердеем. Тайша предлагал заключить мирный договор при условии возвращения калмыцких пленных и отогнанных лошадей. Воеводы не признали наличия у

них калмыцких лошадей, а мирный договор согласились заключить только при условии, если тайши пришлют к ним для переговоров более знатных представителей и вернут русский полон, к тому же сама личность калмыцкого татарина Тлевбердея не внушала им доверия. Тогда же, в январе, выходец из калмыцкого плена Степан Григорьев предупреждал администрацию, что калмыки откармливают лошадей для похода, а тайшам будто ведомо, что из Астрахани в Москву ушла большая партия стрельцов. Поэтому, принимая меры предосторожности, астраханцы дополнительно разместили 500 стрельцов по окрестным учугам в дельте Волги [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 12–15].

12 января 1654 г. от тайшей вновь прибыл Тлевбердей, но уже с уфимцем В. Киржатцким. Требования оставались прежними, в частности, о возвращении 300 лошадей, отогнанных астраханскими татарами с калмыцких застав. Еще летом 1653 г. к Мончаку из Уфы приезжали русские и башкирские посланцы с предложением обменять полон. Мончак, собрав в улусе весь русский полон, часть его отправил в Уфу с одним из уфимских посланцев, остальных же оставил у себя в качестве заложников до возвращения калмыцкого полона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 11, 16]. Так Киржатцкий волею обстоятельств оказался в калмыцких улусах и принял деятельное участие в переговорном процессе с Астраханью. Перед тем как заключить договор, астраханские власти требовали от тайшей прислать к ним знатных аманатов и только в этом случае обещали заключение мира, предоставление возможности торговать и отправку своих посланцев к тайшам. 19 января в Астрахань от Мончака прибыл калмык Конкодай с тем же Киржатцким и новым предложением о мире.

Активизация калмыцкой стороны в переговорном процессе объяснялась тем, что Дайчин прислал к Мончаку 30 своих людей со строгим указанием «быть в миру» с астраханцами. 27 января в Астрахань также прибыли послы Лузана – Батур и Ургечи, которых тайша прислал с правого берега Волги, где «зверовал» уже 10 дней. Лузан тоже предлагал воеводам

жить в мире и обоюдно наказывать смертной казнью тех, кто занимается отгонами лошадей. Но астраханская администрация приехавшим калмыцкими посланцам выдвинула те же требования, что и ранее предъявляла Тлевбердею [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 16–24].

5 февраля в Астрахань из калмыцких улусов вернулись толмач А. Борисов и В. Киржатцкий вместе с калмыцкими посланцами Беркулой и Досалеем. Борисов рассказал о своей встрече с Мончаком в урочище за рекой Алгара, в двух днях пути от города. Когда он прибыл в улусы, там царила довольно напряженная обстановка. Калмыки жаловались Мончаку о захвате и грабеже под Астраханью Янмамет-мирзою многих калмыцких людей, что стало основанием для недоверия тайши к русским посланцам. Мончак, не желая прекращать переговорный процесс, все-таки отправил к воеводам своих людей «для проведывания» о захваченных калмыках. Длительную задержку Борисова в улусах калмыцкие посланцы объясняли согласованием Мончаком и Лузаном общей позиции по отношению к Астрахани. Но Лузан без предварительного возвращения астраханцами калмыцких пленных наотрез отказался заключать договор. Борисов пытался объяснить тайшам, что в астраханской тюрьме нет калмыков, кроме двух ранее захваченных. По словам калмыцких посланцев, Лузан не желал слушать ни Мончака, ни отца его [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 31–33].

Когда попытки договориться мирным путем не имели успеха, калмыцкая сторона перешла к более активным действиям. 10 февраля Мончак с войском подошел к Астрахани и остановился напротив Долгого острова, в 12 верстах от города. К тайше воеводы отправили татарина, который, прибыв обратно 13 февраля, сообщил, что Мончак предлагает мир на основе заключения шерти и требует отпустить захваченных калмыков из Астрахани и Яицкого городка. Калмыцкие отряды заняли практически все городские окрестности. Астраханские мирзы обратились к воеводам с просьбой отпустить из тюрьмы двух калмыков, и те пошли им навстречу. Но 14 февраля был отпущен только Когулда, его отправили к тайшам с

татарином, который 19 февраля возвратился в Астрахань. Мончак требовал вернуть и второго калмыка, обещая после заключения мирного договора отпустить весь русский полон. В этот же день от тайши прибыли двое калмыков, Шен-Темир и Элбузар, с требованием вернуть из Яицкого городка уже 4 захваченных калмыков и отогнанных лошадей, а также прислать посланцев для заключения мирного договора. Лузан тоже участвовал в этом событии, поскольку астраханские татары отогнали у него с заставы тысячу лошадей, он со своим войском находился по соседству с Мончаком [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 37–44].

22 февраля калмыцких послов отпустили, а с ними к тайшам из Астрахани был направлен толмач Борисов. Лузан и Мончак находились на правом берегу Волги, в урочище Коровья Лука, на расстоянии дневного перехода от Астрахани. Борисов отправился к тайшам с прежними требованиями: возвращение ногаев, выдача калмыцких аманатов в подтверждение шерти, обмен пленными и откочевка калмыков за Яик. Толмач порекомендовал тайшам «быть под государевою рукою в подданстве и в послушанье», так как раньше «миру не бывало, опроче обману». Лузан и Мончак на это лишь ответили, «что де у них бывает договор, и послов своих они в Астрахань посылают на правде, и в том де они стоят, и идут они договариваться к Астрахани сами». В результате тайши своих посланцев к воеводам не отправили, а Борисова задержали [Дополнения, 1848: 531–533, 536–537].

Конфликтная ситуация у калмыков сохранялась не только на Волге, но и на Яике. В то время, когда Лузан и Мончак находились за рекой Бузан, к ним в урочище Берекете от тайши Церена Чоктуева, кочевавшего со своим улусом возле Яицкого городка, прибыли двое тайшей в сопровождении 30 человек. Они сообщили о захвате в плен яицкими казаками тайши Кайкулака с сыном и зятем. Лузан и Мончак отдали им задержанного Борисова с расчетом обменять его на тех пленных, но стрелецкий голова Яицкого

городка Т. Селезнев отказался совершить обмен, не имея на то государева указа [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 27; Дополнения, 1848: 534, 537].

Это был тот редкий случай, когда русским удалось захватить в плен калмыцких тайшей. Позже Кайкулак пытался договориться с Селезневым, за свою свободу предлагая ему содействие в том, что Мончак и Нима-Церен отдадут всех русских пленных, захваченное оружие и лошадей. В крайнем случае, он обещал отдать лично Селезневу всех своих лошадей. В это время улусные люди Кайкулака окружили Яицкий городок, полностью блокировав его с суши. Астрахань срочно отправила в помощь туда стрелецкий отряд с запасами свинца и пороха, но калмыки сумели по дороге его перехватить, взяв в плен трех стрельцов и захватив 5 пудов свинца. Другой отряд из сотни стрельцов под командой Т. Ерофьева был также атакован калмыками, но уже под самим городком. В результате сотник и 59 стрельцов были убиты, 13 ранены, а все оружие досталось калмыкам. Вышедшие из городка на помощь им стрельцы спасли своих раненых сослуживцев. Калмыки, также потеряв часть своих людей, смогли взять в плен только четырех конных стрельцов. Вокруг Яицкого городка повсюду стояли калмыцкие заставы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 36, 56–57, 59].

В мае из осажденного калмыками городка Селезнев сумел передать в Астрахань, что Кайкулак 1 апреля умер от неизвестной болезни, а его сын и зять больны. 23 мая 1654 г. из Москвы пришел особый указ о переводе захваченных калмыцких тайшей из Яицкого городка в Астрахань, на Аманатный двор, с целью дальнейшего их обмена на государевых людей. Пленных калмыков удалось перевезти в Астрахань под усиленной охраной на судне по морю [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 19; Дополнения, 1848: 532–533]. Дальнейшая судьба этих людей в русских документах не прослеживается.

После несостоявшегося обмена Борисова перевезли в улус Мончака, а затем передали на поруки едисанскому мирзе С. Абдулову. Здесь астраханец смог получить от ногаев много интересной информации о положении дел в

калмыцких улусах. В начале 1654 г. около 500 башкир совершили набег на калмыцкие кочевья, в результате которого наибольший ущерб был нанесен ногайскому улусу мирзы Каспулата Мамаева: 20 человек погибли, около 200 попали в плен. Примерно 2 тыс. калмыков и ногаев бросились за башкирами в погоню, дважды они вступали в бой, но в результате смогли отбить только 20 человек. Позже Борисов рассказывал в администрации, что «над калмыцкими людьми и над татары башкиры поиск чинят почасту» [Дополнения, 1848: 538]. Действия башкир вызвали ответные набеги калмыцких ногаев на Уфимский уезд. Так, осенью 1653 г. сотня едисан совершила набег на Уфимский уезд и привела в улусы русский полон из 150 человек, который в дальнейшем был продан в Хиву. По наблюдениям Борисова, в набегах в основном участвовали ногаи, «а калмыцкие люди с ними не ходят, а татар не унимают» [Дополнения, 1848: 538].

В доверительной беседе едисанский мирза С. Абдулов поделился с Борисовым, что калмыки на зиму 1654/55 года планируют военный поход. При этом мирза через Борисова советовал астраханским воеводам, как можно скорее оттеснить калмыков на дальние рубежи. В частности, он предлагал построить 4 крепости на важных и ключевых участках: первую – по Яику в Индерских горах; вторую – в Яблонном урочище, «где их татарский молебщик лежит»; третью – на реке Ахтубе, в урочище Укреме, где калмыки постоянно переходят Волгу; и четвертую – на реке Илек за Яиком, в которую можно было бы поселить уфимских людей и башкир. Тогда, по мнению мирзы, «калмыцкие люди вдали от Астрахани и будут». С. Абдулов также просил передать воеводам, что он желает отойти со своим улусом от калмыков и кочевать где-нибудь под Астраханью, но этому мешает находившаяся в урочище Тепкире (в двух днях пути от города) калмыцкая застава под командованием Дурал-дархана. Едисанские улусы кочевали врозь в 3-4 днях пути от Астрахани, при этом астраханские татары постоянно приезжали в калмыцкие улусы с последними новостями о положении дел в городе [Дополнения, 1848: 538-539].

В марте 1654 г. астраханский татарин Исенегеп сообщал в администрации, что в улусе Мончака слышал о намечавшемся приезде весной Дайчина с джунгарским хунтайджи и большим войском, правда, неизвестно с какой целью [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1654 г. Д. 1. Л. 54; Златкин, 1964: 133]. В 1654 г. Дайчин, правда, без хунтайджи, действительно вернулся из Джунгарии в родные кочевья, находившиеся за Яиком в Индерских горах [Дополнения, 1848: 538].

С возвращением калмыцкого предводителя переговорный процесс калмыков с астраханской администрацией сразу же возобновился. 1 декабря 1654 г. в Астрахань вернулись Борисов, татарин Сеит Мамбеткулов и стрелец Ф. Дунайка. С ними приехали отправленные Дайчином и Мончаком «калмыцкие природные люди» – Сартугар, Ангай и Басу. Тайши снова предлагали астраханцам заключение мира и обмен пленными. Ухудшение русско-калмыцких отношений, по мнению калмыцких посланцев, было вызвано временным отъездом их предводителя: «как он, Дайчин тайша, кочевал в улусех своих, и при нем де государевым людем нигде от них калмыцких людей дурна никакого и задору не бывало, а как де он, Дайчин тайша, из улусов своих ездил по своей вере к молбищу молиться, и без него де твоим государевым людем под Астраханью и под иными твоими государевыми городами, и на промыслах от калмыцких их людей и от татар дурно всякое было, а на всякое де дурно их калмыцких людей наводят татаровя, которые с ними калмыцкими людьми вместе кочюют». Теперь Дайчин обещал астраханцам, что впредь с калмыцкой стороны «никакого дурна не будет». Тайша сознательно не включил в состав посольства ногайских представителей, так как, по его мнению, «от татар всякая ссора чинится». Дайчин через своих людей передал воеводам, что готов дать шерть, обменять пленных и вернуть захваченное в бою оружие. 10 декабря калмыцкие посланцы вместе с Сеитом Мамбеткуловым были отпущены из Астрахани в улусы к Дайчину [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 14; Дополнения, 1848: 533–534; Преображенская, 1960: 62–63].

В течение января 1655 г. стороны еще несколько раз обменялись посланцами, и в ходе этого процесса астраханские воеводы неоднократно требовали от тайшей аманатов, шерти и обмена пленными, обещая взамен предоставить возможность торговать под Астраханью и возвратить «кости» Хо-Урлюка. Если на обмен пленными Дайчин еще соглашался, то первые два требования он решительно отверг. Лично шертовать Дайчин отказывался, впоследствии его представитель Дурал-дархан объяснял это тем, что тайша, будучи на богомолье в Тибете, дал обет, что ни он, ни его дети, ни при каких обстоятельствах шертовать не будут. Конечно, такая позиция не устраивала царских представителей и внушала еще больше недоверия к калмыкам. Но в условиях, когда Москва требовала решительных шагов в нормализации русско-калмыцких отношений, астраханские воеводы были вынуждены пойти на определенные уступки и согласиться с тем, что шерть дадут доверенные люди Дайчина – Дурал-дархан, у которого тайша «на руках вскормлен», его сын Чокула и тайша Церен Чоктуев [Преображенская, 1960: 62–63].

Но уступки в данной ситуации предполагались отнюдь не в одностороннем порядке. Дайчину также пришлось в определенной степени изменить своим принципам. Форма клятвы, по сведениям астраханского воеводы И.П. Пронского, у калмыков была наиболее уважаемой. Поэтому накануне принятия шерти астраханских воевод интересовал вопрос процедуры клятвенного обряда у калмыков. Калмыцкая культура (с элементами буддийской), в отличие от относительно известной им мусульманской, была совершенно неизвестна русским людям. Поэтому воеводы расспросили у астраханских мирз, ранее живших у калмыков, «какая в калмыцкой вере прямая и крепкая шерть». Ответ их был довольно любопытным: калмыки «веруют и поклоняютца куклам, а по их калмыцкие – бурхан, да книги и чотки, что они на шеях у себя носят, а по их калмыцкие – бичик; и будет де тое шерти они учинят, то де их прямая шерть и тому де и верить мочно». По требованию воевод Дайчин после долгих препирательств

все-таки согласился привезти «бурхана» к месту предполагаемой встречи русских и калмыцких представителей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 63–65; Преображенская, 1960: 62].

В подтверждение договоренности уже 3 февраля 1655 г. Дайчин прислал в Астрахань 5 русских пленников, а взамен от воевод получил 10 калмыцких. Так начался активный процесс обмена полоном, и стороны от угроз и ультиматумов перешли к конкретным действиям. Дайчин предложил отныне строить русско-калмыцкие отношения с «чистого листа»: «и что де в прежних летах к твоим государевым людем от их калмыцких людей было утесненье, и на нем бы де впредь того не спрашивать, а он де своих прежних и улусных людей всяких обид и убытков спрашивать не станет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 37, 51].

Калмыцкие представители – тайша Церен Чоктуев, Дурал-дархан и его сын Чокула в сопровождении 200 человек – 4 февраля 1655 г. прибыли на заранее оговоренное место – у протоки Балчиклы. Русскую сторону на съезде представляли прибывшие из Астрахани Я. Ушаков, К. Козлов, подъячие, толмачи и стрелецкий голова [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 81-82]. С собой русские представители привезли заранее подготовленный текст «шертной записи», на которой посланцы тайшей должны были расписаться. В ходе последовавших переговоров стороны обсудили и уточнили отдельные моменты, что также нашло отражение в шерти [Преображенская, 1960: 64]. Текст шерти, впервые опубликованный в Полном собрании законов Российской империи в 1830 г., приводится ниже.

Яз Дурал Тархан, Яз Серень Таиша, яз Чокула, шертуем Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя России Самодержцу, и многих Государств Государю и Обладателю, и его Государеву сыну Государю Царевичу Князю Алексею Алексеевичу, и иным его Государским детям, которых впредь ему Государю Бог даст, за Дайчина Тайшу, и за Лаузана Таишу, и за Санжина Тайшу, и за Мончака, и за Мамсреня Тайшей, и за братью их и за детей и за племянников, и за всех

улусных людей, по их Дайчинову и Мончакову веленью, шертуем на том, что Дайчину и Лаузану и Санжину и Мончаку Таишам, с детьми своими, и с братьею, и с племянники, и нам всем их улусным людям быть у Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великая и Малыя России Самодержца в вечном послушаньи, и добра ему Великому Государю и его Государевым людям хотети, во всем в правду безо всякия хитрости, и с его Государевыми непослушники и с изменники, ни с кем ни о чем не ссылатись и за них не стояти, и Государевых Русских людей и вечных холопей Нагайских и Едисанских и Юртовских Татар в улусах и на проездех, и на промыслех нигде не побивать и в полон не имать, и не грабить, и от прежних от всех своих неправд отстать, и Государеве отчине к Астарахани и на иные Государевы Украйные городы и на уезды на Государевых людей, которые бывают в посылках и на промыслех и в проездех, и на Нагайские и на Юртовские улусы, и на конские и животинные стада, войною Дайчину, и Лаузану, и Санжину, и Мончаку, и Мамсреню самим Таишам не приходить, и братьи своей, и детей, и племяников и улусных людей, и Государевых изменников Мурз и Татар не посылать, и Государевых городов, и сел, и деревень и учугов не жечь, и людей не побивать, и в полон не имать, и не грабить, и ни какаго зла не делать и не мыслить, по сей шерти и утвержденью. А где Государь укажет быть нашим Калмыцким Таишам и нам улусным людям на своей Государеве службе, с своими Государевыми ратными людьми вместе: и Тайшам нашим и нам с Государевыми изменники и с непослушники битись до смерти, нещадя голов своих, а Великому Государю Царю и Великому Князю Алексию Михаиловичу, всея Великия и Малыя России Самодержцу, его Царскому Величеству не изменить, его Государевых людей не подать, и хитрости над ними никакия не чинить. А Государевых людей Русской и Татарской и Черкаской полон и их животы, которых в прошлых годех и в нынешнем во 163 году взяли мы Калмыцкие люди и изменники Нагайские и Едисанские и Енбулуцкие Татарове, под Астараханью и под Темнякам и под иными Государевыми городами, собрав

всех отдать в Государеву отчину в Астарахань; и Государевых изменников, Нагайских и Едисанских и Енбулуцких мурз и татар, которые в прошлых годех изменя Государю, из под его Государевы отчины из под Астарахани отошли к Таишам нашим в Калмыцкие улусы, которые из них похотят собою идти в Астарахань, и Таишам нашим и нам улусным людям в неволю их у себя не держать и не грабить, и отпущать их в Астарахань совсем, безо всякаго задержанья, и впредь к себе в улусы Государевых вечных холопей Нагайских и Едисанских и Юртовских мурз и татар от Государевы отчины от Астарахани, и от иных его Государевых городов не призывать; а будет кто собою придет, и их не принимать, и отсылать их в Астарахань, и Государевых людей Русскихъ и Татар и Черкас полоняников, прислати им Таишам из улусов своих всех в Астарахань. А которых посыльщиков, по Государеву указу, из Государевы отчины из Астарахани посылають, и впредь из Астарахани и из иных Государевых городов Бояре и Воеводы учнут присылать, для Государевых всяких дел в Калмыцкие улусы, к ним Дайчину Тайше, и к Лаузану, и к Санжину, и к Мончаку Таишам, и к их детям, и к братье, и к племяиникам, и к улусным людям: и Дайчину Тайше, и детям его, и братье, я племяиникам, и улусным людям, тем присыльщикам безчестья ни какаго не делать, и не бить их и не грабить, и тесноты им у себя не чинить, и отпущать их безо всякаго задержания».

Яз Дурал Тархан, язъ Серень Тайша, язъ Чокула, шертуем Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексию Михайловичу, всея Великия и Малыя России Самодержцу, и многих Государств Государю и Обладателю, Его Царскому Величеству, и сыну Его Государеву, Государю Царевичу, Князю Алексию Алексеевичу, и иным Его Государевым детям, которых Ему Государю впредь Бог даст, за Дайчина и за Лаузана и за Санжина и за Мончака и за Мамсреня Тайшей, и за братью их и детей и племянников, и за себя, и за всех улусных людей на том на всем, как в сей шертовальной записи написано. А будет Тайши наши и мы улусные люди не учнемъ так делать, как в сей шертовальной записи написано, и шерть свою и утвержденье чем

нарушим: и на Таишах наших, и на нас, Дурал Тархане, и на Серень Тайше, и на Чокулае, и на всех улусных людех, буди Божий гнев и огненный меч, и будем мы прокляты в сем веце и в будущем [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 76-80; ПСЗРИ, 1830, Т. 1: 356–357].

Калмыки в присутствии русских представителей провели клятвенный обряд: «бурхан свой и книги и чотки, что на шеях у себя носят, положа на шапки свои, подымали на головы свои, и, прикладываясь, целовали и поклонялись по своей вере и шертной записи». Затем тайша Церен приказал одному из сопровождающих его лиц по имени Батур «в шертной записи вместо их руки приложить калмыцким письмом». При отъезде калмыцких представителей астраханцы Церену Чоктуеву, Дурал-дархану и Чокуле подарили по 4 аршина английского красного сукна, а Батуру и Тлевбердею – по 3 аршина литовского сукна. По 4 аршина английского сукна в качестве жалованья было отправлено Дайчину, Мончаку и Манжи-Ялбо [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 1. Л. 66-68]. По просьбе Дайчина ему было также передано 5 ведер вина. Всех калмыков, присутствовавших при подписании шерти, русские щедро угостили вином и медом. Стоимость подарков была весьма скромной и составляла всего 24 рубля 30 копеек [Преображенская, 1960: 64].

По мнению П.С. Преображенской, самым ранним письменным текстом шерти, из дошедших до нас, является шерть от 1655 г., а до этого времени записей калмыцкой шерти, собственно, не было [Преображенская, 1960: 61]. Однако с подобным утверждением нельзя согласиться. Подробное изучение русских документов первой половины XVII в. показывает, что имеются и более ранние письменные тексты шертей, например, шерть от 12 сентября 1631 г., которую дал Хар-Мерген за Хо-Урлюка, Дайчина и других торгутских тайшей, а также 2 шерти (февральская и апрельская) от 1649 г. Единственным их отличием от шерти 1655 г. является то, что они не имели большого политического значения в русско-калмыцких отношениях, которые

могли бы кардинально повлиять на положение калмыков в Северном Прикаспии.

Письменная шерть 1655 г. походила больше на присягу в верности калмыков своим обязательствам по отношению к русской стороне. В документе не оговаривались сроки его действия, а Москва со своей стороны не требовала аманатов и ясака. Документ, подписанный под Астраханью калмыцкими представителями, в сущности, был соглашением между союзниками о мире и военном сотрудничестве. Именно так калмыцкая сторона рассматривала это соглашение, ожидая получения определенных обязательств от другой стороны [Khodarkovsky, 1992: 90–91; Преображенская, 1960: 61]. Также шерть 1655 г. не проливает свет и на решение территориального вопроса. Фактическое пребывание калмыков на левобережье Волги де-юре не было закреплено в шерти. Формально теперь калмыцкие улусы могли не опасаться карательных действий со стороны царских войск за нахождение на данной территории. Большое значение имело предоставление калмыкам возможности относительно безопасно торговать в поволжских городах. Торговля выступала своего рода орудием в руках правительства для достижения политического соглашения с тайшами. Калмыцкой стороне пришлось отказаться от языка военных угроз, чтобы обеспечить прочные торговые связи с русскими городами. В любом случае шерть 1655 г. имела для калмыков положительное значение, в первую очередь, как серьезное основание для решения в дальнейшем территориального вопроса, а также вопросов безопасности и торговли. Именно с этого времени отмечается потепление русско-калмыцких отношений, которое, в первую очередь, было связано с началом русско-польской войны.

Но заключение соглашения требовало и конкретных шагов, подкрепленных материальным стимулированием. Для этой цели уже в феврале 1655 г. из Москвы с жалованьем были отправлены: к Дайчину – З. Волков, а к Лузану – И. Горохов. Им предписывалось склонить тайшей к

совместному военному выступлению на Крым и участию в польской кампании. Но дорогой послы были отозваны обратно [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1655 г. Д. 2. Л. 1; Преображенская, 1960: 65]. Основанием для этого стало получение царской ставкой под Смоленском отписки астраханского воеводы И.П. Пронского, сообщавшего уже о заключенной калмыками шерти под Астраханью. Правительство строго запретило своим подданным нападать на калмыцкие кочевья, фактически признав право калмыков кочевать по берегам Волги. В царской грамоте от 6 апреля 1655 г. на имя Г.С. Куракина, заведовавшего делами в Москве, прямо указывалось: предоставить тайшам кочевья на левобережье Волги, по рекам Ахтубе и Белой, или «под городами, где они (калмыки. – *В.Т.*) кочевать похотят». Отныне местные воеводы должны были всячески защищать калмыков от внешних угроз. В противном случае, «если же воевода... такое воровство сам учинит... или кого пощадит... и ему самому потому ж быть казнену, а бояром нашим за то быть в опале и разоренье» [Санин, 1987: 126]. Подобные распоряжения были отправлены в Астрахань, Самару, Саратов, Царицын, Черный Яр, а уфимскому воеводе А. Грановскому, например, прямо указывалось наказывать смертной казнью через повешение тех русских людей и башкир, кто в нарушенье начнет с калмыками ссориться [Преображенская, 1960: 58]. Как видим, только с выходом в свет царского указа от 6 апреля 1655 г. уже «де-юре» положительно решается вопрос пребывания калмыков на левобережье Волги, начиная от Астрахани и до Самары.

Донские казаки совместно с запорожцами с 4 февраля по 17 сентября 1655 г. совершили морской поход на крымские владения. Еще до возвращения казаков в Черкасск, в июле к Дайчину и Лузану от атаманов были отправлены новые посланцы с повторным предложением о совместном выступлении на Крым и ногайские улусы [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1655 г. Д. 5. Л. 8]. Подробности это поездки нам становятся известны из сообщения в Москве станичного атамана П. Шевырева – одного из непосредственных участников этой поездки. Дорога в калмыцкие улусы у них заняла 9 недель, а

остановились они в улусе Дайчина, к которому затем прибыли Лузан и Сюнкей. Тайши еще раз заверили, что готовы по царскому указу идти на Крым, как только Волга покроется льдом, но самостоятельно, без поддержки казаков. Донским представителям тайши выразили прямое недоверие: «чают тово, что они призывают их обманом, а хотят, вызвав их, и сложась с крымским ханом, побить» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1656 г. Д. 1. Л. 6, 7].

Крымский хан был в курсе о заключении русско-калмыцкого соглашения: эту информацию он получил от пленного казака, захваченного под Азовом. По сообщению пленных крымцев, летом этого года хан отказался от отправки военной помощи полякам, так как ждал совместного выступления против него казаков и калмыков [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1655 г. Д. 5. Л. 14, 16]. Однако, по вышеизложенным причинам военные действия калмыков не носили совместный с казаками характер. Примерно в конце ноября – начале декабря 1655 г. калмыки под началом Лузана начали переправляться на правый берег Волги, весьма встревожив этим крымско-татарские дозоры на границе. Дон переходили в районе Раздорского городка, не заходя в само Войско и не вступая в контакт с атаманами [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1656 г. Д. 1. Л. 4, 7].

Из донесений волуйского воеводы Ф. Зарубина известно, что в начале 1656 г. калмыцкий отряд в 1,5 тыс. человек за Молочными Водами под Крымом овладел улусом Армамет-мирзы, захватив свыше тысячи человек и около 15 тыс. лошадей. Позже, 17 февраля, этим же маршрутом на Крым двинулся другой калмыцкий отряд в 500 человек. На этот раз удар был нанесен уже по татарским улусам на азовском взморье, южнее крепости Азов. В этот же день 4 тыс. азовских татар совершили ответное нападение на Черкасский городок, видимо, с целью предотвратить объединение калмыков и казаков [Санин, 1987: 126–127]. Отсюда можно сделать вывод, что военная служба калмыков России началась именно с 1656 г., хотя первоначально она не включала в себя совместные с русской армией действия.

В 1655 г. воеводой в Астрахани был назначен боярин В. Г. Ромодановский, который продолжил переговорный процесс с тайшами с целью подписания ими новой шерти. Можно предположить, что в Москве не совсем были удовлетворены результатами работы команды предыдущего воеводы И. Пронского и заключенной с калмыками шерти 1655 г., поскольку в течение всего этого года калмыки так и не выставили значительные свои силы против крымских татар. Это обстоятельство, видимо, и повлекло за собой полную смену руководства Астрахани, отвечавшего за калмыцкое направление во внешней политике Москвы. Воеводе Ромодановскому и его команде, куда входили Иван Никитич Колтовский, стольник кн. Иван Семенович Гагарин, дьяки Иван Горохов и Исай Нефедьев, ставилась задача – заключить новое русско-калмыцкое соглашение.

В марте 1656 г. при дьяке И. Горохове калмыцкие посланцы шертовали за Дайчина, Лузана, Мончака, Нима-Церена и Санжина. П.С. Преображенская, изучив сохранившиеся фрагменты текста шерти 1656 г., пришла к выводу, что в основном она соответствует предыдущей шерти 1655 г. Известно, что по ее заключении Дайчину, двум его сыновьям и 55 улусным людям было выдано жалованье, о чем свидетельствуют сохранившиеся росписи «шертовавших» лиц и размеры выданного им жалованья [Преображенская, 1960: 65].

Судя по русским источникам, после взятия на себя определенных политических обязательств в 1655 и 1656 гг. калмыки так и не приняли должного участия в военной кампании России против Крыма и Речи Посполитой. Причиной этому могли стать продолжающиеся совместные набеги башкир и саратовцев на пограничные калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 147]. Но основанием для возобновления новых русско-калмыцких переговоров послужили известия о прибытии в калмыцкие улусы персидских и крымских послов с письменными посланиями от своих правителей. Например, осенью 1656 г. из Крыма к

тайшам прибыли четверо послов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 141, 143, 152, 153].

Но более всего царское правительство было обеспокоено сведениями о калмыцко-крымских переговорах. Так, в начале мае 1656 г. русские посланники в Крыму узнали о приезде к хану калмыцкого представительства из 30 человек, пригнавших на продажу 6 тыс. лошадей. Вглубь полуострова пропустили только трех человек – двух послов и толмача, остальных людей крымцы оставили за Перекопом. Калмыков расположили на постой недалеко от Бахчисарая, в деревне Бунганак, что находилась в 5 верстах от русского посольского стана. Толмач И. Свиридов с татарским переводчиком сразу же вошли с ними в контакт и узнали о цели их приезда. Как оказалось, калмыцкие послы прибыли к крымскому хану от некоего тайши, по их словам, «потому, что николи в Крым, от их, калмыков, послов не бывало». В подарок хану и его приближенным людям они пригнали тысячу лошадей, что подтверждало, со слов русских посланников, уже устоявшееся мнение: «в Крыму без прибыли слов не бывает». Но крымский хан не спешил их принимать, в это время он готовился к походу против волохов и мадьяр. Принять калмыков он собирался уже после похода, так как относительно них у него имелись большие подозрения: «опасаетца их, калмыков, впрямь ли они пришли пословать или дороги проведывать в Крым». Однако послы уже в июне покинули территорию ханства [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1656 г. Д. 11. Л. 86, 87, 93, 94, 115].

Под личностью неизвестного калмыцкого владельца, от которого и приехали послы, возможно, скрывался некий тайша Бисурман, чье имя больше не упоминается в русских документах. Известно, что осенью 1656 г. именно этот тайша вместе с четырьмя крымскими послами возвращается из Крыма в калмыцкие улусы. Причем, как передают очевидцы, ездил он туда молиться «по своей вере» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 153]. Москва требовала от тайшей прекратить все сношения с Крымом и извещать ее о калмыцко-крымской переписке.

В ходе переговоров по подготовке подписания шерти воевода Ромодановский предъявил тайшам два главных требования: выдача аманатов в Астрахань и принесение шерти лично тайшами. В этом случае калмыкам были обещаны безопасность кочевий и свободная торговля. Ромодановский делал упор на те условия договора, которых так и не удалось добиться от калмыков прежним астраханским воеводам. В подобной ситуации, когда одна жесткая позиция наталкивается на другую, большую роль играет посредническая деятельность лиц, способных сгладить острые противоречия договаривающихся сторон. В данном переговорном процессе в роли посредника выступил едисанский мирза Сююнча Абдулов, пользовавшийся доверием Дайчина. Именно он по просьбе Ромодановского «наговорил» приближенным людям Дайчина оказать давление на тайшу, чтобы тот согласился с требованиями воеводы. После достаточно сложных предварительных обсуждений тайши согласились дать шерть на условиях, выдвинутых Ромодановским. При этом о своем окончательном согласии дать аманатов Дайчин объявил через посланца в Астрахани буквально за день до шертования, т.е. 29 марта. Все это стало результатом настойчивости, проявленного воеводой. 30 марта в устье реки Кутум под Астраханью состоялся русско-калмыцкий съезд. С астраханской стороны приняли участие стрелецкий голова А. Дернов и участвовавший в подготовительной работе татарин Эшей Кашкарин. С калмыцкой стороны прибыли в сопровождении 1,5 тыс. человек тайши Мончак и Манжи-Ялбо, лично подписавшиеся под шертью [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 28; Преображенская, 1960: 66–67].

При сравнении текста шерти [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 12–18] с предыдущими устными и письменными шертями обнаруживается несколько существенных отличий. Во-первых, в отличие от предыдущих договоренностей, например, от шерти 1655 г., где имела место не совсем определенная формулировка отношений «быть в вечном послушании»,

базировавшаяся на принципах вассалитета, новая шертная запись конкретно определила «быть в вечном подданстве и послушании».

Во-вторых, новым пунктом стало обязательство предоставлять аманатов из числа родственников, ближайших к правящей семье Дайчина и Мончака.

В-третьих, впервые калмыки обязывались не иметь никаких отношений с враждебными России государствами — Османской империей и Крымским ханством. Последнее обязательство, как считает П.С. Преображенская, нельзя рассматривать как попытку правительства ограничить свободу внешних сношений калмыков [Преображенская, 1960: 69]. Договор только фиксировал принцип: «враг моего союзника — мой враг», и это никак не распространялось на другие государства, находившиеся в мирных отношениях с Россией и калмыками.

Вместе с тем, как свидетельствуют русские документы, в калмыцкие улусы все же продолжали беспрепятственно приезжать многочисленные крымские посольства, что не мешало тайшам оставаться верными русско-калмыцким договоренностям.

Содержание русско-калмыцких переговоров, предшествовавших подписанию шерти 1657 г., свидетельствует о том, что калмыки эту присягу рассматривали как соглашение между двумя военными союзниками [Khodarkovsky, 1992: 92]. В.В. Трепавлов приходит к выводу о том, что подобный вид документа можно рассматривать и как форму межгосударственных, а не внутригосударственных отношений, на период действия которого младший партнер как бы переходил под покровительство российского монарха, но не включался в число его подданных [Трепавлов, 2007: 137].

В качестве аманата Мончак и Манжи-Ялбо отправили тайшу Кулачи, а с ним и двух его родственников «кереитского родства» – Булата Когуржанова и Эргеля Мубулова. В Астрахань их привезли А. Чернов и толмач П. Иванов, с которыми тайши также передали пленных. Калмыцким

аманатам была устроена торжественная встреча, вдоль их шествия стояли служилые люди, и все было устроено «по посольскому обычаю». Воеводы поселили калмыков не на Аманатном дворе, где содержались другие мирзы-заложники, а в отдельном дворе, тем самым, подчеркивая особенность данного события [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 5–7, 20; Очерки, 1967: 118]. 1 апреля Кулачи был принят астраханскими воеводами в Приказной палате. Астраханцы расспросили тайшу о его здоровье, а затем привели его к шерти. В знак особого к нему расположения воеводы угостили Кулачи и его людей медом, вином, подарили однорядки и шапки. По сравнению с другими аманатами калмыков обеспечили питанием «с прибавкой». Приехавших в Астрахань калмыцких послов затем отправили в Москву [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 9–10].

Калмыцкой стороне были переданы удерживавшийся в Астрахани калмыцкий ясырь и жалованье для тайшей. Дайчину отправили соболью шубу, украшенную серебром и жемчугами стоимостью 60 руб., а также меховую шапку из горностая (20 руб.). Мончаку достались соболья шуба (55 руб.) и шапка (21 руб.). Московские власти перешли к более весомому размеру материального стимулирования калмыков. Как известно, после подписания шерти 1655 г. тайши получили весьма скромные по стоимости подарки. Двумя годами позже правительство поняло, что подарки и жалованье тайшам должны ничуть не меньше соответствовать подаркам, которые они получают из Крыма. Теперь калмыцкие тайши стали получать ежегодное жалованье в размере 810 рублей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 7, 8, 21]. В марте этого же года в районе Красного Яра по просьбе Дайчина дали шерть его родственники и приближенные люди [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 90, 94].

Дайчин остался доволен заключенным соглашением и отправил в Москву своих послов — Кучюка Нарушаева, Элакая Эшбердеева и ногайца Бекбаши (представителя С. Абдулова). 16 июня калмыцкие послы прибыли в Москву. 23 июня они были приняты царем. Дайчин через послов сообщил

царю о шерти, заключенной его сыном и внуком под Астраханью, и на этом основании просил разрешения для калмыцких улусов кочевать летом по берегам Волги и предоставить возможность свободной торговли в приволжских городах. Тайши выразили готовность совместно участвовать с русскими в войне против Крыма [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 13, 42–44, 61, 103].

В июле 1657 г. состоялось заседание Боярской Думы, на котором обсуждался вопрос о принятии калмыцкими тайшами новой шерти [Санин, 1987: 212]. Послам в Москве оказали радушный прием, и этим же летом по царскому указу тайшам отправили жалованье: шубы, однорядки, меховые шапки и сукно. Царь также приказал вернуть калмыкам хранившиеся в Астрахани останки Хо-Урлюка и других тайшей. Из Москвы к местным воеводам пришел строгий указ: казнить всех, кто нападает на калмыков без государева указа [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 2. Л. 65–66, 83–84, 116].

П.С. Преображенская обращает внимание на тот факт, что в письме к царю за 1657 г. Дайчин именует себя «холопом», чего ранее за ним не наблюдалось. Основываясь на этом, исследователь делает вывод, что именно с этого года можно рассматривать завершение процесса добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства [Очерки, 1967: 119]. По мнению К.Н. Максимова, принцип «государь — холоп» характеризовал саму суть самодержавной политики, и с появлением подобной официальной формулировки определился новый рубеж в отношениях России с калмыками – добровольное государственное подданство без приобретения населением, так сказать, гражданства [Максимов, 2002: 62, 63]. Можно предположить, что произошло принятие калмыками российского подданства, но без вступления в состав государства.

Формулировки «холопство» и «подданство» в некоторой степени нуждаются в уточнении. Мы не знаем, насколько точен был русский перевод письма Дайчина 1657 г., на который ссылаются П.С. Преображенская и М.Л. Кичиков [Очерки, 1967: 119; Кичиков, 1966: 102], но в нашем

распоряжении имеются полные тексты русского перевода аналогичных писем Дайчина за 1658 и 1661 гг. (в т.ч. подлинники на старописьменном монгольском и татарском языках), где отсутствуют такие термины, как «холоп» или «холопство» [Тепкеев, 2012: 268, 270, 292–297]. Более того, в самом тексте шерти 1657 г. отсутствуют подобные формулировки.

Как отмечает М.М. Батмаев, в дальнейшем царские власти и калмыцкие правители не могли предвидеть объективный ход событий, поэтому у первых оставались большие подозрения об истинных намерениях тайшей, а последние преследовали свои интересы, не всегда совпадавшие с желаниями правительства [Батмаев, 2002: 80]. Новое соглашение, однако, оказалось непрочным, поскольку правительство не сумело до конца выполнить свои обещания. В последующие годы выплаты жалованья временно приостановились, а набеги башкир и казаков на калмыцкие улусы продолжились. Все это не могло не разочаровывать тайшей в политике российских союзников, в то время как крымские посольства делали все более заманчивые предложения [Khodarkovsky, 1992: 94]. Но продолжение курса на укрепление союза с Россией для калмыков было более перспективным, нежели предложения крымского хана. Положительное решение территориального вопроса оказалось для калмыков наиболее насущным и необходимым, поскольку определилась более или менее постоянная территория калмыцких кочевий в Северном Прикаспии, что, в свою очередь, отражало процесс становления Калмыцкого государства [Кичиков, 1966: 37].

Крымский хан Мухаммед-Гирей IV внимательно и настороженно следил за укреплением связей калмыков с Россией. Крымская дипломатия предприняла ряд конкретных шагов по привлечению калмыков на свою сторону, а крымские послы стали частыми гостями в улусах тайшей [Очерки, 1967: 104]. Как упоминалось выше, примерно во второй половине 1656 г. в калмыцкие улусы прибыло крымское посольство с письменным посланием от хана. Внимательно следивший за ситуацией в калмыцких улусах астраханский воевода Ромодановский был осведомлен об этих событиях, он

немедленно потребовал от калмыков выдачи этого письма. После долгого упорства тайши в феврале 1657 г. все-таки передали астраханским властям «лист» крымского хана [Преображенская, 1960: 65–66].

Летом 1657 г. из Астрахани к Дайчину прибыли татарские посланцы с письмом. Его улус в это время кочевал в урочище реки Иргиз, но самого тайши и его братьев, а также Мончака и Манжи-Ялбо в улусах не оказалось. Как выяснилось, они отправились на дальние кочевья для «призыва» Лузана, отошедшего от них в прошлом году. Посланцам пришлось передать «лист» супруге Дайчина – Каныш-Ахай. От нее они узнали, что прошлой весной башкиры совершили очередной набег на калмыков, захватили 200 кибиток, скот и лошадей. При этом в разговоре с посланцами Каныш подчеркнула, что это уже «учинилося после шертованья и аманатов» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 209–210].

Как видно, новый виток напряженности в русско-калмыцких отношениях был снова спровоцирован третьей стороной. Посланцы решили дождаться возвращения тайшей, и именно в это время произошел очередной башкирский набег [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1657 г. Д. 1. Л. 211–212].

Продолжавшиеся нападения башкир на калмыцкие улусы не могли не вызвать недовольство у Дайчина после его возвращения с дальних кочевий. Действительно, уже в сентябре 1657 г. в Уфу вместе с торговым караваном из Ургенча прибыл его посланник – ногаец Янибек Идилбаев, который сообщил о готовности Дайчина совершить обмен полоном. По его сведениям, в Яицком городке находились 53 калмыка, захваченных во время совместного набега казаков и башкир на калмыцкие улусы. Однако в Яицком городке прибывшим калмыцким посланцам казаки сообщили, что все пленные калмыки находятся в Уфе. Уфимские власти не подтвердили наличие у себя калмыцкого полона, напомнив, что башкирам официально запрещено нападать на калмыков, а яицкие казаки находятся далеко. Уфимский воевода А.И. Головин отверг причастность башкир к последним набегам на калмыцкие улусы, в то же самое время доложив о них в своем сообщении в

Москву [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 5–6, 12–13, 17; Устюгов, 1947: 54–55].

По мнению М. Ходарковского, правительство, занятое решением проблем на западе, оказалось неспособным выполнить свои обещания перед тайшами и не смогло в достаточной мере использовать власть по отношению к «непослушным» подданным, поскольку указы жить мирно с калмыками часто ими игнорировались [Khodarkovsky, 1992: 94].

В конце 1657 г. калмыцкие улусы кочевали по Яику, на зимних пастбищах ниже Яицкого городка. Дайчин в это время все свое внимание переключил на астраханское направление. В Астрахани воеводы настойчиво продолжали требовать от тайшей заменить калмыцких аманатов на более знатных лиц, а также на сына или племянника едисанского мирзы С. Абдулова [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 63, 91]. Недоверие воевод к тайшам сохранялось, и это заметно раздражало последних, а невыполнение русской стороной взятых на себя обязательств, особенно по вопросу о башкирских набегах, только усиливало их недовольство.

Весть о заключении русско-калмыцкого договора быстро разлетелась по соседним регионам. Народы Северного Кавказа эта новость сильно встревожила, так как они опасались, что теперь это развяжет калмыкам руки по отношению к тем, кто еще не принял русское подданство или действовал против интересов Москвы. Например, кумыцкий шевкал и Казаналп-мирза обратились к терскому воеводе с просьбой об оказании им военной помощи в случае калмыцкого вторжения на их территорию. Взамен они обещали предоставить в Терский городок аманатов, вернуть имеющийся у них русский полон и отправить своих послов в Москву [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 1. Л. 96].

В Москву калмыцкое посольство прибыло в мае 1658 г. В его состав входили представители Дайчина, Мончака и едисанского мирзы С. Абдулова, а калмыцкую делегацию из 6 человек возглавлял Кушучи-дархан. В Посольском приказе послы сообщили о неоднократных попытках крымского

хана, персидского шаха и хивинского хана склонить калмыков к союзу и подчеркнули, что тайши и мирзы настроены на дальнейшее укрепление русско-калмыцких отношений [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 23–24, 27–28]. Единственное, что, по мнению послов, омрачало эти самые отношения, были постоянные набеги башкир и яицких казаков, о чем в своем письме, адресованном царю Алексею Михайловичу, сообщали Дайчин и Мончак: «Да после договору астяки (башкиры. – *В.Т.*) и яицкие казаки калмыцких наших улусов громили, многой ясырь взяли и многие лошади, и животину отогнали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 38].

В письме от тайшей излагалась жалоба на одного из астраханских воевод, И. Колтовского, который ранее докладывал в Москву, будто бы Мончак и Манжи-Ялбо в 1657 г. под Астраханью великому государю лично не шертовали, а в аманаты дали, «назвав тайшою, самово худово и старово и увечного человека, а другово и тово хуже». На основании полученной информации из Москвы в Астрахань пришел указ, чтобы временно придержали уже отправленное тайшам жалованье [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 63]. Подобные подозрения и недоверие со стороны местной администрации оскорбляли тайшей, и они, в свою очередь, пытались добиться справедливости в Москве.

25 июня 1658 г. прошла аудиенция калмыцких послов у царя Алексея Михайловича. Имеется довольно любопытное описание церемониала представления государю калмыков. На постоялый двор из царской конюшни послам присылали лошадей. Их доставляли в Кремль, непосредственно в Посольскую палату. Здесь послы ждали указа, а затем их проводили через Архангельскую площадь, отсюда они поднимались по Средней лестнице и входили в палату к государю, где «били ему челом» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 52–53]. В царский дворец Московского Кремля иностранные послы входили двумя путями: представители христианских государей – по лестнице «у Благовещения» на соборную паперть и далее по переходам у Красного крыльца; иноверцы – по Средней лестнице сразу на Красное

крыльцо, так как «бусурманским» дипломатам негоже было проходить соборной папертью [Рогожин, 2002: 55].

Тронное возвышение русского царя находилось в Золотой палате, в юго-восточном углу [Рогожин, 2002: 55]. Думный дьяк Л. Лопухин официально представил калмыцких послов государю. Алексей Михайлович велел провести расследование по «делу» Колтовского и вынести решение вплоть до его возможного наказания. Что же касалось набегов на калмыцкие улусы башкир и яицких казаков, то царь приказал вернуть калмыкам все захваченное у них имущество, пленных и обменять аманатов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1658 г. Д. 2. Л. 88, 91].

Калмыцким послам, как и членам других посольств, прибывавших в Москву, предоставлялось отдельное подворье, а Посольский приказ обеспечивал стрелецкой охраной. В XVII в. калмыков обычно селили на Ордынской улице или в Ордынской слободе. При этом никто, кроме приставов и охраны, не имел права входить к послам. Чтобы не допустить возможности калмыкам собирать информацию, царская администрация старалась не допустить их контактов с местными жителями.

В итоге в Москве калмыцким послам удалось донести до царя пожелания и просьбы тайшей и получить положительный ответ. Но на местном уровне инертность, субъективизм и недоверие к калмыкам большинства царских представителей тормозили дальнейшее развитие русско-калмыцких отношений, что в условиях продолжавшейся войны не отвечало интересам и царских властей.

В августе 1658 г. из Астрахани к тайшам с жалованьем был отправлен стрелецкий голова П. Шибанов, который 22 сентября прибыл в улус Дайчина [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1659 г. Д. 1. Л. 23, 28]. Попытки русских властей взять под контроль внешнеполитические связи калмыков (в первую очередь это касалось их отношений с Крымом) не имели успеха. Слухи о приездах к тайшам все новых посольств из соседних государств обрастали свежими подробностями. Поэтому главной задачей, стоявшей перед русским

посланцем, был получение любыми средствами писем крымского хана. На требование Шибанова о выдаче царским властям крымского письма Дайчин ответил достаточно кратко и сухо: как отыщем, так и пришлем. Понятно, что письма существовали, и об их содержании русские могли только догадываться. Подобное поведение калмыцких владельцев, конечно, не устраивало царскую администрацию, но и у тайшей имелись свои резоны. Когда Шибанов посоветовал Дайчину, чтобы тайши «обновили» свои шерти, тот ответил: когда в Астрахани сменится боярин, то и «шерти обновим и аманатов переменим» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1659 г. Д. 1. Л. 29].

Частая ротация воевод в Астрахани также была одной из причин, затруднявших достижение сторонами взаимопонимания. Не успевали тайши наладить отношения с одним воеводой, как на смену ему приходил другой. Действительно, в 1658 г. Москва полностью сменила руководство в Астрахани. На воеводство вместо Ромодановского и его людей прибыли кн. Д.П. Львов, Н.М. Беклемишев, дьяки М. Шишкин и С. Калинин. Возможно, это было сделано в ответ на многочисленные жалобы калмыцких тайшей на действия отдельных астраханских воевод, которые, как считали они, незаслуженно обвиняли калмыков в «политических махинациях» при заключении договора. В нашем распоряжении, к сожалению, нет документальных свидетельств, которые могли бы пролить свет на эти события, но, судя по реакции центральных властей, в условиях продолжавшейся войны с Польшей и Крымом Москва решила не обострять русско-калмыцкие отношения.

10 октября 1658 г. Шибанов вернулся в Астрахань вместе с калмыцким представительством, куда входили следующие лица: Дай-дархан и Келделе (от Дайчина), Янги-Батур (от Мончака), Начин (от Мергена), Эрке-Батур, внук тайши Даря, и Чавук (от едисанского Абла-мирзы Тинбаева) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1659 г. Д. 1. Л. 25].

Послы привезли с собой составленное на ногайском языке письмо Дайчина, где тайша обращается на имя русского царя и нового астраханского

воеводы. В нем он перечисляет вещи (однорядки, шубы и шапки), привезенные Шибановым в качестве жалованья, и имена калмыцких тайшей, между которыми он их поделил. Однако калмыцкий правитель был недоволен отсутствием денежного жалованья, которое якобы словесно было ранее обещано его послу из расчета 200 руб. Дайчину и по 100 руб. – Манчику и Манжи-Ялбо. В заключение тайша еще раз заверил воевод в незыблемости прежних договоренностей: «И прежняя шерть наша была верна и нынешней бы шерти нашей верить» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1659 г. Д. 1. Л. 38-40].

О возросшей роли калмыков во внешней политике России, особенно на крымском направлении, говорят многочисленные факты. Например, в сентябре 1658 г. из Москвы астраханскому воеводе Д.П. Львову пришел указ склонить Дайчина, Мончака и Манжи-Ялбо к тому, чтобы они отправили совместное письмо крымскому хану Мухаммед-Гирею с предупреждением не ходить войной под русские города, в противном случае угрожая выступить против Крыма [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1658 г. Д. 17. Л. 1–4].

Опасения не были беспочвенны. В начале 1659 г. царские власти обеспокоило то обстоятельство, что Дайчин не приехал к Астрахани для заключения нового договора. 9 февраля в калмыцкие улусы был направлен боярский сын К. Кереитов, и 18 февраля он уже был на месте [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1659 г. Д. 2. Л. 2–3].

Подтвердить шерть перед новыми астраханскими воеводами и переменить аманатов Дайчин соглашался только при условии выплаты ему окончательного жалования в 800 рублей. В противном случае он грозился Кереитову оказать военную помощь Крыму [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1659 г. Д. 2. Л. 6]. Дайчин, высказав в открытой форме все свои претензии, предупреждал о возможных последствиях в случае невыполнения русской стороной его требований.

В 1659 г. русско-калмыцкие отношения подверглись новому испытанию, на этот раз на уфимском направлении. Военная активизация

калмыков была вызвана очередным набегом башкир летом, в результате которого пострадал кочевавший с калмыками ногайский улус «лутчево» человека Дайчина – мирзы Казарчи Бекимбета. Погибли сам Казарчи, трое его сыновей и сын ногайского мирзы Аслана. Башкиры в ходе набега отогнали 600 лошадей.

В ноябре 1660 г. Дайчин и Мончак были готовы совершить очередной большой военный поход на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье. Практически все калмыцкие тайши участвовали в нем, за исключением дербетского Солом-Церена, оставленного со своими людьми для охраны улусов. Предварительно в районы будущих вторжений были направлены разведывательные отряды, а именно – под Крым, Азов, Казыевский улус и Северный Дагестан. Как сообщали посланцы Дайчина и Мончака в Астрахани, сами тайши находились «на стану для вестей», в то время как основные силы калмыков располагались на одном из урочищ у реки Кума. В результате набегов разведывательных отрядов у казыевцев было убито 40 человек и отогнано 2 тыс. лошадей, крымцы потеряли 200 человек, у кемардеевских и бесленеевских владельцев отогнали 2 тыс. овец, у большеногайских мирз Султанаша, Ямгурчея и Каракасала, кочевавших под Тарками и у Эндери, отогнали 2 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 28, 29].

В декабре 1660 г. Мончак со своим войском перешел реку Лаба и в урочище Бичигиз разгромил казыевские улусы Навруза Шейдякова и других пяти мирз. Дайчин ходил войной на темрюкских, табанских, кимирдинских, бесленеевских людей, а также ногайских мирз «Ураковой половины» – Девея-мирзу, Чебан-мирзу Ищерекова и Навруз-мирзу. Разгрому подвергся и Казыевский улус Кантемира-мирзы Аблина и Урак-мирзы Каспулатова. Калмыки захватили большое количество пленных, лошадей и скота. Раньше всех в улусы вернулся Манжи-Ялбо, захвативший в ходе военного похода ногайский улус мирзы Навруза Касаева и 3 тыс. пленных. Затем, в начале марта 1661 г., домой вернулся Мончак, Дайчин двигался следом. Общая

численность ясыря, захваченная этими двумя тайшами, насчитывала до 4 тыс. человек. От Маныча калмыки шли «тихим ходом», поскольку их лошади сильно ослабли от дальних походов [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 19, 20, 30, 33; Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 3–4; Новосельский, 1994: 92].

Помощь, оказанная калмыками в ходе зимней военной кампании 1660/61 года, русским правительством была признана весьма ощутимой. Но, по всей видимости, тайши не довольствовались разгромом Казыевского улуса, поскольку после зимнего похода в двух днях пути от этого улуса, в урочище Морская протока, ими был оставлен отряд в 500 калмыков с приказом – громить остатки казыевцев. Как докладывал Мончак в своем письме к Г.С. Черкасскому, у Дона, под Азовом и Темрюком он оставил в общей сложности до 2 тыс. калмыков [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 20, 93].

Боевые столкновения на Северном Кавказе и Причерноморье показали военное превосходство калмыков над крымскими и ногайскими отрядами. Это подтверждает и современник тех событий, османский путешественник Эвлия Челеби, который отмечал, что «калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков, и они превосходят крымский народ храбростью» [Челеби, 1961: 246].

Прибывшие в начале 1661 г. в калмыцкие улусы крымские послы известили тайшей о разгроме крымско-польскими войсками 40-тысячной русской армии под Чудновым в октябре 1660 г. Вдохновленные военным успехом, крымцы агитировали Дайчина и других тайшей присоединиться к ним для войны с Россией, обещая в случае победы отдать такие города, как Казань и Астрахань. Но Дайчин, не польстившись на столь громкие обещания, заявил послам следующее: «он с ними в войне, а в миру де он учинился великого государя с русскими людьми, и всякое де повеленье исполняет он царскому величеству, и на том де он стоит» [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 21, 33, 114, 115].

По мнению М.Л. Кичикова, усилия крымского хана, рассчитывавшего своей провокационной деятельностью посеять раздор и недоверие между калмыками и русскими властями, потерпели неудачу [Кичиков, 1994: 104]. Калмыцко-крымские переговоры в целом не изменили политического курса большинства представителей калмыцкой знати, ориентированного на укрепление связей с Москвой, несмотря даже на продолжавшиеся инциденты на границе между царскими подданными и калмыками.

Крупные сражения, произошедшие в 1659–1661 гг. в ходе русско-польской войны, привели к значительному истощению сил с обеих сторон. Русская армия потерпела поражения под Конотопом (1659 г.), где погибла элитная дворянская конница князей С.Р. Пожарского и С.П. Львова, и под Чудновым (1660 г.), приведшая к пленению полководца и боярина В.Б. Шереметьева. Участие в войне на стороне Речи Посполитой значительной массы крымских татар заставило царское правительство вновь вернуться к «калмыцкому вопросу».

Сохранение относительного спокойствия на степных границах на южном направлении было одной из главных задач внешнеполитического курса правительства царя Алексея Михайловича. Во многом это зависело от урегулирования взаимоотношения с калмыцкими тайшами. Поэтому в планы царского правительства, естественно, входило привлечение калмыков в качестве дополнительной военной силы в виде конницы. Как посчитали в Москве, использование калмыцких отрядов в войне с Крымом позволило бы правительству существенным образом улучшить положение дел на южном театре. В 1660 г. как одно из отделений Посольского приказа был создан особый Калмыцкий приказ под управлением боярина В. Ромодановского и дьяка И. Горохова [Преображенская, 1960: 69, 70]. Серьезность намерений царя и его правительства выразилась и в выборе главой русского посольства к тайшам опытного переговорщика И. Горохова. Как отмечал современник тех лет Г. Котошихин, к крымскому хану и калмыцким тайшам отправляли

посланников из числа представителей средних дворянских родов [О России, 1884: 47].

Среди русских посольских миссий, отправленных к калмыкам в XVII в., посольство Горохова 1661 г. занимает особое место. Это важное событие всецело отражено в путевых заметках русского посла, изложенных им в «Статейном списке дьяка Ивана Горохова, посыланного к калмыцким тайшам для приведения их к присяге в верности к государю» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5]. Назначение Горохова дьяком Калмыцкого приказа было отнюдь не случайным. Правительство царя Алексея Михайловича обращало серьезное внимание на подбор кадров, осуществлявших сношения с калмыками. За короткое время Горохов сделал блестящую карьеру. Хорошее знакомство с жизнью кочевников, находчивость, смекалка и другие способности содействовали его выдвижению. Первые упоминания о нем относятся к 1642 г., когда ему было поручено отправиться в Москву с отписками из Астрахани. В 1655 г. он уже выступал послом царя к тайшам Дайчину и Лузану. В 1656 г. Горохов принимал шерти (договора) от 50 калмыцких тайшей. Присутствует он и при подписании шерти в 1657 г.

Правительство ставило перед Гороховым главную задачу – заручиться согласием тайшей на отправку своих войск против Крыма. Москва связывала большие надежды с положительным решением этого вопроса, поэтому посольство было тщательно подготовлено, подарки для тайшей оценивались на общую сумму в 1074 руб. В «наказной памяти», составленной для Горохова в Посольском приказе, предусматривались приблизительные ответы на возможные вопросы калмыцких тайшей. Схожие цели и задачи были поставлены и перед назначенным 6 июня 1660 г. новым астраханским воеводой кн. Г.С. Черкасским [Преображенская, 1960: 69–71].

В марте Дайчин вернулся из тяжелого 4-месячного кавказского похода и попросил Горохова подождать 15 дней, так как хотел отдохнуть перед началом официальных переговоров. Уже 26 апреля выехавший из Астрахани Горохов ждал тайшей на левобережье Волги, за рекой Берекети. Именно

сюда 4 мая также прибыли К. Черкасский с донскими представителями. Приезд посланцев от донского казачества не был случайным. Еще 20 февраля Дайчин прислал к войсковому атаману К. Яковлеву посольство во главе с Батуром Аянгеевым, чтобы «они, Донское Войско, были с ними в миру и на крымского хана стояли заодно». В результате переговоров стороны заключили мир, а калмыки в качестве гарантии дали двух аманатов и шертовали «на своей правде и по своей калмыцкой вере» за всех своих владельцев. Атаманы в свою очередь отправили к тайшам уже своих представителей – Ф. Будана и С. Разина, которые должны были окончательно решить вопрос об условиях участия калмыков в предстоящем крымском походе [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 4, 5, 13]. По-видимому, у Дайчина сложились весьма доверительные отношения с казаками, поскольку, судя по сведениям с Дона, тайша включил своих детей и внуков в состав посольства из 9 человек. Дайчин кочевал под Астраханью и готовил к крымскому походу войско из 6 тыс. калмыков и 2 тыс. ногаев под командой Чокулы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 13; Русская, 1917: 847–847, 850, 885, 923].

Большую помощь посольской миссии Горохова в калмыцкие улусы оказали назначенный царским указом в Астрахань главным воеводой боярин Г.С. Черкасский, а также окольничий С.В. Волынский и стольник А.Я. Дашков. Одновременно Г.С. Черкасский возглавил недавно созданный Калмыцкий приказ, сменив на этом посту В.Г. Ромодановского. Главным порученцем воеводы по связям с калмыками был его племянник К.М. Черкасский.

В апреле 1661 г. из Астрахани в калмыцкие улусы были отправлены К. Черкасский и стрелецкий сотник М. Сурин. Первоначально они прибыли в улус Дайчина, кочевавший на реке Узень, где пробыли 9 недель, затем, отправившись вверх по реке, достигли улуса Мончака, где прожили еще 5 недель [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 99]. В результате переговоров с тайшами был заключен договор, по которому калмыки обязались выделить

для совместного с русскими похода на Крым 500 воинов под началом 30 командиров. Военный сбор калмыцких отрядов из разных улусов состоялся на реке Еруслан, и общую команду из 472 воинов возглавил Зан-Кашка. Для переправки калмыков через Волгу царицынский воевода выделил 2 струга и 20 лодок. Уже на Дону калмыки соединились с русским войском под командой воеводы И. Хитрово и атамана К. Яковлева, состоявшим из 200 конных казаков, 3 тыс. казаков на судах и 6 тыс. пехотных солдат [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 29-33, 54].

При первом же знакомстве у Дайчина с Гороховым произошла словесная дуэль по поводу разного понимания церемониальных традиций. На предложение дьяка встать и снять головной убор «против царского величества имени» тайша ответил отказом, сославшись на отсутствие у калмыков подобного этикета перед иностранными послами. Когда же Горохов привел в пример имена других монархов, по его словам, не гнушающихся встать перед именем русского царя, Дайчин ответил, что поступает так не из гордости, и приказал своему переводчику Эсен-дархану встать и снять шапку. Таким образом, выход из ситуации был найден. Русский посол после обмена приветствиями и любезностями вручил калмыцкому правителю царскую грамоту и сообщил о положительном решении московскими властями ходатайства тайшей о возвращении калмыцких пленных, захваченных башкирами. Далее последовала процедура вручения тайшам государевых подарков и жалованья.

В течение последующих четырех дней Горохов вел переговоры не только с Дайчином, но и его ближайшим окружением, в ходе которых обсуждались различные вопросы: о задержке в Москве калмыцкого посла Урусамба, недостаточном размере выдаваемого тайшам царского жалованья, об укрывательстве в калмыцких улусах башкирских повстанцев и условиях взаимного ненападения [Преображенская, 1960: 72–73].

Дайчин рассказал Горохову о недавних походах калмыков на Кубань и под Азов, а также о дальнейшем намерении выдвинуться на Крым. Всем

своим улусным людям тайша велел «заказ учинить крепкий», чтобы «никаких ссор и задоров с людьми великого государя не чинили, только чтоб и от русских людей калмыкам лиха не было». Но до сих пор нерешенным оставался башкирский вопрос: «всегда всякое зло калмыкам от башкирцев». Горохов поставил в известность Дайчина о конкретных шагах правительства в решении этого вопроса: «по этой жалобе послан на Уфу стольник Сомов, велено ему про башкирцев сыскать накрепко, взятое ими отослать к вам в улусы, а башкирцев, пущих воров, велено казнить смертию, а других наказать торговою казнию».

29 мая состоялась первая встреча Горохова с Мончаком, и носила она во многом закрытый характер, поскольку тайша велел своим людям никого не впускать в кибитку. Мончак сразу же выразил Горохову свою готовность отправить калмыцкие отряды против Крыма. Переговоры не омрачил и факт присутствия в улусе крымского посла в лице азовского аги, поскольку тайша успокоил Горохова, заверив его в том, что у калмыков намерения мирные [Преображенская, 1960: 73–74]. Можно предположить, что сознательно была устроена утечка информации о приезде крымского посольства через едисанского мирзу С. Абдулова, чтобы тем самым оказать определенное давление на русского посла во время переговоров.

Из приведенного разговора видно, что калмыцкие тайши были весьма недовольны малым размером жалованья, выплачиваемого Москвой за военную службу, особенно заметным на фоне крупных денежных «поминок», ежегодно отправляемых из Москвы к крымскому хану, что, по существу, выглядело политикой «задабривания врага». Такое положение, по всей видимости, не устраивало тайшей, а царское правительство считало, что компенсацией калмыкам могли бы послужить богатые трофеи, захваченные у крымских и ногайских улусов.

Но в дальнейшем переговоры приостановились из-за очередного башкирского набега, в результате которого калмыки потеряли 2 тыс. лошадей. Этот случай круто изменил тональность переговоров: стороны

перешли к взаимным обвинениям и угрозам по «башкирскому» и «ногайскому» вопросам. Однако Мончак, решив не обострять ситуацию и посоветовавшись с приближенными людьми, вернул разговор к основной теме – организации совместного крымского похода. В результате стороны договорились, что Мончак и Дайчин пришлют к Горохову своих доверенных лиц для подтверждения своих прежних обязательств. При этом Мончак недвусмысленно предупредил русского посла: в случае повторного башкирского набега он немедленно вернет калмыцкие войска с крымского направления и отправит их уже против башкир. Горохов заверил тайшей, что со своей стороны царское правительство предпримет все меры по недопущению в дальнейшем набегов на калмыцкие улусы и пришлет тайшам жалованье. Находившиеся в свите Горохова представители донского казачества также дали обязательство, что примут совместно с калмыками участие в предстоящем крымском походе [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 135–137].

8 июня 1661 г. к Горохову прибыла калмыцкая делегация из 30-ти человек, состоявшая из ближайшего окружения Дайчина и Мончака. Главными лицами здесь выступали Зоргучи-дархан, Дазан-кашка, Байскулан, Малай, Дай-дархан, Батур и другие. Зоргучи-дархан и Дазан-кашка, помолившись, «дали веру» в шертной записи за всех тайшей по калмыцкому обычаю, чтобы «идти войною ратным нашим людям нынешнего 169 году июня с 1 на 10 число на крымские улусы, и с крымским ханом в миру и в соединении нам не быть, а великого государя с людьми быть в вечном миру и в соединении и вспоможение русским людям везде чинить не оплошно. А что за помощью божьею поиск какой учиним над крымскими людьми и над их улусы, и нам, тайшам, и всем нашим калмыцким людям взятых крымских языков присылать к великому государю к Москве; а полон крымских улусов и отгонные лошади и всякую добычу назад крымским людям на выкуп ничего не отдавать, а продавать ту свою добычу великого государя в городах всяких чинов русским людям. А русских людей полоняников, что в

крымских улусах добудем, и тех русских людей объявлять и отдавать великого государя отчине в Астрахани, или в которые города ближе» [ПСЗРИ-1, 1830: 531, 532].

14 июня состоялась очередная встреча Горохова и К. Черкасского с Мончаком, на которой обсуждались уже детали предстоящего крымского похода. Мончак заявил о готовности тайшей отправить на войну около 10 тыс. калмыков. На следующий день к русскому послу пришли представители Мончака и Солом-Церена и поименно назвали командный состав калмыцкого войска. 16 июня Мончак собственноручно подписал подготовленную Гороховым «шертную запись» и список ратных людей. Процедуру подписания шерти Мончак закончил словами: «Как де бумага склеена, так бы де калмыцким людем с русскими людьми вместе быть вечно» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1660 г. Д. 5. Л. 154].

Подробно изложив в своей работе миссию Горохова в калмыцкие улусы, П.С. Преображенская сделала ряд существенных замечаний. Во-первых, посольские заметки отражают характерные черты калмыцкого подданства: определенную свободу внешних сношений и полную самостоятельность во внутренних делах; во-вторых, шерть от 8 июня 1661 г. носила характер военного договора, реально указывая на вассальные отношения калмыцких тайшей с московским царем [Преображенская, 1960: 77–78]. Обращает на себя внимание и тот факт, что аманатство как рычаг воздействия на соблюдение договора уже не упоминается.

В августе 1661 г. в Москву прибыло калмыцкое посольство во главе с Зайсан-дарханом, Нанзаем, Зоргучи и Эрденом, а также 35 сопровождающими лицами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 1–2, 12; Д. 3. Л. 4]. 5 августа калмыцких послов в Посольской палате принял царь Алексей Михайлович. Посланцы привезли от тайшей три письма. Поскольку в Посольском приказе на то время отсутствовали знатоки калмыцкого языка, то зачастую послы при помощи царских толмачей сами выступали в роли переводчиков письменных посланий тайшей. Первое письмо, написанное от

лица Дайчина, Мончака и Манжи-Ялбо, было изложено на старописьменном татарском языке.

Божиею милостию великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, Дайчин да Мончак, да Манжик тайши с братьями и детьми, и с улусными людьми челом бьют.

А что ты, великий государь, прислал в Астрахань боярина своего князя Григория Сунчалеевича, и он, князь Григорий Сунчалеевич, приехав в Астрахань, прислал к нам с твоим царским повеленьем узденя своего, чтоб в Крым идти войной. И мы до Крыму не дошли, а воевали Меньшой Нагай. Да по твоему великого государя указу прислал к нам племянника своего Каспулата просить ратных людей идти в Крым, и Каспулат нам ваш великого государя указ сказал.

*И мы после приезду Каспулатова по князю Григорьеву слову ратных людей Каспулату в руки дали и на недруга вашего, на Крым послали. И впредь на недруга вашего готовы для правды своей с Каспулатом и с Иваном (*Гороховым *– В.Т.) душами своими верилися, буде похочешь меня у себя в близости видеть. И вы московское мое дело прикажите дьяку Ивану, а астраханское и терское дело прикажите князю Григорию да Каспулату.*

А что я тебя чинился в близости, и то не любя, того недруг учнет говорить, и тебе б на его слова не смотреть. А сю свою грамоту послали к тебе, великому государю, с Зайсаном с товарищами. А для правды к сей грамоте приписал калмыцким письмом. И совершив посольские дела, послов наших отпусти вскоре. Потом челом бью [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 38–39].

В Посольском приказе калмыцкие послы снова жаловались на башкирские набеги, которые произошли уже после заключения русско-калмыцкого договора. В результате у калмыков было отогнано 100 лошадей и убито 15 человек, а башкиры сумели скрыться в Самаре. Дайчин в приступе гнева стал готовить ответные действия против башкирских

волостей, но от такого шага его отговорил К. Черкасский. По словам калмыцких послов, «от тех де башкирцов и иштяков исстари многие ссоры и задоры чинятца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 86–87].

После подписания июньской шерти военная служба калмыков стала носить более упорядоченный характер [Преображенская, 1960: 81]. 5 августа Дайчин, Мончак и Солом-Церен через своего посланца Зайсан-дархана официально уведомили казаков о заключении шерти с И. Гороховым и К. Черкасским [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1661 г. Д. 4. Л. 32, 39]. Данное событие весьма сильно встревожило жителей причерноморских степей. По сведениям пленных азовцев, крымские ногайцы настолько серьезно опасались прихода калмыков, что даже отказались от самой идеи набега на южнорусские земли [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1661 г. Д. 4. Л. 39].

21 июня Мончак по этому вопросу приезжал на стан к К. Черкасскому, сообщив, что 60 башкир совершили набег на подвластный ему ногайский улус, отогнав большое количество лошадей. Ногайцы ходили за ними в погоню, но в стычках с башкирами потеряли 13 человек убитыми, а последние успели скрыться в Самаре. Ввиду возникшей угрозы К. Черкасский немедленно отправил письмо к самарскому воеводе И. Языкову, чтобы тот задержал «воровских» башкир. Это в конечном итоге возымело действие, и уже в июле к Мончаку на Иргиз прибыли башкирские и уфимские посланцы с уведомлением, что готовы вернуть калмыкам захваченное ранее имущество, если на то будет соответствующий царский указ [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 289].

По всей видимости, эти переговоры закончились ничем, так как в сентябре Г. Черкасский получил сообщение от И. Онучина, находившегося в это время в калмыцких улусах, что калмыки и ногайцы двинулись в ответный набег на Уфимский уезд [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 327], где они разорили, захватив полон, Усолинский городок, чувашские и черемисские деревни [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 2. Л. 64–67]. Когда 27 сентября 1661 г. к тайшам приехали с жалованьем М. Греков и уздень И. Каржанов,

чтобы забрать из улусов весь русский полон, то Мончак отказался выдать пленников только из Уфимского уезда. При этом он заверил, что никуда его не раздаст, пока не приедет из Москвы царский посланник, уполномоченный вести переговоры по «уфимскому делу» [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 342–344].

В целом так и не решив калмыцко-башкирский конфликт, в крымском направлении стали выдвигаться лишь небольшие по численности калмыцкие отряды. Так, калмыцкий отряд в 500 человек во главе с Зан-кашкой совместно с русским отрядом, состоявшим из 3 тыс. казаков и 6 тыс. солдат, 1 августа, вступил в бой с неприятелем под Азовом. В результате азовцы потеряли убитыми 104 человека, а большая часть трофеев и 134 пленника достались калмыкам. Захваченный калмыками у азовцев русский полон Зан-кашка по просьбе казаков передал атаманам, одного азовского языка отправили в Москву. В бою калмыки потеряли убитыми всего лишь трех человек [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 312; Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 28].

Новый импульс русско-калмыцким отношениям, особенно в вопросе организации нового крупного наступления калмыков в крымском направлении, был задан благодаря усилиям астраханского воеводы Г. Черкасского. Многие калмыцкие владельцы высоко отзывались о деятельности князя. Например, когда в сентябре в Астрахань прибыл посланец Манжи-Ялбо, Зоргул-Далай Башаев, он передавал воеводе весьма лестные о нем отзывы: «калмыцким людям дурна и никакой худобы нет, опричь всяких добрых дел», «а прежде сего так не бывало, и за то де иво, боярина и воеводу князя Григория Сунчалеевича Черкасского, калмыцкие тайши похваляют» [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 408].

6 ноября 1661 г. в урочище Берекети (в 60 верстах от Астрахани) начался съезд с участием калмыцких, едисанских, джемболукских и малибашских правителей и военачальников. На нем присутствовали практически все калмыцкие тайши, кроме Манжи-Ялбо. В результате

переговоров было принято решение: как установится лед на Волге, отправить калмыцкие отряды на Крым. Мончак, как глава всех калмыцких владельцев, дал клятву астраханскому воеводе за отца, сыновей, племянников и других тайшей и мирз в том, что будут «в вечном послушании и на государевой службе» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 52–53; Кичиков, 1966: 107].

Организация такой встречи русскими властями стала шагом своевременным, поскольку незадолго до этого к тайшам, которые кочевали в районе между Черным Яром и Астраханью, прибыло очередное крымское посольство во главе с Текей-агой. Но на предложение Г. Черкасского о передаче крымцев в Астрахань, тайши ответили отказом [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 6, 44; Акты, 1901: 460–461].

В ноябре стрелецкий сотник Г. Голочолов в пяти верстах выше Царицына наблюдал улус Мазан-Батура, с которым он лично познакомился. По словам тайши, он также участвовал в русско-калмыцком съезде, на котором произошло знаменательное событие – сватовство племянницы князя Г. Черкасского – Обелханы (Абуханы) Муцаловны и сына Мончака – Аюки. Стороны договорились, что свадьбу сыграют после зимнего похода на Крым. Тогда же водным путем по Волге возвратились из Москвы калмыцкие послы с жалованьем для тайшей и высадились возле Черного Яра [Акты, 1901: 460–461].

В результате русско-калмыцких переговоров 9 декабря 1661 г. Мончак подписал новый текст шерти, более конкретный по содержанию в сравнении с июньским договором. Отчетливо были сформулированы внешнеполитические обязательства тайшей: «с турским султаном и с кызылбашским ханом, и с крымским ханом, и с азовским беем, и с Темрюки, и с Табаны, и с Бесленейцы, и с Кумыки нам, тайшам, … в ссылке и в соединенье, и в миру не быть». Тайши также обязывались не помогать им оружием и лошадьми, не посылать им в помощь людей. Такие же обязательства давались и по отношению к другим «иноземцам», которые «великому государю не послушны» [ПСЗРИ, 1830. Т. 1: 540–541].

По мнению В.И. Колесника, таким способом Мончак единолично замыкал на себе все контакты на высшем уровне с северным соседом, оттесняя отца и племянника от очень важного направления во внешней политике [Колесник, 2003: 87]. После шертей 1661 г. правительство целых 12 лет не требовало от калмыцких тайшей их подтверждения, что свидетельствует о достаточно твердой уверенности в военной службе калмыков [Преображенская, 1960: 79; Очерки, 1967: 122].

Заключение русско-калмыцкого договора о военно-политическом сотрудничестве имело большой резонанс не только в северокавказском регионе, но и далеко за его пределами. Астраханские татары, побывавшие на Кавказе, Г. Черкасскому сообщали: «Да и то де в кумыцкой земле говорят, не умолкая, и удивляютца большим удивленьем, как де так доброе дело зделалось, чтоб боярин и воевода, да князь Григорий Сунчалеевич Черкасской… с калмыцким с Мончаком тайшею и о всем договорился, и с калмыками соединился, чево де извеку не бывало». Сведения об этом союзе дошли и до Османской империи, традиционно внимательно следившей за ситуацией в регионе: «Да и турскому де солтану про то ж калмыцкое дело ведомо учинилось, и он де тому не доверивает, и говорит де как де так калмыки доброе соединенье учинилось; только де подлинно так, и то де великое дело великому государю учинилось». Для подтверждения этой информации султан даже отправил письменный запрос крымскому хану, и тот подтвердил [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 573, 574].

3.2. Русско-калмыцкие отношения в 1662–1672 гг. Политический кризис на юге России.

В феврале 1662 г. в Астрахань прибыла группа казацких представителей: донские казаки В. Гладков и С. Разин, запорожский казак Е. Тимофеев и другие. Перед ними стояла конкретная задача – агитировать

калмыцких тайшей за продолжение совместной борьбы против Крыма. Но в это время Дайчин, как оказалось, со своими войсками уже двинулся за Яик против чакарцев, а Мончак следовал за отцом. На этом основании тайши объяснили властям, что лично не смогут участвовать в крымской кампании. Но Мончак, следуя договоренностям, все-таки выделил в крымский поход отряд в 500 калмыков под командованием Каракучи [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 51, 52, 89, 90].

Еще одним условием своего личного участия в крымской кампании Мончак выдвигал обязательное участие в ней и астраханского воеводы Г. Черкасского. Но в Москве были против подобного предложения и власти указали прибыть из Астрахани в Царицын – центр командования войсками на южном направлении – К. Черкасскому, думному дворянину З. Левонтьеву и дьяку А. Ташлыкову. Г. Черкасскому указывалось оставаться на прежнем месте, поскольку «отчина Астарахань – место великое и пограничное» [РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 585, 586].

Декабрьскую шерть 1661 г. Мончак уже единолично давал за весь калмыцкий народ. Такое положение ему обеспечивало настроение большинства народных масс и калмыцкой элиты. Это подтверждают и сообщения татар в Астрахани осенью 1661 г. о том, что улусные люди Дайчина и Манжи-Ялбо «ни в чем не почитают и не слушают, а во всем де почитают и слушают Мончака тайшу... и калмыки де и татары владеет он, Мончак» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 56].

В исторической литературе нет подробностей разбирательств между дядей и племянником, только известно, что в 1662 г. Мончак захватил Манжи-Ялбо, а его улус присоединил к себе [Бакунин, 1995: 23]. Последние сведения из архивных материалов дают нам вполне конкретную картину и время этих событий.

Из сообщения Солом-Церена, поступившего Г. Черкасскому, стало известно о попытке Дайчина в начале января 1663 г. организовать наступление против Астрахани и Мончака. Однако, узнав о свадьбе своего

внука Аюки, он отменил поход, сказав, что «непошто ему одною бессильною головою идти к сильным» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 76]. Очевидно, что этот брак выдавал особый характер отношений Мончака с Москвой, и отныне борьба против усиления его позиций без всякого сомнения расценивалась как противодействие внешнеполитическому курсу, ориентированному на партнерство с Московским государством [Колесник, 2003: 87].

Действия Мончака против Манжи-Ялбо можно рассматривать не только как ревностное соблюдение им заключенных русско-калмыцких договоров, но и как желание в будущем привести к власти своего старшего сына Аюку. Брак его сына и племянницы князя Черкасского был еще одним дополнительным козырем в укреплении власти Мончака в калмыцком обществе, поскольку поддержка Москвы имела также ключевое значение.

Летом 1663 г. в Сарпинских песках состоялась очередная встреча воеводы Г. Черкасского с Мончаком. На ней также присутствовали представители хошутского Кунделен-Убаши и его сына Доржи, которые пожелали, как и Мончак, принять русское подданство и отправить свои военные отряды на Крым. По мнению М.Л. Кичикова, так дербето-хошутская группировка Кунделен-Убаши вошла в состав Калмыцкого ханства, признав над собой верховную власть Мончака и Москвы [Кичиков, 1966: 129–130].

Дальнейшую судьбу Манжи-Ялбо в русских документах обнаружить не удалось. Но из путевых записок одного из представителей голландского посольства, Н. Витсена, сделанных в начале 1665 г., становится известно, что молодого тайшу из Астрахани перевезли в Москву [Витсен, 1996: 200]. По всей вероятности, Манжи-Ялбо, находясь в московской ссылке, в конечном итоге вынужден был закончить свою жизнь на чужбине.

В результате кратковременной борьбы власть в правящей семье относительно бескровно перешла от династической линии Даян-Эрке в лице Манжи-Ялбо к линии Мончака, который был только третьим по старшинству сыном Дайчина. Но благодаря умелым политическим действиям он сумел

закрепить за собой первенствующее положение в торгутском доме и обеспечить условия для прихода к власти в будущем старшего сына Аюки. Обстановка, сложившаяся в начале 1660-х гг. в калмыцком обществе, отчетливо показала смену политических лидеров и расклад сил, определявших выбор центральной фигуры, а значит, и дальнейшую историю волжских калмыков.

В начале 1660-х гг. Московское государство переживало серьезный экономический кризис. Для ведения войн с Польшей и Швецией на содержание армии требовались огромные средства. Отток из страны большого количества золота и серебра, главным образом вследствие особых льгот, предоставлявшихся Россией иностранным купцам, неудачная денежная реформа (введение в оборот медных денег) и неурожаи 1660 и 1661 гг. привели к высокому уровню инфляции. Стремясь всеми доступными средствами увеличить доходы государства, правительство попыталось расширить и ужесточить сбор податей с ясачных народов, что, конечно, вызвало их недовольство. Башкиры также выражали недовольство захватами земель многочисленными русскими крестьянами со Средней Волги и Нижнего Прикамья, бежавшими от крепостнических порядков. Массовое насильственное изъятие пленных калмыков, сопровождавшееся притеснениями со стороны местных чиновников, также было главной причиной восстания.

Участие Дайчина в башкирском восстании определить сложно. С одной стороны, неуступчивость русских властей в вопросе о выдаче Манжи-Ялбо подталкивала его к ответным агрессивным действиям, и башкиры в этом плане могли ему помочь. С другой – решительный разрыв отношений с Москвой окончательно лишал его поддержки основной массой калмыцкого народа. По всей видимости, тайша не желал открыто проявлять свое участие в башкирском восстании, хотя сочувствовал повстанцам и тайно им покровительствовал. Об этом свидетельствует сообщение побывавшего в калмыцком плену чуваша Токмамета Байзыгитова, полученное от него в

1663 г.: «Дайчин де тайша сам к ним (башкирам. – *В.Т.*) не бывал, а прислал к ним калмыков 4000 да нагайских людей, и иные люди к ним съезжаются». Отступив от Мензелинска, калмыки отправили сюда посланца, требуя возвращения внука Дайчина – Манжи-Ялбо, находившегося под арестом в Астрахани. В случае выполнения этого условия Дайчин обещал отказать башкирским повстанцам в поддержке и выдать беглецов. Однако его условие не было принято, и люди Дайчина продолжали поддерживать участников башкирского восстания [Акты, 1842: 336; Устюгов, 1947: 94].

Очевидно, что калмыцкие тайши не имели единой линии поведения в отношении башкирского восстания. Большинство из них продолжало придерживаться курса на сближение с Россией и сообщало властям о действиях враждебно настроенной к правительству группы тайшей. Так, в январе 1663 г. Солом-Церен жаловался Г. Черкасскому в Царицын на своего сводного брата Аючея, называя его своим «недругом», который принимал к себе башкирских повстанцев. Более того, дербетский тайша предлагал князю организовать совместный карательный поход против брата [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 1].

В дополнение к мерам военного режима, введенного в Башкирии, правительство попыталось устранить и причины беспорядков. Были приняты меры по облегчению бремени повинностей для местного населения, ограничению захватов земель и наведению порядка в хозяйственной деятельности местных чиновников. Даже среди тех, кто примкнул к восставшим, существовали значительные расхождения во взглядах. Многие повстанцы на собраниях башкирского народа неоднократно высказывались за установление мира с правительством [Материалы, 1936: 159–161, 162, 164–166, 175, 176, 177–179]. Башкиры также официально добились от властей отмены указа о возврате пленных калмыков [Азнабаев, 2012: 16]. Таким образом, несмотря на малочисленность находящихся здесь войск, царское правительство, умело играя на межнациональной неприязни и

используя внутренние раздоры в повстанческом руководстве, смогло в 1664 г. окончательно подавить башкирское восстание.

Отношение калмыков к башкирскому восстанию 1662–1664 гг. было довольно противоречивым. Одни из них приняли сторону башкир, другие продолжали оставаться союзниками правительства. В Москве полагали, что эти два народа вряд ли когда смогут договориться между собой о совместных действиях, если вспомнить историю их непростых взаимоотношений. Однако неудачное развитие восстания заставило часть башкир рассматривать уход к калмыкам как один из возможных вариантов развития ситуации, и они не раз обращались к тайшам за помощью. Калмыки не принимали непосредственного участия в башкирском восстании, но отдельные тайши пытались использовать ситуацию в своих личных целях – присоединить себе новых подданных или поставить перед правительством ряд политических условий. Как видим, в указанный период основная масса калмыцкого народа, включая и национальную элиту, оставалась практически нейтральной к национальным движениям в России.

Как упоминалось выше, сражения 1658–1661 гг. в ходе продолжающейся русско-польской войны крайне истощили ресурсы обеих сторон. В 1662 г. Россия и Польша накапливали силы, ожидая благоприятного момента, чтобы переломить военно-политическую ситуацию в свою пользу. На южном направлении война калмыков с Крымом превратилась в череду мелких набегов.

В целях укрепления прежних договоренностей, 27 октября 1662 г. под Царицыном состоялся очередной русско-калмыцкий съезд, где князь Г. Черкасский с племянником Каспулатом лично встретился с тайшами. С калмыцкой стороны в мероприятии участвовали только сторонники Мончака, среди которых были такие тайши, как Солом-Церен, Дугар, Лобачи, Батур и Бок. Стороны договорились об отправке новых калмыцких отрядов на Крым. Поскольку намечался совместный поход, то Мончак поставил условие, чтобы все стрельцы были конными, объясняя это тем, что у калмыков «поход

скорой и лошадей у них много», и чтобы русские «на степи не отставали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 11, 15].

Тайши отказались от практики использования крупных воинских соединений, как это было в прошлых годах, а ограничились немногочисленными отрядами, которые действовали по всей степной части Северного Причерноморья. Возможно, такую тактику действий против крымцев калмыкам порекомендовал воевода Г. Черкасский [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 20, 21].

В марте 1663 г. в Царицын прибыли люди Мончака и представили князю Г. Черкасскому своего рода отчет о «зимней кампании» под Перекопом. Всего они захватили у крымцев: в первом походе – 200 лошадей, 60 коров, 3 тыс. баранов и 10 «ясырей»; во втором – 200 лошадей и 6 польских «ясырей»; в третьем – 300 лошадей и 20 «ясырей». Были также убиты 100 крымцев и несколько мирз, среди которых был Казымбек. Польские пленники, захваченные у татар, поведали о настроениях, воцарившихся среди крымских татар: «От калмыцкого разоренья их (крымцев. – *В.Т.*) стало мало, лутче б де им смерть, а не явное разоренье; николи де ниотково такова разоренья не бывало, какое разоренье им ныне чинитца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 127–129].

С началом весны 1663 г. князь Г. Черкасский отдал приказ Мончаку, Солом-Церену, Дугару и другим тайшам об отправке дополнительных отрядов на Крым. Мончак вскоре действительно отправил отряды под командой База-Батура, Усман-Батура и Сахан-Кашки. Солом-Церен также отрядил команды под началом Зан-Кашки, Басу, Мерген-Кошучи. Активное участие калмыков в новой крымской кампании было вызвано еще и тем обстоятельством, что зима 1662/63 года выдалась чрезвычайно холодной. Начался массовый падеж скота и лошадей, что привело к голоду в калмыцких улусах [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 3, 139]. Поэтому калмыки остро нуждались как в военных трофеях, так и в дополнительном царском жаловании за службу.

Калмыки просили у гетмана И. Брюховецкого разрешение проехать в Москву, чтобы известить о военных успехах, достигнутых ими на Украине и под Крымом. Весьма любопытны личные впечатления гетмана о калмыках, изложенные им в письме к государю в мае 1663 г.: «хотя люди некрещеные и в поступках своих с христяны не сообщники, но желательством своим к вашему царскому пресветлому величеству лутчие от изменников поставляютца; а нам таковых и потребно лихого недобрым казнити, пусть нечистый с поганым бьетца, дабы чистым и законным пространство от безбожных было, а отчина вашего царского пресветлого величества Русская земля в покое и в целости пребывала» [Акты, 1867: 169–170].

Угроза, возникшая для донских городков, и нехватка вооруженных сил побудили полковника Г. Косагова отправить своих людей к калмыцким тайшам с очередной просьбой об оказании военной помощи. В июне 1664 г. по приказу гетмана И. Брюховецкого объединенный отряд Серко, Косагова и калмыков выдвинулся из Канева на правобережную Украину. В 25-ти верстах от Корсуни они разбили крымское войско, шедшее на соединение к С. Чарнецкому. Затем они двинулись на Умань, на помощь поднестровским городкам, перешедшим на сторону России. За Уманью разбили еще один крымский отряд, идущий также к Чарнецкому, и «салтанова сына взяли». Еще один бой произошел в Сарачинском лесу, где были убиты 100 татар и поляков [Акты, 1867: 154, 157, 202–203, 210].

В августе 1664 г. калмыки покидали Украину и возвращались в свои улусы, обещая, что «они и впредь великому государю служить с Серком ради» и вернуться следующим летом [Акты, 1901: 580]. К Мончаку от Г. Черкасского были отправлены за военной помощью стрелецкие сотники М. Сурин и Г. Голочелов. В этом же году тайша Мончак выделил для русской армии 3 тыс. воинов под командованием Маничар-Дайчи. Причем одна половина отправилась в новый крымский поход с Г. Черкасским, а другая ушла к гетману Брюховецкому [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1664 г. Д. 9. Л. 22–24, 26].

Но уже осенью 1664 г. 2-тысячное калмыцкое войско под командой Ишкепа и Батура прибыло на Бузулук. Тайши сообщали в Москву, что во главе этого войска отправились самые лучшие командиры, поэтому в ноябре к гетману Брюховецкому поступило указание «тех калмыцких людей покоить, чтоб им ни в каких запасах скудости не было» и всячески стремиться к тому, чтобы их оставить зимовать на Украине. Об этом свидетельствуют и отчеты гетмана, по государеву указу калмыков обеспечивали «добрым товаром, овечками, хлебом, медом, пивом, тютюном... и [они] в иных вещах выгоду имеют доброю» [Акты, 1867: 210, 220–223, 282].

Результаты службы калмыцких воинов на Украине не заставили долго себя ждать. 21 мая 1665 г. в 10 верстах от г. Белая Церковь калмыки, предварительно окружив лагерь поляков и немцев-наемников, полностью его разбили, уничтожив около тысячи человек. Как отмечали свидетели, 80 сдавшихся в плен поляков после боя «с запалу воинского всех калмыки кололи». Победителям досталось немало трофеев: кони, одежда, панцири, сбруи, копья гусарские и другие вещи [Акты, 1867: 274, 282–283]. Польский военачальник Яблонский, потеряв множество своих людей, в страхе перед калмыками ушел в Польшу. Анонимный автор «Летописи Самовидца» описывая эти события, высоко отзывался о боевых качествах калмыцких воинов: «Вправді, люд военній, с копием всідает на коня, а нікоторіе и сагайдаки и стріли великіе с площиками широкими. Тилко найболше до потреби копій заживают кожен, бо справне уміют вбити копіем, в нікоторих и панціри, а инніе и наго идут до потреби. Люд отважній, а на взгляд чорній, нікчемній, страшній, чарами бавятся, бо балвохвалці...» [Літопис, 1971: 98–99].

Это была первая крупная победа калмыков над регулярной польской армией, которую по достоинству оценили многие военные специалисты в России. Белая Церковь – важнейший стратегический пункт в центре Правобережной Украины. Крепость стояла на пересечении торговых путей, а обладание ею давало возможность контролировать положение во всем

междуречье Днепра и Южного Буга [Санин, 1987: 136]. После таких громких побед спрос на военную службу калмыков в русской армии резко возрос. По одним данным, у гетмана Брюховецкого насчитывалось 7 тыс. калмыков, а всего на Украине сражались около 10 тыс. калмыцких воинов. Именно они и совершили новый поход под Перекоп, разбили 10 тыс. татар и «добычю себе многую учинили» [Акты, 1867: 283].

Активное участие калмыков в крымской кампании Москва оценила по достоинству. Выражением доверия и признанием заслуг в военной службе Русскому государству явилась отправка в июне 1664 г. казанца А. Нармацкого к тайшам с жалованьем. Тайше Мончаку он привез военное знамя. По мнению П.С. Преображенской, это свидетельствует о том, что Москва теперь считала калмыцкое войско неотъемлемой составной частью русской армии [Преображенская, 1960: 83].

В поступившем в Посольский приказ царском указе о новом оформлении грамот, направляемых к тайшам, имена Дайчина и Мончака предписывалось обозначать золотыми буквами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1664 г. Д. 3. Л. 144]. Это подтверждают и сведения Г. Котошихина, отмечавшего еще в середине XVII в., что в царских письмах имена и титулы калмыцких тайшей пишутся «… золотом все, на меншой Александрийской бумаге, Татарским же письмом, без трав» [О России, 1884: 42]. Такой чести, как правило, удостаивались правители иностранных государств, например, крымский хан. Контакты с калмыцкими правителями мало чем отличались от дипломатических сношений с зарубежными государствами, а на посольских приемах и других мероприятиях дипломатического характера калмыцкие правители приравнивались к крымским ханам [О России, 1884: 41, 42, 76, 77, 82].

Летом 1664 г. российское правительство официально признало Мончака верховным правителем волжских калмыков, наделив соответствующими символами власти – булавой и знаменем. Именно в этом году отмечался всплеск активности дипломатических контактов между

Москвой и калмыцкими тайшами. Например, 13 августа в Москву прибывает посольство Кулачи-дархана и Путарыка (кабардинский уздень К. Черкасского) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1664 г. Д. 6. Л. 1]. В сентябре сюда же прибыло очередное калмыцкое посольство во главе с Айдарукой Мурзаевым, который привез довольно интересные сведения.

Осенью 1664 г. наблюдалась активизация калмыков и на Северном Кавказе. В октябре Мончаку и К. Черкасскому из Москвы поступил указ предотвратить попытки крымцев и малых ногаев построить крепость в междуречье Кубани и Инжика. Укрепление крымцев в этом регионе не входило в планы не только русского командования, но и тайшей, поскольку, как говорили калмыцкие послы, «калмыкам де тот городок гораздо грубен». Мончак через К. Черкасского просил об оказании военной помощи у астраханских воевод, в частности, о предоставление артиллерии, так как «без огненного бою города не взять». Воевода Я.Н. Одоевский выразил готовность помочь калмыкам. Желание принять участие в этом походе изъявил и Дайчин, у которого отношения с Мончаком в это время стали налаживаться. Отряды калмыцких тайшей, а также К. Черкасского подошли к в верховьям Кумы, где ожидали подхода астраханцев с артиллерией. Прождав их более месяца, но, так и не дождавшись, калмыки отправили в Астрахань гонца с запросом. Однако местные воеводы отказались от совместного участия в походе. Ранняя оттепель и начавшееся половодье вынудили тайшей отменить военный поход и вернуться в улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1664 г. Д. 7. Л. 53–54, 69; 1665 г. Д. 1. Л. 11–12].

Нерешительность, интриги или предательство побудили астраханских воевод так действовать, неизвестно. Однако очевидно, что уход с воеводства в Астрахани и Царицыне Г. Черкасского повлек за собой ослабление активности русско-калмыцких отношений. Единственным, кто продолжал поддерживать с калмыцкими тайшами тесные отношения, оставался терский воевода К. Черкасский. Мончак через своих послов в Москве сообщил о преступном бездействии и инертности астраханских воевод, и 20 марта

1665 г. воеводам в Астрахань поступило строгое указание о немедленной отправке отряда с пушками во главе с С. Беклемишевым совместно с донскими казаками и терцами против крымского городка [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 1. Л. 14]. В апреле Мончак сообщал в Царицын, что ближайшим летом начнет новую военную кампанию, при этом на Кубань против Малого Ногая им уже было отправлено 3 тыс. воинов, в Запорожье – 500, на Дон – 300 и на Терек к К. Черкасскому – 150 воинов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 1. Л. 35].

12 февраля 1665 г. в Москву от Мончака прибыло посольство во главе с Каичю [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 41, 44, 186, 187]. В архивных материалах до наших дней сохранилось калмыцкое письмо тайши, доставленное послами (Приложение). В Москве калмыцкие послы представили довольно смелый план действий в новой крымской кампании, запланированной на ближайшие весну и лето. Проект заключался в наступлении крупных русско-калмыцких воинских сил на Кубань, уничтожении в этом регионе крымской крепости с целью переселения сюда калмыцких улусов. В дальнейшем предполагалось уже совместное с новоприбывшими дербетами и хошутами, а также казаками и русскими, движение войск на Крым, «чтоб крымские улусы разорить и на тех местах быть им самим калмыкам» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 96].

Другими словами, тайши вынашивали планы по уничтожению или подчинению Крымского ханства, занятию татарских земель в Причерноморье. А свои кочевья в Северном Прикаспии освободить для новоприбывших хошутов и дербетов. Действительно, это был очень смелый план, который мог существенно изменить политическую карту Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Ранее в Москве рассматривалась возможность перемещения калмыцких улусов в Причерноморье, на земли Крымского ханства. Мончак предлагал русскому царю строить отношения «по чести», что должно было, как считал тайша, устрашить крымского хана – единственного врага калмыков. Мончак заверил правительство, «что не

разобив крымсково хану и ево улусов, войны не покинет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 110-111].

Но осуществлению этого плана мешал ряд неурегулированных вопросов в русско-калмыцких отношениях.

Во-первых, калмыцкие послы в Москве жаловались на астраханских, черноярских и саратовских воевод, отказывавшихся перевозить через Волгу калмыцких воинов, возвращающихся из крымских походов. К тому же Астрахань, Черный Яр и других волжские города не возвращали калмыкам захваченный ими под Крымом, но бежавший из калмыцких улусов ясырь (поляков, литовцев, мадьяров и др.), не обеспечивали должным питанием людей Мончака приезжавших по делам тайши к воеводам [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 97-98]. Еще в 1663 г. Г. Черкасский жаловался в Москву об обидах, нанесенных калмыцким торговцам в Саратове и Самаре, об игнорировании местными воеводами приказов самого князя [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 194–195]. Москва немедленно отреагировала, строго указав всем волжским воеводам возвращать калмыкам беглый их ясырь и всячески оказывать им всемерное содействие [Преображенская, 1960: 56–57].

Во-вторых, для очередного похода на Крым послы просили в помощь 2 тыс. русских конных воинов, запасы и жалованье. При этом Мончак указывал, что царского жалованье присылать нужно не всем тайшам и не в одинаковом размере, поскольку в крымской кампании они участвовали не все. В 1664 г. Мончак сетовал, что царские власти жалованье его братьям посылают «мимо» него. На этом основании Мончак предлагал жалованье присылать только ему, а он бы уже распределял его среди тайшей соответственно их заслугам. В Москве приняли его предложение [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 1. Л. 13; Д. 2. Л. 105, 108–109; Очерки, 1967: 100].

В-третьих, Мончак всячески пытался дистанцировать своих калмыков от башкирского восстания. Вместе с К. Черкасским они отправили к дербетскому тайше Аючею гонца с приказом немедленно выслать из улуса

всех башкирских повстанцев и присоединиться к Мончаку. Правительство также поддержало эту инициативу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 91, 93].

В-четвертых, послы ходатайствовали о том, чтобы ведал «Калмыцкими делами» боярин Г. Черкасский. Но, как оказалось, на этой должности уже находился другой «ближний» боярин – Ю.А. Долгорукий. Послам пришлось только констатировать: «кому он, великий государь, укажет их калмыцкие дела ведать, то де добро, только Долгорукий им незнаком» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 122]. Удивительно, но ведать калмыцким направлением поручили человеку, ничего не знавшему о калмыках, равно как и они о нем. По всей видимости, решение кадрового вопроса при царе зависело от степени приближенности к нему того или иного боярина. Очевидно, что князь Г. Черкасский в это время оказался в царской немилости и, отойдя на второй план, лишился своих ключевых постов в Астрахани и Царицыне. Возможно, это было следствием провальной операции по освобождению в 1664 г. из крымского плена боярина В.Б. Шереметева, инициированной Алексеем Михайловичем и руководимой Г. Черкасским.

Еще одним неурегулированным вопросом в русско-калмыцких отношениях оставался обмен пленными. Несмотря на то, что царь приказал взять у послов поименный список калмыцких пленников, находившихся в русских городах и, срочно разыскав, вернуть, сделать это было весьма сложно. Например, большинство пленных калмыков, проживавших в Москве, были уже обращены в православную веру. На тот момент существовал особый царский указ о запрете передавать православных калмыков их же собратьям. Послы знали о существовании подобного указа и поэтому просили от царских властей личной встречи с каждым из новокрещеных калмыков, чтобы убедиться в добровольности принятия ими новой веры.

Именно все вышеперечисленные обстоятельства мешали полноценному развитию русско-калмыцких отношений, особенно в условиях

продолжавшейся войны, когда требовалась консолидация общих усилий. Как видим, противники сближения были как с русской, так и с калмыцкой стороны. Все эти факты были им на руку, и они всячески использовали их во внутриполитической борьбе.

Довольно интересные сведения о калмыцком посольстве в Москве сохранились и в европейских источниках. Например, 4 марта 1665 г., в столице калмыцких послов с любопытством наблюдали представители голландского посольства. Вот как описал калмыков в своем путевом дневнике Н. Витсен: «… на прием к великому царю пришли калмыки..., у них самостоятельный князь. Говорят, они приезжают сюда, чтобы предложить свои услуги царю от имени их князя Тайчжи Мончака. Этот Тайчжи женат на черкесской татарке, племяннице Григория Синсилевича, царевича черкесов, теперь он князь; через этот брак черкесский князь пытается добиться тесной связи с Россией» [Витсен, 1996: 197].

О расстановке калмыцких улусов в этот период нам становится известно из сообщения в Москве атамана Р. Осипова в декабре 1665 г. Осенью улус Дайчина кочевал за Волгой, а улус Мончака расположился по Дону и Манычу, в непосредственной близости от Черкасского городка. Ввиду столь массового присутствия калмыков на этой территории, общую численность его владения казакам сосчитать было сложно. Однако Осипов отмечал, что калмыки «с Войском до ныне живут в совете, а от Войску чинят им честь и посланцы на [обе] стороны ходят беспрестанно». Отряд из 80 калмыков, отправленный в ноябре Мончаком на помощь войсковому атаману М. Самаренину и воеводе И. Хвостову, участвовал в бою под Азовом. Несмотря на численное превосходство, азовский паша потерпел поражение. С началом весны следующего года Мончак планировал направиться войною на крымского хана [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1665 г. Д. 4. Л. 1–3].

В последующих своих донесениях в Москву Мончак отношения с донскими казаками оценивал не так безоблачно. Калмыцкий посол Казик, прибывший в российскую столицу весной 1666 г., жаловался на донцов, что

те «чинят шкоду большую»: «ясырь у них подговаривают и лошадей отгоняют». Под «ясырем» здесь имелись ввиду захваченные в ходе набегов у крымцев пленные поляки и черкасы. На неоднократные требования Мончака выдать пленных беглецов и захваченных лошадей атаманы всячески отрицали свою причастность [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1666 г. Д. 1. Л. 24, 30], указывая, что виновниками этого были беглые донские казаки, живущие на Куме [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1666 г. Д. 3. Л. 3].

Со стороны калмыков все же последовали ответные действия, и уже в сентябре донские атаманы жаловались на убийство калмыками семерых казаков на реке Бузулук, а также отгоне ими лошадей и скота [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1666 г. Д. 3. Л. 3]. Однако к концу года калмыцко-донские отношения были в целом улажены, о чем свидетельствовали в Москве донские посланцы. Зимой 1666/67 года улус Солом-Церена кочевал отдельно от основной массы калмыков между Доном и Донцом, откуда под Перекоп он продолжал отправлять отряды в набег. Так, осенью 1666 г. калмыки пришли из-под Крыма на Дон с богатыми трофеями, обменивали у казаков захваченных лошадей на «киндяки» и «зипуны» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1666 г. Д. 6. Л. 8].

В заслугу за военную службу денежное жалованье из Москвы к тайшам теперь поступало регулярно. Например, перед заключением Андрусовского перемирия поляки запросили у российской стороны огромную контрибуцию. Однако главный российский переговорщик А.Л. Ордин-Нащокин ответил отказом, сославшись на будто бы большие расходы, вызванные отправкой правительством денег калмыкам, «чтоб они теснили Крымский юрт и не пускали хана на Польшу» [Соловьев, 1991: 175]. На самом деле это была дипломатическая уловка с целью отказать полякам в выплате контрибуции: размеры годового денежного жалования тайшам, как показывают документы, отнюдь не были большими. Но условия политического соглашения с Москвой вполне устраивали калмыцкую правящую верхушку, которая небольшое по размеру жалованье во многом компенсировала за счет

беспошлинной торговли с русскими городами, обеспечения относительной безопасности калмыцких кочевий и получения трофеев в ходе военных набегов на территории Северного Кавказа и Крымского ханства.

В результате Андрусовского перемирия 1667 г. между Россией и Польшей произошло разделение Украины по Днепру – на Левобережную и Правобережную. Общественные настроения украинского населения носили как антироссийский, так и антипольский характер**.** В 1668 г. атаман Серко перешел на сторону Дорошенко, «воевал» украинские города, идя «против бояр и воевод», в то же время не переставал тревожить своими набегами и крымцев. В октябре крымский пленник Криштоф Турач сообщал в Киеве, что Серко с донцами, запорожцами и калмыками четырежды приходил на Крым. Во время третьего похода они разбили 3 тыс. и пленили 500 крымцев, а в четвертом – дошли до Бахчисарая [Акты, 1872: 101].

15 августа 1669 г. в Москву прибыло посольство от Мончака. Посол Манхадан жаловался царю на донских казаков, которые «имали на перевозах [через Дон] наем большой» с калмыков, направлявшихся или возвращавшихся из крымских походов. Также он требовал вернуть захваченных казаками у калмыков в устье Хопра трофейных 40 отборных лошадей, саадаки, сабли, шубы и «всякую рухлядь». Донской атаман Я. Веневитинов в Москве объяснял властям, что уполномоченные люди уже отправлены в «верхние» городки «для сыску» тех калмыцких лошадей и вещей, а также наказания виновных [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1669 г. Д. 9. Л. 24–26]. Калмыцкие тайши обращались в Москву с предложением совершить поход на левобережье Днепра против изменника гетмана И. Брюховецкого, но получили строгое указание без приказа с войсками не выдвигаться на Украину. Правительство беспокоилось за целостность православных храмов и безопасность людей в этом регионе [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1669 г. Д. 9. Л. 24, 26; Акты, 1875: 247].

В 1667 г. в России разгорелся пожар очередной крестьянской войны. На Дону появился новый вожак, способный начать восстание, – Степан

Тимофеевич Разин. Разин принадлежал к состоятельной, «домовитой» казачьей семье. Правительство Войска Донского часто доверяло ему дипломатические и военные миссии. Известно, что в 1660 г. Разин входил в донскую делегацию царского посольства к калмыкам. Два года спустя он вместе с другим представителем снова вел переговоры с калмыками о военном сотрудничестве против крымских татар. В 1663 г. Разин командовал отрядом донских казаков, который при поддержке калмыков и запорожцев воевал с татарами.

Что же касается калмыков, то документы свидетельствуют, что они остались верны договоренностям с правительством и даже попытались подавить выступление казаков на начальном его этапе. Еще в июне 1667 г. Дайчину из Москвы пришла грамота, в которой ему указывалось принять все меры предосторожности и противодействия повстанцам. Уже в августе Солом-Церен с отрядом в 600 человек вместе с сотней царицынских стрельцов преградил путь 800 донским казакам под командой атаманов П. Перевощикова и Н. Чертка (дяди С. Разина), которые шли на соединение с Разиным. В результате боя с калмыками казаки отступили. В начале 1668 г. 10-тысячное калмыцкое войско под началом Дайчина и Мончака с суши блокировало Яицкий городок. В ходе приступов калмыки пробили крепостную стену на полторы сажени, а устье Яика попытались «заметать хрящем». Казакам удалось отбить все калмыцкие атаки, но в результате они оказались в осадном положении [Крестьянская, 1976: 5, 7–8; Акты, 1842: 380-381].

С весенним половодьем 23 марта 1668 г. Разину со своими сторонниками все же удалось покинуть осажденный калмыками городок и уйти вниз по Яику в Каспийское море [Крестьянская, 1954: 73–104]. Весной 1669 г. Разин разорил туркменские владения на восточном побережье Каспия, а затем разбил шахский флот под командованием персидского адмирала Манади-хана. Поскитавшись по чужбине, казаки решили, что пора им возвращаться домой. Весной 1670 г. Разин с соратниками появился в

Черкасске, где несколько дней правил единовластно. Оттуда он отправился вверх по Дону в Паншин городок, где к нему присоединился В. Ус со своими людьми. Под командованием Разина уже находилось примерно 7 тыс. казаков.

Стратегический план Разина предусматривал превращение Волги в основную линию его военных операций. Захватив Царицын, он перекрыл связь между Москвой и Астраханью. Московское правительство отправило к Царицыну отряд в тысячу стрельцов, в то же время воевода С.И. Львов вышел к Царицыну из Астрахани с отрядом в 2500 стрельцов. На соединение с ним с севера вдоль Волги двигались калмыки Аюки. Но как только лодки Разина 4 июня 1670 г. подошли к Черному Яру, где стояло войско князя Львова, астраханские стрельцы перешли на сторону повстанцев. Казаки жестоко расправились со стрелецкими командирами, а рядовых приняли в свою «армию». Воевода Астрахани, князь Прозоровский готовился к обороне города от приближавшихся повстанцев, но не надеялся удержать его, так как верность стрельцов не внушала доверия, а вспомогательные отряды калмыков и черкесов были малочисленны. Мятежники 24 июня подошли к Астрахани, и уже после двух дней осады стрельцы и посадские люди перешли на сторону Разина. Некоторых сторонников Прозоровского убили, а его самого казаки сбросили с крепостного вала. После этого в городе начался всеобщий грабеж. Разин установил казацкую форму правления, а Аманатный двор распустил. Группа калмыков, кочевавшая возле Астрахани, предпочла отойти от города [Крестьянская, 1954: 252].

15 июля 1670 г. в Саратов от дербетского Солом-Церена в прибыли посланцы Чекулат и Кажамгур. Они сообщили, что по государеву указу Аюка и Батур с 20-тысячным войском двинулись на повстанцев Разина. Солом-Церен отрядил с ними 1,5 тыс. своих людей под командованием старшего сына Даши. Последний отправил 400 человек под мятежный Царицын для отгона скота и лошадей. Дербеты практически полностью блокировали город, захваченный повстанцами, отогнав у его жителей

большое количество скота и лошадей. По другим данным, у Даши было 2 тыс. человек, и он стоял со своими людьми на заставе между Царицыным и Паншиным городком с целью не пропустить казаков, направлявшихся с Дона на Волгу на соединение с Разиным. С этой задачей (видимо, поставленной Аюкой) дербеты успешно справились. Но они действовали до тех пор, пока 7 июля здесь не появилось 4-тысячное войско мятежных тайшей Дугара и Бока (совместно с азовцами и крымцами), направлявшееся по левобережью Дона в набег на южные окраины России. В результате неравного боя в районе между Царицыным и Пятиизбенской дербетская застава была полностью разбита, погибли Даши и полторы тысячи его людей. Остальные смогли уйти через Волгу к реке Камышинка и вернуться к Солом-Церену [Крестьянская, 1954: 185, 213–214, 232, 234].

Дугар и Бок, видимо, тоже понесли серьезные потери, так как им пришлось отменить свой дальнейший набег и вернуться под Азов. По сведениям воронежского воеводы Бориса Бухвостова, люди этих тайшей полностью перекрыли дорогу с Дона на Царицын, убивали казаков и угоняли у них скот и лошадей. Калмыки и ногаи мятежных тайшей совершили нападение на казачьи селения по Хопру, Чиру и Медведице в отместку за недавний разгром их же улусов людьми Разина. Атаманы отправляли посланцев к Дугару и Боку с предложением мира, но получили отказ, мотивированный тем, «что они воры и своему государю изменили, а им от них тово ж ждать» [Крестьянская, 1954: 224–225, 239; Крестьянская, 1957: 16].

В июле 1670 г. Аюка со своим войском находился на левобережье Волги, в 60 верстах ниже Черного Яра. Здесь состоялась его встреча со стрелецким сотником Г. Ломакиным. Аюка сообщил ему об измене астраханского отряда, на соединение с которым шли калмыки, чтобы вместе ударить по повстанцам. Переход астраханских стрельцов на сторону Разина фактически оставил калмыков один на один с повстанцами. Аюка просил Ломакина передать в Москву просьбу о присылке новых войсковых

подкреплений, место общего сбора определив урочище Ураков Караул в 20 верстах выше реки Камышинка. Тайша еще раз заверил, что «вопче с твоими великого государя ратными людьми служить и радеть и над богоотступным вором, над Стенькою Разиным, всякими промыслы промышлять рад» [Крестьянская, 1954: 225–226].

Пробыв в Астрахани примерно четыре недели, 20 июля 1670 г. Разин отправился вверх по Волге. По дороге от Астрахани до Царицына 10-тысячное войско Разина приняло участие в грабеже населения калмыцких и едисанских улусов [Крестьянская, 1954: 177, 180–181]. Разин, без труда овладев Саратовом и Самарой, подошел к Симбирску. Последовавшая битва с правительственными войсками не принесла весомых результатов, но посадские люди Симбирска впустили повстанцев в город. Получив подкрепление в конце сентября 1670 г., князь Барятинский 1 октября нанес сокрушительное поражение Разину под Симбирском. Повстанцы планировали закрепиться в Самаре, однако горожане в город их уже не впустили. Разин пытался призвать на помощь калмыков, чтобы в дальнейшем с ними двинуться степью вверх по Волге, но тайши ему отказали [Крестьянская, 1957: 184–185]. Разин предпринял безуспешную попытку захватить Черкасск и отступил к Кагальнику. 14 апреля верные атаману Яковлеву казаки штурмом взяли Кагальник. Разина арестовали и выдали Москве, где 6 июня он был казнен.

Калмыцкое общество, как и в целом Российским государство, на рубеже 1660-х–1670-х гг. переживало внутренний политический кризис. Русские и калмыцкие источники весьма скупо освещают события того периода, которые заметно повлияли на дальнейшую расстановку сил в ойратском обществе.

Начало этого политического кризиса зародилось далеко на востоке. Потерпев поражение в борьбе за верховенство в хошутском доме, Аблай со своим улусом откочевал вслед за дядей Кунделен-Убаши со Среднего Прииртышья в западном направлении. Перед Аблаем, видимо, стояла

определенная задача – захватить кочевья и подчинить волжских калмыков. Чакарских калмыков, как известно, еще с 1630-х гг. привлекали прикаспийские степи, а также многочисленные ногайские улусы, подчинявшиеся торгутским тайшам. Сведения о вспыхнувшем на юге России восстании С. Разина, вероятно, дали Аблаю основание считать, что российское правительство, занятое своими внутренними проблемами, не будет активно вмешиваться в калмыцкие дела.

Смерть Мончака, по всей вероятности, произошла в результате именно этих событий, но подробных сведений о том, при каких обстоятельствах это случилось, к сожалению, ни в русских, ни в калмыцких источниках нет. По сведениям П.С. Палласа, Аблай захватил в плен Мончака в районе яицких степей [Pallas, 1776: 28]. Погиб ли Мончак в бою или уже в плену и имел ли к этому отношение Аблай – неизвестно. Но очевидно одно – при живом предводителе волжских калмыков хошутскому правителю не удалось бы прийти к власти.

Поскольку в это время основные силы волжских калмыков под командованием Аюки и Солом-Церена находились в военном походе против ногайского Ямгурчи-мирзы, который незадолго до этого увел к себе на Кубань значительное число калмыцких ногаев, создалась ситуация, при которой вторгшиеся на территорию волжских калмыков хошуты и дербеты «Дайчина со всеми улусы загнали к себе без бою». Узнав о приходе войска Аблая, Аюка срочно привел все свои военные силы к Волге, где ожидал прихода хошутского войска, видимо, для решающего сражения. Но там Аблай так и не появился, Аюке и Солом-Церену пришлось увести свои улусы в степи Придонья, в район рек Иловля и Юла. Юмай-дархан от имени Аюки просил правительство оказать военную помощь против Аблая, а также жалованье, «что давано было отцу иво (Аюки – *В.Т.*), давать матери иво» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 56–58].

Аблай со своей стороны также предпринял энергичные дипломатические шаги, когда прислал в Москву уже своего посла с

письменным извещением о том, что он с сыном Цаганом и Эрке-ламой захватил улусы Дайчина и Назар-Мамута, а Аюка якобы «с малыми людьми» бежал на правый берег Волги. С позиции победителя хошутский тайша требовал жалованье, ранее выдаваемое Дайчину и Мончаку, теперь присылать из Москвы только ему, поскольку отныне он стал кочевать на торгутских землях [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 59]. Стоит отметить, что послы Аюки и Аблая одновременно находились в Москве и вели друг против друга закулисную борьбу за право заручиться поддержкой царского правительства в пользу своих владельцев. О примирении сторон, на чем настаивала Москва, не могло быть и речи, поскольку в Северном Прикаспии происходила постепенный переход власти от торгутского правящего дома к хошутскому.

После подавления правительственными войсками восстания Разина калмыцкие тайши попытались урегулировать свои сильно подорванные отношения с донскими казаками. Весной 1671 г. Аюка с улусами кочевал в районе казачьего городка Курман Яр, откуда дважды присылал к атаманам своих представителей. В результате последовавших переговоров стороны заключили шерть, подтвердив прежние договоренности и предопределив возможные последующие действия: «А которые их калмыцкие люди, прикочевав, похотят у них жить на Дону, и за тех людей не стоять и у них, казаков, назад не просить. И живучи, им меж собою никаких обид не чинить, а если кому какая обида учинитца, и им про то на обе стороны разыскивать вправду» [Цит. по: Шовунов, 1992: 33]. Данное соглашение свидетельствует о появлении в это время первых калмыцких поселенцев в составе донского казачества.

Царское правительство, занятое подавлением последних очагов восстания на юге России, не могло в полной мере вмешаться во внутрикалмыцкие дела. В русских документах удалось обнаружить подробные сведения об официальной реакции царских властей на последние

события у калмыков, последовавшей уже после подавления разинского выступления. Они, несомненно, представляют огромный интерес.

В январе 1672 г. из Москвы через Эрке-ламу тайше Аблаю и его сыну Цагану был прислан письменный ответ, в котором, в частности, сообщалось: «Ведомо великому государю его царскому величеству учинилось, что Аблая тайши сын, Чаган, идет войною на подданных его царского величества на калмыцких на Аюкая, и на Солом Сереня, и на иных тайшей, а те тайши великому государю его царскому величеству служат и во всем его государское повеленье исполняют и кочюют под его государскою самодержавною рукою. И они б, Аблай и сын ево Чаган тайши, на подданных царского величества на калмыцких Аюкая и на Солом Сереня, и на иных тайшей войною не ходили и жили б с ними в миру и в совете».

Далее хошутским тайшам предлагалось со своими войсками совместно с Аюкой отправиться на войну против крымского хана, который, по сведениям царского правительства, вышел с полуострова и находился с армией на Кубани. Примерно такой же царский ответ был доставлен и Аюке. О реакции послов Аюки на подобное предложение ничего известно, но посол Аблая согласился с мирной инициативой Москвы, и, как он ответил, хошуты «на крымского хана войною итти ради» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 63–65].

В отдельной инструкции, отправленной на имя только что назначенного в Астрахань воеводой князя Я.Н. Одоевского указывалось, что если Аблай и дальше будет упорствовать и выдвигать требования по территориальному вопросу, то всячески его убеждать, чтобы кочевал он на дальних кочевьях между Яиком и Тоболом, поскольку в районе Астрахани у его улусных людей могли бы возникнуть ссоры с русским населением [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 68]. Из вышеизложенного видим, что Москва не стремилась однозначно принять сторону своих подданных Аюки и Солом-Церена в их конфликте с хошутскими тайшами, пытаясь использовать в своих интересах военный потенциал обеих сторон. Данное обстоятельство

толкало Аюку к принятию собственного решения, не рассчитывая особенно на помощь царского правительства.

Ситуация, сложившаяся между двумя калмыцкими группировками в Волго-Яицком междуречье зимой 1671/72 года, обострялась, о чем не преминул сообщить в своем донесении боярин И.Б. Милославский. Цаган, сын Аблая, с целью окончательно разгромить силы Аюки с 30-тысячным войском подошел к реке Ахтубе, в местность, что была в трех днях пути от Астрахани. Аюка также вышел из улусов с войском и находился в районе Нарын-песков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1673 г. Д. 5. Л. 62]. Собрав воедино оставшиеся после разгрома улусы и помирившись с Дугаром, Аюка решил взять реванш у Аблая.

В начале 1672 г., в месяц Цаган Сар, Аюка со своим войском и союзниками, в числе которых был и его свояк Каспулат Черкасский с кабардинцами, совершил поход на Яик, полностью разгромив владение Аблая. Хошутский тайша с семьей был пленен и первое время содержался под арестом на Тереке под присмотром кабардинских родственников Аюки. В 1672 г. пленники были переданы в Астрахань. Дальнейшая судьба Аблая находит противоречивое отражение в русских источниках. Г.Ф. Миллер сообщает, что тайша умер в Астрахани, «сидя в тюрьме городовой стене в башне» [Русско-монгольские, 1996: 245]. П.С. Паллас утверждает, что Аблай скончался в плену на р. Сал, одном из притоков Дона, а до того как попасть в плен, он находился на горе *Чир-Тумер-ула*, которая, по его мнению, возможно являлась частью Мугоджарских гор [Pallas, 1776: 28]. В августе 1672 г. послы Очирту Цецен-хана официально обратились к властям в Тобольске с требованием выдать хошутскому правителю его брата Аблая, взамен обещая обеспечить безопасность русским людям, добывающим соль на Ямыш-озере [Русско-монгольские, 1996: 245, 445]. В официальном ответе центральных властей, переданном Цецен-хану в 1674 г., прямо указывалось: «Аблай тайша за ево измены и за неправды взят был в полон и привезен к Москве и на Москве умре» [РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. 1674 г. Д. 1. Л. 2об.]. В

любом случае Аблай в исторической памяти калмыков остался как тайша, потерявший свой улус «за умножившуюся в нем зависть» [Габан Шараб, 2003: 96].

В июне 1672 г. Аюка с другими тайшами кочевал на левобережье Волги, в районе Саратова, где его люди активно торговали с местным населением. Но под Черным Яром у его калмыков произошел конфликт с местными жителями, о чем он сообщил на Дон. Несмотря на возникшие внутрикалмыцкие неурядицы, Аюка продолжал придерживаться договоренностей с правительством, заключенных его покойным отцом. Еще весной тайша отправил к Перекопу 260 калмыков для взятия «языков». Захватив в плен трех татар, на обратном пути они натолкнулись на лагерь азовцев, отбили у них русский полон, взятый под Валуйками и Рыбным. 20 мая калмыки «все в целости» пришли на Дон. 2 июня они же совместно с казаками совершили еще один поход под Калачинские башни для захвата ногайских малибашей, ранее находившихся в подчинении у покойного тайши Бока и направлявшихся к крымскому хану. 29 октября на Дон от Аюки пришел отряд в 200 человек под командой Будачери. Совместно с казаками атамана К. Яковлева они совершили поход под Азов, побив множество азовцев и захватив в плен 48 человек [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 113–115; 1672 г. Д. 1. Л. 13; Д. 11. Л. 5, Л. 7–8].

Осенью 1672 г. в Астрахань от Аюки прибыли послы – Юмай-дархан и Эшбердей Авжиев с 4 товарищами. По их словам, калмыцкие улусы в это время кочевали под Царицыном, в верховьях реки Сарпа, у озера Цаган-Нур. Аюка еще раз подтверждал свое желание и дальше верно служить государю, как его дед Дайчин и отец Мончак. Но, по мнению тайши, развиваться русско-калмыцким отношениям должным образом мешали продолжавшиеся инциденты. Например, ехавший из Астрахани с отрядом боярин и воевода И. Милославский между Черным Яром и Царицыным разгромил один из калмыцких улусов, захватив 15 человек и 50 голов скота. Аюка не без основания интересовался «по государеву указу это сделано» или нет,

поскольку «никакова дурна с калмыцкими своими людьми не учинил». Тайша просил правительство выслать ему годовое жалованье. Отправленные из Астрахани вместе с послами в калмыцкие улусы казанец М. Бараков и М. Протопопов должны были призвать Аюку, Солом-Церена и других тайшей собраться на съезд под Астраханью для подтверждения прежних шертей. Задержка правительством жалованья тайшам, видимо, не совсем устраивала Аюку, и он до ноября оставил посланцев у себя в улусе, а сам с войском двинулся к Куме [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 1–4, 8].

Таким образом, можно отметить, что ключевое влияние на изменение политики России по отношению к калмыкам в положительную сторону имела начавшаяся Русско-польская война в 1654 г. Выступление Крымского ханства на стороне Речи Посполитой, поражений русских армий на Украине повлекли активизацию русско-калмыцких переговоров на качественно ином уровне. Калмыцкие тайши все больше стали склоняться к мысли принятия на себя определенных обязанностей, а царское правительство шло на уступки по вопросам предоставления калмыкам кочевий и рынков в Нижнем Поволжье. Именно заключение шертей а 1655 и 1657 гг. создало политическую основу для вступления калмыков в русско-польскую войну. После заключения в 1661 г. двух шертей, которые во многом носили характер военных договоров, калмыцкая конница вступает уже в активную фазу боевых действий в крымском направлении и на Украине.

В участии калмыков в Русско-польской войне 1654–1667 гг. условно можно выделить два этапа: самостоятельные военных действия на Кубани и в Северном Причерноморье (1656–1660 гг.) и совместные выступления с русской и украинской армиями в Причерноморье и на Украине (1661–1666 гг.). Военные действия калмыков во много м носили вспомогательный характер и кардинально не меняли ситуацию на театре боевых действий, однако они с 1661 г. существенно снижали активность крымских татар на Украине, облегчая тем самым положение русско-украинских армий на главных направлениях.

Разинское восстание произвело сильное впечатление не только на казаков и крестьянство юга России, но и на калмыцкое население. С одной стороны, харизма Разина, его личная храбрость, которую калмыки не раз наблюдали в совместных походах на Крым, привлекали кочевников. С другой – договоренности с правительством обязывали тайшей действовать против повстанцев. Антиразинские настроения калмыков окончательно сформировались после погрома повстанцами калмыцких и едисанских улусов в 1669–1670 гг. Попытки Разина после этого договориться с тайшами и привлечь их на свою сторону уже не имели успеха. Действия Дугара и Бока летом 1670 г. на Дону, в ходе которых была уничтожена дербетская застава Даши, невольно помогли повстанцам расширить район своих действий и пополнить свои ряды донскими казаками. Внутренние усобицы, имевшие место в калмыцком обществе, по времени совпали с этим восстанием и невольно способствовали активизации антиправительственных действий Разина.

Молодому Аюке удалось преодолеть все препятствия, мешавшие разрешению политического кризиса в калмыцком обществе. Успешное подавление внутренней оппозиции и внешних врагов помогло ему завоевать симпатии простого калмыцкого народа и особенно старших тайшей, поначалу относившихся к нему с недоверием. Укрепление русско-калмыцких отношений свидетельствовало о продолжении политики Дайчина и Мончака, видевших в этом главную гарантию обеспечения безопасности калмыцких кочевий. 1671 год можно считать и датой окончательного падения некогда могущественной северной группировки ойратов – чакарских калмыков. Большая их часть была подчинена джунгарами, и лишь немногочисленные группы влились в состав волжских калмыков.

ГЛАВА 4. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КАЛМЫКИ В 1672–1700 ГГ.

4.1. Русско-калмыцкие отношения в период Русско-турецкой войны 1672–1681 гг.

Международная обстановка в Восточной Европе продолжала оставаться сложной, и у Московского государства после подавления восстания Степана Разина все еще сохранялась напряженность на границе с Крымским ханством. Заключенный русско-польский союз предусматривал военную помощь России вспомогательными казачьими, калмыцкими и татарскими войсками. Наступление на азовском и перекопском направлениях должно было ограничить участие Крымского ханства в польско-турецкой войне [Максимов, 1993: 78]. Поэтому для Москвы актуальной оставалась проблема организации новых совместных походов казаков и калмыков против крымских татар.

Аюка, несмотря на неурядицы, возникавшие в калмыцком обществе, продолжал придерживаться договоренностей, заключенных его покойным отцом с русским правительством. Еще весной 1672 г. тайша отправил к Перекопу 260 калмыков для взятия «языков». Захватив в плен трех татар, они на обратном пути, под Азовом, натолкнулись на лагерь азовских татар и отбили у них русский полон, взятый под Валуйками и Рыбным. 20 мая калмыки «все в целости» пришли на Дон. Затем 2 июня они же совместно с казаками совершили еще один поход под Калачинские башни для захвата малибашских татар, ранее находившихся в подчинении у покойного тайши Бока и направлявшихся к крымскому хану. 29 октября на Дон от Аюки пришел отряд в 200 человек под командой Будачери-Эрке. Совместно с казаками атамана Корнилы Яковлева они совершили поход под Азов, побив множество азовцев и захватив в плен 48 человек [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1671 г. Д. 1. Л. 113-115; 1672 г. Д. 1. Л. 13; Д. 11. Л. 5; 1672 г. Д. 11. Л. 7-8].

Но для восстановления полноценных русско-калмыцких отношений требовалось предпринять более серьезные шаги. Толчком к возобновлению этих самых отношений послужил приезд в Москву летом 1672 г. калмыцких послов во главе с Юмай-дарханом. В царской грамоте калмыцким тайшам от 6 июля поощрялась их дальнейшая служба государю, а Аюке была обещана всемерная поддержка со стороны царского правительства [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 1–4]. Аюка, кочевавший в это время со своими улусами близ Царицына, в верховьях реки Сарпы и озера Цаган-Нур, в письме подтвердил желание и дальше верно служить государю, как и его дед Дайчин, и отец Мончак: «а будет де он не годен, и он де, Аюка тайша, с калмыцкими своими людьми учнет кочевать о себе» [Посольские книги, 2003: 12].

По царскому указу астраханский воевода Яков Никитич Одоевский 14 сентября 1672 г. направил в калмыцкие улусы казанца Тимофея Одинцова, а уже 20 сентября в Астрахань приехали вернувшиеся из Москвы калмыцкие посланцы Юмай-дархан и Эшбердей Аджиев с четырьмя товарищами.

Поскольку Аюка по просьбе донских казаков откочевал с улусами от Волги вглубь степей «для промыслу на крымские улусы», то воеводы решили отозвать Т. Одинцова. Вместо него с калмыцкими послами 22 сентября из Астрахани в улусы отправили казанца Михаила Баракова и подьячего Микиту Протопопова в сопровождении толмача, 10 стрельцов и 10 служилых татар. Они и должны были призвать Аюку, Солом-Церена и других тайшей собраться на съезд под Астраханью с целью подтверждения прежних шертей. Задержка правительством жалования тайшам, видимо, не совсем устраивала Аюку, и он оставил до ноября посланцев у себя в улусе, а сам с улусами двинулся к Куме [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1672 г. Д. 1. Л. 8; Посольские книги, 2003: 12].

В октябре 1672 г. на Дон поступил царский указ об организации совместного с калмыками Аюки и Дугара похода против Крыма и Азова. Казаки отправили трех посланцев к Аюке, которые вернулись из калмыцких

улусов в декабре. Они привезли ответ калмыцкого тайши: «он Аюка пришел из войны, и лошади все выбиты». Калмыки планировали двинуться на Крым только весной следующего года, но в то же время опасались прихода с восточной стороны «черных калмык (хошутов. – *В.Т.*) Аблаева сына Чагана», который «поднял дядю своего Очиртая с немалою ордою» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 2-3, 7]. Это подтверждали и яицкие казаки, сообщавшие атаману К. Яковлеву, что Цаган и Очирту идут войной на Аюку, и на основании этого предупреждали о возможном неучастии калмыков в крымском походе [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1673 г. Д. 1. Л. 8].

Но должным образом развиваться русско-калмыцким отношениям мешали продолжающиеся инциденты. Так, ехавший из Астрахани с отрядом боярин и воевода И. Б. Милославский между Черным Яром и Царицыным разгромил один из калмыцких улусов, захватив 15 человек и 50 голов скота. Аюка не без основания интересовался, «по государеву указу это сделано» или нет, поскольку «никакова дурна с калмыцкими своими людьми не учинил» [Посольские книги, 2003: 12-13].

Тайша просил правительство выслать ему годовое его жалование «против прежнего», предупреждая, что в противном случае «он де, Аюка тайша, не ваш» [Посольские книги, 2003: 13]. Письмо Аюки на калмыцком языке, адресованное государю, и его перевод затем были отправлены воеводами в Москву. Однако тайша категорически был против, чтобы на предстоящем русско-калмыцком съезде обсуждались вопросы только материального характера, поскольку рассматривал будущее мероприятие как возможность заключить военно-политическое соглашение [Посольские книги, 2003: 14].

В целом миссия М. Баракова закончилась успешно, и 7 декабря русские посланцы вернулись в Астрахань с калмыцким послом Унетей-бакши, который привез письмо Аюки. В нем тайша еще раз признавал прежние шерти, заключенные его отцом и дедом. В подтверждение своих намерений и далее служить государю верно Аюка по просьбе донского атамана Корнея

Яковлева в ноябре 1672 г. отправил 3 тыс. воинов под командой Будачери-Эрке в район Азова, откуда калмыки отогнали большое количество скота и лошадей. Кроме этого, тайша «учинил под его государскою самодержавною высокою рукою» кабардинских владельцев, а также Малого Ногая казыевских и едисанских мирз, ранее подчинявшихся крымскому хану [Посольские книги, 2003: 21-24]. Все это свидетельствовало о серьезном политическом вкладе Аюки, накануне важных переговоров действовавшего в интересах России.

Отдельно тайша поднимал вопрос о выплате ему правительством жалованья сразу за три года (1670–1672), т. е. за время смуты, царившей на юге России, и междоусобной войны среди калмыков. Однако такая постановка вопроса вызвала возражение у русской стороны. М. Бараков пояснил тайше, что возможным это станет только после съезда, на котором стороны детально обсудят этот и другие вопросы и договорятся. В качестве условия русская сторона потребовала от тайшей подтверждения прежней шерти и выдачи Дугара, Аблая и крымского посла. Но Аюка упорствовал и даже не пожелал встречаться на съезде с воеводой Я.Н. Одоевским, если без удовлетворения оставят его требования о предварительной выплате трехгодичного жалованья. Более того, тайша перешел к политическому шантажу, заявив М. Баракову о возможном соединении калмыков с крымским ханом в случае невыплаты ему жалованья. В качестве подтверждения своей угрозы калмыки представили М. Баракову крымского посла Тютей-агу, который находился в улусах с миссией привлечь калмыков на сторону Турции и Крыма в намечавшейся войне против России. На требование русского посланника выдать крымского посла в Астрахань Аюка ответил отказом, мотивировав это тем, что «послом де и посланником ни в которых государствах худобы и задержанья не бывает». Тютей-ага находился под присмотром одного из ближних людей Аюки – Алдар-зайсанга [Посольские книги, 2003: 24-25].

8 января 1673 г. посланник Аюки, Унетей-бакши, вновь прибыл в Астрахань с тем же предложением – выплатить тайшам жалованье за три предыдущих года. Но и эта миссия оказалась безуспешной, поскольку астраханские воеводы не получали из Москвы никаких инструкций и дополнительных средств для решения данного вопроса. Астраханцы еще раз настоятельно предложили Аюке приехать для переговоров на съезд, где мог бы окончательно решиться вопрос о выплате ему жалованья [Посольские книги, 2003: 26-27].

Предварительные переговоры проходили в атмосфере взаимного недоверия сторон, в преодолении которого большую роль сыграла посредническая деятельность терского воеводы Муцала Каспулатовича Черкасского. Кабардинский князь, находящийся на русской службе, уже имел в своем послужном списке опыт налаживания русско-калмыцких отношений – еще в 1661 г. под руководством своего дяди Григория Сунчалеевича Черкасского он участвовал в заключении шерти между московским правительством и тайшой Мончаком, отцом Аюки, и привлечении калмыцких войск на сторону России в войне против Крыма и Польши. Именно брак родной сестры К.М. Черкасского, Обелханы (Абуханы), и Аюки стал тогда кульминацией русско-калмыцкого сотрудничества. С тех пор ситуация сильно поменялась, а Г.С. Черкасского и Мончака уже не было в живых. На политической арене появилось новое поколение политических деятелей, и уже им предстояло разрешать новые спорные проблемы на юге России.

Со своей стороны К.М. Черкасский также предпринял активные политические шаги – 20 января князь встретился с Аюкой на р. Кизляр и всячески убеждал тайшу прибыть под Астрахань на встречу с царскими представителями для заключения соглашения. Именно К.М. Черкасскому пришла идея предложить Аюке взять сначала жалованье за 1673 г. и уже на предстоящем съезде договариваться о выплате жалованья за предыдущие годы. К подобному предложению Аюка отнесся с одобрением, о чем

К.М. Черкасский письменно сообщил астраханским воеводам. И, действительно, вскоре после получения письма от князя в калмыцкие улусы, чтобы доставить жалованье за 1673 г., были отправлены казанец М. Бараков, подъячий и толмач в сопровождении 20 стрельцов и служилых татар. Посланцы также привезли Аюке письмо от воевод, в котором вновь предлагалось встретиться возле Астрахани для подтверждения прежней шерти его отца Мончака [Посольские книги, 2003: 30-31]. Все эти меры позволили сдвинуть переговорный процесс в положительное русло и преодолеть существовавшее на тот момент обоюдное недоверие сторон.

Достигнув соглашения, М. Бараков, продолжая оставаться в калмыцких улусах, 19 февраля письменно информировал Астрахань о готовности Аюки встретиться с воеводами на съезде. Причем незадолго до этого тайша вызвал к себе с Терека К.М. Черкасского в качестве гаранта предстоящих русско-калмыцких переговоров, поскольку калмыки ему полностью доверяли [Посольские книги, 2003: 32-33].

16 февраля терский воевода уже находился в калмыцких улусах. 20 февраля Аюка с братьями и племянниками, «учиня по своей калмыцкой вере моленье» в своих улусах, двинулся от реки Кумы к Астрахани. А уже 24 февраля М. Бараков письменно известил воевод о нахождении калмыков в Мочагах, в 70 верстах от крепости. Именно отсюда Аюка отправил в Астрахань к воеводам своих посланцев Эрке-Бадму и Нюдея с предложением встретиться в 30 верстах от города, в урочище Хвостовая Соль. Однако подобный вариант не устроил астраханские власти, которые настаивали на проведении съезда в непосредственной близости от Астрахани. Когда калмыцкие посланцы напомнили, что прошлый русско-калмыцкий съезд 1661 г. проходил в урочище Берекете, в 60 верстах от города, то это никоим образом не поколебало астраханских воевод. Они продолжали уверять калмыцких представителей в безопасности организации встречи в окрестностях Астрахани. Тогда калмыки предложили другое место проведения съезда – урочище Бешколь, в 15 верстах от крепости. Неизвестно,

чем закончились бы эти препирательства о месте встречи, если бы в спор снова не вмешался К.М. Черкасский. 25 февраля вместе с представителем Аюки Даян-кашкой он прибыл из улусов в Астрахань, где в разговоре с воеводой Я.Н. Одоевским получил заверение в том, что безопасность калмыцкого тайши будет обеспечена. По просьбе астраханских представителей он все-таки уговорил Аюку согласиться встретиться непосредственно у Астрахани [Посольские книги, 2003: 32-39].

Тогда же астраханские власти начали усиленно готовить место для проведения предстоящего мероприятия. Воевода Я.Н. Одоевский приказал построить деревянный городок, укрепленный рогатками, напротив Астрахани, на реке Соляной. Командирам московских стрельцов Владимиру Воробину, Никите Борисову, Борису Карсакову и Семену Астафьеву было приказано поставить в центре городка царский шатер, привезенный из Свияжска, и строй стрельцов. 26 февраля руководство Астрахани в лице воевод Я.Н. Одоевского, И.М. Каркадинова, В.Л. Пушечникова и дьяка П. Самойлова выехало в указанный городок для встречи с калмыцким представительством. Причем в самой Астрахани властями были предприняты все меры предосторожности на случай ухудшения ситуации: укреплены городские ворота, а стрелецкий полк под командой Г. Жукова охранял группу астраханских воевод, выехавших на русско-калмыцкий съезд [Посольские книги, 2003: 39-40].

Только после разрешения всех предварительных формальностей 26 февраля 1673 г. на место проведения съезда с астраханскими воеводами прибыло многочисленное калмыцкое представительство, куда входили Аюка и его двоюродный брат Мелеш, а также другие калмыцкие владельцы, татарские и ногайские мирзы. С калмыками приехал и терский воевода К.М. Черкасский. Встреча началась с традиционных для того времени вопросов о здоровье царя Алексея Михайловича и его семейства [Посольские книги, 2003: 40-42], после этого стороны перешли уже к обсуждению

конкретных вопросов и проблем, накопившихся в русско-калмыцких отношениях за последние несколько лет.

В первую очередь Аюка еще раз заверил царских представителей в незыблемости прежних договоренностей, заключенных его дедом Дайчином и отцом Мончаком. В подтверждение своих слов Аюка в присутствии боярина и воевод, взяв в руки «Бурхан, четки и Бичик», от лица всех калмыцких владельцев еще раз устно шертовал в вечной верности государю и его детям. Тайша также обязался перед русской стороной выставить войска против Крыма. Все присутствующие стали свидетелями того, как калмыцкие владельцы поклялись на своих святынях, прикладывая к голове «Бурхана, четки и Бичик». Поставить собственноручные подписи на шерти тайши пообещали только на следующий день. Первый раунд переговоров закончился угощением вином калмыцких представителей астраханскими властями [Посольские книги, 2003: 41-46].

На следующий день, 27 февраля, стороны вновь съехались. На этот раз с Аюкой прибыл его двоюродный брат Назар-Мамут, родной брат тайши Мелеша. Именно им предстояло выступить от лица всего калмыцкого народа при заключении шерти на верность Московскому государству. Переговоры велись по многим вопросам русско-калмыцких отношений, и практически все они получили положительное решение. Камнем преткновения стал лишь вопрос о выплате жалованья тайшам за прошлые 1671 и 1672 г. Царские представители предложили выплатить жалованье за эти годы только после решительных действий калмыков против государевых внешних неприятелей [Посольские книги, 2003: 46-55]. Другими словами, тайши должны были выказать свою верность, участвуя в войнах России. Но подобная формулировка не устраивала калмыцкую сторону, считавшую себя в какой-то мере обманутой, поскольку в указанные годы калмыки уже продемонстрировали свою надежность, в целом не поддержав антиправительственное восстание С. Разина на юге России.

Затем последовала сама процедура подписания тайшами шерти. Аюка, вынув саблю из ножен и приложив ее к своей голове и горлу, сказал: «… будет де шерть прежнюю и нынешнюю чем нарушим, и та де сабля буди на мне и на моих братьях, и на племянниках, и на всех наших улусных людях». На этом все присутствующие тайши и их родственные и владетельные люди приложили свои руки к шертовальной записи [Посольские книги, 2003: 57].

Попробуем рассмотреть по пунктам шерть от 27 февраля 1673 г. В историографии детально не рассматривались обстоятельства заключения этой шерти, в полном виде данный документ был опубликован только в сборнике «Полное собрание законов Российской империи» [ПСЗРИ-1, 1830: 923-926]. Мы попытаемся впервые представить аналитический обзор этого документа, который открыл целую эпоху правления калмыцкого хана Аюки, длившуюся более полувека.

Шерть начиналась словами: «Яз, Аюка тайша Мончаков, даю шерть великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу…». Здесь бросается в глаза то, что Аюка в присутствии своих двоюродных братьев – Назар-Мамута и Мелеша - единолично выступает от лица всего калмыцкого народа, а также кочевавших с ним едисанских, джемболукских, малибашских и келечинских мирз [Посольские книги, 2003: 57-58]. Подобная начальная формулировка шерти ясно указывала на единоличное правление Аюки как продолжателя политики его деда Дайчина и отца Мончака. Шерть от 27 февраля 1673 г. во многом повторяла положения предыдущей шерти от 9 декабря 1661 г., когда Мончак также единолично шертовал за весь свой подвластный народ на верность московскому царю.

Главные положения шерти 1673 г. заключались в следующем: «его царскому величеству тайшам самим и братьям, и племянникам, и внучатам, и улусным калмыцким людям, и мурзам, и их братьям, и племянникам, и улусным людям служить и великого государя на недругов, где его, великого государя, повеленье будет, войною ходить, а под его, великого государя, города войною не приходить и дурна никакого и задоров не чинить, и жить с

государскими людьми в мире и совете». Тайши также обязывались запретить своим подвластным из числа астраханских татар и ногайцев совершать нападения на царских подданных [Посольские книги, 2003: 58-59]. Однако в документе ничего не говорилось об обязательстве воевод не допускать со стороны астраханцев набегов на калмыцкие улусы и воровства.

Отдельным пунктом значилось обязательство тайшей не иметь никаких отношений с Турцией, Крымом, Персией, кумыками, бесленейцами, находящимися во враждебных отношениях с Россией. Под этим подразумевалось, что в указанные государства, как и этим народам, калмыки не должны были продавать лошадей и оружие, иметь с ними какие бы то ни было контакты и оказывать военную помощь войсками [[Посольские книги, 2003: 59-60]. Но на деле этот пункт, который значился и в предыдущих шертях, калмыками в полной мере не выполнялся. С этими государствами и народами калмыки непосредственно граничили, и поддерживание с ними добрососедских отношений и торговых связей гарантировало калмыцким тайшам, мирзам и их подвластным людям относительную безопасность кочевий. В любом случае посольские контакты были регулярными, и со стороны калмыков они не обязательно носили антироссийский характер.

Другим пунктом было обязательство калмыцких тайшей не допускать набегов на русские населенные пункты подвластных им ногайцев. С точки зрения царского законодательства последние считались изменниками, но в случае их раскаяния и желания вернуться под государеву руку Аюка обязан был отпустить их «безо всякого задержанья». Калмыки не имели права и в дальнейшем агитировать и призывать к себе в улусы астраханских татар и ногайцев [Посольские книги, 2003: 60]. Этот пункт соглашения содержался и в предыдущих шертях, но на практике он также не выполнялся. Между калмыцкими и астраханскими татарами и ногайцами поддерживалась очень тесная связь, и астраханским властям так и не удалось взять под контроль этот процесс.

Аюка также обязывался выдавать «на окуп» (за выкуп. – *В.Т.*) царским властям православных пленников (грузин, молдаван, белорусов и др.), которые были захвачены или будут захвачены калмыками в ходе военных походов. Православных пленников и иноверцев, бежавших из городов Средней Азии в русские города, следовало беспрепятственно пропускать на родину через калмыцкие территории. Со своей стороны русские власти обязывались выдавать обратно тайшам беглых некрещеных калмыков и татар [Посольские книги, 2003: 60-61]. Стоит отметить, что вопрос о беглых калмыках впервые был поднят именно в шерти 1673 года. Подобная проблема в русско-калмыцких отношениях возникла примерно в 1669 г., когда оппозиционно настроенные Аюке улусы двух тайшей - Дугара и Бока - откочевали на Дон. Бок вскоре скончался, а Дугар с семьей был схвачен Аюкой, однако часть их улусных людей так и осела среди донских казаков. Этот вопрос приобрел и религиозный оттенок, поскольку большинство беглых калмыков, не желавших возвращаться к Аюке, принимали православную веру, а местные царские власти это всячески, в том числе и материально, поощряли. Донские атаманы также были заинтересованы в привлечении в свои казачьи ряды калмыков, уже проявивших свои воинские качества.

В шерти 1673 г. стороны также обязывались соблюдать взаимную неприкосновенность посланников, обеспечивавших обмен информацией. Этим занимались и торговые калмыцкие люди, пригонявшие скот и лошадей на российские рынки в Астрахани, Тамбове, Касимове, Владимире и Москве [Посольские книги, 2003: 61]. Экономический аспект играл огромную роль в русско-калмыцких соглашениях, поскольку тайши были жизненно заинтересованы в реализации своей продукции на российском рынке, а московское правительство, хорошо осознавая это, всячески использовало данное обстоятельство в своих политических интересах. Этот пункт соглашения имел место практически во всех предыдущих и последующих шертях.

В условиях надвигавшейся русско-турецкой войны калмыцкие тайши приняли на себя обязательство по царскому указу участвовать в военных походах против Крымского ханства и иных «государевых непослушников». Но Аюка перед тем как выступить на Крым планировал весной отправить войска против кумыкских владельцев за их «многие неправды», о чем были уведомлены и царские представители. С этой целью калмыцкие улусы уже находились на реке Куме [Посольские книги, 2003: 61-62].

Шерть 1673 г. подкреплялась клятвой Аюки: «… а у него, великого государя, в послушанье быть не учнем и шерть свою и утвержденье прежнее и нынешнее чем-нибудь нарушим, и на нас, тайшах, и на наших детях, и на мурзах, и на их детях, и на всех улусных людей буди божий гнев и огненный меч, и тою саблею, которую я, Аюка тайша, выняв из ножен, на голову и к горлу прикладывал, от неприятеля своего буду я зарезан по горлу своему, и будем мы прокляты по своей калмыцкой вере в сем веце (веке. – *В.Т.*) и в будущем» [Посольские книги, 2003: 63].

Как видно из содержания шерти, тайши брали на себя довольно много обязательств, в то время как царское правительство давало всего две гарантии: отсылать в улусы некрещеных калмыков-беглецов и выдавать годовое жалование без учета дополнительных выплат за военные услуги. По мнению М.М. Батмаева, хотя в тексте шерти об этом прямо не сказано, но подразумевалось, что царское правительство гарантирует тайшам главное - территорию кочевок [Батмаев, 1976: 77].

К «шертовальной записи» на русском языке калмыцкие представители приписали несколько предложений старокалмыцкой письменностью (*тодо бичиг*), которые сами же и перевели на татарский язык для царских чиновников. Бросается в глаза то обстоятельство, что Аюка лично не подписывался под шертью, за него это сделали его представители – Назар-Мамут и Цецен-Запсан-бакши. За отсутствовавших на съезде дербетского тайши Солом-Церена, тайшей Уржана, Данжи, Батура и Лобачи к шертовальной записи руку приложил Басантай. Официальная процедура

подписания шерти завершилась торжественным обедом, организованным астраханскими воеводами. После этого по приказу боярина Я.Н. Одоевского московские стрельцы под командой Б. Карсакова и Л. Секерина устроили для калмыцких гостей показательные стрельбы из ружья и метание ручных гранат, чем вызвали восторг и одобрение у калмыков.

На следующий день, 28 февраля, из Астрахани к тайшам отправили дьяка П. Самойлова с государевым жалованьем, состоящим из продуктов (вино, мед, пиво, хлеб, калачи), табака, шуб и шапок, а для ближних их владетельных людей предназначались сукно, выдры и кожа. Такое же жалованье назначалось и тем владельцам, кто не смог приехать на съезд и оставался в улусах. 1 марта воеводы отправили Аюке уже денежное жалованье в 580 рублей за предыдущий 1672 г. При передаче тайшам денег и вещей присутствовал и К.М. Черкасский. Уже 2 марта калмыцкая делегация выехала на реку Кума, где оставались их улусы [Посольские книги, 2003: 66-67].

Отличительной особенностью шертной записи от 27 февраля 1673 г. являлось то, что она была составлена в соответствии со всеми требованиями правовых документов XVII в. Проект документа был подготовлен и согласован с Посольским приказом, а затем представлен к слушанию на Боярской Думе. После повторного слушания на Боярской думе уже с участием царя Алексея Михайловича, надо предполагать, проект получил одобрение и рекомендацию к подписанию. Шерть 1673 г. имела юридическую силу закона, поскольку была составлена с соблюдением всех требований и элементов формуляра [Максимов, 2002: 97-98]. Следующая шерть была дана Аюкой в 1677 г., и связана она была со смертью в 1676 г. царя Алексея Михайловича и восшествием на престол его сына Федора Алексеевича.

Таким образом, можно считать, что шерть 1673 г. открыла новую страницу в истории русско-калмыцких отношений XVII в. По характеру и содержанию она во многом отличалась от предыдущих подобных

документов, поскольку обе стороны после непродолжительного политического кризиса как на юге России, так и в калмыцком обществе смогли достичь соглашения, используя уже накопленный опыт предшествующих поколений. Продолжение традиции взаимопомощи в условиях сложной международной обстановки в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество в свою очередь обрело на долгое время внутреннюю стабильность.

Вмешательство Османской империи в русско-польское противостояние за контроль над Правобережной Украиной привело к разгрому польской армии при Батоге в 1672 г. С захватом османскими войсками совместно с отрядами гетмана П. Дорошенко и крымскими татарами Подолии возникла угроза их вторжения уже на Левобережную Украину, находившуюся под контролем Москвы. С целью предупредить такое развитие событий царские войска под командой Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича двинулись к Днепру. Русское наступление на Крым должно было начаться с блокады турецкой крепости Азов, чтобы тем самым блокировать крымцев на их правом фланге и заставить Османскую империю считаться с позицией России в ходе разгоревшейся вооруженной борьбы на Украине. Однако русских войск, отправленных на Дон, было недостаточно для захвата турецкой крепости, поэтому более важной представлялась попытка организации наступления непосредственно на Крымское ханство, чтобы полностью устранить их конницу с украинского театра военных действий [Максимов, 1993: 78].

Весной 1673 г. Аюка и К.М. Черкасский неоднократно отправляли на Дон разведывательные военные отряды, ожидая прихода сюда царских войск. Калмыцкие улусы в это время располагались «в ближних местах», в трех днях пути от Дона. 29 апреля к атаманам от Аюки прибыли посланцы с сообщением, что к нему приехали крымские послы с просьбой заключить мирный договор. Однако калмыцкий тайша им отказал и предупредил о

своей готовности вести войну с Крымом [РГАДА. Ф. 111. 1673 г. Оп. 1. Д. 4. Л. 126, 128].

В мае 1673 г. по приказу турецкого султана крымский хан Селим-Гирей I направил значительные силы татарских отрядов к укрепленной Белгородской линии, в район рек Тихая Сосна, Оскол и прилегавших уездов [Новосельский, 1994: 106]. В правительственных кругах серьезно восприняли такой поворот событий. В документальных актах сохранились царские грамоты от 19 марта, 5 и 20 мая, 17 июня в адрес астраханского воеводы Я.Н. Одоевского, которому указывалось всячески призывать Аюку и других калмыцких тайшей переходить с улусами ближе к Дону, куда уже с войском прибыл воевода И.С. Хитрово. Планировался именно совместный русско-калмыцкий поход на Крым, где Аюке предлагалось, чтобы он «над турскими войски и над Крымом и над крымскими юрты всякой промысл и поиск чинил» [Акты, 1842: 504]. Однако, когда на Дон прибыл отряд из 700 калмыков, воевода И.С. Хитрово прямо выразил им свое недоверие, поставив условие, что без предоставления аманатов не возьмет их с собой к Азову. Калмыки развернулись и ушли в улусы [РГАДА. Ф. 111. 1673 г. Оп. 1. Д. 12. Л. 32].

Летом 1673 г. отношения между калмыками и казаками были весьма тесными. Аюка с более 30 тыс. улусных людей кочевал в районе между Манычем и Салом, в дневном переходе от Черкасского городка. Регулярно сюда к царскому представителю на Дону Леонтию Копнину приезжали по 8–10 посланников Аюки, который предлагал казакам готовить своих лошадей для совместного похода. Также калмыки часто приезжали в столицу донского казачества «для гуляния и для продажи ясыря». Казаки, пользуясь близким расположением калмыцких улусов, тоже нередко бывали в них со своими товарами. По сведениям очевидцев, калмыки, «слыша про посылку царского величества войск на Дон, радуютца, подняв руки на небо», и говорят, что «кочуют безстрашно и ни отково не опасаютца» [РГАДА. Ф. 111. 1673 г. Оп. 1. Д. 9. Л. 12-14].

Подробности о военных действиях калмыцкого войска на крымско-азовском направлении летом 1673 г. и их результаты стали известны позже. 2 июля калмыки, едисаны и черкесы осуществили прорыв через сивашские укрепления и разгромили крымские отряды, разорив на полуострове в общей сложности около 37 селений. Погоня, возглавляемая калгой и нуреддином, не достигла цели. Эти события заставили крымского хана отказаться от участия в военных походах за пределами ханства. По мнению Н.Н. Максимова, наряду с другими факторами летний калмыцкий набег на Крым способствовал разгрому в ноябре 1673 г. оставшихся без крымской поддержки турок польскими войсками под Хотином [Максимов, 1993: 79].

5 августа воевода И.С. Хитрово, под командой которого находилось примерно 5 тыс. стрельцов и 5 тыс. казаков, начал военные действия с осады и штурма двух башен-каланчей, запиравших вход в устье Дона, но туркам удалось отстоять башни [Загоровский, 1980: 83]. Именно в этот момент к ним на помощь пришли войска К.М. Черкасского и Аюки, как сообщали казаки, «и была от них великая помочь». Затем, объединив силы, войска из-под Каланчинских Башен подошли к Азову, где на тот момент насчитывалось около 2 тыс. жителей. Однако их действия ограничились лишь тем, что были отогнаны скот и сожжен хлеб азовцев [РГАДА. Ф. 111. 1673 г. Оп. 1. Д. 12. Л. 32-24]. Не достигнув видимых результатов, русское командование завершило военные действия на азовском направлении, а калмыки вернулись в свои улусы.

В конце лета 1673 г. между казаками и калмыками вспыхнул новый конфликт. В сентябре в Москву прибыл калмыцкий посол Унетей-бакши с письмом от Аюки, где сообщалось об отправке летом этого года калмыцкого отряда против Крыма и малибашей. Когда калмыки с трофеями возвращались из похода, на переправах «воровские» донские казаки и черкасы совершили на них нападение, в результате чего 67 калмыков были убиты и 3 захвачены в плен. Аюка просил царские власти отправить указ войсковому атаману К. Яковлеву, чтобы тот немедленно провел расследование и наказал

виновных, а захваченных пленных и имущество вернул [РГАДА. Ф. 111. 1673 г. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-4]. Правительство отправило воеводе И. Хитрово предписание пригласить к себе войскового атамана К. Яковлева и известить его о необходимости проведения «сыска про убийство и грабеж калмыков», строгом наказании виновных и установлении во всех казацких городках запрета ссор с калмыками [Рябов, 1984: 103-104].

По всей видимости, именно этот инцидент и стал причиной того, что Аюка уже в сентябре перевел свои улусы с Дона на Терек. Когда воевода и атаманы отправили к Аюке двух посланцев с просьбой о военной помощи, тайша около двух месяцев насильно удерживал их в своем улусе. Своим поведением он ясно показывал властям, что не спешит на государеву службу, и эти настроения передались и его подданным. На Дон был отправлен отряд только из 400 человек под командой Мазан-Батура. Требование воеводы и атаманов предоставить аманатов на время похода к Азову Мазан-Батур категорически отверг, недвусмысленно пригрозив, «что посекут преже их атаманов и казаков». Затем он со своими людьми, предварительно ограбив в степи объездные казацкие караулы, ушел обратно в улусы [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 7, 17, 26, 40].

В дальнейшем этот конфликт стал только разрастаться. В ноябре царицынский воевода сообщал, что донские казаки верховых городков (паншинские, качалинские, ясауловские, кобылинские, двучирские, пятиизбенские) собрались в Пятиизбенском городке и ходили войной на калмыцкие улусы. На левобережье, недалеко от места сбора, ими был разгромлен один из калмыцких улусов, в плен были захвачены женщины и дети общей численностью более 100 человек, а также скот, лошади и другое имущество [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 90-91]. Это была ответная акция казаков на постоянные калмыцкие набеги, сведениями о которых изобилуют донесения местных властей.

В условиях русско-турецкой войны, когда требовалась консолидация сил, Москва всячески старалась уладить этот конфликт, требуя от сторон

скорейшего примирения, наказания виновных и возвращения захваченного полона и имущества. Участие калмыков в войне правительством рассматривалось весьма полезным, поскольку, по признанию очевидцев, «война их калмыцкая крымским татарам страшна» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 91-93].

В начале 1674 г. царским правительством вновь был поднят вопрос об активизации военных действий на Дону и крымском направлении. В апреле из Москвы Аюке пришел указ об отправке на Дон калмыцкого войска во главе с Солом-Цереном с целью дальнейшего продвижения на Азов и Крым. С наступлением весны калмыцкие улусы откочевали на левобережье Волги, так как напряженность между казаками и калмыками все еще сохранялась. С Дона непрерывно поступали в Москву жалобы о продолжающихся калмыцких набегах и отгонах скота, о том, что «казаков побивают и режут ножами многих». Причем калмыки конфликтовали с казаками именно верховых городков. Со своей стороны Аюка открыто угрожал царским властям, что в случае продолжения этого конфликта, он откажется от участия в русско-турецкой войне [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1674 г. Д. 14. Л. 44, 124, 134].

Проведя подробное расследование, войсковой атаман К. Яковлев в своем донесении в Москву от мая 1674 г. пришел к выводу, что зачинщиками ссоры были именно калмыки. Если Аюка с улусами кочевал на левобережье Волги, то возле Дона продолжали находиться небольшие группы «воровских» калмыков, которые отгоняли скот у казаков верховых городков. По сообщению того же К. Яковлева, некоторые казацкие городки были калмыками полностью сожжены, казаки порублены, а женщины и дети уведены в плен. Несмотря на это, следуя указаниям Москвы, атаманы в верховых городках казакам «заказ учинили накрепко з жестоким приговором, чтоб с калмыками впредь ссоры и задоров никаких не чинили, а жили в совете» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1674 г. Д. 14. Л. 135; Д. 15. Л. 10].

Немалая роль в примирении калмыков с казаками принадлежала все тому же князю К.М. Черкасскому. В ходе личной встречи с Аюкой 24 июня 1674 г. ему удалось уговорить тайшу выставить войско для участия в очередной кампании русско-турецкой войны. 12 августа князь сообщал в Москву, что ведет калмыцкое войско на Крым [РГАДА. Ф. 111. 1674 г. Оп. 1. Д. 18. Л. 65; Кабардинско-русские, 1957. Т. 1: 41-42]. И хотя ни Аюка, ни Солом-Церен не приняли личного участия в походе, они под началом калмыцких командиров Зайсана, Кашки, Мазан-Батура и Алдара отправили 7 тыс. воинов. Как только калмыцкое войско переправилось через Волгу под Царицыным, К.М. Черкасский отправил под Перекоп передовой отряд в 2 тыс. калмыков под командой Донак-тайши [Кабардинско-русские, 1957. Т. 1: 45].

По сообщению атамана К. Яковлева, К.М. Черкасский с калмыками прибыл на Дон 28 августа. Следуя царскому указу, 2 сентября донские казаки официально помирились с калмыками, а 14 сентября объединенное войско, насчитывавшее 150 кабардинцев, 5 тыс. калмыков, 2 тыс. казаков и 1 тыс. стрельцов, под Азовом вступило в бой с турками. Несмотря на две вооруженные вылазки азовцев, казакам и калмыкам в результате совместных действий удалось отогнать лошадей и скот из-под турецкой крепости и взять в плен 15 человек. В целях скорейшего примирения весь захваченный у азовцев скот и лошадей донские казаки уступили калмыкам [РГАДА. Ф. 111. 1674 г. Оп. 1. Д. 20. Л. 2; Кабардинско-русские, 1957. Т. 1: 45].

По сведениям, полученным от калмыцких послов в Москве, Аюка отправил с К.М. Черкасским к Азову во главе калмыцкого войска «лутчего своего человека», чьи люди затем «многое разорение в Крыме починили». Возвращаясь из-под Азова, «тот аюкаев человек» с черкесами ходил войной на Большую Кабарду и взял в плен двух сыновей Мисост-мирзы - Алей-мирзу и Шангерея. Причем, если старший сын Алей-мирза находился в аманатах у К. Черкасского, то второй сын, Шангерей, был в аманатах у калмыцкого тайши. На основании этого калмыцкие послы делали вывод, что

одной «половиной» Большой Кабарды владеет К. Черкасский, а вторая «половина» находится под властью Аюки [РГАДА. Ф. 119. 1675 г. Оп. 1. Д. 5. Л. 15-16].

В начале 1675 г. нападения калмыков на российские окраины продолжились, причем район их действий значительно расширился. Весной 1675 г. царицынский воевода Данила Траханиотов сообщал об отряде из 200 калмыков, которые «для воровства» появились в Пензенском уезде и «разорили многие деревни и людей побили, и стада все отогнали». Аюка всячески отрицал набеги своих людей на Пензенский уезд, а когда царские власти предоставили ему списки с именами тех калмыков, кто был замечен в набегах, то отметил, что такие лица в его улусе не живут [РГАДА. Ф. 119. 1675 г. Оп. 1. Д. 2. Л. 51-52, 54].

Попытки каким-либо образом воздействовать на Аюку предпринимались и через К.М. Черкасского. Из Москвы князю пришло письмо, в котором говорилось, что, по сообщению уфимского воеводы Петра Кондырева, калмыки совершили набег на Уфимский уезд, в результате чего было убито 2 башкир, захвачен полон и отогнано 500 лошадей. Но Аюка в разговоре с царским представителем Кузьмой Козловым отрицал участие своих калмыков в набеге на Уфимский уезд, объясняя это тем, что «от Уфы кочует в дальних местах». Более того, калмыцкий тайша высказал и свои претензии. По его словам, башкиры, донские и яицкие казаки также совершают набеги на калмыцкие улусы, «побивают и в полон емлют». Особенно от их действий пострадали малоимущие калмыки, кочевавшие по Яику. Аюка потребовал по этим делам произвести розыск, а «взятый полон и скотину, и лошадей отдать» [РГАДА. Ф. 119. 1675 г. Оп. 1. Д. 2. Л. 58-59, 61.

Перемещение значительного числа крымской конницы на Украину в начале 1675 г. подтолкнуло царское правительство к нанесению удара непосредственно по Крыму. В Москве была получена информация, что «крымской хан, вышед в польские городы, от великие нужды обезсилел и назад в Крым за безсилием и от великие нужи возвратитца не может».

Большая роль в проведении наступательной операции отводилась калмыцкой коннице, поэтому правительство призвало Аюку воспользоваться ситуацией и уже ближайшей весной выступить на Крым [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 122; Ф. 119. 1675 г. Оп. 1. Д. 5. Л. 18-19].

О результатах этого похода нам известно из сообщения К.М. Черкасского в Москву в мае 1675 г. Калмыки из-под Азова двинулись войной на Крым, откуда в улусы возвратились 600 воинов, которые отогнали с Перекопа 3 тыс. лошадей. Поскольку они не доставили крымского «языка», то Аюка, придавая большое значение разведывательной информации о районе предстоящих боевых действий, повторно отправил отборный отряд в 500 человек «проведать подлинно, какие ныне в Крыму замыслы, и куды хан с ордою войною пойдет; и, добыв языков, велено им поворотитца назад вскоре» [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 46об.-47]. Разведчики подтвердили перемещение основных татарских сил к Днестру и благоприятный расклад для нападения на Крым [Максимов, 1993: 81].

В апреле 1675 г. К.М. Черкасский сообщал в Москву, что встречался с Аюкой и призывал его по царскому указу выступить войной на крымские улусы. Обращают на себя внимание довольно любопытные условия, на которых Аюка соглашался лично участвовать в крымском походе: «как де выступит крымский хан сам с своими ратными людьми на твои великого государя городы, и он, Аюка, на твою великого государя службу хочет итти сам», если же крымский хан лично не возглавит свое войско, то Аюка вместо себя пошлет на службу тайшей Солом-Церена и Батыра [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 11, 91-92].

Но в дальнейшем Аюка отказался лично участвовать в крымском походе. Столкновения калмыков и башкир могли перерасти в набеги башкир на калмыцкие улусы во время ухода значительного числа воинов-калмыков на Крым. Свои опасения на этот счет Аюка высказал в разговоре с К.М. Черкасским: «ведомость ему есть, что збираютца на него приходить башкирцы, и без него, Аюкая, улусов иво оборонить будет некому». Не мог

изменить ситуацию и царский указ, поступивший в мае 1675 г. уфимскому воеводе Петру Кондыреву, о категорическом запрете башкирам нападать на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 91-92, 248].

Решить многие проблемы, возникшие в русско-калмыцких отношениях, должно было калмыцкое посольство, прибывшее в Москву в мае 1675 г. Делегацию калмыков во главе с Дархан-Батуром, Бабаком (Байбеком) и Эрке-мулой 2 мая принял один из ближних бояр - Артемон Сергеевич Матвеев. Послы сообщили, что прислал их Аюка, повелев, «чтоб приняв ево государской указ о службе их, возвратитца им с Москвы вскоре ж». Первоначально в составе посольства насчитывалось 40 человек, но из-за отсутствия в Астрахани подвод 10 человек решено было оставить там. Было также известно, что Аюка с улусами провел зимовку в Мочагах, недалеко от Астрахани, а с наступлением весны перебрался ближе к Царицыну. В планах у него было провести летнюю кочевку в степях между Волгой и Доном, но существовала угроза откочевки подвластных ногайцев в крымские пределы или под Азов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 5. Л. 12-15].

Интерес представляют несколько писем тайшей, которые послы привезли с собой в Москву. Два письма были непосредственно от Аюки, причем одно из них было написано на татарском языке, а второе – старокалмыцкой письменностью, но содержание их было практически идентичным. В нашем распоряжении имеются русские переводы XVII в. этих писем, поэтому можно детально разобрать основные проблемы, которые в них затрагивались.

После приветственной части в адрес русского царя Аюка еще раз заверял его в том, что готов и дальше верно ему служить и во главе своего войска воевать против Крымского ханства. Если по каким-либо причинам Аюка лично не смог бы возглавить войско, то готов был вместо себя отправить лучших своих командиров – Казбулата, Якшата и Караш-мирзу. Так как указанные лица регулярно участвовали в крымских походах, то Аюка просил у государя дополнительного жалованья для них.

Относительно калмыцких набегов на царских подданных Аюка утверждал, что с момента подписания шерти 1673 г. с его стороны не было никаких нарушений: «и на чем я тебе, великому государю, обещался служить и шертовать, и то мое слово будет здержано и не забыто». Калмыцкий правитель просил прислать к нему для допроса всех взятых во время набегов на русские города «воровских» калмыков. Также он обязался после розыска вернуть весь захваченный ими русский полон и их имущество.

Большие претензии в письме к царю Аюка предъявлял недавно назначенному астраханскому воеводе Ивану Михайловичу Милославскому. Этот боярин из рода Милославских, родственников царя по материнской линии, находился в конфронтации с другим ближним боярином А.С. Матвеевым, обличавшим перед царем его злоупотребления, и дело дошло до того, что Алексей Михайлович удалил его на воеводство в далекую Астрахань. Тайша прямо обвинял Милославского: «Астраханский воевода нам здесь многое зло чинит… наши дела портит и шерть нашу забвену чинит». Для примера Аюка привел случай, когда он посланцем в Астрахань отправил одного из своих ближних людей - Дугуна, которому воевода в приказной избе прямо угрожал: «велю де подвесить». На основании этого Аюка просил наказать воеводу: «И ты, великий государь, вели ево наказать, чтоб впредь так не делал и до нас был добр. А буде ево не накажешь, и мне будет досадно… Пока к вам писали, терпели, а ныне терпеть не будем» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 5. Л. 21-23, 24-27]. По всей видимости, именно это письменное обращение Аюки, особенно, если учесть, что шла война, стало причиной того, что воевода И.М. Милославский вскоре был смещен со своей должности.

В заключение Аюка просил царя прислать к нему 2 тыс. конных ратных людей, а в качестве жалованья просил об увеличении денежной казны, хлебных запасов и дать больше кречетов, пороха и свинца. Здесь же калмыцкий правитель еще раз заверял царскую сторону в своей верности

принятым обязательствам: «А что ты, великий государь, укажешь, и то я исполнять буду» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 5. Л. 27].

В начале 1675 г. Украина вновь подверглась массовому вторжению крымских татар, а 30-тысячная татарская конница осадила Чигирин. Крымский хан с основной частью своей армии двинулся на Польшу, тем самым ослабив защиту ханства. В Москве понимали, что сложилась благоприятная ситуация для вторжения непосредственно на территорию Крыма. С целью окончательного урегулирования отношений с калмыками и чтобы заручиться их военной поддержкой, по царскому указу из Москвы в калмыцкие улусы был направлен стряпчий Кузьма Козлов. 11 мая 1675 г. он прибыл в калмыцкие улусы, которые кочевали между Царицыным и Саратовом на реке Еруслан, в полутора днях пути от Волги. На следующий день состоялась его личная встреча с Аюкой и Солом-Цереном.

В ходе переговоров Козлов всячески агитировал тайшей уже этой весной выступить совместно с войсками воеводы Петра Ивановича Хованского и донских атаманов в поход на Азов и крымские юрты. В поход собирался и князь К.М. Черкасский во главе астраханских и терских отрядов с артиллерией, а также едисанские и акинские мирзы. Козлов озвучил тайшам и конкретную численность русского войска - до 50 тыс. человек. Причем первоначально они должны были соединиться с калмыками, а затем двинуться на Азов и Крым. Все эти сведения породили у Аюки воодушевление, и он даже вызвался лично возглавить калмыцкое войско вместе со своими братьями и племянниками. Но перед тем как выступить в поход он ожидал приезда в улусы К.М. Черкасского «для того, что у него о всем с ним [есть] уговоренность» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 19-20, 24, 47].

Из калмыцких улусов Козлов отправился в Саратов, где встретился с К.М. Черкасским, который незадолго до этого направлялся в Москву, но по царскому указу возвращен в Царицын. Вместе с Козловым князь должен был призвать калмыцких тайшей к скорейшему совместному военному

выступлению на Крым. Однако Аюка был крайне разочарован малочисленностью русского войска, которому предстояло выступить на крымско-азовский театр военных действий, а названная Козловым численность в 50 тыс. воинов, мягко говоря, была весьма преувеличенной. Аюка даже озвучил Козлову причину формального своего отказа от ранее обещанного личного участия в походе: «черные калмыки с ним не в миру, и опасен приходу их на свои улусы». Вместо себя во главе 10-тысячного калмыцкого войска он направлял брата Ике-Замсу и Солом-Церена. Местом военного сбора назначили Царицын [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 35].

При подготовке к походу стали известны и некоторые детали. Например, Козлову удалось узнать от калмыков, что путь от Дона до крымского Перекопа походным маршем занимает 20 дней. По данным К.М. Черкасского, из Царицына под Азов можно было прибыть за 11 дней, а в Крым - за 25 дней. При планировании маршрута он собирался двигаться со своим отрядом прямо на Крым, минуя турецкую крепость Азов. Князь в своем письме в Москву также просил для калмыков 40 пудов пороха и свинца, поскольку у Аюки 2 тыс. человек «служат огненным боем». Подготовка к походу происходила в обстановке повышенной секретности. К.М. Черкасский велел Козлову не сообщать об этом даже воеводе Хованскому. Поскольку предполагался быстрый походный марш, чтобы как можно раньше достичь цели, пушки, взятые в Астрахани, К.М. Черкасский «за тягостью» оставил в Царицыне [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 38, 65; Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 122об., 124об.].

Массовая неявка на службу, дезертирство, конский падеж и другие обстоятельства привели к тому, что отряд К.М. Черкасского, который 23 августа вышел из Царицына, насчитывал всего 740 служилых людей. На реке Сал намечался общий сбор с калмыками. Уже на Дону произошло непредвиденное. 30 августа К.М. Черкасский сообщал с Дона в Царицын, что Ике-Замса и Мунко-Темир со своими отрядами вернулись в улусы. На Дону

были оставлены некоторые обесконевшие уфимцы и гребенские казаки [Максимов, 1993: 82]. Оставшихся калмыков из разных улусов общей численностью в 1 тыс. человек возглавил Мазан-Батур, о котором вышеупомянутый Козлов в своем письме в Москву с восхищением писал: «а Мазан Батыр человек ратной и во всех улусах знатной промышленник» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 37; Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 244об., 245об.]. В другом документе подчеркивалось, что Мазан-Батур был «особой калмыцкой тайша», а его отряд, направлявшийся на Крым, состоял из «самых выбранных пансырников» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 251].

Объединенное войско двигалось степью по Северскому Донцу к р. Молочные Воды, что протекала в северной части Причерноморья. В дороге их остановил сильный степной пожар, и этим моментом воспользовался некий кумык, который 12 сентября сбежал и сообщил крымцам о приближении войска К.М. Черкасского. Лишившись фактора внезапности при нападении на Крым, зная, что войско было немногочисленным, князь решил соединить свои силы с запорожскими казаками. На пятый день они пришли в Запорожскую Сечь, где К.М. Черкасский встретился с кошевым атаманом Иваном Серко, весьма обрадованным их приходом. Спустя три дня они совместно двинулись к Перекопу и через четыре дня достигли Гнилого моря (Сиваша).

В распоряжении К. Черкасского было всего 546 служилых людей (астраханцы, терцы, уфимцы, саратовцы) и 1 тыс. калмыков. Под началом И. Серко находилось 2500 казаков и 3 полковые пушки. Позже на помощь подошли донские казаки во главе с войсковым атаманом Фролом Минаевым. Несмотря на то, что сведения о численности нападавшей стороны разнятся, по мнению Н.Н. Максимова, в любом случае численность отряда составляла 3–4 тыс. человек [Максимов, 1993: 82-83].

Проложив из песка и камыша дорогу через Сиваш, они смогли перейти на полуостров и 23 сентября подойти к Перекопу. Здесь К. Черкасский и

воевода И.Ю. Леонтьев развернули свой военный лагерь, а вперед, за Каменный мост, они отправили калмыков и запорожцев, которые на расстоянии 30 верст и более сожгли крымские села и деревни, захватив многочисленный полон. Освобождено было около 300 русских пленных и взято 400 человек крымского ясыря (только дети, т.к. взрослых в плен не брали) [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 303-305, 306об., 307об.-308].

Примерно в 30 верстах от лагеря К. Черкасского находилась застава под командой сына крымского хана, которая подверглась атаке калмыков. В результате калмыки «ратных их людей побили и шатры и бунчук взяли, а сам де салтан и мурзы ушли с небольшими людьми». Другой крымский отряд (по разным данным, численностью от 600 до 3 тыс. человек) под началом трех ханских сыновей - Изва-Гирея, Умарек-Гирея и Девлет-Гирея - совершил нападение на лагерь К. Черкасского в районе Соляного моря, но в итоге он был разбит, а один из знатных крымских мирз, Батырша-мирза Мансуров, был взят в плен. К. Черкасский потерь не понес, за исключением одного раненого уфимца, а также 12 калмыков и 1 кабардинского узденя, пропавших без вести во время набега на окрестные крымские деревни [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 304об.-305, 310об.]. Как выяснилось позже, некоторые из них попали в плен к крымцам.

Одержав победу под Перекопом, К. Черкасский не стал заходить вглубь полуострова, поскольку у него не было достаточных военных сил для продолжения боевых действий. Также существовала угроза скорого возвращения домой основной армии крымского хана с Украины и Польши. 27 сентября объединенное войско возвратилось в Запорожскую Сечь. В октябре атаман И. Серко информировал гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича об успешных военных действиях в Крыму совместно с отрядами К. Черкасского, Мазан-Батура и Ф. Минаева: «немалую часть неприятельскую, противу нас изготовившуюся, разбили, села их огнем попустошили, добычи их и самих их живьем в полон набрав, душ христианских немало свободили из неволи, а сами в целости своего войска

безо всякого урону на кош пришли» [Акты, 1882: 260]. К. Черкасский, который отправил в Москву посланцев с сообщением о военных успехах в Крыму, в своем донесении подчеркивал, что, если бы крымцев не предупредил перебежчик-кумык, то его войско нанесло бы противнику намного больше урона, так как большинство татар на Перекопе успели свои семьи и имущество увести в безопасное место – на морские косы [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 306; Акты, 1882: 377].

В состав этого посольства вошли и 20 человек от Мазан-Батура, которых возглавил один из приближенных людей Аюки – Буянчатай [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 309, 313]. В октябре 1675 г. они прибыли в Москву, привезя с собой письма от Мазан-Батура и Бударея-кашки. В благодарность за службу царское правительство пожаловало всех калмыков жалованьем, кто участвовал в крымском походе, – по лисьей шапке и «портищу» сукна [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 410].

Весьма интересно ознакомиться с содержанием письма Мазан-Батура, учитывая то, что на сегодня это единственное известное науке письменное послание этого калмыцкого тайши русскому царю. Приведем лишь основную часть русского перевода документа XVII в., т.к. оригинал в архиве не обнаружен: «... Как был боярин князь Григорий Сунчалеевич [Черкасский] в Астрахани, и я на твою великого государя службу ходил с семьею и под Азовом побил азовцев 80 человек. И ныне на твою великого государя службу с князем Каспулатом [Черкасским] пошел я с братьями, с большими и меньшими, с тремя человек и с ратными улусными людьми. И ехать на твою государеву службу спешу. А чем ты, великий государь, пожалуешь, в том ты, государь, волен. И чтоб ты, великий государь, пожаловал прислать ко мне корольков на чотки, да жемчугу, да лисицу черную. А у тех ратных людей, которых пошли с князем Каспулатом, в начальных людях я, Мазан Батыр. А посланец мой Алакбай» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 7. Л. 29-30].

В целом, подводя итог, нужно отметить, что крымский поход К. Черкасского в 1675 г. стал большим политическим событием в жизни

Московского государства, это был единственный случай за всю первую русско-турецкую войну, когда царским войскам при поддержке калмыков и казаков удалось достичь территории Крыма и нанести противнику ощутимый урон. Спустя два года в челобитной на имя царя бывший руководитель внешнеполитического ведомства России А.С. Матвеев подчеркивал: «а прежде сего никогда ваши государские ратные люди в Крым не хаживали, и славы в том походе такой имени вашему государскому не бывало» [Цит. по: Максимов, 1993: 85].

Несмотря на военный успех К. Черкасского в Крыму, в Москве все-таки были недовольны отказом Аюки и Солом-Церена лично участвовать в крымском походе. В своем письме на имя царя, которое осенью 1675 г. привез Унетей-бакши, Аюка прямо называл причину самоустранения: «а твоих великого государя ратных людей не было». К тому же продолжавшиеся конфликты между калмыками и царскими подданными на Волге, Дону и в Южном Приуралье не способствовали активному участию калмыков в войнах России. Так, между Астраханью и Черным Яром астраханцы убили 12 калмыков, отогнав скот и лошадей, черноярцы убили 4 калмыков, саратовцы - 6 калмыков. Башкиры в результате набега захватили 53 кибитки и ограбили 200 торговых калмыков, причинив ущерб в общей сложности на 20 тыс. рублей, также ими были отогнаны 400 лошадей и 100 верблюдов, 1 человек был убит и 15 захвачены в плен. Как сообщал Аюка, за 1674–1675 гг. башкиры отогнали у калмыков огромное количество скота и лошадей, а говоря об ущербе, нанесенном донскими казаками, указывал, что «тому сметы нет». Калмыцкий правитель снова ставил вопрос перед царским правительством о безопасности его улусов, при этом подтвердил прежние договоренности: «а что мы шертовали и души свои дали, и то мы держим» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 7. Л. 19-22].

В состав калмыцкого посольства Унитея-бакши также входили представители тайшей: Солом-Церена, Ике-Замсы, Бага-Замсы, Араптана, Батыра. Интерес представляет письмо на имя государя от дербетского тайши

Солом-Церена, точнее, длинный перечень товаров, которые он просил прислать. Стоит отметить, что из всех просьб калмыцких тайшей о предоставлении жалованья запрос дербетского тайши оказался самым внушительным. Так, например, он просил прислать ему 10 тыс. рублей и указывал, что только в этом случае готов лично пойти на военную службу. Также тайша запрашивал соболью шубу, 20 беличьих шуб, 100 выдр, 100 зеленых жемчугов, 10 расписанных золотом кож, 100 больших корольков, 2 позолоченные пищали, позолоченные шахматы, 100 золотых монет, 10 мешков «сарачинского» пшена, 50 мешков муки, табак, 5 пудов проса, красок разных цветов, ведро олифы, 10 мешочков пороха, олово (свинец), палатку, 40 кадок, 20 позолоченных деревянных ендов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 7. Л. 24-25]. Запросы других тайшей, в т.ч. Аюки и тех, кто лично участвовал в военных походах, были намного скромнее.

Вскоре после приезда калмыцких послов в Москву к Аюке в октябре 1675 г. был направлен стряпчий Кирилл Пущин. Перед ним стояла та же задача, что ранее была поставлена перед К. Козловым, с которой тот так и не справился, - находиться в улусах до весны 1676 г. и всячески оказывать давление на Аюку, чтобы он лично возглавил калмыцкое войско в походе на Крым. Так же должен был действовать и К. Черкасский [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1675 г. Д. 4. Л. 277-278]. К этому вынуждали события на Украине и настойчивые просьбы польского правительства активизировать военные действия против Крыма уже с весны 1676 г. [Максимов, 1993: 85].

Однако на региональном уровне трения между калмыками и местными властями продолжались. Для примера можно привести случай, когда 20 декабря 1675 г. в Астрахань от Аюки прибыл его посланник Чокула Биликтин. С целью выяснить, прислано ли из Москвы жалованье тайше, о чем договаривался К. Черкасский. Но в Астрахани ему ответили, что государевой грамоты на этот счет еще не поступало. На вопрос, почему Аюка не пошел в поход с К. Черкасским, Чокула, как сообщали воеводы, говорил им «непристойные слова». Приведем сохранившиеся в архивных материалах

слова Чокулы, сказанные им в адрес астраханских воевод: «Аюка де тайша какой подданной великому государю холоп, и кто ево, связав, в подданство отдал? Он де Аюкай сам таков же, каков великий государь». Позже в ходе расследования данного инцидента калмыцкий посланник письменно объяснял свой поступок тем, что якобы был в приказной палате «пьян и без ума своего говорил непристойные слова» [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 572об.-573об., 575об.].

Поскольку Чокула был в Астрахани задержан, Аюка 28 декабря прислал воеводам письменное прошение отпустить его посланника для наказания. Вскоре из Москвы в Астрахань пришел указ отпустить Чокулу к Аюке для казни, «чтоб на то смотря, впредь иные ево посланные непристойных слов не говорили». Однако Аюка, заполучив своего человека, проигнорировал указ из Москвы и не прибег к его наказанию [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 574-574об.]. По всей видимости, высказывания Чокулы относительно политической независимости Аюки отражали мнение большинства калмыцкой элиты.

Во многом решить проблемы, накопившиеся в русско-калмыцких отношениях, должен был приезд в Москву в марте 1676 г. калмыцких посланников Инжима и Назара. Они привезли письмо от Аюки, в котором тот снова жаловался на местные власти. В частности, астраханский воевода, по словам Аюки, угрожал повесить его брата, а также «моих посланников бьет и в железа кует и в тюрьму сажает», а на Яике голова Гурьева городка, Иван Турка, убил двух калмыков, а третьего взял в плен [РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1675 г. Д. 1. Л. 590-592].

И хотя большинство предложений и просьб калмыцкого тайши было принято во внимание, нельзя забывать, что на первую половину 1676 г. пришлась смена власти в Москве, осложнявшаяся борьбой придворных группировок. 30 января скончался царь Алексей Михайлович, и 18 июня на царство был венчан 15-летний его сын Федор Алексеевич. В это время внешняя политика была отодвинута на второй план, о чем свидетельствует

снижение активности в подготовке плана дальнейшего наступления на юг. В сентябре гетман П. Дорошенко сдался, а с Крымом было заключено перемирие. В сложившейся ситуации московское правительство на время утратило интерес к происходящему на южном направлении, в т.ч. и к калмыцким делам.

Все шесть лет царствования Федора Алексеевича власть была сосредоточена в руках его родственников по материнской линии, бояр Милославских. Тогда же в русско-калмыцких отношениях в очередной раз остро стал вопрос о даче новой шерти калмыцкими тайшами. Поскольку в этот период Москва готовилась к очередному этапу войны за Украину с Турцией и Крымом, привлечение калмыков в военную кампанию вновь стало актуальной темой в правительственных кругах. С назначением в 1676 г. воеводой в Астрахань боярина Константина Осиповича Щербатова связывались определенные надежды - решить калмыцкий вопрос в полной мере. Выбор этой кандидатуры, по всей видимости, был обусловлен тем, что Щербатов в свое время участвовал в подавлении восстания Степана Разина, поэтому он неплохо знал южный регион страны и калмыков.

Не вдаваясь в подробности предварительных русско-калмыцких переговоров, отметим, что шерть калмыцкие тайши во главе с Аюкой дали 15 января 1677 г. на Соляной протоке, близ Астрахани. Заключение договора, как и в 1673 г., происходило в атмосфере настороженности и недоверия с обеих сторон. Тайши неоднократно требовали от Щербатова сократить караул и отдалить его от шатра, где предполагалось проведение переговоров. Только с получением определенных гарантий со стороны воеводы, что в шатре и в близи от него не будет никаких вооруженных людей, тайши во главе с Аюкой согласились войти в шатер и начать переговоры [Батмаев, 1993: 189]. С русской стороны, кроме К.О. Щербатова, в переговорах участвовали думный дворянин Кирилл Осипович Хлопов, дьяки Семен Румянцев и Алексей Симонов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 1об.].

Шерть начиналась следующими словами: «Яз, Аюкай Тайша, да яз его родной брат Мончак Замса Тайша Мончаковы даем шерть за себя и за брата своего роднаго Замсу Тайшу, меньшаго Мончакова, дя яз Солом Серень за себя и все мы Тайши за Батыря Тайшу и за новоприезжих за Дояна, за Сереня, за Долзя, за Баушеня, за Аюкая Шарапова Тайшей, которые после договора 181 [1673] года приехали вновь кочевать, и за братей, и за детей, и за племянников, и за внучат, и за Нагайских, и за Едисанских, и за Енбулуцких, и за Малибашских, и за Келечинских Мурз… на вечное и верное подданство Великому Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексеевичу… быть под самодержавною их государскою высокою рукою в вечном подданстве навеки неотступными» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 1-1об.; ПСЗРИ, 1830, т. 2: 80-81].

Если в шерти 1673 г. главными гарантами с калмыцкой стороны вместе с Аюкой выступали его двоюродные братья Назар-Мамут и Мелеш, то в шерти 1677 г. мы видим, что в начальной формулировке, помимо Аюки, значатся его родной брат Ике-Замса и дербетский Солом-Церен. По мнению В.И. Колесника, это означало стабилизацию политической ситуации в улусах, хотя в какой-то степени верховную власть Аюке пришлось делить с братьями [Колесник, 2003: 103, 104]. Также нам становятся известны имена тех тайшей, кто присоединился к волжским калмыкам уже после 1673 г. Как видно из текста, шерть 1677 г. во многом повторяла основные принципы шерти 1673 г. Поэтому здесь стоит обратить внимание на те моменты, которые впервые встречаются в документе.

Во-первых, значительно ущемлялись внешнеполитические связи тайшей. Отныне они обязывались передавать в царскую администрацию все письма, присылаемые им из других государств, «…и против тех присланных листов не писать», а иностранных послов задерживать и отправлять в Москву или Астрахань [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 3-3об.].

Во-вторых, всех захваченных в полон русских людей в 1675–1677 гг. тайши обязывались вернуть, а виновные лица наказать [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 4].

В-третьих, более четко были сформулированны протокольные условия приема Аюкой царских письменных посланий: «А которые посыльщики, по указу Великаго Государя Его Царскаго Величества, присланы будут с Москвы ко мне Аюкаю тайше с грамоты от Него Великаго Государя: и мне Аюкаю тайше те Его Великаго Государя грамоты принимать, встав и сняв шапку, с великою честию» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 6об.; ПСЗРИ, 1830, т. 2: 84].

Шерть заканчивалась следующей клятвой: «…Буди Божий гнев и огненный меч, и тою саблею, которую ныне я Аюкай и Замса с Солом Церен тайши, выняв из ножен, на головы свои кладем и к горлом прикладываем, головы наши от неприятелей отсечены б были, и будем мы прокляты по своей калмыцкой вере в сем веце и в будущем». К шертовальной записи были приложены подписи тайшей, также ими была сделана письменная копия на калмыцком языке [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1677 г. Д. 1. Л. 8-8об.].

После подписания тайшами шерти царское правительство планировало в том же 1677 г. привлечь калмыцкие воинские силы на предполагаемый театр боевых действий на Украине. К этому побуждали и многочисленные письма на имя нового царя от жителей украинских городов «всяких чинов» с просьбой к государю отправить в помощь гетману калмыков. Почему просили прислать именно калмыков, можно узнать из письма чигиринского полковника Григория Карпова. Он писал, что когда К. Черкасский с калмыками ворвался на Крымский полуостров, «татаровя услышали, тотчас все ужаснулись, и страх на них напал великой». Поэтому Карпов сделал вывод, что, если по государеву указу калмыков направят на Украину, то «татаровя де бой их знают, и увидя их битца с ними не станут, побегут». В мае 1677 г. гетман И. Самойлович под давлением украинской

общественности из Батурина отправил к Аюке посланцев с просьбой о военной помощи [Акты, относящиеся к истории, 1885, т. 13: 204, 294, 315].

Именно с этого времени в русских документах фиксируются многочисленные свидетельства о конфликтах калмыков с донскими казаками. По всей видимости, это и объясняет то, что калмыки с начала 1677 г. так и не приняли должного участия в русско-турецкой войне, как это было прописано в шерти.

Обострились они, судя по сообщению в Москву самих донских казаков, в апреле. 150 казаков в степи неожиданно натолкнулись на калмыков, завязался бой, который закончился в пользу донцов. Причем, как отмечали донцы, до этого случая у них с калмыками «задоров не было» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1677 г. Д. 11. Л. 38-39]. Вероятно, этот инцидент и стал своего рода катализатором конфликта, и в ответ калмыки возобновили набеги на казачьи городки.

Калмыцкие тайши понимали, что, не помирившись с казаками, об отправке калмыцких отрядов на Украину не могло быть и речи. Они действительно предприняли попытку заключить мир, когда Аюка, Солом-Церен и Батур отправили своих посланников на Дон с предложением мира. Казаки соглашались на мир при условии, «естли они учнут с ними жить также, как и Мончак тайша жил и на Крым с ними ходить, и они с ними жить в миру будут» [Акты, относящиеся к истории, 1885, т. 13: 317].

Новому астраханскому воеводе Петру Михайловичу Салтыкову пришлось сразу же приступить к исполнению служебных обязанностей. Для начала он приказал перекрыть все водные выходы к Каспийскому морю, чтобы не допустить ухода донских казаков на Яик и их объединения с тамошними «воровскими» казаками. Он активно выступал в роли посредника в конфликте между казаками и калмыками, отговаривая и тех, и других от силовых действий. Иногда это ему удавалось. Например, астраханский представитель Иван Змеев в 30 верстах выше Черного Яра, в урочище Ахтубинская Протока, встретил отряд из 245 казаков на 22 лодках и уговорил

их отказаться от нападения на калмыцкие улусы и вернуться на Дон. Правда, этим казакам удалось захватить 150 калмыцких лошадей, но они не смогли найти и освободить своих плененных калмыками жен и детей. На встрече с калмыцкими представителями тот же Змеев напомнил им, чтобы они, «помня души свои и шерть», не смели ходить в набеги на южные города и казачьи городки [Акты, 1885, т. 13: 243-245]. Однако столкновения калмыков с казаками продолжались с лета 1677 г. до начала 1678 г.

Стоит также отметить, что нападения совершались и калмыками. В ноябре 1677 г. казаки верховых городков сообщали в Черкасск об участии более тысячи калмыков в набегах на их городки, отгоне ими скота и лошадей. Причем некоторые городки нападавшими были блокированы с суши. В большинстве случаев казаки, не смея нарушить царский указ, не выходили на бой с калмыками. Москва требовала от донских атаманов срочного примирения с калмыками и требовала совместного с ними отправления на Крым и в полк Г. Ромодановского [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1677 г. Д. 33. Л. 9, 71].

В связи с переходом русско-турецкой войны в активную фазу в 1678 г., выразившуюся открытыми столкновениями на Правобережной Украине, в правительственных кругах остро стал вопрос об окончательном урегулировании конфликта между калмыками и донскими казаками. Миссия по примирению сторон была возложена на К. Черкасского и К. Козлова, которые выехали в калмыцкие улусы в начале 1678 г., и белгородца Ивана Микифорова, в свою очередь, выехавшего на Дон. К. Черкасский всячески агитировал калмыков немедленно выступить в поход на Крым, но Аюка отказался, заявив, «что донские казаки им калмыкам много разоренье починили и людей побили, и калмыцкой ясырь, жен их и детей, поймали». Конечно, аналогичные обвинения выдвигались и со стороны казачества. Тогда было предложено калмыцким и казачьим представителям собраться в условленном месте, «чтоб на том съезде мимошедшие ссоры и недружбы

розыскать и успокоить, и учинить на обе стороны крепость, чтоб впредь того не было» [Дополнения, 1859: 247-248].

Документы свидетельствуют, что в конце 1677 г. Аюка все-таки направил отряд калмыков на Украину. Это подтверждает донесение в Москву гетмана Самойловича в декабре 1677 г. Правда, гетман отметил, что калмыки опоздали со своим приходом, поскольку активных боевые действия на Украине под Чигирином уже к тому времени прекратились, «только много людем разорения починили». И тут же объяснял причину: «а знатно то пуще осердились, что им из городов без провожатых не высылали харчей». В Москве на это отреагировали указом: «в малороссийских городах жителем тех калмык в кормах и питье удовольствовать, как возможно» [Акты, 1884: 402-403, 410].

Летом 1677 г. состоялся первый Чигиринский поход турецко-татарской армии под командованием Ибрагим-паши и Селим-Гирея I. Российско-украинские силы благодаря скоординированным действиям отстояли Чигирин и заставили врага отступить. В том же году Россия предложила Турции прекратить военные действия и заключить мирный договор, однако, турки были согласны на мир при условии сдачи им Чигирина и части правобережных украинских земель, закрепившихся за Россией на первом этапе русско-турецкой войны. Подобные условия не отвечали интересам Москвы, и она решила продолжить борьбу за Чигирин.

При подготовке военной кампании 1678 г. в правительстве возлагали надежды на участие калмыков, так как их конфликт с донскими казаками благодаря действиям властей на какое-то время был улажен. В Турции и Крыму также готовили армии ко второму походу на Чигирин. В марте через греческих агентов Москве стало известно о письме крымского хана к турецкому визирю, в котором, между прочим, сообщалось, что в случае отсутствия калмыков на Украине, «удобно им Чигирина будет доставать» [Акты, 1884: 500].

В апреле 1678 г. большинство калмыцких улусов продолжало кочевать на Яике, в районе между Яицким городком и морем. Это свидетельствует о том, что на Волге они еще не чувствовали себя в безопасности. Однако и на Яике у калмыков возник конфликт с местными казаками из-за занятия ими рыбных угодий. В целях недопущения разрастания конфликта Аюка приказал своим людям отойти и освободить рыбные учуги яицких казаков [Дополнения, 1862: 36].

Накануне новой военной кампании основные тяготы службы вновь ложились на калмыков. Среди архивных документов нам, к сожалению, не удалось найти подробных сведений о формировании войска К. Черкасского в 1678 г., о том, сколько конкретно калмыков участвовало в Чигиринском походе. Известно лишь то, что численность войска составляла 5 тыс. человек, включая ногайцев, калмыков и черкесов, хотя правительство рассчитывало на участие значительно большего числа людей. В дальнейшем на Украине это подразделение должно было соединиться с основной русско-украинской армией Ромодановского и Самойловича.

22 июня турецкое войско под командованием визиря Кара-Мустафы, соединившись с конницей крымского хана Мурат-Гирея, вторглось на Украину. 9 июля 120-тысячная турецко-татарская армия заняла правый берег Тясмина, осадив Чигирин. 12 июля армия Самойловича и Ромодановского полностью переправилась на правый берег Днепра между Бужином и с. Шабельники. Турецкое командование немедленно на это отреагировало и 13 июля из-под Чигирина направило 20-тысячное войско во главе с Кара-Магометом. Противник пытался атаковать по всему фронту конницей и пехотой, совершая ежедневные набеги на лагерь Ромодановского в течение 11 дней. Несмотря на то что Чигирин успешно оборонялся, из крепости просили помощь, однако ни Ромодановский, ни Самойлович подкрепления осажденным не дали. Они исполняли царский приказ, ожидая прихода войска К. Черкасского. Свой отказ эти полководцы объясняли и опасением предпринятия турками похода на Киев и подхода армии султана, стоявшей на

Дунае. 27 июля сообщение с Чигирином было прервано, турки заняли позиции под городом со стороны Тясмина, полностью отрезав крепость.

29 июля к Днепру с 5-тысячным войском подошел К. Черкасский, что не могло не вызвать разочарования у командования, поскольку такая малая подмога не оправдывала длительного ожидания Ромодановского. И все же на 31 июля стали готовить копейную атаку против передовых турецко-татарских сил. Как сообщали посланцы гетмана, когда в лагерь прибыл Черкасский, он два дня в обозе скрывал калмыков от глаз турок и татар, чтобы на третий день организовать копейную атаку калмыков и черкесов. Ромодановский в поддержку им дал полки рейтаров, копейщиков и добровольцев из казачьих полков, а сзади их прикрывала пехота генерала Франца Ульфа. Всего в атаке авангарда участвовали 20 тыс. человек, которые «неприятелей били и гоняли, орду и турков, на пяти верстах, и взогнали их на горы» [Акты, 1884: 650, 671-672].

Авангард разбил турецко-татарский отряд, охранявший Кувиченский перевоз, но войска Каплан-паши продолжали занимать Стрельникову гору, тем самым сделав невозможной переправу через Тясмин. Когда русско-украинские войска попытались навести мосты через Тясмин, с горы их накрыли плотным артиллерийским огнем. Турки укрепились на склонах горы с артиллерией и даже возвели деревянный городок.

3 августа началась атака высот Стрельниковой горы. Калмыки наступали с левого фланга, который в принципе и решил исход сражения за высоту. Наступление поддерживалось артиллерийским огнем, позволившим удержать противника на расстоянии. После этого турки вынуждены были оставить свои позиции на горе и бежать в лагерь Кара-Мустафы на правом берегу Тясмина. При этом турки сожгли мост через Тясмин, что привело к гибели многих татар, утонувших в реке. Украинско-российские войска захватили 28 орудий, знамена, обоз [Акты, 1884: 651-652, 672-673].

Победа русско-украинских сил могла бы решить исход кампании 1678 г., однако, командование медлило с выступлением к Чигирину.

Турецкий визирь Кара-Мустафа хотел было отступить, но султан приказал ему любой ценой взять крепость. Тогда он произвел замену командного состава и продолжил осаду Чигирина [Акты, 1884: 674]. Второй Чигиринский поход закончился сдачей Чигирина российско-украинскими силами. Однако главная цель была достигнута, поскольку турецкая экспансия в восточном направлении была приостановлена. Османы вывели свои основные силы с Украины, т. е. плацдарм для развертывания наступления они создать не смогли. Россия также не сумела закрепиться на правобережье Днепра.

После сдачи Чигирина вопрос защиты южных границ, особенно на Украине, стал еще острее. Поэтому в начале 1679 г. К. Черкасскому из Москвы вновь поступил приказ об организации войска для отправки на Украину. Летом из Царицына выступил объединенный отряд из 3767 человек, в т.ч. 2450 калмыков под началом тайшей Батура, Мунко-Темира и Данжина. Первоначально К. Черкасский должен был отправиться под Киев, где стояла 95-тысячная русско-украинская армия под командованием Михаила Алегуковича Черкасского и гетмана, но, находясь в пути, он получил приказ двигаться на Запорожье, чтобы не допустить строительства турками крепостей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1679 г. Д. 1. Л. 1-2]. Весной 1679 г. султан распорядился создать базу для дальнейшего наступления на Украину - построить крепости в низовьях Днепра, возле Кизи-Кермена и Мустрит-Кермена [Алферова, 1982: 132].

Однако в распоряжении К. Черкасского было слишком малочисленное войско, чтобы ввязаться в какие-либо серьезные военные действия. Когда прибыли в район Валуйки, из-за сильной жары у многих воинов пали лошади. В самом городе продовольственные запасы оказались крайне незначительными. Все это стало причиной того, что калмыцкие тайши отказались двигаться дальше со своими отрядами. Веским аргументом для них было то, что первоначально они получили приказ двигаться к Киеву, а взяли с собой мало продовольствия, так как предполагали, что пойдут по «жилым местам». Изменение маршрута на Запорожье вынуждало идти в

основном по степи. На этом основании тайши Батур, Мунко-Темир и Данжин повернули обратно, в улусы. С К. Черкасским остался только сводный отряд калмыков численностью в тысячу людей под командой Бояна (из улуса Аюки) и Мергена (из улуса Солом-Церена) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1679 г. Д. 1. Л. 1-6].

Движение на Запорожье пришлось отменить, поскольку 24 июля отряды крымских, ногайских и темрюцких татар подошли к Чугуеву со стороны левобережья Северского Донца (от Изюмской дороги). По сообщению чугуевского воеводы, в орде насчитывалось около 10 тыс. татар под началом мирз Уруса и Малбега [Величко, 1848-1864: 476]. Следуя царскому указу, К. Черкасский с оставшимися людьми 31 июля прибыл в Чугуевский уезд для защиты местного населения от татарских набегов. 1 августа сюда прибыл отряд донских казаков в 600 человек под командой атамана К. Яковлева. Оказалось, что за 5 дней до прихода К. Черкасского отряды местных гарнизонов сумели самостоятельно отбить нападения татар [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1679 г. Д. 1. Л. 21].

4 августа стало известно о нападении татар на Мурафу и Соколов, где было побито и взято в плен множество местных жителей. К. Черкасский срочно направился с отрядом в этот район и в степи обнаружил две татарские «сакмы» (конские следы). Если по «малой сакме» вслед направили калмыков, то по «большой сакме» последовал сам Черкасский, на реке Береклее он смог настичь татар и полностью их разгромить. В дальнейшем известие о приходе Черкасского с калмыками в Чугуевский уезд быстро распространилось по степи и остановило дальнейшие татарские набеги в этот район [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1679 г. Д. 1. Л. 22-24].

Однако суровые климатические условия лета 1679 г. в Южной Украине привели к значительному конскому падежу в отряде Черкасского, что сделало невозможным продолжение похода в Запорожье и Крым. 12 августа большинство калмыков ушли из Чугуева на Валуйку и далее в улусы. С Черкасским осталось всего около 100 калмыков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1679

г. Д. 1. Л. 26, 44]. Понятно, что столь скромными силами невозможно было вести наступательные действия, а оборона уезда уже не имела смысла, так как татары ушли к себе в улусы.

Татарские набеги не принесли желаемого успеха. На Левобережной Украине, в районе предполагаемом боевых действий, Россия сконцентрировала более половины своих вооруженных сил, поэтому Турция отказалась от похода на Киев. 29 июля 1679 г. царским указом командующим русско-украинскими силами было приказано распустить войска [Загоровский, 1980: 105]. Россия и Украина в 1679 г. закончили строительство новой Изюмской оборонительной черты. К 1680 г. вся южная граница России была надежно защищена.

1679 г. был отмечен набегами крупных татарских сил и отчасти калмыков. В апреле Аюка отправил в Азов 40 калмыков. Оставив в Азове в аманатах 10 человек, 30 калмыков совместно с азовскими и ногайскими людьми, всего до 300 человек, пошли под «украинные» города. Объявились они под Усманскими крепостями, видимо, с целью разведки, осматривая пограничные укрепления [Новосельский, 1994: 110]. Однако они не смогли преодолеть хорошо укрепленную Изюмскую оборонительную линию, поэтому и результаты набегов для татар были неутешительными.

Осложнение ситуации на юге России не отвечало интересам К. Черкасского, поскольку он имел царский указ уже к маю следующего года сформировать военное соединение из калмыков и жителей южнорусских городов и направиться в район Киева для отражения возможного наступления турецкой армии [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1679 г. Д. 1. Л. 295].

В январе 1681 г. в Москву пришло письмо К. Черкасского, извещавшее о его встрече с Аюкой, во время которой он «всякими мерами» убеждал и дальше служить государю, а на посулы турецкого султана, крымского хана или азовского паши «не прельщатца». Князь подтвердил заключение с Аюкой секретного договора, согласно которому в случае просьбы крымского хана или азовского паши о военной помощи, тайша отправит им 2–3 тыс.

калмыков, чтобы, объединившись с ними, прийти на Украину и выдать всех крымцев Черкасскому в заранее оговоренном месте. О серьезности соглашения говорит имеющаяся в письме просьба Черкасского к московским властям сохранить в тайне эту информацию, поскольку он договорился с Аюкой «самым крепким и стоятельным договором безо всякого переводу тайно один на один» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 1-2, 6-7].

В Астрахани местные власти также внимательно отслеживали ситуацию в калмыцких улусах. По сообщению воеводы Матвея Степановича Пушкина, в январе к Аюке из Турции вернулся его посол Уту-Церен, а вместе с ним приехали крымские посланцы с письмом от хана. Из Астрахани в улусы срочно был отправлен Иван Мартьянов с целью напомнить Аюке, чтобы он «на прелести крымского хана не прельщался» и прислал крымский лист. Тайша через своего посланника Дорбу, который прибыл в Астрахань 8 февраля, сообщал о своей готовности и дальше верно служить государю, хотя не отрицал факта неоднократных приездов делегаций от крымского хана и азовского паши с письмами и подарками с целью заключить мирный договор. Аюка еще раз заверил, что с ними мирных соглашений «не чинит», но ожидает от царской власти действенных шагов по защите от набегов башкир, донских и яицких казаков, которые «непрестанно на ево калмыцкие улусы [нападают] и всякое разоренье чинят, людей побивают и в полон емлют». Крымские письма тайша передал К. Черкасскому. Аюка в своем послании особо подчеркивал необходимость заключения нового русско-калмыцкого соглашения: «и ныне де им за такими великими ссорами меж донскими и яицкими казаки и башкирцы им, калмыком, без новые шерти быть не мочно». Опасность, нависшая со стороны указанных соседей, по мнению Аюки, ставила под сомнение участие калмыков в войне против Крыма, так как в случае отправки туда войск его улусы могли бы быть уязвимы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1681 г. Д. 3. Л. 77-79].

Однако в Москве все же с тревогой восприняли информацию о переговорах калмыков с турками и крымцами, тем более что она поступала

из различных источников. Возможно, это и стало одной из причин перевода «Калмыцких дел» из Приказа Казанского дворца обратно в Посольский приказ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 1].

В феврале 1681 г. из Москвы в калмыцкие улусы был отправлен думный дьяк Иван Савельевич Горохов, который уже неоднократно бывал у калмыков, а потому неплохо разбирался в тонкостях русско-калмыцких отношений. Он должен был еще раз напомнить тайшам о прежних заключенных шертях и обязательствах перед государем, а также на месте выяснить причины контактов калмыков с крымцами и азовцами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1681 г. Д. 3. Л. 62-64]. В царской грамоте тайшам недвусмысленно давалось понять, что государевы войска на калмыцкие улусы не посланы в память о прежней верной службе деда и отца Аюки, но в случае повторения нарушения шерти кара не заставит себя долго ждать. Перед отъездом Горохов получил указания от бояр Н.И. Одоевского, Я.Н. Одоевского и Ю.А. Долгорукого настоять на новом шертовании тайшей и желательно под Астраханью. Н.И. Одоевский также предупредил посланника: «Буде Аюкай не похочет шертовать и аманата дать… и ему б дать то на волю. А силою ево к тому привесть невозможно» [Цит. по: Батмаев, 1976: 81].

По всей видимости, вопрос о заключении новой шерти обрел остроту именно в начале 1681 г. Начался период долгих предварительных переговоров об условиях заключения нового соглашения. Аюка даже при том, что столкновения с башкирами и казаками не утихали, также выступил с предложением заключить новую шерть, которая могла бы урегулировать отношения калмыков с соседями. Так, в марте калмыцкий посланец сообщал в Астрахани, что вместе с Аюкой, возможно, шерть дадут и новоприбывшие хошутские владельцы. На этом основании калмыцкая сторона просила также предоставить им государево жалованье в виде меховых шуб и шапок [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 11]. Однако, когда астраханский воевода Матвей Степанович Пушкин предложил Аюке съехаться с ним для шертования на обычное в этих случаях место на р. Солянка, то тайша наотрез

отказался, мотивируя это тем, что не уверен в своей безопасности [Батмаев, 1976: 81].

Свое опасение Аюка связывал с тем, что после примирения с Крымским ханством Москва могла бы направить свои войска против калмыков. По всей видимости, подобный поворот событий, кроме всего прочего, удерживал Аюку от окончательного разрыва с крымским ханом, так как этот союз заставил бы Москву пойти на уступки тайшам и простить им многие их «неправды». Но воеводе удалось убедить Аюку в безосновательности таких опасений, и 13 марта 1681 г. тайши дали новую шерть, в которой еще раз подтверждались пункты прежних договоров и особый упор делался на недопустимости сближения с Крымским ханством [Батмаев, 1976: 82].

Как показали дальнейшие события, новая шерть не внесла положительных изменений в русско-калмыцкие отношения: столкновения калмыков с царскими подданными продолжались, а претензии и жалобы сторон не переставали поступать в Москву.

Только что назначенный в Астрахань воеводой Алексей Петрович Головин также активно включился в переговорный процесс с тайшами. Летом 1681 г. он отправил к ним посланца Ивана Лопатина, который вернулся оттуда 8 сентября. Как выяснилось, Аюка в последнее время не присылал своих людей в Астрахань, опасаясь донских казаков, постоянно курсировавших по Волге на своих лодках в поисках калмыков. В калмыцких улусах на тот момент действовал строгий указ Аюки: «заказ учинен под смертною казнию, чтоб над русскими людьми разоренья никакова не чинили». Лопатин был свидетелем того, как тайша отобрал у хивинцев 12 русских пленников, захваченных на рыбной ловле на Волге едисанскими ногайцами, в отместку за захват казаками их женщин и детей в урочище Сасыколь. Аюка предложил астраханским властям совершить обмен пленными [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1681 г. Д. 7. Л. 55-56].

21 сентября Аюка все-таки направил на Дон своего представителя Мамуткулу для заключения мирного договора. В ответ для переговоров атаманы отправили в калмыцкие улусы трех казаков. Еще в ноябре 1680 г. предыдущий астраханский воевода М.С. Пушкин по просьбе калмыцкого тайши выступил посредником в урегулировании калмыцко-казачьего конфликта. Но переговоры проходили в условиях продолжавшихся взаимных набегов, что, естественно, не могло вызвать доверия у обеих сторон. Так, по сведениям атамана Ф. Минаева, под Каргалинским городком неизвестные калмыки убили двух, а трех захваченных в плен казаков продали затем в Азове [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1681 г. Д. 4. Л. 2-3; Д. 7. Л. 5-6, 9].

Аюка понимал, что без серьезного вмешательства властей конфликт с казаками невозможно будет уладить. Неоднократно он обращался к вновь назначенному астраханскому воеводе Головину с просьбой отправить своего представителя на Дон для заключения скорейшего мира, так как после заключенной последней шерти донские казаки уже 5 раз приходили войной на калмыков, а башкиры - четырежды. Также тайша владел информацией о подготовке очередного нападения казаков. Для предотвращения этого и заключения договора в начале октября на Дон были отправлены войска во главе с Мунко-Темиром и Мазан-Батуром [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1681 г. Д. 7. Л. 56].

В Москве внимательно отслеживали ситуацию на юге страны. С целью скорейшего урегулирования конфликта царские власти строго указали атаманам Войска срочно провести розыск виновных и казнить тех казаков, кто ходил против калмыков на Волгу. Местом переговоров был назначен Царицын, а местному воеводе Михаилу Глебову указывалось призвать сюда по 2 знатных представителя от калмыков и казаков для заключения окончательного мира [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1681 г. Д. 7. Л. 60, 89].

Несмотря на взаимные упреки и обвинения, соглашение между калмыками и казаками все-таки было достигнуто. В декабре 1681 г. между ними был заключен «вечный» мир. Подробности заключения этого договора

нам известны из сообщения станичного атамана Любима Архипова и есаула Ильи Григорьева, приехавших в Москву в феврале 1682 г. На Дон от калмыцких тайшей приезжал Танба-кашка с 30 сопровождающими лицами, которые «по своей вере в Кругу шертовали, целовали бога своего бурхана, что им быть у великого государя в вечном подданстве, не отступив безо всякие хитрости и измены, и с ними казаки жить мирно и задоров никаких не чинить». В знак серьезности своих намерений тайши даже предоставили казакам двух аманатов - «лутчих людей по их бусурманской вере чернецов (монахов. – *В.Т.*)». Позже казаки их отпустили обратно в улусы. По договору Аюка обязывался кочевать со своими улусами между Доном и Волгой, «по запольным речкам в ближних местах так, как отец ево Аюкаев, Мончак тайша кочевал, а великого государя неприятеля ходить им сопча и людьми помогать заодно» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1681 г. Д. 7. Л. 167-168; 1682 г. Д. 2. Л. 1-3].

4.2. Калмыки в системе международных отношений в 1681–1690 гг.

Бахчисарайский мирный договор от 13 января 1681 г. между Россией, Турцией и Крымом оказал огромное влияние на все сферы жизни населения юга России. Значительно возросла миграция населения из южных уездов страны в земли Войска Донского, что заметно усилило конфронтацию между домовитыми казаками и новопришлыми людьми. Среди обедневших казаков росли протестные настроения, недовольство атаманами и старшинами из-за заключения «вечного мира» с Турцией и Крымом. Все это совпало с воцарившим в начале 1680-х гг. на Дону голодом, когда отсутствовали даже основные виды продуктов - рыба и хлеб. Многие донские калмыки стали подумывать об уходе в калмыцкие улусы, так как «стало им на Дону прокормитца нечем и помирают голодной смертью». Всего на Дону в 1682 г.

насчитывалось 800 донских калмыков и татар [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1681 г. Д. 7. Л. 163-164; 1682 г. Д. 13. Л. 3, 19].

Выход из сложившейся тяжелой ситуации многие казаки стали искать в организации самовольных походов. Так, в феврале 1682 г. из Черкасского городка на Крым отправился отряд из 500 казаков, донских калмыков и татар, а также 60 кочевых калмыков из улуса Аюки. Однако это мероприятие оказалось безуспешным, и отряд вернулся в Войско ни с чем [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1681 г. Д. 7. Л. 163-164, 168].

В конце февраля – начале марта 1682 г. Аюка и Солом-Церен срочно перевели свои улусы на левый берег, в район между Царицыным и Черным Яром, опасаясь прихода казаков [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1681 г. Д. 7. Л. 168]. Опасения кочевников были небезосновательны. В начале апреля правительству стало известно о том, что на Дону казаки договорились между собой отправить «промышлять» на Волгу и на море отряд из 700 человек. По указу из Москвы огромными усилиями войсковым властям все же удалось предотвратить поход на Волгу, разбив в верховьях Дона отряд голытьбы и новопришлых людей под началом И. Иванова. Однако движение казацких отрядов в западном направлении они сдержать не смогли. В нарушение присяги, данной царю, и мирного договора с Турцией и Крымом, отряд казаков во главе с атаманом Малаем, соединившись с калмыками, ходил под крымские города и, разбив крымскую заставу, взял в плен 7 человек и отогнал 2 тыс. голов скота [Рябов, 1984: 114-115].

Переход калмыков на левобережье Волги преследовал и другую цель. В 1681 г. началось башкирское восстание, поводом к которому послужили слухи о насильственной христианизации мусульман Среднего Поволжья и Приуралья. С ранней весны 1682 г. движение стало приобретать уже массовый характер. В середине мая было решено направить против повстанцев крупное войско. В начале июня в районе закамских крепостей и реки Ик состоялся ожесточенный бой, в результате которого обе стороны понесли тяжелые потери. Предводитель повстанцев Сеит был ранен, но

восстание продолжалось, вовлекая в движение все новые силы [Акманов, 1991: 80-81].

Мирные призывы царских властей и официальный отказ от планов насильственной христианизации населения края внесли раскол в ряды повстанцев. Часть из них прекратила борьбу и обратилась к властям с челобитной о помиловании. Другая часть восставших, во главе с Сеитом, не пошла на соглашение с правительством, обратившись за помощью к калмыкам.

В различных донесениях, поступивших из Уфимского уезда в течение июля, отмечаются многочисленные нападения калмыков на местное население. Сообщалось, что первоначально Аюка и Замса с войсками остановились на реке Сун, под деревней Ликовой, чтобы затем по реке Белой выйти непосредственно под Уфу и Бир и дальше продвигаться вдоль Закамской черты. Помимо калмыков и ногайцев, в войсках тайшей присутствовали и горские черкесы. В арсенале калмыков насчитывалось всего 3 пушки и 4 тыс. «мелкого ружья» [Дополнения, 1867: 69-70].

Стоит отметить, что приход калмыков в Башкирию внес раскол в руководство повстанческого движения. К противникам вмешательства калмыков и их привлечения к восстанию можно отнести башкирского тархана Ногайской дороги Ишмухамета Давлетбаева. Другой предводитель восстания, Сеит Сафар, с приходом калмыков попытался укрыться от них за Уфой, во владении Ишмухамета. Именно эти два предводителя и подверглись нападению войска Замсы, так как Ишмухамет со своими людьми отогнал лошадей у калмыков, когда те еще двигались в Башкирию [Дополнения, 1867: 70]. Как видим, в отношении калмыков у повстанцев не было единого мнения, что, конечно, ставило под сомнение успех самого восстания.

В распоряжении уфимского воеводы не было достаточных сил, чтобы перейти к наступательным действиям против объединенных сил калмыков, башкир и ногайцев, как того требовала Москва. В полку насчитывалось всего

5478 дворян, боярских детей, рейтар и солдат, что было недостаточно для борьбы с повстанцами, к тому же он был рассредоточен и плохо вооружен. На просьбы казанского воеводы Петра Шереметьева направить в край дополнительные воинские силы Москва ответила отказом. В это время московские стрелецкие полки не подчинились приказу отправиться в Башкирию. Неустойчивое положение центральной власти вследствие московского мятежа 1682 г. во многом сковывало действия воевод. В итоге в течение всего 1682 г. власти так и не сумели организовать подавление восстания [Акманов, 1991: 82-83].

Не имея возможности нанести решающий удар по повстанческому движению и расстроить союз калмыков с башкирами, царское правительство приняло решение привлечь для решения этой проблемы донских и яицких казаков. В начале августа грамоты о немедленном выступлении против калмыцких улусов были направлены из Москвы на Дон, Яик и в Астрахань. 26 августа в Черкасске собрался Казачий круг, где атаманы и все Войско, «выслушав ту государскую грамоту, говорили все, что они по тому великих государей указу на калмыцкие улусы идти рады, и пойдут большим собраньем». 5-тысячный (по другим данным в 2600 человек) отряд донских казаков вышел из Черкасска по направлению к Царицыну 5 сентября, чтобы затем соединиться с астраханцами и яицкими казаками [Дополнения, 1867: 73]. Но вместо того чтобы идти на калмыков, походное войско 1 октября подошло к Астрахани и атаковало заставу, расположенную на Круглом острове, а ночью подвергло нападению астраханских юртовых татар, взяв в плен множество людей [Рябов, 1984: 115].

В Астрахань также пришел указ о том, что калмыки изменили государю, и на этом основании предписывалось всеми имеющимися силами провести над ними «воинской промысл». Поскольку часть калмыцких и едисанских улусов продолжала кочевать в районе Красного Яра, на Карабузане, калмыки и ногайцы приезжали в Астрахань для продажи скота. Когда их начали арестовывать, улусные люди стали спасаться бегством в

степь, так что астраханские отряды не достигли своей цели. Пострадал от их действий лишь улус ногайского князя Алея [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 10-11].

А результаты действий против калмыков отряда донских казаков становятся известны из сообщения приехавших в Москву из Красного Яра станичного атамана П. Степанова и есаула П. Никифорова. Осенью 1682 г. отряд казаков под командой походного атамана Любима Архипова взял в плен некоего едисанина, который привел их на калмыцкую заставу, где насчитывалось 300 калмыков и ногайцев. Застава была полностью разгромлена казаками, которых насчитывалось 700 человек. Разбив по Волге и калмыцких рыболовов, казаки не решились идти дальше на калмыцкие улусы, углубляясь в степь, а вернулись в Красный Яр, где остановились на зимовку [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 1-3]. По другим данным, казаки вошли в Красный Яр обманным путем, попытки астраханского воеводы А. Головина вынудить их оставить крепость оказались безуспешными. Так или иначе, своими действиями донские казаки походного войска создали опасную ситуацию на Волге, но получили возможность «воровства на море» уже весной 1683 г. [Рябов, 1984: 116].

Как свидетельствуют документы, зимой 1682/83 года калмыцкие улусы располагались на левобережье Волги. Астрахань практически была блокирована по Волге многочисленными калмыцкими заставами. Некоторые тайши с улусами кочевали на расстоянии дневного перехода от города. Зимой улусы астраханских татар дважды подверглись ударам отрядов Аюки и Солом-Церена [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1682 г. Д. 17. Л. 8-9].

В начале 1683 г. царское правительство возобновило силовое давление на калмыков, в котором главная роль вновь отводилась донским казакам. В феврале из Москвы на Дон пришел указ о немедленном военном выступлении совместно с царскими войсками против калмыцких улусов. 11 марта в Царицын к стольнику И. Бахметеву прибыло казачье войско, оттуда

они вместе направились в район между Царицыным и Черным Яром. Но, не обнаружив здесь калмыков, вернулись обратно в Царицын.

Появление калмыков у Волги, особенно после их участия в башкирском восстании в 1682 г., было с беспокойством принято в Москве. Эти опасения подогревались и тревожными сообщениями с мест. 20 марта 1683 г. царицынский воевода М. Глебов сообщал в столицу, что к Дону подошла 30-тысячная армия крымцев, а «изменник Аюка» якобы планирует летом кочевать между Волгой и Доном и подвергнуть нападению казачьи городки [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1682 г. Д. 24. Л. 180].

Поскольку действия калмыков осложняли борьбу царских войск с башкирскими повстанцами, правительство стало добиваться удаления калмыков из Башкирии, потребовав от них невмешательства в восстание. Астраханский воевода А. Головин начал переговоры с Аюкой о принесении новой шерти.

Добившись, видимо, желаемых результатов (подчинив своей власти часть башкир) и опасаясь ответных ударов царских войск, Аюка попытался вступить в переговоры с астраханским воеводой А. Головиным, согласившись дать новую шерть. Воевода пошел навстречу, так как возлагать надежды на донских казаков было бессмысленно, свои действия те направили не столько против калмыков, сколько на грабеж юртовских татар [Батмаев, 1976: 83].

Но в марте 1683 г. тайша внезапно прекратил переговоры и безотлагательно отправился на Яик. Из сведений, полученных в Астрахани от разведчиков, стало известно, что калмыцкие тайши спешно выдвинулись к Яику, где их заставы подверглись нападению башкир. Аюка с войсками вновь отправился в Башкирию, и на этот раз разгрому подверглись все башкиры - и те, кто участвовал в восстании, и те, кто оставался в стороне. По мнению М.М. Батмаева, своими действиями тайши не столько помогли восставшим, сколько нанесли ущерба, да и в их расчеты не входила подобная помощь [Батмаев, 1976: 158].

В этой ситуации правительство приказало М. Баракову, хорошо знакомому с калмыцкими делами, немедленно выехать из Казани в Астрахань и далее в калмыцкие улусы. В грамоте на имя Аюки заверялось, что правительство прощает его вину и разрешает его улусам кочевать возле Волги. Бараков выехал в улусы 12 августа, а незадолго до его прибытия туда яицкие казаки внезапно напали на улус Мазан-Батура, полностью его разгромив, а самого тайшу тяжело ранив. От полученных ран Мазан-Батур вскоре скончался [Батмаев, 1976: 83-84].

Бараков пытался заверить Аюку, что действия яицких казаков были незаконными, что правительство к ним не имеет никакого отношения. Калмыцкий тайша с недоверием отнесся к последним событиям и с неохотой согласился отправить своего брата Замсу на переговоры с новым астраханским воеводой Андреем Ивановичем Голицыным. Но переговоры осложнились тем, что под Красным Яром, на р. Алгаре, на калмыцких посланцев, ехавших в Астрахань вместе с Бараковым, напали донские казаки, и посланцы едва спаслись бегством. После этого большинство из них ехать дальше отказалось, и в Астрахань прибыл только один Темирбек, который заявил воеводе: «Знатно де, что призыв Аюкаю к шерти чинитца подвохом, потому к Астрахани для договору и шерти быть велят, а казаки воюют, то де какая правда?» [Цит. по: Батмаев, 1976: 84].

Все возрастающее бегство ратных и служилых людей с новопостроенной Изюмской оборонительной черты в казацкие городки, рост недовольства голытьбы и рядового казачества политикой царского правительства на Дону способствовали сохранению взрывоопасной ситуации в Войске Донском. С целью снизить накал общественного недовольства с Дона на Волгу в поход на калмыцкие улусы было отпущено большое количество казаков. Основанием для этого стал поступивший в августе из Москвы указ о военном выступлении против калмыков и башкир, действовавших совместно в нападениях на государевы города [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 7. Л. 1, 22].

По сообщению войскового атамана Фрола Минаева, 5 сентября 1683 г. более 2 тыс. казаков вышли в поход по направлению к Царицыну. По пути следования из Черкасска до Паншина городка к ним присоединились многие бурлаки, запорожцы, гулящие люди, и вскоре общая численность отряда достигла 3 тыс. человек. Походным атаманом был Максим Скалозуб, который в районе Пятиизбенского городка устроил Круг. На нем остро обсуждался вопрос о направлении главного удара. Новопришлые люди и голытьба предлагали идти вверх по Волге «на государевы города»; другие участники высказывались за поход на Терек против князя К. Черкасского; более зажиточные казаки настаивали на строгом исполнении войскового приговора - идти на калмыцкие улусы. Не добившись принятия единого решения, казаки разными дорогами двинулись к Царицыну.

Вступив в вооруженное столкновение с царицынским гарнизоном, походное войско окончательно раскололось. Атаман М. Скалозуб решил повторить рейд С. Разина: прорваться на Каспийское море, захватить владение князя К. Черкасского, перезимовать там, а весной следующего года продолжить «воровство». Антиправительственное предложение походного атамана не было принято практически всеми участниками движения. Большинство казаков во главе с К. Родионовым, в основном это были представители зажиточных слоев, бросив запасы и снаряжение, ушли обратно на Дон. Около 900 казаков продолжили поход и, пройдя мимо Царицына, на 65 стругах поплыли вниз по Волге, к морю. Попытки царицынского воеводы Б. Головина задержать их успеха не имели [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 7. Л. 8; Рябов, 1984: 161-162].

В дальнейшем отряду Скалозуба удалось выйти по Волге к морю, и, войдя в устье Яика, в районе Гурьевского учуга внезапно напасть и разгромить улус тайши Замсы. В ходе боя Замсе с частью своих людей удалось уйти в степь, а другая часть улусных людей была порублена казаками. В качестве ясыря были захвачены в плен 30 калмыцких женщин и детей. Вскоре Замса прибыл на это место и договорился с казаками о выкупе

всего калмыцкого ясыря. Также в качестве добычи казакам достались 20 тыс. голов лошадей и скота. Поскольку такое количество голов они не могли взять с собой, то «скот порезали и пометали на степи». Часть скота на пропитание взяли с собой в струги [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 7. Л. 11-12].

После этого казаки двинулись пешим строем по обоим берегам вверх по Яику, в направлении Яицкого городка, струги с гребцами плыли по реке. Узнав о приходе казаков, тайши срочно перевели свои улусы на левый берег Яика. Через несколько дней после первого боя казаки ниже Индерских гор встретились с основными силами калмыков, ногайцев и башкир, насчитывавшими около 40 тыс. человек. К приходу казаков калмыки с башкирами, видимо, серьезно готовились - по обоим берегам реки были вырыты земляные городки, траншеи (шанцы), а перед ними - ямы с забитыми длинными спицами на дне.

Несмотря на все эти укрепления и численное превосходство калмыков, казакам в ходе штурма все-таки удалось их выбить из земляных городков, и, как они сами позже свидетельствовали, «бились с ними боем рукопашным и ножами резались». Со слов калмыцких пленных стало известно, что в ходе этого боя был убит тайша Замса «со многими его улусными мужиками» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 7. Л. 1-4], однако, имена Ике-Замсы и Бага-Замсы, братьев Аюки, встречаются и в более поздних документах.

Попав в окружение превосходящих калмыцких сил, казаки оказались в 15-дневной осаде и в ходе обороны заставили калмыков понести серьезные потери. Однако и сами потеряли в бою своих людей: были убиты выстрелами из ружей атаман Скалозуб и сотня других казаков. Следующим походным атаманом казаки выбрали Ивана Романова. С голодом они справлялись за счет захваченного ранее калмыцкого скота, пока Аюка все-таки не снял осаду и не увел войска на зимовку к Волге [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 7. Л. 4, 6, 13].

Вопрос о потерях сторон в ходе боев на Яике требует уточнения. По сведениям, полученным в Посольском приказе от походного атамана Ивана

Романова, приехавшего в Москву в июне 1684 г., потери калмыков составили около 5 тыс. человек [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 24. Л. 6-7]. По всей видимости, цифра эта весьма завышена, так как казаки старались преувеличить свои заслуги перед правительством, особенно после своих «воровских» действий на Волге. Выходцы из калмыцкого плена сообщали более уточненные данные: калмыки и башкиры потеряли в ходе боев 2030 человек, в то время как казаки - 110 человек [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 24. Л. 2].

Потеряв большое количество своих людей и имущества в вооруженных столкновениях с донскими казаками, Аюка принял окончательное решение пойти на мирное соглашение с казаками и астраханскими властями. Уже 1 декабря 1683 г. Аюка, Солом-Церен и Замса отправили на Дон посланцев и аманатов с грамотами, в которых указывалось: «они, калмыки, великим государям били челом, и великие государи их, калмыков Аюкая тайши, в винах их пожаловали и велели им быть под великих государей превысокою рукою в вечном подданстве и в верности, и в покорстве». Руководство Войска пошло навстречу Аюке, и к нему были направлены трое казаков во главе с Василием Волошениным, чтобы они с тайшами «мир подтвердили». Далее посланцы должны были отправиться на Яик и убедить казачье походное войско во главе с Иваном Романовым вернуться на Дон, при этом им указывалось по дороге ни в коем случае не трогать калмыков на Волге [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 17. Л. 1].

Но казаки соглашались заключить мир с калмыками только после дачи шерти Аюкой астраханским властям. Этим вопросом как раз и занимался М. Бараков, который с начала 1684 г. постоянно курсировал между калмыцкими улусами и Астраханью, уточняя все пункты будущего договора. Переговорный процесс ускорился, когда 21 января к Аюке выехал уже представитель Приказа Казанского дворца - подъячий И. Щитов. Переговоры проходили в напряженной обстановке, так как с самого начала Аюка, отказавшись брать в руки царскую грамоту, велел взять ее одному из

приближенных. Щитов отдавать тому грамоту отказывался, пока неожиданно сидевший возле Аюки некий калмык не вырвал у него грамоту и не сломал печать [Батмаев, 1976: 85-86].

Конечно, этот инцидент не мог остаться незамеченным властями, и, когда 22 января в Астрахань прибыл калмыцкий посланник Унетей-бакши, ему пришлось объясняться по этому поводу с местными властями. Унетей-бакши, будучи одним из приближенных Аюки и опытным дипломатом, старался занять независимую позицию. Он объяснил, что Щитов повел себя некорректно, когда прямо заявил тайше, будто Аюка «великим государям бил челом в подданстве», и требовал аманатов. Калмыцкий посланник подчеркнул, что Аюка никогда московским царям «челом не бьет», а только предлагает жить «в миру и в совете», и напомнил, что об этом прямо было заявлено еще русскому посланнику Ю. Приклонскому, ранее приезжавшему в калмыцкие улусы. От таких слов воевода А.И. Голицын пришел в негодование, он открыто спросил: «Откуда он, Аюка, то взял, такие неподобные дела вчинать, что он, Аюка, будто никогда великим государям не бьет челом?». Воевода напомнил, что дед Аюки, Дайчин, и его отец Мончак «бивали челом», да и сам Аюка раньше поступал подобным образом. Насчет грамоты он заметил, что даже турецкий султан, польский король и персидский шах и те, стоя, царскую грамоту принимают. На это Унетей-бакши ответил, что «у Аюкая де тайши нрав степной, как годитца, так грамоты великих государей принимает», а печать «ближний человек» снял потому, что, не сняв, не прочтешь [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1683 г. Д. 7. Л. 52-54; Батмаев, 1976: 86].

В конце концов день шертованья был назначен на 24 января 1684 г., но перед самой процедурой подписания шерти Аюка должен был встретится с думным дьяком С. Ловчиновым. После переговоров Ловчинов известил воеводу А. Голицына о готовности тайшей дать шерть и направиться в лагерь воеводы. Все еще тревожась за свою безопасность, тайши не стали

останавливаться в русском лагере, а расположились в полуверсте от шатра А. Голицына.

Позже Ловчинов рассказал о своих предварительных переговорах с тайшами. По его словам, калмыцкие владельцы вели себя подчеркнуто независимо и на каждое требование или обвинение выдвигали ответное. Аюка и тайши старались всячески подчеркнуть, что они считают себя равноправной стороной. Тайши признались лишь в том, что, действительно, с их стороны после дачи предыдущих шертей «воровство было». Однако они тут же выдвинули контраргумент: в городах у вас воруют и воров не всегда могут найти, а мы кочуем в степи, попробуй тут найти виновных. Аюка также наотрез отказался дать аманатов, заверив, что будет служить верно и без них. На требование русского посланника возвратить пленных, казнить виновных в грабежах и т.п. Аюка ответил, что, если цари укажут виновных в нападении на калмыков казнить, то и он своих виновных подвергнет той же каре. Башкирских перебежчиков вернуть он отказался, объяснив это тем, что они пришли по своей воле, но если возвратят его людей, бежавших на Дон, тогда и он башкир отдаст. В конце разговора, как бы желая прекратить всякие посягательства на его свободу, Аюка в пылу спора многозначительно заявил: захотят цари взять нас под свою руку - будем шертовать, а если нет, то «у них (калмыков. – *В.Т.*) де степь велика, а к турки де и крымскому хану и поныне их зовут» [Цит. по: Батмаев, 1976: 87, 92].

Несмотря на взаимные претензии, тайши все-таки согласились шертовать «на вечное и верное подданство… на договорных статьях» и пойти на определенные уступки. Главными гарантами шерти с калмыцкой стороны были Аюка, Ике-Замса и Солом-Церен, которые шертовали за своих родственников и других тайшей. Отличительной особенностью этой шерти стало обязательство тайшей в том, что в случае нового прихода к ним в улусы башкирских повстанцев «к воровству их не соединятца, а присылать их к Москве и в городы царского величества» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1683 г. Д. 1. Л. 1-17]. Жалованье за дачу шерти они получили в размере 600 рублей,

в то время как в 1673 г. - 1458, в 1677 г. - 1420 и 1681 г. - 1020 рублей [Батмаев, 1976: 88].

Как видим, буквально за десятилетие нахождения у власти тайши Аюки для урегулирования русско-калмыцких отношений потребовалось четыре шертных грамоты. Это является хорошей иллюстрацией того, что практически шерти не смогли стать действенным инструментом в регулировании отношений и не давали желаемого эффекта [Батмаев, 1976: 88].

Только после дачи тайшами шерти под Астраханью стало возможным заключение мирного договора между донскими казаками и калмыками. В феврале 1684 г. на Дон прибыл калмыцкий посланник Мамуткула, а с ним и четверо аманатов. Сторонами сразу было оговорено, что указанные аманаты будут находиться в Войске до конца года, а затем тайши обещали их сменить. Ситуация выглядела странной, так как казаки с самого начала переговорного процесса не настаивали в предоставлении им аманатов, и эта инициатива полностью исходила от калмыцкой стороны. При этом аманаты не являлись простыми людьми, это были владевшими письменной грамотой калмыки. Они прямо заявили атаманам, что будут писать тайшам в случае, если казаки направятся куда-нибудь в военный поход и им понадобится помощь калмыков [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 17. Л. 2, 6-7]. 1 апреля Аюка прислал на Дон посланника Ивашу уже «для подлинного подкрепления мирного договора» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 25. Л. 37-38]. В июне к тайшам по их просьбе с Дона был направлен станичный атаман Любим Архипов, чтобы примирить калмыков с яицкими казаками [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 16].

Данный факт говорит о двояком положении дел в русско-калмыцких отношениях в этот период. Получается, что тайши категорически отказывались предоставлять своих аманатов в Астрахань, подчеркивая свой независимый статус, и в то же время с охотой отдавали их донским казакам. Вполне вероятно, что тем самым калмыцкая сторона проявляла свое

уважительное отношение к Войску Донскому, так как в тех условиях именно казаки могли оказать калмыкам реальную военную помощь, а не царские войска. С другой стороны, события на Яике в 1683 г. отчетливо продемонстрировали военный потенциал донских казаков, который, действительно, представлял реальную угрозу для калмыцких улусов. Тайши предпочли видеть их в качестве союзников, нежели противников. Возможно, нахождение калмыцких аманатов в Войске имело под собой и разведывательную цель, поскольку гарантировало тайшам предсказуемость действий казаков и лишало последних возможности неожиданного выступления против калмыков.

После заключения с Россией Бахчисарайского перемирия в 1681 г. Османская империя вступила в войну с Австрией. 100-тысячной турецкой армии во главе с великим визирем Кепрюлю Кара Мустафа-пашой летом 1683 г. удалось дойти до Вены и взять ее в осаду, но, как оказалось, до тех пор, пока польский король Ян Собеский III не заключил союз с Австрией и не поспешил на помощь осажденной австрийской столице. Объединенные силы союзников одержали блестящую победу над османской армией. В 1684 г. к антиосманской коалиции («Священной лиги») примкнула Венеция, а позднее и Россия.

В русских документах встречается свидетельство попытки турецкой стороны привлечь на помощь калмыков. В декабре 1683 г. донские казаки привезли в Москву пленного азовского турка Мевлета, который сообщил, что турецкий султан послал азовскому бию Сеину указ, чтобы тот «приговорил калмыцких тайшей со всеми их улусными людьми в службу и прислал бы их к нему, салтану, на помочь, где ево ратные люди бьютца с цесарем римским и польским королем». Подобная просьба об оказании военной помощи была вызвана еще и тем, что под Веной турки и крымцы понесли очень серьезные потери в живой силе. В случае успешного исхода дела азовскому бию со стороны султана был обещан титул «кефинского паши». Сеин отправил к тайшам посланцев с предложением, чтобы те через Азов отправили своих

представителей для переговоров к турецкому султану [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1683 г. Д. 40. Л. 17-18].

Но попытки привлечь калмыков на свою сторону предпринимались и польским королем Яном Собеским. Это подтверждают многочисленные документальные свидетельства того времени. В конце мая 1684 г. Собеским в Запорожскую Сечь были отправлены послы – ротмистры и королевские дворяне Станислав Порадовский и Станислав Монкольский, которые должны были не только призвать запорожцев к участию в священой войне против турок и татар, но и сделать аналогичные предложения донским казакам и калмыцким тайшам. Посольство везло 1000 червонных злотых для запорожцев и столько же для калмыков. Посланников к донцам и калмыкам должны были отправить сами запорожцы, а те – прислать своих представителей в Сечь и там заключить договоры с королевскими послами [Кочегаров, 2008: 200].

В июле 1684 г. в Посольском приказе станичный атаман Владимир Дмитриев сообщал, что на Дон приезжали запорожцы от кошевого атамана Григория Сайгадашного с письмами от польского короля, адресованными казакам и калмыкам [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 6-10]. Из Приказа Казанского дворца срочно были посланы грамоты в Самару, Саратов, Царицын и Черный Яр с приказом перехватить посланников. Однако тем удалось в обход застав проехать за Яик и прибыть в ставку калмыцкого тайши Аюки в верховье р. Илек. Посланцы вручили Аюке три письма от Яна Собеского, два из которых были написаны по-польски, а одно – «белорусским письмом». Но никто из калмыков не смог их прочитать, а два письма Аюка даже не вскрыл. Находившийся среди посланцев запорожский казак Тимофей Иванов устно передал ему просьбу польского короля поучаствовать в войне против турок и татар. Аюка в ответ заявил, что без царского указа не смеет посылать войска в Польшу, тем более что с польским королем он ранее не имел никаких отношений. Вместе с выехавшими обратно запорожцами тайша отправил рядового калмыка Аюши Мамаева с

ответными письмами к Яну Собескому, в которых просил прислать к нему для договора надежного человека, так как приехавшие запорожцы доверия у него не вызвали. В любом случае Аюка рассчитывал отправить войска в помощь королю только при условии, если донские казаки также присоединятся к этому военному мероприятию [Кочегаров, 2008: 200-201].

Получив еще 5 августа из Царицына информацию о поездке казаков в калмыцкие улусы, астраханский воевода А.И. Голицын срочно отправил к Аюке Василия Блинова с требованием, чтобы тайша придерживался своей шерти, выдал посланцев и не смел отправлять ратных людей на помощь польскому королю. Аюка заверил Блинова, что без царского указа никакой помощи полякам оказывать не будет и в подтверждение своих слов отдал ему одно из польских писем. Два других письма Аюка отослал со своим посланцем Унитеем-бакши в Астрахань с просьбой перевести их и сообщить тому о содержащейся в них информации. Калмыцкий посланец известил, что Аюка уже сообщил в Царицын о приезде к нему казацких посланцев. Письма Яна Собеского в астраханской приказной палате были переведены на калмыцкий, однако Унетею из тех писем были даны лишь выписки, «что пристойно, не все против подлиннику». Сами же письма были отосланы в Москву [Кочегаров, 2008: 200-201].

В августе письма из Астрахани были доставлены в Посольский приказ, где подверглись тщательному изучению. Эксперты пришли к выводу, что письма подлинные. Их было велено сохранить как вещественное доказательство нарушения Яном Собеским русско-польских договоров и соглашений. 25 октября королевские грамоты были заслушаны на заседании Боярской думы, на котором было принято решение отправить гонца к королю с заявлением претензии на нарушение договоров Речи Посполитой и России, выражающемся в приглашении на службу польскому королю царских подданных – казаков и калмыков (а последних – даже на «вечное кочевье»), и обвинениями польского короля в умалении царской чести [Кочегаров, 2008: 201-202].

Основные вопросы, накопившиеся в русско-калмыцких отношениях, должен был решить приезд в 1685 г. в Москву крупного калмыцкого посольства. 7 августа калмыцкие представители (50 человек) во главе с Унитеем-бакши и Ерке-Малаем прибыли в российскую столицу, а 14 сентября были приняты в Кремле. Столь большой их состав объяснялся тем, что в посольство входили представители не только Аюки и Солом-Церена, но и других тайшей, каждый из которых привез письмо от своего владельца. Конечно, особый интерес для нас представляет содержание письма главного калмыцкого предводителя.

Аюка в послании жаловался, что после дачи шерти в Астрахани ему выдали жалованье в виде пороха и свинца только за один год, а не за два, как было оговорено. Военные приготовления тайши были связаны с подготовкой к выступлению весной 1686 г. на реку Амударью, против Хивы и Бухары. На этом основании Аюка просил Москву выделить ему 30 пушек с порохом и свинцом, а также 3 тыс. служилых людей, взамен обещая не нарушать «шерти и договору».

Также Аюка просил правительство запретить яицким казакам строительство нового городка между Гурьевым и Казачьим городком, поскольку у калмыков «на том месте бывает кочевье». Свои просьбы он подкреплял тем, что выполнил взятые на себя обязательства, например, что под Астрахань им были возвращены 500 юртовских татар вместе с русскими пленниками, а башкиры были отосланы в Уфу. В свою очередь Аюка просил вернуть ему калмыцких пленников, взятых под низовыми городками [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16-18].

Большая часть просьб тайшей царскими властями была удовлетворена. Строительство казаками городка на Яике, начавшееся весной этого года, оказалось не законным. На просьбу калмыцких послов выделить служилых людей Софья Алексеевна ввиду дальности расстояния велела не посылать в Среднюю Азию войска, а отправить с калмыками 1200 яицких казаков с

имеющимся у них вооружением [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 63, 67].

Активизация крымской дипломатии на калмыцком направлении, в первую очередь, была связана с тем, что 21 апреля 1686 г. между Россией и Речью Посполитой был заключен «вечный мир». Отныне Москва становилась членом антитурецкой коалиции, так называемой Священной лиги, в которую входили Австрия, Венеция и Польша, боровшиеся с Османской империей и ее вассалом – Крымским ханством.

Отношения Аюки с царским правительством в это время складывались весьма не просто. В Москву из разных мест, обрастая по пути свежими подробностями, поступала информация о контактах калмыков с крымскими и азовскими людьми. Например, в январе 1688 г. в Астрахани узнали о приезде в калмыцкие улусы посланца из Азова с «листами». К Аюке срочно был отправлен Дмитрий Голочалов с указанием, чтобы тайша с крымцами и азовцами «сыски никакие не имел», не продавал им лошадей, и требованием выдать письма. Уже 15 января в Астрахань прибыл калмыцкий посланник Унитей-бакши и привез с собой 3 письма: одно – от персидского шаха и два – от азовского бия [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 2. Л. 1]. В обмен на это и в условиях продолжающейся русско-турецкой войны чтобы не оттолкнуть окончательно от себя калмыков, астраханский воевода тогда же, в начале 1688 г., все-таки выплатил Аюке жалованье за 1687 и 1688 гг. в размере 1180 руб., что составило по 590 руб. за год [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 1. Л. 2].

Столь тесные контакты калмыков с Азовом и Крымом не могли не тревожить российские власти. Поэтому, когда в феврале 1688 г. в Москву прибыл посол Аюки – Бекей, этот вопрос первым обсуждался на переговорах. Практически на все претензии царского правительства Аюка дал ответ в своем письме, которое привез калмыцкий посол. Так, на упрек о продаже калмыцких лошадей в Крым, Аюка отвечал, что туда ездят с товарами не только его подвластные татары и ногайцы, но и астраханские и терские. Свои

ответные претензии к правительству Аюка выразил следующей фразой: «своих де вы нагайских татар не унимаете, а моих унимаете». Также тайша назвал ложью то, что он якобы предоставил в помощь Крыму свои войска [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 4. Л. 6; Д. 5. Л. 3].

В начале весны 1688 г. ситуация на русско-турецкой границе стала вновь накаляться. Как стало известно из сообщения в Москву войскового атамана Ф. Минаева, поводом к всплеску напряженности послужил турок-перебежчик из Азова, который уверял, будто Аюка заключил мир с турецким султаном и крымским ханом, чтобы идти войной на Дон с целью вытеснить оттуда казаков, а калмыкам самим там кочевать. После этого якобы планировалось наступление объединенных сил турок, крымцев и калмыков на русские города [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 1-2, 6-7].

В Москве серьезно отнеслись к полученной с Дона информации. К Аюке срочно были отправлены грамоты с запретом отпускать своих людей в Крым и Азов, участие в походе предполагалось только совместно с казаками. Однако Аюка на все обвинения в свой адрес, как сообщали из Москвы на Дон, «отговариваетца», указывая, что его люди ходят туда самовольно [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Л. 41]. В декабре 1688 г. из сообщения станичного атамана Матвея Антонова в Посольский приказ стало известно, что Аюка «велел им (казакам. – *В.Т.*) калмыков своих, которые станут ездить в Азов, громить и побивать до смерти» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1688 г. Д. 20. Л. 4-6].

Калмыки так и не приняли участия во втором Крымском походе В.В. Голицына в 1689 г. Крымская дипломатия на калмыцком направлении добилась значительного успеха, для достижения своей цели она в полной мере использовала все противоречия, существовавшие на тот период в русско-калмыцких отношениях. Формальная причина отказа Аюки поддержки царские войска в походе против Крыма изложена в его письме, которое в июне 1690 г. в Москву привез калмыцкий посланец Бектемир.

Получив царский указ о немедленном выступлении в крымский поход, Аюка в ответ выдвинул свои претензии, заключавшиеся в отказе русской стороны оказать военную поддержку калмыкам в их выступлении против Хивинского ханства и Чеполова. По большому счету Аюка обвинил Москву в нарушении договора, согласно которому царское правительство обязывалось предоставлять калмыкам помощь войсками в случае их выступления против своих недругов. Аюка признавал, что еще до заключения шерти русские с калмыками «были не в миру» из-за убийства яицкими казаками Мазан-Батура и тысячи его улусных людей вместе с женщинами и детьми, захвата скота и другого имущества. Не отрицал тайша и торговлю его людей с азовцами и крымцами, оправдывая это тем, что отправка калмыцких лошадей на продажу в Москву сопровождалась частыми избиениями его табунщиков в русских городах и массовым воровством лошадей в пути. Правительство по этим делам практически не проводило расследований. Калмыцким воинам, ранее принимавшим участие в походах на Крым, из казны не было выдано жалованье за службу, а в Астрахани категорически запрещали калмыкам продавать оружейные запасы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 2. Л. 6-8, 10].

Все эти перечисленные факты, по мнению Аюки, не позволяли полноценно развивать русско-калмыцкие отношения, особенно в условиях продолжавшегося русско-турецкого противостояния в Причерноморье. Нужно признать, что правительство Софьи Алексеевны так и не сумело в полной мере привлечь калмыков для решения своих внешнеполитических задач, не оценило по-настоящему их военного потенциала и не использовало его в борьбе против Крымского ханства, что, возможно, стало одной из причин неудачных крымских походов В.В. Голицына. Такой серьезный военный просчет, как известно, привел в конечном итоге к смене царской власти.

4.3. Политическое состояние русско-калмыцких отношений в конце XVII века

Процесс перехода калмыков в состав донского казачества оказался весьма длительным (примерно с 60-х гг. XVII в. до второй половины XVIII в.) и сложным, поскольку был прямым следствием внутренних противоречий в калмыцком обществе. Несмотря на продолжительность этого процесса, стоит подробно рассмотреть данные о калмыках, которые вступили в состав казачества на первоначальном этапе. Начало 1690 г. ознаменовалось ухудшением отношений калмыков с донским казачеством, причиной тому стал повторный уход на Дон дербетского тайши Черкеса. В русских документах этому событию уделяется достаточно большое внимание.

Как известно, попытку отделиться от старшего брата Черкес предпринял еще в 1689 г. Так, в ноябре этого года он жаловался царицынскому посланнику на попытки Менке-Темира обделить его при разделе отцовского наследства. Уже тогда Черкес предупреждал царские власти, что в его распоряжении находится всего 400 улусных людей, и заверял, что «если де к нему, Черкесу, будет великих государей милость, и те де отца ево улусные люди будут кочевать все под ево Черкесовым владеньем» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 67].

Улус Черкеса появился на Дону в феврале 1690 г. Сразу же им было отправлено в Войско уведомление об их приходе, и войсковой атаман срочно отправил к нему для встречи и сопровождения своих представителей – Василия Кутейнина с тремя товарищами. Пришлые калмыки расположились на правом берегу Дона, в районе Есаулова городка [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1690 г. Д. 7. Л. 8; Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 1].

В распоряжении Черкеса находилось 100 воинских людей («кашки») и около 500 улусных людей. По прибытии к донским казакам дербетский тайша со своими приближенными людьми в Черкасске шертовал на Кругу, «что ему со всеми улусными людьми быть у великих государей и служить в

вечном холопстве». Войсковой атаман Иван Семенов целовал крест и евангелие в знак того, «что ево, Черкеса, и улусных людей ничем не изгонят, и во всем от неприятелей [будут] ево оберегать и оборонять и не выдавать». После процедуры шертования Черкесу и его людям казаки подарили панцири, ружья и сукно. В целях обеспечения своей безопасности Черкес просил руководство Войска построить для него и его людей укрепленный городок на одном из островов р. Бузулук, что протекала в междуречье Дона и Северского Донца [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 3, 61, 69].

Конечно, все эти события не могли не повлечь за собой резкого ухудшения отношений калмыков с казаками. Практически сразу после ухода Черкеса на Дон вслед за ним двинулись калмыцкие войска под командованием Менке-Темира и старшего сына Аюки – Чакдорджаба. На подступах ко многим донским городкам ими были перекрыты дороги, начались вооруженные столкновения с казаками. Так, вскоре калмыками была перехвачена донская делегация из 5 человек во главе с Михаилом Щедровым, направлявшаяся с войсковой грамотой в Москву. Аюка отпустил двоих из них на Дон в сопровождении своего посланца Данбы с объяснением, что задержал казаков из-за того, что приняли его племянника Черкеса. На Кругу было вынесено решение – в ответ на действия калмыцкой стороны задержать у себя Данбу, а Аюке еще раз напомнить об одном из принципиальных условий прежнего договора: «Буде которой казак или калмык з Дону перебежит к нему (Аюке. – *В.Т.*) в улусы, также из улусов к ним на Дон, и тех на обе стороны не отдавать, а посыльщиков не перенимать и не задерживать». Казаки призвали Аюку придерживаться прежних договоренностей и отпустить их людей, напомнив, что один из казаков по имени Петр Мурзенок также ушел к калмыкам «на житье» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 71].

В феврале 1690 г. на Дону вместе с Черкесом появился и зайсанг Сетер (Сетершидон) с братом Тохтохой, у которых в распоряжении находились 300 бойцов вместе с женами и детьми. Они расположились на острове у

Черкасска, где уже проживали «старые кочевные донские калмыки». Сетер с братом шертовали перед казаками за всех своих улусных людей «по своей вере, бурхан целовали». Причина его бегства на Дон заключалась в том, «что Аюкай тайша имел на него великую досаду и хотел его какими ни есть причинами со всем его улусом разорить». Как оказалось, Сетер в 1689 г. втайне от Аюки выступил проводником у донских казаков, которые разгромили один из ногайских улусов мирзы Навруза, перебили его людей и взяли в плен сына [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1690 г. Д. 7. Л. 6-7; Дополнения, 1872: 276]. И, чтобы не отвечать перед Аюкой за свое преступление, Сетер принял решение скрыться у донских казаков.

Для более подробного разъяснения своей позиции Черкес и Сетер посланцами в Москву отправили зайсанга Мерген-Батура и Замсу-Манжи. 7 июня 1690 г. они прибыли в столицу и привезли с собой два письма от Черкеса и одно – от Сетера. Приведем отрывки из этих посланий в русском переводе XVII в.:

«…Я от Аюки отошел, а брат мой, Менко Темир улусных моих людей отнял было. И я тех людей к себе назад взял. И на ваше великих государей имя вышел и зимовал на Дону со всем своим улусом з донскими казаки. А Менко Темир, брат мой, с войском своим приходил на меня и на казаков донских войною. И война у нас с ним была. И он ко мне послов своих присылал, чтоб мне ево слов послушать. И я к нему послов своих посылал и отказал ему, что я тебя не слушаю. Я, Черкес, и улусные мои люди – холопи великих государей, а не твои. И ныне мне ты и Аюкай тайша, калмыки и татаровя крымские – все не друзья, и воеватца с вами готов.

А где вы, великие государи, по своему государскому изволению укажете мне идти на свою государскую службу со всеми своими улусными людьми готов, душу и голову свою положить в правде своей по своей шерти. А от крымцев и от калмыков от неприятелей, которые мне хотят шкоту учинить, за то, что я учинился вам, великим государям, в холопстве. И для всякой крепости, чтоб жен наших и детей не разорили, велите государи

построить город близ донских казаков Черкасского городка, [где] изстари в давних местах отец мой Солом Серень тайша вам, великим государям, служил верно. А ныне також де и я по своей вере и по шерти, и по обещанию приехал на Дон на ваше великих государей имя служить вечно и вечно… » [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 4-6].

В другом письме Черкес сообщал властям о концентрации 4-тысячного войска Менке-Темира и Чакдорджаба на правобережье Волги, указывая, что «куды пойдут войною, того подлинно не ведомо». Исходя из этого, тайша просил выделить в помощь царские войска, а также послать ему в качестве жалованья 5 панцирей, 10 хороших пищалей, пороха и свинца [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 8].

В письме Сетера и его брата Тохтохи говорилось, что в прошлые годы их отец Басуй уже приходил в Черкасск, а ныне Сетер с улусом в 300 человек также прибыл на Дон. Также сообщалось об их походе на Крым, в ходе которого было захвачено в плен 20 татар. В качестве жалованья они просили 2 панциря и 5 пищалей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 9].

В мае 1690 г. улус Черкеса прикочевал к р. Быстрой, что протекала в междуречье Дона и Донца. Именно в этот район примерно в конце мая и начале июня вторглись калмыцкие войска Менке-Темира и Чакдорджаба, которые разбили полностью улус Черкеса и захватили женщин и детей. Самому Черкесу с 40 людьми удалось скрыться в одном из казачьих городков на р. Донец. Всего он потерял около 2 тыс. своих людей. В ходе этого нападения пострадали многие верховые городки, так как у его жителей калмыки отогнали скот и лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 77-79, 81, 143].

Говорить о том, что нападение на улус Черкеса было неожиданным, нельзя, поскольку он знал о готовящемся вторжении и весной трижды отправлял своих гонцов в Черкасск с просьбой оказать военную помощь. Нельзя не учитывать и тот факт, что Менке-Темир долгое время не оставлял надежды мирным путем урегулировать конфликт и неоднократно отправлял

к брату своих посланцев с уговорами вернуться обратно. При этом о переходе калмыцкого войска через Дон между казачьими городками, который, по сведениям Черкеса, длился около 10 дней и не мог остаться не замеченным, никто из казаков из близлежащих городков не удосужился его вовремя предупредить. Дербетский тайша по этому поводу жаловался в Москву. Только казакам из Пятиизбенского городка удалось отбить 30 из улусных людей Черкеса из числа захваченных, но по неизвестным причинам они их ему так и не передали [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 144, 146, 149].

Здесь интересно будет узнать историю конфликта в изложении Аюки, высказанном в его письменном послании, которое в июне 1690 г. в Москву привез калмыцкий посол Бектемир. Согласно ему, Черкес со своими людьми ушел на Дон зимой 1689/90 года. Когда Менке-Темир направился к брату «о деле переговорить», то Черкес с казаками «аюкаевых людей побили» на том месте, где обычно калмыки зимовали, «и людей ево в осаде держали и никуды не пропускали». Аюка предупреждал царские власти о нецелесообразности поддержки казаками Черкеса, ставя в пример недавнюю историю с джунгарским Цаган-Батуром, который также в свое время откочевал на Дон, но «в правде своей не устоял и ушел в свою ж землю». По мнению тайши, «от Черкеса де добра никакова им, великим государем, нет же и худова многа будет». Аюка просил правительство, чтобы оно указало казакам и Черкесу немедленно вернуть захваченных его людей, при этом он был не против того, чтобы мятежный дербетский тайша кочевал самостоятельно, «потому что у него особое владенье и улусные у него люди отца ево». Калмыцкий правитель в своем письме еще раз подчеркивал, что выступает за примирение при посредничестве Москвы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 166-167].

Одновременный удар калмыцких войск по донским верховым городкам привел к подготовке казаками ответных действий. По сообщению саратовского воеводы Данилы Наумова, в июле в 7 верстах выше Царицына

стало собираться казачье войско численностью от 3 до 5 тыс. человек для похода на калмыцкие улусы, располагавшиеся на левом берегу Волги. Царицынский воевода Тимофей Волконский пытался всячески отговорить их от намеченного похода, так как калмыки могли уйти из-под государевой руки на дальние кочевья, а низовые города в их лице могли лишиться хороших торговых партнеров. Действительно, Аюка предусмотрительно отвел улусы ближе к Яику, хотя он жаловался саратовскому воеводе, что казакам все-таки удалось отогнать табун в 500 лошадей и убить троих калмыков. По другим сведениям, неизвестная группа из русских людей в 200 человек ночью отогнала у калмыков лошадей, убив и ранив у них большое количество людей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 152-154, 170-174].

Стоит отметить, что, несмотря на напряженные отношения с казаками, Аюка в это время продолжал поддерживать вполне добрососедские отношения с волжскими городами. К ним с полной уверенностью можно отнести Саратов, чьи жители часто отправлялись в калмыцкие улусы и, остановившись от них примерно в 100 верстах, начинали торговать с калмыками. Некоторые русские торговые люди приезжали с товарами непосредственно в сами улусы, так как Аюка для свободного проезда через свои владения предоставлял им особые «листы» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 175-176].

После получения полной информации о последних событиях на юге страны в Москве срочно были предприняты меры по урегулированию конфликта. На Дон казакам был отправлен указ, чтобы они «ссор и задоров» с Аюкой и его улусными людьми «не чинили и жили с ним в совете», а походному атаману Кондратию Клементьеву запрещалось идти войной против калмыков. Черкесу разрешили кочевать там, где тот пожелает, и настоятельно рекомендовали окончательно помириться с Менке-Темиром. Последнему также указывалось отдать половину захваченного улуса своему младшему брату. По просьбе Черкеса власти приказали руководству Войска недалеко от Черкасска, на реке Бузулук построить для него укрепленный и

охраняемый казаками городок, где могли бы жить женщины и дети дербетского тайши [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 178-179, 181-192, 215].

В октябре 1690 г. в Москву приехал посланец Черкеса – Болкаш, из расспросов которого стали известны некоторые детали этих событий. После разгрома Черкес вместе с бежавшими с ним людьми прибыл в район Царицына и кочевал на Сарпинском острове. Они оказались в очень трудном положении, так как скота у них не было, а лошадей было «малое число». Аюка не оставлял попыток вернуть Черкеса и отправлял к нему дербетского посланца Балму с заверением, что никакая опасность ему не грозит. В случае добровольного возвращения Аюка даже обещал отдать ему в жены свою дочь и 1 тыс. калмыков. Однако Черкес от такого предложения отказался, заявив, что «хочет служить вечно великим государем… а к нему никогда не пойдет». Тот же Балма отправился дальше в Черкасск с предложением мира от Аюки [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 6. Л. 204-206].

Состояние русско-калмыцких отношений усугубило и событие, случившееся в декабре. Царицынский воевода Т. Волконский отправил к Аюке 29 посланцев для сыска русских пленных, захваченных в верховых городках. Но в 12 верстах от города они были атакованы неизвестными калмыками, в результате чего в плен попали боярский сын Максим Протопопов и еще 17 человек, а 8 были убиты. Воевода тут же потребовал от Аюки немедленно произвести розыск и наказать виновных [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 4. Л. 1-2]. Известно, что Аюка в декабре отпустил в Царицын 29 русских пленников [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 1. Л. 43]. Трудно предположить, чьи это были калмыки – Цаган-Батура или Аюки.

Более подробно положение дел на юге России изложил в своем послании в Москву в январе 1691 г. войсковой атаман Фрол Минаев. Он сообщал, что калмыки постоянно приходят войной под верховые донские городки, что «разорили без остатку и такова разорения искони не бывало». В результате действий кочевников были опустошены местности по Хопру,

Медведице и Бузулуку. Атаман обвинял воевод волжских городов (кроме Царицына) в сотрудничестве и негласной поддержке калмыков. Выражалась такая поддержка в том, что они помогали им судами при переправе через Волгу, продавали порох и сообщали о передвижениях казачьих отрядов. Также он упрекал Аюку в связях с казаками-раскольниками, крымцами и азовцами, считая, что они калмыки намерены «Дон реку очистить и отдать турку». По его сведениям, в декабре 1690 г. в Азове располагался калмыцкий отряд в 500 человек. Исходя из всего этого, Минаев просил Москву «унять» Аюку от союза с крымцами и азовцами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 1. Л. 1-3].

В начале 1691 г. на юге стало отмечаться некоторое урегулирование отношений между конфликтующими сторонами. Так, донские казаки с калмыками произвели обмен пленными [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 1. Л. 69], а Аюка вернул русский полон (110 человек) в Саратов, который был захвачен калмыками в 1690 и 1691 гг. под Самарой, Сызранью, Пензой, Мокшанами и другими городами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 1-2].

В январе 1691 г. в Москву прибыл калмыцкий посол Маши с письмом от Аюки. В нем калмыцкий правитель объяснял долгое отсутствие своих посланников в столице конфликтом с казаками и башкирами. По его мнению, в Москву часто поступала ложная информация о действиях калмыков: «и ложь их, башкирцов и казаков, в правду поставлена, а ево правда – в ложь». Аюка информировал власти, что вернул практически весь полон, находившийся в улусах, а уфимский воевода и башкиры калмыцкий полон и скот «промеж себя разделили». Обвинения звучали и в адрес царицынского воеводы, который действовал сообща с казаками: «берут беспрестанно и то им (калмыкам. – *В.Т.*) ничего не отдано». Аюка просил Москву решительно вмешаться во все эти вопросы, прислать «добрых» послов, произвести розыск и вернуть калмыцких пленников [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 8-9].

В Москве пошли навстречу калмыцкой стороне и пообещали отправить указы башкирам и донским казакам о запрете нападать на калмыцкие улусы. Власти призвали конфликтующие стороны к скорейшему примирению [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 3. Л. 40].

После долгих мытарств на Дону, сопровождавшихся постоянными военными стычками, бесконечной и бесполезной перепиской с центральной властью, Черкес, так и не получив от Москвы поддержки в конфликте с братом, в начале 1691 г. решил вернуться со своими людьми на Волгу к Аюке. Его послы, в апреле возвращавшиеся из Москвы, узнав по дороге об уходе Черкеса с Дона, в районе Раздорного городка ночью убили одного сопровождающего их казака, а царскую грамоту, отправленную Черкесу, бросили в костер. В июне астраханцам удалось задержать этого посланца возле Черного Яра, он представил все так, будто бы сам тогда подвергся нападению и грабежу казаков. За совершенное преступление власти посадили его в астраханскую тюрьму [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1690 г. Д. 4. Л. 2-4; Д. 6. Л. 284-285].

Продолжавшиеся конфликты с башкирами весьма тревожили Аюку, поэтому 16 июля в Москву вторично за последний год прибыл тот же его посланец Маши с очередной просьбой прислать «доброго» посланника, чтобы окончательно примирить их с башкирами. На этот раз власти более решительно взялись за улаживание конфликта и, помимо официальных указов, направленных Аюке, казакам и башкирам, о запрете совершать какие-либо нападения на соседей, обязали сторонам немедленно возвратить всех захваченных пленных. Теперь споры и конфликты должны были решать на местах специальные уполномоченные лица из Царицына, возглавлял которых Кузьма Козлов. Именно с ним и должны были ссылаться калмыки, сообщая о каких-либо нарушениях или преступлениях [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 2. Л. 1, 14, 27-31].

Из сообщений калмыцких послов, в 1991 г. регулярно прибывавших в Москву, видно, как Аюка лихорадочно пытался уладить конфликты с

соседями. Если с донцами ему удалось найти более или менее мирное решение, заключив договор, то с яицкими казаками и башкирами отношения складывались довольно драматично. К этому добавился и возникший конфликт с поволжскими городами, в частности Саратовом, с жителями которого первоначально калмыки находились в мирных отношениях. Саратовцы обвинили калмыков в отгоне их лошадей.

12 сентября в Москву прибыл новый калмыцкий посланник – Самаган – с письмом от Аюки. Из этого послания становится известно, что табуны из-под Саратова отогнали азовцы, но его жители обвинили в преступлении калмыков, часть которых они задержали в городе в качестве заложников. Башкиры действовали совместно с яицкими казаками и громили калмыцкие улусы, убив в общей сложности 150 и захватив в плен 450 человек. В Астрахани в заключении находились его посланники. Аюка просил царские власти, согласно договору, без выкупа вернуть его людей. Царский указ, последовавший в Саратов, Самару, Астрахань, Царицын, а также яицким казакам, требовал от местных властей срочно «розыскать и по розыску учинить правду» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 6. Л. 3-4, 18].

23 октября в столицу прибыло очередное калмыцкое посольство из 20 человек во главе с Махулаем, которое пригнало на продажу 203 лошади. В своем письме Аюка отрицал обвинения саратовского воеводы, что якобы его калмыки совместно с азовцами участвовали в отгоне табунов. Также Аюка информировал о действиях яицких казаков, которые взяли в плен 300 и убили 100 калмыков. Как угрозу можно рассматривать и предупреждение калмыцкого правителя в том, что в случае продолжения конфликта с башкирами и яицкими казаками «мы вольны в их дурости их унять» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1691 г. Д. 7. Л. 3-4].

Аюка, как отмечали русские выходцы их калмыцкого плена, приказывал своим улусным людям «жить смирно и от воровства их унимал». Все отогнанные табуны и захваченный полон он обязал разыскать и вернуть царским властям. Решая эти вопросы, Аюка постоянно ссылался с

астраханским воеводой Петром Ивановичем Хованским, а также с уфимскими, царицынскими и самарскими властями [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 35].

Проблемы, накопившиеся в русско-калмыцких отношениях, должен был решить приезд в мае 1692 г. в Москву калмыцкого посольства. Посланцев Аюки и Менке-Темира возглавлял пользовавшийся авторитетом в калмыцком обществе Эрке-лама. При рассмотрении документов о приезде этого посольства становится известно, что ранее с калмыцкими послами приезжал яицкий казак Варфоломей Сергеев, через которого Аюка выдвигал правительству ряд условий, при соблюдении которых он готов был отстать «ото всех шатостей своих» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 1-2].

В первую очередь это касалось запрета казакам призывать к себе калмыков на Дон. При выполнении этого требования Аюка со своей стороны обещал не иметь никаких отношений с крымцами и азовцами, а поскольку правительство всячески старалось нейтрализовать раскольническое движение на юге страны, которое переместилось на территорию Северного Дагестана, то он также готов был оказать военную помощь против казаков-раскольников и кумыкского шевкала. При этом калмыцкий правитель сделал оговорку, что лично не будет возглавлять карательное войско, так как «ратные ево люди все в розсылках»: часть была отправлена в Хиву, другая часть воинских людей стояла на заставах у яицких городков. Но в случае, если государь пришлет 10-тысячное войско из саратовских, царицынских и астраханских стрельцов, то Аюка готов был уже лично участвовать в совместном походе на Кавказ, а в Москву отправлять на продажу многочисленные конские табуны. Также он просил обеспечить безопасность его посланцам, направлявшимся в Москву, поскольку бывали частые случаи нападений на них и отгонов ордобазарных лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 2. Л. 1-3, 28].

В июне 1692 г. вновь стали отмечаться случаи отгона калмыками лошадей и захвата ими русских людей в районе Самары. Всего было

отогнано 3 тыс. лошадей и захвачено 11 человек. Чтобы разобраться в этом деле, местный воевода, Богдан Пыжов, отправил к Аюке толмача Федора Никитина. В августе тот возвратился и сообщил, что Аюка сразу же вернул 573 лошади, пообещав остальных прислать позже, как только сыщет. Пленные также были все возвращены, кроме одного человека, который умер от ран. При возвращении в Самару неизвестные «воровские» люди отогнали у них 89 лошадей. Русские посланцы были свидетелями приезда в калмыцкие улусы крымцев, которые намеревались приобрести у калмыков лошадей, а также башкирских повстанцев во главе с Кадыром Маметевым, прибывших к Аюке «на житье» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 15-16, 21].

Отношения с яицкими казаками у калмыков складывались также весьма напряженно. 1 июня Аюка жаловался на них в Астрахань, и воевода отправил к нему Бориса Кареитова, который вернулся обратно только 29 июля. Самарский воевода по государеву указу также отправил к Аюке с грамотой дворянина Ивана Волкова, но тот не смог доехать до калмыцких улусов, так как те из-за угрозы нападения яицких казаков отошли на дальние кочевья за Яиком. В своем письме Аюка сообщал, что яицкие казаки в июле на р. Чаган захватили 144 калмыцких пленника, 300 верблюдов, 6 тыс. овец, 100 лошадей, 200 коров и всякое другое имущество [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 15]. Калмыцкий правитель подчеркивал, что даже после этого он казакам «ничего не чинит», т. е. не предпринимает ответных силовых действий. Попытки астраханского воеводы как-то повлиять на ситуацию полностью игнорировались яицкими казаками, так как они не подчинялись его указам [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 32].

Только в сентябре 1692 г. яицкие казаки сообщили о своем примирении с калмыками. К ним приезжал калмыцкий представитель Цецен, с которым они договорились, «чтоб те ссоры покинуть и в даль не пустить». В Казачьем кругу прошли переговоры с калмыками, которые сообщили о намерении крымцев идти войной на русские города. При этом, как сообщали донские казаки, Аюка, кочевавший на Нарын-Песках, продолжал поддерживать с

крымцами торговые отношения, продав им 1 тыс. лошадей и отправив в Крым посланцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 65-66].

Зиму 1692/93 года калмыцкие улусы провели уже на правобережье Волги, за р. Кумой, в районе Терека. Именно здесь в начале 1693 г. и обнаружили их отправленные из Астрахани воеводой П.И. Хованским посланцы Ишей Кашкарин и сотник Уразаев. Ставка Аюки находилась в урочище Чебуклы. Только на шестой день после приезда Аюка принял астраханских посланцев, которые должны были донести до калмыцкого предводителя предупреждение о запрете разорять астраханских татар. Аюка со своей стороны сразу заверил астраханцев, что запретил своим людям «под смертной казнью» ходить под русские города.

Вместе с тем он упрекал царские власти в том, что его ратные люди неоднократно ходили на службу под Крым и Чигирин, не получив жалованья, в то время как «русские государевы люди без жалованья не служат». Также Аюка указывал на несоблюдение шертных обязательств русской стороной, выражавшиеся в нарушении их казаками, тогда как сам, как считал он, по его мнению, крепко стоит на своей шерти, несмотря на постоянные к себе призывы крымского хана [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 3. Л. 1-2].

В отношении яицких казаков он выступал за назначение властями воевод, которые управляли бы казачьими городками, считая, что тогда «под государским страхом и воровать и самовольничать им будет немочно». Об их военном потенциале и полезности для государства Аюка был невысокого мнения: «немного де в них, казаках, великим государем прибыли, никогда Крыма и Азова не воюют, только де за миром и за ево аюкаевым терпением и шертью воровски тайно блюдят и людем ево разоренье чинят» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1693 г. Д. 3. Л. 3].

В начале 1694 г. Аюка с улусами кочевал в районе между Царицыным и Черным Яром. Именно сюда в январе из Астрахани ему была прислана царская грамота, которой он был весьма рад. Аюка приказал своим подвластным срочно собрать большое количество лошадей для продажи в

Москве и накрепко запретил им ссориться с русскими людьми. В феврале в столицу во главе посольства был отправлен Бектемир-кашка, и 25 марта послы прибыли в Москву [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 3. Л. 3, 5].

В апреле 1694 г. калмыцкие улусы прикочевали на левый берег Волги, к Саратову. Аюка обратился к саратовскому воеводе Андрею Усову с просьбой разрешить им кочевать рядом, чтобы иметь возможность торговать с местными жителями. В этом же месяце донские казаки просили Аюку не отходить с улусами от Волги и поставить вооруженный заслон против отрядов азовского Кубек-аги. Аюка пошел навстречу, однако, на правобережье для несения караульной службы отправил всего лишь 20 человек [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 2. Л. 1, 5-6].

9 сентября этого же года в Москву прибыло очередное калмыцкое посольство во главе с Курундеем, которое пригнало на продажу 2500 лошадей. Из Пензы, по словам послов, они вышли с 2960 лошадьми, остальные 460 пропали по дороге или «перехромали». Если проследить пропажу конского состава по пунктам следований, то в Саратове пропало 30, у Пензы – 15, в Темниковском лесу – 230, под Владимиром – 46 лошадей [Батмаев, 1976: 184].

Также калмыцкий посланец привез письма с приветствиями в адрес московских государей, Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, от сыновей Аюки – Санджаба, Чакдорджаба и Гунджаба. Были письма и от ближайших родственников – Чимета, Балабу, Назар-Мамута и других [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 2. Л. 6-8].

В декабре 1694 г. донские атаманы сообщали Борису Алексеевичу Голицыну – руководителю Приказа Казанского дворца, в чьем введении находились «Калмыцкие дела», о нападениях калмыков под казачьи городки, в ходе которых они отгоняли лошадей. Еще в сентябре казаки ходили в карательный поход на калмыков к Волге и «за свое взяли небольшое». Уже после этого 2 тыс. калмыков совершили ответный набег и разорили верховые донские городки. Казаки пытались снова организовать ответный поход, но

понимали, что это развяжет самую настоящую войну с калмыками, что тем самым они навлекут на себя «государев гнев» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1694 г. Д. 2. Л. 13-14].

Их опасения, в первую очередь, были связаны с приходом к власти Петра Алексеевича, который с 1694 г. стал готовить военное наступление на южном направлении, в районе Азова, а локальные конфликты между царскими подданными только мешали задуманному государем плану.

После свержения правительства царевны Софьи Алексеевны военные действия против турок были приостановлены, а русские войска были заняты лишь отражением набегов крымских и азовских татар. В 1694 г. новым правительством Петра Алексеевича было принято решение возобновить активные боевые действия и нанести удар не по крымским татарам, как это пытался сделать В.В. Голицын, а по турецкой крепости Азов. Изменён был и путь следования русской армии: не через пустынные степи, а по районам Волги и Дона. С этой целью в начале 1695 г. на Дону были построены транспортные суда – струги, морские лодки и плоты – для доставки войск, боеприпасов, артиллерии и продовольствия при передислокации к Азову. Весной 1695 г. русская армия тремя группами под командованием Головина, Гордона и Лефорта двинулась на юг [Доценко, 1992: 15].

Изучение русских документов отчетливо показывает, что Аюка не принял деятельного участия в первом Азовском походе русской армии. Более того, по словам едисанского ногайца Шаршенбека, который в декабре 1695 г. был взят в плен казаками под Азовом, еще до прихода царских войск Аюка присылал шестерых посланцев в турецкую крепость с уведомлением, что будет оказывать в предстоящем русско-турецком противостоянии помощь только той стороне, которая «будет сильнее». Однако обещанное подкрепление туркам он так и не прислал [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1695 г. Д. 13. Л. 32].

В июле войска под командованием Гордона, Головина и Лефорта начали осаду крепости. 14 и 16 июля русским удалось занять две каланчи –

сторожевые каменные башни по берегам Дона, выше Азова, с протянутыми между ними железными цепями, которые преграждали речным судам выход в море. Но в ходе предпринятых двух попыток штурма (5 августа и 25 сентября) крепость взять не удалось. 20 октября осада Азова русской армией была снята.

Всю зиму 1695/96 года русская армия готовилась ко второму Азовскому походу. В начале 1696 г. на верфях Воронежа было развернуто масштабное строительство водных судов. Реорганизации подверглось и командование войсками. Во главе флота был поставлен Лефорт, сухопутные войска были вверены боярину Алексею Шеину. Численность последних была увеличена вдвое – до 70 тыс. человек.

Петр Алексеевич, учитывая ошибки предыдущей подготовительной кампании, предпринял ряд существенных мер по привлечению калмыцкого правителя на свою сторону. В первую очередь, по сравнению с прошлыми годами он значительно увеличил материальное стимулирование. Так, в феврале 1696 г. к Аюке был направлен Кирилл Пущин с царской грамотой и жалованьем за будущую азовскую службу: «платяной и соболиной и иной всякой рухляди» общей стоимостью в 2094 руб., а также 3 тыс. суконных портищ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 3-4].

Особый интерес вызывают сохранившиеся сведения о подготовке поездки Пущина, в частности, инструкции о том, как нужно вести себя на переговорах с Аюкой. Например, многие стольники, в прошлые годы приезжавшие к Аюке, отмечали: «Аюка тайша великого государя грамоты принимал честно, стоя, и за государскую милость бил челом». Вместе с тем были посланцы, которые сообщали, что «Аюка сам грамот не принимает», а когда его спрашивали о здоровье, «Аюка сидит, подогнув ноги на землю, и отправляет их сидя, а не стоя» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 5-6].

По всей видимости, подобным поведением калмыцкий правитель ясно давал понять царским посланникам, какой характер носили русско-калмыцкие отношения в тот или иной период. Поэтому Пущину вменялось

вести себя на переговорах с Аюкой сообразно ситуации: если Аюка при оглашении царской грамоты будет сидеть, «и ему, Кириле, от великого государя титулу говорить меньшом и о здоровье иво спрашивать сидя ж, а буде он, Аюка, учнет великого государя титул и речь слушать стоя, и ему, Кириле, говорить стоя ж» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 3].

6 мая 1696 г. К. Пущин прибыл в калмыцкие улусы с царским указом, чтобы Аюка направил под Азов 3-тысячную конницу. Однако Аюка в ответ выдвинул свое условие. Он просил, чтобы государь отправил указы башкирам и яицким казакам о категорическом запрете нападать на калмыцкие улусы, поскольку владел информацией о готовящемся их совместном нападении [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 7-8].

25 мая Аюка, сказавшись больным, велел Пущину отправиться к Чакдорджабу и Менке-Темиру для ведения дальнейших переговоров. Те поставили его в известность, что Аюка, «намыслясь с тайшами своими», решил направить под Азов Менке-Темира во главе 3-тысячной калмыцкой конницы. Волгу калмыки планировали перейти в районе Саратова, а не у Царицына, так как там для лошадей была бескормица. Жалованье за будущую азовскую службу по просьбе Аюки Пущин раздавал участникам похода в Саратове [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 2. Л. 9].

Именно после приезда Пущина отмечается всплеск посольской активности калмыков, которые стали частыми гостями в столице, так как представилась хорошая возможность возобновить торговые отношения. Так, 1 июля 1696 г. в Москву прибыли посланец Аюки – Самаган, а также Чебохар – представитель Менке-Темира, его брата Цюрюма и сына Четера. Послы приехали с сообщением об отправке калмыцкой конницы во главе с Менке-Темиром под Азов. Однако к приходу калмыков в июле 1696 г. Азов был уже взят, и Менке-Темиру было велено направиться на Кубань, куда он так и пошел. На этом основании послам было заявлено, что их тайши жалованья не заслужили [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 3. Л. 1, 9, 25].

Но в Москве, видимо, решили из-за этого факта не обострять русско-калмыцкие отношения, так как правительство в дальнейшем рассчитывало на военный потенциал калмыков. А калмыцкие тайши, даже не получив жалованья, имели возможность компенсировать это за счет продажи большого количества лошадей в российской столице.

17 августа в Москву приезжал посланец Аюки – Муча [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 6. Л. 1]. 8 сентября прибыло калмыцкое посольство из 42 человек во главе с Тарбой. Пригнанная ими «ордобазарная станица» насчитывала 2 тыс. лошадей. Власти весьма положительно отнеслись к этой инициативе тайшей, поскольку в условиях войны русская армия нуждалась в конском составе. Из Москвы был направлен «нарочный сыщик» для розыска пропавших и украденных по дороге калмыцких лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 5. Л. 20, 23].

Летом 1696 г. возобновились случаи отгона донскими казаками лошадей у калмыков, о чем последние неоднократно жаловались местным властям в Царицыне. Например, тайша Черкес сообщал, что казаки отогнали у него 50 лошадей, а его люди в устье р. Сарпы поймали семерых «воровских» казаков, оказавшихся жителями верховых городков, которых оружием снабдили станичные атаманы и есаулы. В Москве срочно отреагировали на это известие, прислав указ астраханскому воеводе И.А. Мусину-Пушкину казнить пойманных казаков, но некоторых из них отправить в столицу «для подлинного розыску» [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 92-93, 97, 143; Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 5. Л. 2].

Подобные указы о запрете нападений на калмыцкие улусы и немедленном возвращении захваченного имущества также были направлены в Уфу и на Яик. В сентябре Аюка жаловался в Астрахань на постоянные набеги башкир и яицких казаков. А с возвращением калмыцких улусов к Волге донские казаки к этому времени в 10 приходов отогнали в общей сложности 540 калмыцких лошадей [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 96].

В целом царские указы исполнялись и способствовали возвращению пленных калмыков и их имущества. В декабре 1696 г. из Уфы стольник Никита Кудрявцев докладывал, что в результате произведенного им розыска только в одном Уфимском уезде были найдены и возвращены Аюке 149 человек, 196 лошадей и 6 верблюдов. Башкиры в оправдание своих действий приводили факты грабежа и захвата калмыками башкирских охотников и продажи их затем туркменам [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 6. Л. 11].

После взятия Азова в 1696 г. перед правительством Петра Алексеевича стояла задача прочно закрепиться в низовьях Дона и на Азовском море. Для ее решения предполагалось построить вокруг Азова цепь крепостных сооружений и морскую гавань в Таганроге. Кроме того, летом 1697 г. ожидались ответные военные действия со стороны турецко-крымских войск на азовском направлении. В начале 1697 г. к Азову стали выдвигаться дополнительные русские войска под командованием А. Шеина. Планировалось, что в его распоряжении будут находиться около 35 тыс. воинских людей, из которых чуть меньше половины должна была составить конница, так как действовать надо было против крымских татар.

В марте 1697 г. Петр Алексеевич отбыл в Европу с Великим посольством, но продолжал следить за ходом подготовки обороны Азова. В начале года Аюке и другим тайшам государь отправил письмо с указанием прислать калмыцкую конницу в полки под Азов уже к концу апреля или в начале мая [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 1. Л. 1].

В феврале из Астрахани в калмыцкие улусы был направлен сотник Иван Исаков с государевой грамотой, в которой Аюке предписывалось отправить под Азов с Менке-Темиром 3-тысячную конницу, а в Терский городок – 2 тыс. калмыков для защиты от возможного нападения тарковского шевкала Будая и крымского калги. В марте Исаков вернулся в Астрахань с калмыцким посланцем Эджи. Из разговора с ним стало известно, что зима 1696/97 года выдалась чрезвычайно снежной и холодной, что привело к массовому падежу скота и лошадей. Оставшиеся лошади были от

«бескормицы весьма худы». Именно это стало главной причиной того, что Аюка не отправил больше войска, чем планировал изначально [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 4. Л. 1-2].

В апреле 1697 г. в Москву прибыло калмыцкое посольство из пяти человек во главе с Кашкой, который привез от Аюки два письма и двух крымских «языков». В первом письме относительно запроса царскими властями 3-тысячной конницы он сообщает о готовности выделить на государеву службу не 3-тысячное, а 30-тысячное войско. Калмыцкие улусы в это время кочевали на правом берегу Волги, так как на другой стороне они постоянно подвергались башкирским набегам. Он также ставил в известность, что вопреки государеву указу калмыцкой стороне не вернули всех пленных и все захваченное имущество: разысканы и возвращены были только 139 человек, 80 лошадей и 6 верблюдов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 5-6].

В другом письме Аюка снова констатировал: «мы от вас худа никакова к себе не видали, а вы от нас тако ж де никакого худа нет». Он считал, что «только ссоры чинят меж нами, сложася двое – казаки да башкирцы небольшие люди». Аюка просил произвести двухсторонний розыск всех преступников, заверив еще раз царские власти: «хочу быть в любви и в совете, в дали и в близости видетца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 8].

В Москве сразу же на это отреагировали и направили на Дон строгий указ о немедленном сыске преступников. В апреле 1697 г. атаманы сообщали, что в результате расследования были найдены и казнены 14 казаков, участвовавших в отгоне калмыцких лошадей в 1696 г, а их имущество конфисковано в пользу войсковой казны, и уверяли, что «заказ учинили по всем своим верховым городкам под смертною казнью, чтоб впредь отнюдь с калмыки задор и ссор никаких не чинили» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 5. Л. 3-4].

В июне, когда основные силы русской армии стягивались к Азову, Аюка отправил письмо воеводе А. Шеину с просьбой указать место, куда должна прибыть 3-тысячная калмыцкая конница. Стоит отметить, что Шеин просил Аюку прислать воинских людей «сколько пристойно» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 9]. Воевода беспокоился по поводу того, чем он будет кормить такое количество калмыков, поскольку к тому времени из казны еще не поступило жалованье на питание. Например, в прошлом 1696 г., когда под Азовом на службе состояли 3 тыс. калмыков, только на пропитание им было выделено из казны 500 волов и 1 тыс. овец [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 9, 14-15]. 5 июня из Москвы в Азов с жалованьем в 1500 рублей для служилых калмыков срочно был направлен подьячий Новгородского приказа Филимон Фомин [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 8. Л. 1].

12 июня 1697 г. 3-тысячная калмыцкая конница под командой тайшей Менке-Темира, Мелеша, Чимета и Данджина прибыла в большой полк к А. Шеину под Азов. Поскольку скота в окрестностях Азова в наличии не было, Шеин принял решение раздать денежное довольствие калмыкам: Менке-Темиру – 2 алтына, Мелешу, Чимету и Данджину – по 8 денег на день, знатным 150 калмыкам – по 6 денег на день, рядовым – по 4 деньги. Всего за месяц вышло 1849 руб., 6 алтынов и 4 деньги. За 6 недель, т. е. за все время пребывания калмыков на службе под Азовом, вышло 2773 руб. и 6 алтынов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 43-44].

После взятия Азова Россия вышла к Азовскому морю, но для установления связей с европейскими странами необходимо было иметь выход к Балтийскому морю, что неминуемо вело к войне со Швецией. Петр Алексеевич в составе Великого посольства отправился в Европу, чтобы заручиться поддержкой некоторых стран в создании антишведской коалиции. Перед отъездом ему нужно было решить ряд внутренних проблем, в том числе и имевшиеся в русско-калмыцких отношениях.

По указу государя боярин Борис Алексеевич Голицын (1654–1714 гг.) должен был лично встретиться с Аюкой и заключить окончательный договор. В апреле 1697 г. боярин отправил Аюке письмо, которое начиналось так: «Брат мой и друг, и многих орд владетелю, Аюке тайше, радоваться и здравствовать з женами, з братьями и з детьми, в верной службе много лет». Далее Голицын сообщал, что планирует быть в Саратове в Петров день и просил личной встречи [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 7. Л. 45].

В июле 1697 г. организация такой встречи оказалась возможной, так как Голицын в это время инспектировал фортификационные сооружения южных низовых городов. В результате «по многим пересылкам» местом проведения русско-калмыцкого съезда была выбрана местность в 5 верстах от устья р. Камышинка. Предварительно к Голицыну приезжали приближенные к Аюке лица – Унитей-бакши и Эджи, которые должны были предварительно обсудить ряд вопросов.

Аюка устроил свою ставку недалеко от обоза Голицына, и 15 июля состоялась их первая встреча. Голицын и Аюка встретились верхом на лошадях на нейтральной территории. После слов приветствия и полагающихся в таких случаях любезностей боярин пригласил Аюку отобедать к себе в палатку, но последний, посоветовавшись со своим окружением, отказался, сославшись на неуверенность в своей личной безопасности, так как лагерь был весьма укреплен: вокруг расставлены деревянные рогатки, пушки и многочисленная охрана. Голицын приказал своим подчиненным немедленно все убрать, и только после этого Аюка со своими тайшами и ближними людьми «в многолюдстве» приехал в русский лагерь, обедал и после этого «сидел довольно». Этот день стороны посвятили только личному знакомству и не обсуждали никаких политических вопросов.

На следующий день уже Аюка пригласил к себе в ставку Голицына, который, выказывая полное доверие калмыцкой стороне, приехал лишь с небольшим числом сопровождающих. Встречал его один из сыновей Аюки, а сама встреча продлилась до поздней ночи, и, как отмечали свидетели,

Голицын и Аюка «сидели и веселились и учинили меж себя братство с великим подкреплением душевным». В дружелюбном порыве Аюка отдал боярину своего сына Гунджаба «во всякое соблюдение и учение политики московской и других политик». Когда Голицын собрался к себе в лагерь, калмыцкий правитель влел сыну Гунджабу и племяннику (сыну Замсы) взять несколько сопровождающих, чтобы проводить боярина до лагеря, и остаться там ночевать.

17 июля Аюка с немногочисленным сопровождением прибыл в русский лагерь и в отдельной палатке Голицына отобедал. После этого они перешли к главному вопросу – заключению договора.

Изучение этого документа позволяет нам выделить 6 главных вопросов.

Во-первых, в случае войны калмыков с бухарцами, каракалпаками или казахами русская сторона обязывалась предоставить Аюке артиллерию – «две полуголанки и три мажжеры», вдобавок к ним ядра и бомбы, пушкари и гранатники, а также 20 пудов пороха. Ежегодно в качестве жалованья калмыкам должны были выделяться 20 пудов пороха и 10 пудов свинца.

Во-вторых, калмыкам предоставлялась возможность кочевать под всеми русскими городами.

В-третьих, во время крымских или кубанских походов калмыцким отрядам должна была предоставляться всемерная поддержка в русских крепостях.

В-четвертых, русская сторона обязывалась не принимать беглых калмыков, не крестить и возвращать их.

В-пятых, вменялась перевозка государевыми судами на расстоянии от Черного Яра до Саратова служилых калмыков «безо всякого задержанья и обид».

И, наконец, в-шестых, Москва обязывалась отправить во все государевы города, а также в Уфу, на Яик и Дон царские указы о недопущении «под смертной казнью» нападений на калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 1-2].

Голицын и Аюка обменялись договорными статьями, а боярин на своем экземпляре собственноручно даже сделал запись: «К сим статьям договорным для явного и душевного подкрепления, да в лице в конце я, князь Борис Голицын, по договору с братом укрепил вечно, и впредь сим статьям быть неподвижно рукою» [ПСЗРИ, 1830, т. 1: 330-331].

В конце 1697 г. Аюка кочевал под Астраханью, именно сюда 28 декабря к нему прибыл саратовец Федор Шахматов. Саратовские власти были в претензии к калмыцкой стороне по поводу действий Чакдорджаба, который со своим улусом еще летом прикочевал под Пензенский уезд, где у его людей возник конфликт с местными жителями из-за отгона калмыками скота и лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 4. Л. 23]. Аюка обещал по росписи все разыскать и вернуть, в том числе и лошадей, отогнанных у саратовцев. По сведениям Шахматова, Аюка запретил своим улусным людям «чинить обиды, воровство и утеснение» государевым людям, а если они такое преступление совершат, угрожал выдать их царским властям. Русских пленников, находившихся в калмыцких улусах, он обязывался выдавать без выкупа [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 11. Л. 1-2].

В начале 1698 г. на Дону появилась большая группа калмыков в 530 человек, не считая женщин и детей, возглавляли которых Сетер-Батур и его брат Укаган-кашка. Их целью было поселиться среди донских казаков, но в случае отказа беглые калмыки обещали уйти дальше в Крым или на Кубань. В этом же году Аюка и Менке-Темир неоднократно присылали в Войско Донское своих посланцев с требованием немедленно выдать указанных беглецов, но последние категорически отказывались возвращаться [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 3. Л. 4-5]. В сообщении атамана Фрола Минаева в Москву отмечалось, что Сетер со своими людьми обещал «великому государю в Войску служить вечно» и заявлял, что в противном случае «они, хотя все помрут, а из Войска никуда не пойдут… а к Аюкаю в орду [тоже] не пойдут» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 10. Л. 1].

Стоит отметить, что калмыцкие тайши не стали сразу предпринимать против беглецов силовые меры, напротив, они проявили дипломатический подход к делу. Аюка и Менке-Темир несколько раз через посланцев призывали Сетера и его людей вернуться, обещая в случае добровольного возвращения не преследовать и не предпринимать против них репрессивных мер. Но Сетер и его люди отказывали посланцам, заявляя, «что они никогда к ним, Аюкаю и Менкетемиру, в улусы не пойдут» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 10].

Опасения калмыцких тайшей были небезосновательны. Подобные действия могли послужить примером и для других калмыков, привести к случаям бегства на Дон не только отдельных групп кибиток, но и целых улусов. Например, уже в марте 1698 г. в казачий Паншин городок из дербетского улуса Менке-Темира ушли 25 кибиток под началом Укагана, брата Сетера. Менке-Темир потребовал от царицынского воеводы немедленно вернуть беглецов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 14].

Из сообщения донских казаков стала известна причина бегства указанных калмыков, которая заключалась в том, что против Аюки якобы войной идут три кубанских султана [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 18]. На требование царицынского воеводы вернуть калмыцких беглецов казаки из Паншина городка ответили отказом: «Калмыцких выходцев не отдадим и отдать нам их нельзя, и впредь принимать станем; к нам из войскового Черкасского городка писано, чтоб таких уходцев принимать от погонщиков и от всяких людей оберегать и в обиду некому не давать; если калмыки придут к нам за своими уходцами войною, то мы их не отдадим и драться за них станем» [Цит. по: Шовунов, 1992: 39].

При проявлении такой своей позиции донские атаманы не только руководствовались главным своим принципом «с Дона выдачи нет», но и указывали калмыцким посланцам, прибывшим от тайшей, на договор, заключенный ранее с Мончаком, Дайчином и Аюкой: «…а кто от них перейдет на Дон, также и з Дону к ним, и таких на обе стороны не отдавать, а

кто не похочет, и таких не держать» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 10. Л. 2].

Но такая точка зрения казачества противоречила официальной позиции центральной власти. Завершив первый этап укрепления южных границ, в 1697 г. Петр I отбыл в Европу в составе так называемого Великого посольства. Охрану южных границ государства царь официально возложил на Аюку под руководством князя Бориса Алексеевича Голицына. Как уже говорилось, 17 июля 1697 г. между Аюкой и Б.А. Голицыным были заключены «Договорные статьи», в четвертом пункте которых говорилось: «Чтоб его улусных людей Калмык, которые своровав, учнут бегать в Государевы города, одни, или с женами, или с детьми, не принимать, и не крестить, а задерживать их в городах и писать об них к Москве или к нему Аюкаю» [ПСЗРИ. Т. 3. 1830: 331; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 2. Л. 1]. При личной встрече, которая состоялась 26 июля, Б.А. Голицын и Аюка также договорились, что в государевых городах не будут принимать беглых калмыков, а будут возвращать их обратно [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 135]. В своем письме от 22 декабря 1698 г. Аюка напоминал Голицыну о ранее заключенном соглашении и на этом основании просил добиться от донских казаков возвращения его людей с Дона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 45].

После случая с Сетером то, чего опасался Аюка, случилось. В январе 1699 г. на Дон перешла очередная группа калмыков численностью в 100 кибиток во главе с Дай-Батуром. На этот раз официальная реакция все-таки последовала. 4 марта 1699 г. вышел указ Петра I о выдаче с Дона Дай-Батура и его людей, а также о том, чтобы впредь никого из беглых калмыков не принимать [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 100]. Однако, когда казаки зачитали государев указ всем беглым калмыкам, то они категорически отказались возвращаться обратно к Аюке и Менке-Темиру и угрожали уйти в крымские владения [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 130].

Некоторые из них свои угрозы осуществили, например, Дай-Батур, который со своим улусом бежал с Дона на Кубань, так как именно ему маячила угроза быть выданным [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 253]. Но стоит отметить, что указ Петра I о возвращении беглых калмыков не относился к уже крещеным или желающим креститься. Например, в царском указе от марта 1699 г. на имя самарского воеводы Петра Ермолаевича Баскакова сообщалось, чтобы всех приезжающих в Самару калмыков, пожелавших креститься, «к нему, Аюкаю… не отпускать» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 31].

Правительственные указы о возвращении беглых калмыков, носившие в основном декларативный характер и не имевшие под собой практической основы, не устраивали Аюку. Как ответ на это можно рассматривать его шаги, направленные на привлечение более пристального внимания российского правительства на данную проблему. Возможно, бегство Дай-Батура и его людей на Дон стало каплей, переполнившей чашу терпения Аюки, и в 1699 г. он перевел все подвластные ему улусы за Яик. Одной из причин такого поступка, как озвучивал его посол Кашка в Москве в октябре 1699 г., стал отход части калмыков на Дон, и Аюка опасался «от тех калмык, и чтоб иные не бегали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 1]. Практически главным условием своего возвращения на Волгу Аюка называл возвращение правительством ему всех беглых калмыков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 4. Л. 13].

Подводя итог, можно отметить, что царское правительство, на словах поддерживая калмыцких тайшей в вопросе возвращения бежавших на Дон калмыков, либо затягивало с решением, либо ограничивалось обещаниями. Очевидно, что недовольные своей жизнью в улусах калмыки принимали решение бежать на Дон вполне осознанно. Если на новом месте обстановка отвечала их устремлениям, они оставались на постоянное жительство, в противном случае могли покинуть донские степи и уйти в крымские владения или на Кубань. Но случай с Сетером и его людьми выглядит по-

особому. В действительности это больше походило на частную инициативу отдельных людей, объединенных общей идеей изменить свою жизнь, устроить ее на новом месте. При этом их уход на Дон, похоже, подразумевал полный разрыв связей с традиционным калмыцким обществом, поскольку сопровождался такими насильственными действиями, как захват чужого имущества и людей. Стоит сказать, что именно такие люди становились послушным инструментом в руках царского правительства, которое, по сути, поощряло действия донской администрации, хотя формально поддерживало калмыцкую сторону в ее претензиях.

Из письма Менке-Темира от 1699 г. становится известно, что Аюка осенью 1698 г. все-таки заключил мирный договор с крымским калгой. В ответ Б.А. Голицын отправил к Аюке посланцем дворянина Заманова, который в начале ноября 1698 г. прибыл в калмыцкие улусы, кочевавшие в урочище Сасыколь. В момент приезда посланца Аюка находился у сына Гунджаба, который был болен в это время. Узнав о приезде посланника Голицына, Аюка сразу вернулся. Письмо боярина прочел и перевел на калмыцкий язык личный переводчик – некий Булат, хорошо знавший русское письмо. После этого Аюка посадил русского посланника рядом с собой, тут же сидели хошутский Торба и «иные новые митрополиты по их вере», приехавшие буквально за день от Далай-ламы VI [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 3. Л. 55].

В письме Голицын ставил вопрос о приезде в Москву Гунджаба, которого Аюка, как известно, в 1697 г. отдал русскому боярину для обучения «московской политике». Второе письмо Голицына было адресовано уже самому Гунджабу, поэтому Аюка отправил посланника в улус сына. Гунджаб после прочтения ему послания ответил, что «ехать к Москве рад, только бог бы дал здоровье, и потом как батюшка отпустит» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 3. Л. 55-56].

После состоялась новая встреча посланника с Аюкой, но уже в обстановке повышенной секретности, все ближние люди были выставлены из

кибитки. Разговор шел об условиях поездки Гунджаба в Москву. Аюка соглашался отправить сына в столицу только после его окончательного выздоровления и в сопровождении примерно сотни человек. Посланник настаивал на сокращении этого числа до 50 человек. По всей видимости, Аюка очень беспокоился за здоровье сына и просил прислать из Астрахани лекаря Франца. Посланнику он предложил остаться в улусе до тех пор, пока Гунджаб не выздоровеет. Также Аюка просил передать государю, чтобы с Дона вернули беглых калмыков, и пожаловался на башкир, так как те отогнали 150 лошадей у калмыцкой миссии, ехавшей из Тибета [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 3. Л. 56].

16 декабря 1698 г. в Москву прибыло очередное калмыцкое посольство из 10 человек во главе с представителями от Аюки и Гунджаба – Эльмеком и Лузан-Даши. В своем письме Аюка обращался к Голицыну с просьбой воздействовать на донских казаков, чтобы те вернули его людей с Дона. Также он сообщал об отправке в Тибет своей миссии «для мольбища» по своей вере и для этого случая просил прибавить к жалованью золотых монет [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 45, 50].

Зимой 1698/99 года началась массовая откочевка калмыцких улусов в восточном направлении. Причины откочевки калмыков неизвестны, но, по всей видимости, это было связано с приездом осенью 1698 г. духовной миссии из Тибета от Далай-ламы VI и ее отъезда. Во всяком случае остается непонятным истинное намерение Аюки: был ли это окончательный уход с Волги либо он всего лишь сопровождал духовную миссию до дальних кочевий.

Первыми, кто забил тревогу и сообщил об откочевке Аюки, были дербетские тайши. 24 февраля 1699 г. Менке-Темир прислал посланца Цецен-Заргучи в Царицын с письменным сообщением, и уже 2 марта этот тайша с братом Черкесом и Дюдюлем лично встретились с царицынским воеводой Ильей Протопоповым, которого они уведомили об откочевке Аюки за Яик и своем отходе с улусами к Царицыну. 20 марта 6 дербетских послов во главе с

Кулюк-даргой уже были в Москве [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 6. Л. 1-2]. Как стало известно позже, когда Аюка откочевал за Яик, дербетский улус двигался вслед за ним, но, дойдя до Нарын-Песков, повернул обратно в сторону Волги [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 8. Л. 16].

В ответном мартовском письме к Менке-Темиру, кочевавшему с улусом на правом берегу Волги, возле Царицына, царские власти хвалили его за возвращение к Волге, хотя в Москве также недоумевали и не находили объяснения откочевке Аюки. Б.А. Голицын в своем письме к Аюке призывал его вернуться к Волге, расценивая демарш калмыцкого правителя как ответную реакцию на настоятельную просьбу боярина прислать в Москву сына и переброску 4-тысячного войска из центра на южное направление. Однако Б.А. Голицын считал, что все эти вопросы были обсуждены с Аюкой и его сыном на встрече в 1697 г. Не ускользнула от внимания Б.А. Голицына и информация о калмыцко-кубанских переговорах, в ходе которых Аюка требовал от крымских властей передать ему ногайских едисан или платить дань. Все это, по мнению царского сановника, шло вразрез с прежними договоренностями [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 1. Л. 1, 5-6].

В апреле 1699 г. в Москву прибыл посланец Аюки – Муча, который привез письмо. В нем Аюка снова жаловался Б.А. Голицыну на донских казаков, которые, как он считал, «между нами по некоему научению недруга твоего совет наш разбивают». Еще на встрече с Б.А. Голицыным он предупреждал боярина, что казаки «наш договор и союзный совет разобьют», так как игнорируют государев указ. Аюка также знал о доносах на него писал Менке-Темира, поэтому предостерегал Б.А. Голицына, чтобы тот «ево словам не верил» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 7. Л. 4-5].

В июле Аюка отправил сына Чакдорджаба с крупным войском к улусу Менке-Темира. При переправе через Дон атаман Л. Максимов безуспешно попытался помешать калмыкам. Часть улуса Менке-Темира была разорена, а уцелевшие успели уйти на р. Бузулук. На просьбу дербетского тайши о

помощи Б.А. Голицын посоветовал ему помириться с Аюкой, в противном случае укрыться за Доном [Батмаев, 1977: 43].

Из письма Менке-Темира царицынскому воеводе Алексею Чернышеву становится известно, что незадолго до этих событий Аюка все-таки пытался решить конфликт мирным путем, прислав к нему двух посланцев «духовного чину» и Чимета с предложением «жить по прежнему в совете и в любви». В противном случае Аюка угрожал решить вопрос силой. Часть людей, такие, как тайша Дедюн, все-таки поддались уговорам и вернулись на Волгу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 2. Л. 11]. Как стало известно позже из письма Менке-Темира, тайша Чимет прибыл в его улус, когда того не было дома, поскольку в это время он находился в Таганроге и встречался с государем. Воспользовавшись этим, Чимет подговорил и увел с собой один из дербетских улусов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 8. Л. 2].

16 сентября в Москву прибыло посольство Менке-Темира во главе с Эрке-Малаем [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 8. Л. 2]. Посол сообщил, что со стороны его тайши «измены нет, а писал на него Аюка напрасно, и за тем де ему миритца ныне невозможно». В случае действительной измены, говорил посланец, дербетский тайша ушел бы на Кубань. Как оказалось, супруга Менке-Темира от него не сбегала, а «осталась в аюкиных улусах неволею». Брат его, Дедюн, ушел с Чиметом к Аюке в результате ссоры с другим братом – Черкесом, «а не для Мункотемиревы измены». При этом Чимету удалось подговорить и увести с собой сына дербетского тайши – Четера. Эрке-Малай сказал и о том, что определенную роль в последних событиях сыграло буддийское духовенство: «а для подговору к нему, Аюке, от черных калмык приезжали ламы» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 2-3].

В октябре 1699 г. Аюка кочевал под Саратовом, и именно в это время отмечается приезд его посольства в Москву, которое возглавлял Кашка. В своем письме калмыцкий правитель подчеркивал, что он не изменял государю, а свой отход за Яик расценивал как ответ на бегство калмыков на

Дон, «чтоб иные не бегали». Другой причиной стала смерть его супруги, чей прах он «послал в Баранталу погресть и ее провожал». После этого он вернулся обратно к Волге. Он заверил, что готов к примирению с Менке-Темиром и «станет жить вместе и прежние ево неправды не помянет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1699 г. Д. 9. Л. 1-2].

Начало 1700 г. отметилось новым витком конфликта в калмыцком обществе. 8 января Менке-Темир сообщил войсковому атаману Ф. Минаеву о приближении войска Чакдорджаба и Санджаба. В этот же день во втором часу дня в Черкасский городок прибыли посланцы от этих двух тайшей, как посчитали казаки, «обманом, будто для переговоров». Атаманы хотели было отправить к ним двух казаков с требованием прекратить военные действия против Менке-Темира, но калмыцкое войско уже вышло на боевые позиции напротив дербетского улуса, в районе Черкасска. Из Таганрога, где в это время находился государь, пришел царский указ – защитить Менке-Темира и не допустить перехода Чакдорджаба на правый берег Дона [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 13-14].

Донские казаки вывели из Черкасска против калмыцкого войска практически все свои имеющиеся силы (конницу, пехоту и обоз), однако это не помешало Чакдорджабу все-таки захватить небольшое число улусных людей Менке-Темира. В частности, был захвачен улус Дедюна, брата Менке-Темира. Казаки понесли немалые потери: калмыки пожгли и потравили сено, отогнали скот и лошадей, часть донцов была взята в плен, многие ранены или убиты. В результате боя были взяты в плен и 10 калмыков, которых сообщили, что Аюка находится с основной частью войска в верховьях Маныча, прикрывая с тыла своих сыновей. Отдельная колонна войск под командованием Ике-Замсы двигалась по левому берегу Дона [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 15; Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 3-5, 7].

Из письма Менке-Темира к Петру Алексеевичу становится известно, что калмыцкое войско насчитывало 4 тыс. человек, а во главе его, помимо Чакдорджаба и Санджаба, были Чимет и 3 сына Балбу-Данджина –

племянники Аюки. Перед началом боевых действий у дербетов уже были отогнаны 5 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 12].

29 февраля Чакдорджаб с Санджабом снова ударили по улусу Менке-Темира, который откочевал к Северскому Донцу. На этот раз было захвачено большое количество кибиток. Менке-Темир с казаками попытался было преследовать их, но безуспешно [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 1-2].

После крупного вооруженного конфликта на Дону правительство всерьез опасалось, что калмыцкие улусы откочуют за Яик. Поэтому из Москвы в Уфу поступил срочный указ о том, чтобы местные власти собрали башкир и совместно с яицкими казаками организовали на Яике заслон для предотвращения возможного ухода калмыков на восток [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 1. Л. 34].

Однако Аюка не собирался уходить, а через своих многочисленных посланников пытался разъяснить ситуацию. Так, 14 марта к стольникам Василию Ивановичу и Ивану Васильевичу Давыдовым прибыл его посланец – Бок Эрке Тарсукай. По его словам, Чакдорджаб и Санджаб приходили на Дон «для взятья своих улусных людей», а Аюка «велел тех калмыков брать добром, а не ссорою». В результате улусных людей Менке-Темира перегнали с правого на левый берег Дона, а отношения калмыков с казаками после этого резко ухудшились. Калмыцкие посланцы были задержаны в Черкасске [РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 66].

Из письма Петра Алексеевича к Аюке стало известно, что в мае 1700 г. калмыки на р. Самаре побили многих башкир Уфимского уезда, в частности, пострадали башкиры Ногайской дороги. На р. Уиле они убили 5 сыновей и 5 внуков тархана Кипчацкой волости Керсена Девлетбаева, захватили у него 180 лошадей и много другого имущества. Аюке предъявляли претензии и башкиры Сибирской дороги, которые требовали от него вернуть в Уфу полон и захваченное имущество [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 1].

В заключение отметим, что с приходом к власти Петра Великого русско-калмыцкие отношения в конце XVII в. претерпевают резкие

изменения в сторону укрепления партнерских отношений. Конечно, это было вызвано активизацией внешней политики России на южном направлении. И, наоборот, в период деятельности правительства Софьи Алексеевны русско-калмыцкие отношения переживали глубочайший кризис, сопровождавшийся постоянными вооруженными столкновениями калмыков с донскими казаками и башкирами. Слабость центральной власти не позволила вовремя исправить конфликтную ситуацию на юге страны. А падение роли и авторитета Аюки в глазах правительства, особенно после его активного участия в Башкирском восстании в 1681–1683 гг., только усугубило обстановку в регионе. Петр не стал продолжать политику своей старшей сестры и во многом действовал ей вопреки, в том числе и в русско-калмыцких отношениях. Однако только после своего личного участия в Азовской кампании он ясно осознал политическую роль Аюки и военный потенциал калмыцкой конницы на юге страны, что и стало отправной точкой в изменении его политики по отношению к Калмыцкому ханству.

Азовская кампания Петра Великого оказала значительное влияние на характер калмыцко-донских отношений в указанный период. Начало русско-турецкой войны и личное присутствие государя на юге страны сподвигли на серьезное вмешательство в дела калмыков и донских казаков, когда конфликтная ситуация между ними достигла критического уровня. Стороны довольно скоро нашли возможность ее немедленного разрешения путем переговоров и заключения мирного соглашения. Как показывает история, в южном регионе калмыки и донские казаки были вполне естественными союзниками, что подтверждает последующие совместные военные действия в войнах России.

ГЛАВА 5. РОССИЯ И КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

5.1. Русско-калмыцкие отношения в начале XVIII в.

Во второй половине XVII в. Калмыцкое ханство переживало политический подъем, значительно увеличилась численность его населения. Однако в начале следующего столетия стали отмечаться признаки упадка, который усиливался и в конечном итоге привел к массовому исходу народа в 1771 г. на территорию Цинской империи и ликвидации государственного образования на Волге. Знаковыми стали события 1701–1702 гг., когда в Калмыцком ханстве, а именно в правящей ханской семье вспыхнула междоусобица, в результате которой с Волги в Джунгарию ушли 15 тыс. кибиток калмыков во главе с Санджабом. Внимание исследователей это событие привлекает как первая серьезная попытка насильственной смены власти в период правления калмыцкого Аюки-хана.

По данным В.М. Бакунина, поводом для конфликта стали следующие события: «…1701 года больший хана Аюки сын, а хана Дондук Даши отец, Чакдоржап, застал его, Аюку, у жены своей, имянуемой Тарбаджи, и хотел его за то заколоть, но калмыками до того не допущен; однако же он, Чакдоржап тот его Аюкин поступок всему калмыцкому народу разгласил и тем оной народ привел до того, что все владельцы и другие Аюкины дети, от одной с Чакдоржапом матери рожденные Санжип и Гунделек, с своими и с его Аюкиными улусами, оставя Аюку, пристали к нему, Чакдоржапу, и с ним отлучались за реку Яик и пересылались с зенгорцами - главным владельцом Хонтайшею…» [Бакунин, 1995: 27; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 4. Л. 6].

Большинство исследователей, опираясь на данный источник, трактовали этот случай как толчок к возникновению политического кризиса в Калмыцком ханстве в начале XVIII в. Однако при изучении документов того времени нам не удалось обнаружить конкретных фактов, подтверждающих

сведения В.М. Бакунина. Он, хотя и был современником Аюки-хана и других участников тех событий, но непосредственно к службе в качестве переводчика с калмыцкого языка приступил только в 1720 г.

Дальнейшие события в калмыцких улусах В.М. Бакунин освещал следующим образом: «…а четвертой Аюкин сын, от другой жены его рожденный, а бывшего хана Дондук Омбы отец - Гунжеп, во время того смятения подсылал нарочного зайсанга Некая, которой, в ночное время подъехав к Чакдоржаповой кибитке, и сквозь оную по нем, Чакдоржапе, из ружья выстрелил и его ранил двумя пулями, и затем по усилении Чакдоржапа в калмыцких улусах оной брат Чакдоржапов Гунжеп уходил от него на нагорную реки Волги сторону и жил в Саратове у воеводы Никифора Беклемишева, а хан Аюка во ста кибитках уходил в Яицкой казачей городок…» [Бакунин, 1995: 27].

Данные сведения находят подтверждение в документах того времени. В одном из писем в Москву Чакдорджаб признавал, что «меж собою у нас ссора чинитца». По его сведениям, Аюка с Гунджабом действительно организовали против него заговор и покушались на его жизнь, подослав убийцу с пищалью. Однако, как он сам сообщал, «и божиею изволению я не умер». После неудачного покушения Аюка и Гунджаб вынуждены были бежать в окрестности Саратова [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 11. Л. 4].

В это время происходило объединение воинских сил Чакдорджаба и Санджаба, о чем становится известно из письма Гунджаба к Б.А. Голицыну. Несмотря на то что Санджаб с улусом кочевал за Яиком, он быстро отозвался на призыв старшего брата и пришел к нему с войском. Гунджаб испытывал серьезные опасения по поводу возможной откочевки Чакдорджаба на восток, поэтому заверял Б.А. Голицына, что предпримет все усилия, чтобы не допустить этого, обещая даже прибегнуть к магии: «напущу на них стужу великую и дождь… и снег, чтоб они скоро не откочевали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 19].

7 августа 1701 г. Гунджаб лично прибыл в Саратов и сообщил представителям местной власти, что еще в июле тайши Санджаб, Назар-Мамут и Данджин с улусами откочевали за Яик. К этой же реке отправили свои улусы Чакдорджаб и Гунделек, хотя сами с войском продолжали оставаться у р. Еруслан. Очевидно, что они планировали окончательно разбить силы брата и отца, который от своих непокорных сыновей сидел «в осаде» на одном из волжских островов в «крепких местах», на луговой стороне выше Саратова. Поскольку Аюка со дня на день ждал появления войск Чакдорджаба и Гунделека, то Гунджаб просил саратовского воеводу Алексея Яковлевича Новосильцева о военной помощи. Но без государева указа воевода не решился отправить помощь хану и посоветовал Гунджабу лично выехать в Москву, чтобы «челом бить государю». Так и не добившись военной поддержки от саратовских властей и получив известие о быстром наступлении войска братьев, Гунджаб вынужден был вернуться в улусы для защиты отца [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 10].

Вскоре Гунджаб снова вернулся в Саратов с неутешительным для себя известием. Он не успел оказать помощь отцу, так как того «за боем в степи» взял Чакдорджаб. Воевода А.Я. Новосильцев срочно отправил Григория Микулина в улусы к Чакдорджабу и Аюке с письмами и «для подлинной ведомости». Аюка сообщил посланнику, что Санджаб с улусом откочевал за Яик, а Чакдоржаб и Гунделек следуют за ним в том же направлении. Однако при личной встрече с Микулиным Чакдорджаб отверг слухи о том что он якобы направляется за Яик. Более того, уверял, что Санджаб также не помысляет об уходе и желает присоединиться к нему. В своем письме саратовскому воеводе от 30 августа Чакдорджаб так объяснял сложившуюся на тот момент ситуацию: отец в сопровождении супруги Гунджаба «поехал богу молитца за Китай» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 11].

Но вскоре Аюка дал знать о себе, 4 сентября 1701 г. прислав в Саратов Шимурата. По сведениям последнего, Чакдорджаб совершил нападение на отцовский улус в конце августа: «и велел своим улусным людем всех отбить

прочь, и взял к себе с силою и конные и скотину ево Аюкины табуны побрал, а ему де Аюкаю тайше конских табунов и скотину дал самое малое число и послал де ево Аюкая тайшу неволею за Яик и велел ему, Аюкаю тайше, ехать к богомолью в Зов». Аюка через Шимурата передал Новосильцеву, что находится в Яицком городке и желает «служить по прежнему». В его распоряжении были только 500 человек, которые пошли за ним «с своею охотою», так как Чакдорджаб людей ему не дал [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 11, 12].

История о том, как Аюка, отправившись в Тибет, неожиданно изменил маршрут и оказался в Яицком городке, становится известной из сообщения яицких казаков. 1 сентября 1701 г. казаки Василий Иванов и Александр Шалеев побывали в лагере Аюки, который, по всей видимости, направлялся на восток. Именно с ними Аюка отправил своих посланцев в Яицкий городок с тревожной вестью, что Чакдорджаб, Санджаб и Гунделек «со всеми мурзами отошли прочь и тебе, великому государю, изменили». Он жаловался на своих сыновей, что те его разорили и покинули. С Аюкой находились только 300 воинов, и он всерьез опасался за свою жизнь: «и хотели убить до смерти». По словам хана, не желая изменить государю и «видя над собою такое разорение и убойство, отпросился у них постричься по своей вере, чтоб иво не извели». Он прямо обвинял своих непокорных сыновей в измене, утверждая, что они с улусами направляются к «черным калмыкам», т. е. джунгарам. На призыв о помощи яицкие казаки откликнулись и во всеоружии, с артиллерией вышли навстречу калмыцкому хану, под охраной сопроводив его под городок. После получения известия от казаков 3 ноября на Яик пришел государев указ о защите Аюки от возможных военных посягательств со стороны его сыновей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 6. Л. 1, 2, 5].

Атаман Яицкого войска Федор Семенников сообщал в Саратов, что казаки узнали о ссоре среди калмыков только 3 сентября 1701 г. и предусмотрительно расставили дозоры и караулы. 4 сентября от Аюки

прибыли посланцы, и казаки в тот же день встретили Аюку и препроводили под Яицкий городок, расставив вокруг охрану, чтобы его непокорные сыновья «какова дурна не учинили». Атаман также подтверждал слова Аюки о том, что сыновья его думают изменить государю и «хотят де они жить особняком в черных калмыках» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 13, 14].

Оказавшись под надежной защитой казаков, Аюка срочно отправил в Москву и близлежащие города известие о своем положении. Например, в письме Б.А. Голицыну от 3 сентября 1701 г. он пишет: «сын мой улусы мои взял и у Боронталу стиречь с правую сторону пошел, а я со всеми улусами прикочевал на Яик». Он вынужден был ждать оказания реальной военной помощи со стороны царских властей, так как в его распоряжении были небольшое войско и яицкие казаки. В Москве быстро отреагировали на известие и направили указ в Саратов, чтобы оттуда Аюке на Яик отправили продовольствие: ржаную муку и крупу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 2, 6].

15 сентября 1701 г. в Саратов в составе казачьей «нарочной станицы» прибыли посланники Аюки – Самрат и Гендук. Они просили воеводу отправить на Яик на помощь Аюке вооруженный отряд. По сведениям посланников, Гунджаб перешел от Саратова на левый берег Волги и, оставив семью на правом берегу, 16 сентября двинулся на соединение с отцом. Аюка в это время собирал вокруг себя все имеющиеся силы, и первым на помощь к нему пришел его сват – джунгарский тайша Цаган-Батур с детьми [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 8. Л. 14, 15]. Эти джунгарские тайши в свое время бежали от преследования Галдан-Бошогту-хана и присоединились к волжским калмыкам еще в 1687 г., но держались обособленно и какое-то время кочевали на Дону. Один из их владельцев, Баахан-Манджи, остался на Дону, а Цаган-Батур откочевал на восток [Тепкеев, 2016: 12–18] и, как видим, в конечном итоге присоединился к Аюке.

В Астрахани местные власти также внимательно отслеживали конфликтную ситуацию в калмыцких улусах. 16 сентября стольник Иван

Емельянович Спешнев направил к Чакдорджабу командира конных астраханских стрельцов Михаила Зажарского, который должен был убедить тайшу и дальше служить верно государю и находиться в подданстве. При встрече Чакдорджаб объяснил Зажарскому, что «отец ево Аюка юрт свой покинул и ушел к Меке молитца, а он, Чабдаржап, со всем своим юртом пришел к Волге и служить тебе, великому государю рад наипаче прежнего» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 11. Л. 1].

Однако Чакдорджаб уже знал, что его отец находится под защитой яицких казаков. Это видно из его письма астраханскому воеводе, которое привез его «ближний человек» – Алдар Тарсухай. Чакдорджаб в письме задавался вопросом: «делом ли» Аюку держат яицкие казаки, Гунджаба – в Саратове, а Чимета – под Астраханью [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 11. Л. 1].

Очевидно, что правительство принимало меры для урегулирования конфликта, так как не было заинтересовано в уходе сыновей Аюки в Джунгарию. Насколько серьезное значение придавали этому центральные власти, говорит тот факт, что для примирения конфликтующих сторон в улусы решено было направить саратовского и самарского воевод. Перед А.Я. Новосильцевым ставилась задача – выяснить причины семейной ссоры, степень истинной поддержки Аюки народом и узнать, почему улусные люди не поддержали его в противостоянии с сыновьями. Также правительство интересовал вопрос о том, как лучше справиться с мятежными тайшами – силовым путем или все-таки уговорами. Следом воевода получил государеву грамоту, в которой извещалось об уходе Чакдорджаба из-под Астрахани из-за страха быть наказанным за ссору с отцом. А.Я. Новосильцеву повелелось со служилыми людьми выехать в улусы и зачитать тайшам в присутствии их улусных людей грамоту Петра I о том, чтобы они без страха кочевали на прежних местах. К Чакдорджабу был послан отдельный указ со стольником Д. Бахметевым. Но А.Я. Новосильцев из-за дальности расстояния так и не решился выехать в калмыцкие улусы [Батмаев, 1977: 47].

Примирение отца со старшим сыном не заставило себя долго ждать. В историографии сложилось мнение, что в этом ключевую роль сыграл Б.А. Голицын, который в конечном итоге и примирил Аюку с Чакдорджабом [Бакунин, 1995: 28; Пальмов, 1929: 19]. В архивных документах сведений об этой встрече обнаружить не удалось, но примирение состоялось, и в немалой степени этому способствовала внезапная и загадочная смерть Гунджаба, к которому Чакдорджаб и его братья питали самые неприязненные чувства [Батмаев, 1977: 48].

Так, к концу 1702 г. в Калмыцком ханстве установился мир, но около 15 тыс. кибиток во главе с Санджабом откочевали в Джунгарию. Неизвестно, почему он, как и Чакдорджаб, не пошел на мировую с отцом, но его дальнейшая судьба сложилась весьма печально. Здесь обращает на себя внимание роль, которую в этих событиях сыграл джунгарский правитель Цэван-Рабдан.

Подавив мятеж старших сыновей, хан Аюка приступил к консолидации всех калмыцких улусов, особенно тех, кто ранее отошел за пределы волжских кочевий. В первую очередь это касалось тех владельцев, кто откочевал на Дон. Некоторые из них не стремились сразу вернуться, другие, наоборот, изъявили добровольное желание вернуться на Волгу.

18 февраля 1703 г. в Москву от Аюки прибыли калмыцкие послы во главе с Ложаном Болдирем. В письме хан извещал правительство об уходе на Дон тайши Чимета и сына Гунделека. Он просил их вернуть и для этого отправить в Войско Донское государевый указ с запретом препятствования их возвращению на Волгу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1703 г. Д. 5. Л. 3].

В начале марта Аюка писал яицким казакам, что Чимет и Гунделек ушли на Дон с «малыми людьми», а сын Цаган-Батура, Араптан, с Волги откочевал на Камыш-Самару, откуда совершил набег на донские земли, отогнав конские табуны. В это время у Аюки сложились вполне доверительные отношения с яицкими казаками, и об этом говорит хотя бы

тот факт, что у него в ставке находились казаки-вестовщики, которые жили «для ведомости» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1703 г. Д. 8. Л. 1об., 2].

16 ноября 1703 г. Аюка извещал князя Б.А. Голицына о желании калмыцких владельцев вернуться к нему с Дона и попытках казаков не пропустить их. Отправленные в Войско калмыцкие посланники по неизвестным причинам задерживались там, как и калмыцкие охотники в степи. Аюка настойчиво просил отправить государевый указ на Дон, чтобы казаки отпускали тех калмыков, кто желал бы добровольно вернуться «под его владение» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1703 г. Д. 2. Л. 13].

Однако, когда указанные калмыцкие улусы стали переправляться через Дон, казаки Паншина, Качалина и других городков стали препятствовать этому. Начавшиеся столкновения закончились убийством 5 калмыков. В этой ситуации царицынский воевода оказал поддержку калмыкам, отправив к ним для защиты отряд под командой Феодосия Линева [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1703 г. Д. 2. Л. 14, 14об.].

В начале 1704 г. большинство калмыцких владельцев стали возвращаться с Дона на Волгу. Азовский губернатор Иван Толстой сообщал, что Менке-Темир 6 февраля перешел Дон, а в Войске остается около двух тысяч калмыков. При переходе люди дербетского тайши «на проездах многих донских казаков грабили и били, а иных и в смерть покололи». Конечно, это крайне возмутило казаков. Когда из Москвы в Черкасск вернулись посланцы Менке-Темира, атаман Яким Филипьев отобрал у них государево жалованье и товары, а самих их задержал. Всего в Черкасске казаки насильно удерживали около 150 человек Менке-Темира. Азовский губернатор поддержал донского атамана в этом решении, приказав оставить у себя жалованье и задержать до государева указа посланцев Эрке-Батура и Болкаша [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1704 г. Д. 2. Л. 1–3]. Стоит отметить, что жалованье для дербетского тайши, которое он так и не получил, составляли: 198 золотых червонных, 5 портищ сукна, 2 портища парчей шелковых с

золотом, 5 косяков камок разных цветов и 10 лисиц [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1704 г. Д. 2. Л. 6].

Первоначально власти попытались уговорить Менке-Темира вернуться к Азову, отправив к нему переводчика Павла Кульвинского. Но затем от этой идеи отказались, а Кульвинского направили к калмыкам, оставшимся под Азовом, чтобы уговорить их не уходить за Менке-Темиром и «обнадежить… государскою милостию и жалованьем». Представителей калмыков, оставшихся на Дону, предлагали отправить в Посольский приказ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1704 г. Д. 2. Л. 6].

1 марта 1704 г. к астраханскому воеводе Тимофею Ржевскому прибыл посланец Аюки с вестью о приходе на Волгу Менке-Темира с сыном Черкесом и другими владельцами, под началом которых находилось 3 тыс. кибиток. Дербетский тайша, как сообщалось, прибыл с определенной целью: «хотел с ним, Аюкой, он, Менкетемир, и калмыцкие владельцы видеться». За Доном оставался только брат Менке-Темира, тайша Дюдюл, с сотней кибиток [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1704 г. Д. 1. Л. 4, 5].

Позже в своем письме к государю Менке-Темир объяснил причину своей откочевки с Дона на Волгу. Во время пребывания под Таганрогом Петр I принял калмыцкую делегацию, в составе которой был и Менке-Темир. Он напоминал, что государь издал указ, «чтоб мне (т. е. Менке-Темиру. – *В.Т.*) кочевать около Дону и около Волги не бояся никого, где похочет» и что сам «обещался служить верою и правдою, не щадя головы своей». Тем договором Менке-Темир и объяснил решение откочевать на Волгу [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1705 г. Д. 2. Л. 2]. Но это не являлось единственной причиной.

В 1703 г. резко осложнились отношения калмыков с башкирами. Причиной этому стало разорение башкирами калмыков, возвращавшихся от Санджаба с «ведомостью». По всей видимости, рассматривалась возможность возвращения ханского сына, находившегося уже в пути на Волгу, в Уфимском уезде. В письме к Б.А. Голицыну Аюка просил его информировать о башкирских делах, так как ему было известно о движении 4

тыс. башкир, которые на Яике разорили казачий городок [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1703 г. Д. 2. Л. 5]. В правительстве отреагировали на ханский запрос, и из сообщения уфимского воеводы выяснилось, что каракалпаки совершили набег на башкир, и последние их преследовали [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1703 г. Д. 1. Л. 1].

Однако этот конфликт так и не был окончательно урегулирован правительством. В июне 1704 г. атаман яицких казаков Вахром Сергеев сообщил, что калмыки собираются «большим собраньем» идти войной в Уфимский уезд и под Самару. Оказалось, что Аюка своих людей отправил к Санджабу через Уфу, но местные власти их задержали. Ранее около 100 калмыцких кибиток, из числа откочевавших в Джунгарию с Санджабом, бежали обратно на Волгу, но по дороге были разорены башкирами. Помимо этого, башкиры в ходе набегов отогнали у Аюки 300 лошадей и несколько сот голов мелкого скота [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1704 г. Д. 4. Л. 1об.–2об.].

17 июля в Уфу прибыли от Аюки посланцы во главе с Бюком. В ханском письме перечислялись все вышеприведенные «обиды», нанесенные башкирами. Калмыцкий хан требовал вернуть все захваченное имущество, угрожая тем, что пожалуется государю и «взятое сам возьмет». Уфимские власти немедленно отправили уполномоченных в уезд для розыска калмыцкого скота и лошадей [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1704 г. Д. 8. Л. 1].

5.2. Калмыцкое ханство и южное порубежье России в 1705–1719 гг.

В 1705 г. в Астрахани произошло одно из крупных восстаний на юге страны, которое быстро распространилось на соседние города: Черный Яр, Красный Яр, Гурьев, Терки и прилежащие к ним территории. Восстание продолжалось более шести месяцев и вызвало серьезную тревогу не только у правительства, но и калмыцкого хана Аюки, который помнил еще Разинский бунт, случившийся в начале его правления, и все последствия.

Астраханское восстание было вызвано такими явлениями, как рост налогов, введение новых повинностей, репрессии нового воеводы Тимофея Ржевского. Продолжавшаяся Северная война, проводимые государственные и местные реформы, реорганизация армии, строительные работы и другие мероприятия требовали огромных финансовых затрат и рабочей силы. В начале 1705 г. был издан указ о снижении хлебного жалованья астраханским стрельцам. Летом этого года воевода стал претворять в жизнь указ Петра I об обязательном ношении иностранного платья и брадобритии. Поскольку нововведения сопровождались насилием и издевательствами, все это в конечном итоге привело к открытому протесту и неподчинению властям населения Астрахани.

В ночь на 30 июля 1705 г. стрельцы и солдаты подняли восстание. Захватив кремль, восставшие перебили караульных и стали расправляться с офицерами. В августе к мятежной Астрахани присоединились Красный Яр, Черный Яр, а затем Гурьев и Терки. Заговорщики приступили к созданию нового аппарата управления. На собрании круга астраханцы избрали совет старейшин, в который вошли: астраханский рыбопромышленник Я. Носов, таможенные бурмистр О. Твердышев, посадские люди – Г. Ганчиков, И. Монастырский, А. Ермолаев, пешие стрельцы – И. Шелудяк, П. Носов, сержант П. Жегало. На кругу было вынесено решение об отмене многих налогов, о конфискации имущества «начальных людей» и дележе их между восставшими. Круг отменил указ о брадобритии и ношении иностранного платья, послал гонцов на Дон, в Черный Яр, Красный Яр, Гурьев и Терки с целью привлечения их на сторону восставших и принял решение о дальнейшем походе вверх по Волге.

В начале августа из Астрахани выехали делегации к Аюке и Чакдорджабу. Отправка посланцев в близлежащие калмыцкие улусы была вызвана участившимися нападениями калмыков на рыболовецкие ватаги в дельте Волги и Гурьеве [Голикова, 1975: 131, 132]. Однако астраханские повстанцы не сочли калмыцкие нападения за выступление на стороне

правительства. Посланцы Чакдорджаба, например, находились в Красном Яру, когда люди других, более мелких тайшей, напали на его окрестности. Не все калмыцкие владельцы следовали указам Аюки и Чакдорджаба. Разрешались такого рода конфликты путем переговоров, поиском виновных и добровольного возврата имущества. Кроме того, повстанцев интересовало местонахождение бежавших из Астрахани не только полковников Кареитовых, но и стольника Г. Мансурова, откупщика А. Мещеряка и других лиц, которые, если верить слухам, нашли убежище в калмыцких улусах. Также им хотелось узнать об отношении хана Аюки к астраханским событиям. С этой целью астраханцы и решили отправить представителей к калмыкам, но основной задачей они ставили прекращение набегов на округу восставших городов и возмещение убытков [Голикова, 1975: 132].

Для поездки к Аюке были выбраны старшина И. Палкин и стрелец А. Тихонов, а к Чакдорджабу должны были отправиться старшины Б. Торопчанин и И. Монастырский. К Чакдорджабу, улус которого кочевал недалеко от Красного Яра, старшины прибыли 5 августа. Как они сообщали, переговоры прошли мирно: «все доброе от Чапдержапа тайши мы слышали» [Голикова, 1975: 132]. Подробностей переговоров с Аюкой, который кочевал под Черным Яром, в документах не сохранилось, но И. Палкин сообщил, что тоже получил хороший прием у хана и получил его заверение о мире [Голикова, 1975: 133].

9 августа в Царицын прибыли двое гонцов от калмыцкого тайши Чимета с письменным сообщением о восстании в Астрахани и убийстве воеводы Т. Ржевского и 300 «начальных людей» [Социальные, 2004: 5]. Именно это известие от калмыков заставило местного воеводу Афанасия Турчанинова предпринять ряд мер, не позволивших агитаторам от повстанцев проникнуть в город и дестабилизировать обстановку. В частности, он запретил горожанам носить немецкие одежды и брить бороды и усы [Голикова, 1975: 174]. 13 августа тайша Чимет прислал в Царицын второе письмо с более подробным известием. По его данным, полученным от

калмыка из улуса Менке-Темира, следовало, что «в Астрахани де великой бунт». Оттуда на лодках выдвигался отряд в полторы тысячи человек с прицелом на Царицын, Азов и Таганрог. Чимет был хорошо осведомлен о малочисленности царицынского гарнизона, поэтому он советовал А. Турчанинову срочно просить помощи у правительства о присылке ратных людей [Социальные, 2004: 11].

В Саратове письменное послание от Аюки об астраханском восстании местные власти получили 24 августа. Помимо предупреждения об опасности со стороны астраханцев, Аюка советовал саратовскому воеводе обратиться за помощью в Ломовской уезд, чтобы оттуда срочно прислали дворян, служилых людей и татар для укрепления саратовского гарнизона и недопущения захвата города повстанцами [Социальные, 2004: 11].

Как отмечает Н.Б. Голикова, о событиях в Астрахани калмыки были осведомлены лучше других [Голикова, 1975: 175]. Сведения о восставших стекались в ханскую ставку из близлежащих к городу улусов, а также от бежавших от преследования повстанцев астраханских должностных лиц и офицеров. Но сведения поступали и от посланцев из мятежной Астрахани, приезжавших в калмыцкие улусы по разным вопросам. Аюка сразу и безоговорочно принял сторону правительства, с которым был связан подписанным соглашением. Он дал приют многим бежавшим астраханцам и помог желающим добраться до Саратова. Полковник Михаил Кареитов с братом остались в его ставке и стали его постоянными советниками. Хан регулярно отправлял лазутчиков в окрестности Астрахани для сбора разведывательной информации, также он имел связь и с князьями Черкасскими, которые держали его в курсе дела о ситуации в Терском городке. Как справедливо отмечала Н.Б. Голикова, Аюка и Чакдорджаб в переговорах с повстанцами на первых порах не раскрывали своих истинных намерений и вели свою дипломатическую игру, заверяя их в стремлении к сотрудничеству и миру [Социальные, 2004: 11].

Получив известие о подготовке и выдвижении из Астрахани «походного войска» повстанцев, калмыцкие отряды стали постепенно стекаться к Царицыну. Это резко усилило позиции царицынского воеводы А. Турчанинова, который расположил их по обоим берегам Волги, а 600 калмыков ввел в город. Сочувствующие повстанцам в Царицыне после этого оказались в меньшинстве и сообщили астраханцам, что Турчанинов «калмык для опасения от нас приговорил многое число и им, грацким жителям, он, воевода, з дворяны и с калмыки ни в чем воли не дает» [Цит. по: Голикова, 1975: 175, 176].

17 августа войско повстанцев под командой И. Дериглаза двинулось из Астрахани вверх по Волге. В районе Черного Яра астраханцы смогли рассеять немногочисленные калмыцкие отряды и подойти к Царицыну. Положение царицынского воеводы к моменту подхода повстанцев было довольно шатким, так как в городе царило брожение, а основные силы калмыков еще не подошли. Дериглаз не решился на немедленный штурм Царицына, а стал ожидать подхода донских казаков, которые в итоге отказались их поддержать. Воевода А. Турчанинов воспользовался замешательством астраханцев и перешел к активным действиям: «был бой, и от калмык били по них ис пушек, и из города Царицына по них стрельба была» [Голикова, 1975: 183, 184].

Астраханцы сумели оттеснить калмыков от берега, но затем отступили к Сарпинскому острову, безуспешно ожидая подхода казаков. Однако отряд донских казаков под командой атамана С. Чекунова пришел на помощь А. Турчанинову. В это время новые калмыцкие отряды продолжали стекаться под Царицын, увеличив общую численность калмыцкого войска [Голикова, 1975: 184, 185]. По сведениям дербетских владельцев, участников этого военного столкновения, только под их началом у Царицына было около 5 тыс. калмыков [Социальные, 2004: 28].

Из писем калмыцких тайшей к судье Приказа Казанского дворца Б.А. Голицыну известно, что они выдвинулись к Царицыну по приказу Аюки.

В основном это были дербетские тайши, которые традиционно кочевали в районе указанного города: Менке-Темир, Черкес, Четер, Чимет-Дорджи, Соном-Дорджи, а также торгутский владелец Чимет. На правом берегу Волги действовал против повстанцев тысячный отряд под командой Черкеса, который захватил в плен 18 астраханцев, 13 из них он затем отправил в Москву. Во всех своих письмах к Голицыну они перечисляли свои военные заслуги и просили содействия в получении государева жалованья за службу [Социальные, 2004: 27-30].

Разноречивость мнений, неуверенность в своих силах и постоянные атаки калмыцкой конницы привели к тому, что поход астраханцев на Царицын под руководством атамана И. Дериглаза окончился безрезультатно. Отступление было вызвано сообщением стрельцов, бежавших из калмыцкого плена, что тайши Менке-Темир, Черкес и Четер 27 августа по обоим берегам Волги планируют совершить нападение на Черный Яр [Социальные, 2004: 148]. Таким образом, для астраханцев создавалась серьезная угроза окружения под Царицыным.

Весть об отступлении астраханцев от Царицына, по всей видимости, дошла и до хана Аюки. После отплытия отряда Хохлача в Астрахань хан прислал письмо с печатью, написанное по-русски яицким казаком Я. Федоровым. Вероятно, Аюка не доверял чужому переводу и хотел довести до астраханцев прямой смысл своих слов. Содержание письма внешне носило дружественный характер, но в нем отмечались такие интонации, заключавшие в себе скрытую угрозу. Аюка писал: «Слышно мне починилось, что у ваших под Царицыным был бой с Чиметом и с Картемиром (Менке-Темиром. – *В.Т.*). И вы сами знаете, что они себе владельцы. И вы мне отпишите, хотите ли со мною быть в миру. Буде хотите быть в миру и вы пришлите ко мне своих посыльщиков для договору. А буде не хотите быть в миру и я с теми владельцами соединюсь. И о том мне давайте от себя отповедь» [Социальные, 2004: 198].

После отступления повстанцев ситуация под Царицыным стабилизировалась. 27 сентября в Приказ Казанского дворца прибыли посланцы с письмами от Менке-Темира, Черкеса, Чимета, Чимет-Дорджи и Четера. Все они сообщали о своих успешных военных действиях против повстанцев и просили вознаграждения. Б.А. Голицын отправил их письма к государю и обещал им поддержку после завершения всех мероприятий против мятежников [Голикова, 1975: 203].

Слухи о подавлении Астраханского мятежа быстро распространились по Москве, и наиболее яркое отражение они получили в донесениях иностранных резидентов. В связи с приездом в столицу калмыцких послов от вышеуказанных тайшей главную роль в подавлении восстания они отвели калмыкам. Например, О. Плейер сообщал в Вену, что хан Аюка по собственной инициативе уничтожил основную массу астраханских мятежников, а остальных взял в плен или рассеял [Голикова, 1975: 204].

11 октября 1705 г. Петр I отправил Б.А. Голицыну грамоту, адресованную мятежникам. В сопроводительном письме он распорядился послать калмыцким владельцам жалованье в виде «мяхкой рухляди» [Голикова, 1975: 206]. По всей видимости, это касалось только тех владельцев, кто воевал с мятежниками под Царицыным и чьи послы прибыли в столицу.

Опасаясь распространения мятежа, царское правительство готовилось к решительному подавлению восстания в Астрахани. Петр I лично приказал фельдмаршалу Б.П. Шереметьеву выступить в Астрахань с большой армией. В середине ноября армия выдвинулась из Москвы и 30 ноября достигла Нижнего Новгорода. На юге страны к фельдмаршалу должны были присоединиться местные резервы из числа донских казаков, калмыков и дворянского ополчения. Одновременно Петр I отправил в Астрахань грамоты с предписанием прекратить «смуту» и повиноваться «в смирении» царской власти.

В это время повстанцы в Астрахани понимали, что без поддержки донского казачества оказались в сложной ситуации. Жители мятежного Черного Яра первыми забили тревогу – калмыки перекрыли Волгу и не дают возможности передвигаться. 13 и 14 сентября калмыки совершили серьезные набеги на окрестности Черного Яра, который оказался в осаде. 17 сентября к крепости прибыли представители царицынских стрельцов и донских казаков. В ответ на их попытки убедить сложить оружие и подчиниться государевой власти черноярцы открыли огонь, все еще надеясь на помощь астраханцев [Голикова, 1975: 210, 211].

В начале октября отправленный из Астрахани отряд Хохлача подошел к Черному Яру и оттеснил в степь калмыцкие отряды, сняв таким образом осаду крепости. Однако уход крупного отряда вверх по Волге снова осложнил ситуацию под Астраханью. Татары, побывавшие в калмыцких улусах, привезли астраханцам тревожную весть о подготовке калмыками нападения на Красный Яр. Чакдорджаб якобы просил Дорджи Назарова прислать к нему для поддержки вооруженный отряд калмыков. Астраханская старшина, укрепив Красный Яр, отправила три усиленных вооруженных разъезда в окрестности города. У астраханцев уже не оставалось каких-либо иллюзий относительно нейтралитета калмыцких владельцев, и они перешли к открытому военному столкновению [Голикова, 1975: 212, 213].

Возросшая военная активность калмыцких владельцев против повстанцев в сентябре и октябре 1705 г. показала, что они являются очень опасным и сложным противником. Действия калмыцких отрядов сразу в нескольких местах, высокая их мобильность, уклонение от открытых боев с крупными силами повстанцев делали борьбу с ними малоэффективной. Астраханские отряды не могли нанести калмыкам серьезного хозяйственного урона, так как калмыцкие улусы предварительно откочевали далеко в степь. Применяя такую тактику, калмыки изматывали восставших, нарушали хозяйственную деятельность и держали астраханское население в постоянной тревоге. Астраханских старшин со всех сторон осаждали

просьбами о помощи, и им постоянно приходилось заниматься формированием новых военных отрядов для отражения калмыцких набегов. Блокада района восстания перекрытием Волги у Царицына усугублялась теперь и внутренним блокированием отдельных астраханских городов и крепостей. Торговля с населением степи практически полностью прекратилась, что вызвало рост цен и ухудшение общей экономической ситуации в Астрахани [Голикова, 1975: 218, 219].

Тем временем царицынский воевода укрепил город и полностью перекрыл маршрут снабжения Астрахани, не пропуская даже суда с хлебом, что грозило большими осложнениями. Круг решил послать к Царицыну новый отряд с указанием действовать по обстановке. Прибыв под Царицын, отряд во главе с А. Хохлачом убедился, что город хорошо укреплен и его не взять. Единственный путь, который позволял максимально приблизиться к городу, лежал через Сарпинский остров, который А. Хохлачу удалось захватить. С этого острова астраханцы два дня безрезультатно обстреливали Царицын из пушек. Видя бесплодность начатых военных действий, А. Хохлач 24 октября отдал распоряжение погрузиться в струги и отплыть к Черному Яру.

Пока отряд А. Хохлача находился в Черном Яру, Аюка прислал туда письмо с известием о прибытии к нему из Москвы стольников М. Заманова и Л. Воейкова с указом начать войну против астраханцев. Хан также извещал об отправке против мятежников 20-тысячного царского войска, не считая тех сил, которые уже находились в «низовых городах» и под началом калмыцких владельцев. Далее Аюка уведомлял о присылке в Астрахань государевый грамоты с требованием прекратить восстание и обещанием помиловать, это, видимо, и подвигло хана на принятие решения: «войной на вас ныне не пошел, не взяв от вас отповеди и не хотя пролить вашей крови». Аюка предлагал Хохлачу вернуться в Астрахань и подписать там повинную, заверив, что заступится за них перед государем, в противном случае он угрожал войной [Голикова, 1975: 231].

После отхода повстанцев от Царицына А. Турчанинов собрал военный совет, на котором присутствовали донские старшины, калмыцкие тайши, стольник Л. Воейков и полковник Б. Кареитов. В результате они договорились начать общее наступление на Черный Яр, чтобы уже в ноябре его захватить, но решили дождаться ухода отряда Хохлача из крепости в Астрахань. Главной ударной силой были определены калмыки, которых Турчанинов обещал снабдить боеприпасами. После совещания Воейков и Кареитов выехали в ставку Менке-Темира, чтобы лично наблюдать за ходом военных действий [Голикова, 1975: 235, 236].

Однако в начале ноября повстанцам через перебежчиков стало известно о готовящемся нападении на Черный Яр. Вскоре крепость была окружена калмыками и после нескольких безуспешных штурмов была осаждена. Начавшиеся переговоры ни к чему не привели, и 30 ноября в полдень тайша Чимет со своими улусными людьми с двух сторон снова атаковал Черный Яр: «конницею и пехотою ударил по них боем с верхние стороны от реки, ис под горы, под самыми надолбами, под огорожи». В его распоряжении было двести человек с огнестрельным оружием, но перестрелка, длившаяся около двух часов, ни к чему не привела. Калмыцкая конница стояла наготове в ожидании вылазки черноярцев, но те так и не вышли за стены крепости. Калмыки Чимета вынуждены были отступить, поскольку «с конницею никакова бою нет, а у оружейных не стало пороху и свинцу». После вступили в бой люди Менке-Темира: «ударили на них, черноярцев, боем же и бою у них ружейного было всю ночь до свету палили по них, черноярцах, из двух пушек медных». Этот бой также закончился из-за отсутствия боеприпасов [Социальные, 2004: 50].

С наступлением зимы калмыцким улусам предстояла перекочевка на зимние пастбища в Мочаги, поэтому держать долгое время в осаде Черный Яр калмыки не могли. Перегон скота и лошадей на юг на сотни верст для кочевника был важнее участия в военных мероприятиях. В начале декабря 1705 г. калмыки начали перекочевку. К этому времени армия фельдмаршала

Б.П. Шереметева подходила только к Казани, а дворянское ополчение П.И. Хованского подошло к Саратову. Но Л. Воейкову и Б. Кареитову все-таки удалось часть калмыков удержать и продолжить осаду Черного Яра [Голикова, 1975: 238, 239].

В январе и феврале 1706 г. ситуация в Астрахани и его окрестностях не улучшилась, хотя калмыки сбавили свое давление из-за начавшейся зимы. В Красном Яру жители продолжали находиться на полуосадном положении. Периодически в дельте Волги учуги подвергались нападениям калмыков, которые сопровождались убийствами и захватами в плен стрельцов и рыбаков. Очень сильно страдали от калмыцких набегов астраханские юртовые татары. В январе военные действия под Черным Яром прекратились, но его жители держались настороже.

6 февраля стольник М. Заманов прибыл в ставку Аюки, которая находилась в Рын-Песках. Он сообщил хану о приходе в Царицын 2-тысячного войска князя П.И. Хованского, который планировал двигаться вниз по Волге. Встреча царских и калмыцких войск предполагалась под Черным Яром, и Аюка направил туда войско под началом сына Санджаба [Социальные, 2004: 71].

12 февраля 1706 г. к Аюке прибыл дворянин А. Змеев, который привез ткани, меха, кожу и другие подарки хану и тайшам, а также благодарственную грамоту от имени государя, письма Б.А. Голицына и Б.П. Шереметева. Калмыцкий хан остался очень доволен жалованьем и обещал и далее верно служить государю.

11 марта армия Б.П. Шереметева подошла к Астрахани и заняла все окрестности. Повстанцы после долгих споров приняли решение сопротивляться. Правительственные полки расположились у города со стороны р. Кутум, а калмыки – со стороны степи. 12 марта астраханцы предприняли вооруженную вылазку из города, но были разбиты регулярными полками и загнаны в Белый город. Пока войска занимали Земляной город, калмыцкое войско под началом Аюки, Чакдорджаба, Менке-

Темира и Черкеса действовало с другой стороны. Им противостоял отряд из астраханцев в 200 человек под командой стрельца Туменка и юртовских татар. В ожесточенные схватки с применением холодного и колющего оружия калмыки и драгуны вступали с повстанцами прямо на улицах слободы. Как отмечали свидетели, воспользовавшись полной неразберихой и хаосом, калмыки занимались и грабежом домов астраханцев [Социальные, 2004: 300].

Утром 13 марта астраханские повстанцы прекратили сопротивление и сложили оружие. В знак покорности они вынесли к Вознесенским воротам топор и плаху. Построив свои полки, фельдмаршал Шереметев двинулся к кремлю. На всем пути следования от Вознесенских до Пречистенских ворот «по обе стороны улицы астраханцы все лежали на земле», а у кремля фельдмаршала встречал митрополит. Шереметев, приняв у него печать и ключи от города, с высокого крыльца Приказной палаты объявил астраханцам, что по указу Петра I вина их предается забвению и что отныне они по-прежнему должны верно служить царю. Затем фельдмаршал назначил людей, которым поручалось провести перепись населения города и привести его к присяге.

С самого начала восстания Аюка соблюдал нейтралитет, изредка беря на себя роль посредника между Астраханью и Москвой. Тем не менее он присоединился к правительственным войскам, потому что прибытие регулярной российской армии означало быстрый конец восстанию и, следовательно, получение хороших трофеев. События показали, что у калмыков отсутствовал опыт ведения осадной войны, но они оказали большую помощь русской армии. Астраханское восстание, не получив поддержки у донских казаков, было обречено, а активное участие калмыков на стороне правительства только ускорило его подавление.

В начале XVIII в. калмыцко-донские отношения продолжали оставаться весьма непростыми, и конфликты вспыхивали еще до начала Булавинского восстания. Например, в августе 1707 г. дербетский тайша

Менке-Темир сообщал в Приказ Казанского дворца, что после отправки им своего сына Четера с войском на русскую службу в Польшу на его улус, кочевавший на Волге, совершили нападение многочисленные казаки и отогнали два табуна лошадей. Тайша весьма серьезно воспринял угрозу со стороны казаков, он имел сведения о готовящемся их новом выступлении на калмыков. Именно этот набег казаков стал поводом для отзыва им калмыцкого войска Четера и Чимета, которое вернулось с полпути, с Тульского уезда, подвергнув разорению встречавшиеся казачьи городки [Булавинское восстание, 1935: 124–125].

На требование из Посольского приказа разъяснить, на каком основании казаки выступили против калмыков, и вернуть отогнанные калмыцкие табуны, в Войске ответили, что их казаки не имеют отношения к этим нападениям, что в этом участвовали «астараханские изменники, а называютца те воры их донскими казаками». В Войске подтвердили факт жестоких нападений калмыков Четера и Чимета на их территорию, указывая, что они «многие их городки разорили и казаков мужеска полу в смерть били и кололи, а женску полу и девок в неволю брали и многое разорение починили, а на них де затевают напрасно». Атаманы и казаки обратились в Москву с официальной жалобой на нападения калмыков Аюки и Менке-Темира [Булавинское восстание, 1935: 125].

Булавинское восстание началось в ночь на 9 октября 1707 г. с нападения отряда Кондратия Булавина на царский карательный отряд возле Шульгинского городка и убийства князя Юрия Долгорукого. Однако восстание не сразу получило широкое развитие, так как уже в конце октября войсковой атаман Лукьян Максимов, в том числе и при поддержке донских калмыков, на р. Айдар разгромил повстанцев [Пронштейн, 1961: 258–259]. Судя по списку участников, в том походе с калмыцкой стороны участвовал только Батыр-Тайджи, который не входил во владение Аюки-хана и кочевал от него отдельно, в составе Войска Донского. За свою службу в разгроме

булавинцев он получил отдельно из царской казны 200 рублей [Булавинское восстание, 1935: 145].

Потерпев поражение, К. Булавин и его сподвижники перезимовали в Запорожье и с началом весны 1708 г. возобновили свое выступление. В марте они захватили Пристанский городок, который стал центром восстания и куда стекались многочисленные повстанцы, избежавшие в зиму разгрома царскими войсками. В это же время возобновились и столкновения донских повстанцев с калмыками.

12 марта 1708 г. 2 тыс. повстанцев во главе с Игнатом Некрасовым, кто на лодках, кто конные, внезапно атаковали улус Аюки в урочище Сасыколь, ниже Черного Яра. Нападение было настолько неожиданным для калмыков, что казаки «повоевали [их] людей, посекли и в полон поймали». Аюка, имея при себе немного людей, не смог организовать какого-либо сопротивления и отошел вглубь степи. Он срочно сообщил о нападении в Астрахань царскому посланнику - стольнику Ивану Бахметеву. Незадолго до этого стольник приезжал к Аюке с царским указом выставить 20-тысячное войско против башкирских повстанцев и отправился в Астрахань за военными припасами для будущего калмыцкого похода в Башкирию. Бахметев срочно выехал к Аюке, кочевавшему в 200 верстах от Волги. Последнее событие настолько потрясло калмыцкого хана, что он счел невозможным выставить большое войско против башкирских повстанцев из-за сохранявшейся угрозы калмыцким кочевьям: «многое разорение от казаков, казахов, каракалпаков и башкир». Аюка просил разыскать нападавших «воровских» казаков и забрать у них «калмыцкий полон», и Бахметев выехал к Волге, но не застал там булавинцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 51–51об.].

Однако целью булавинцев были не калмыцкие улусы, а столица донского казачества – Черкасск. Войсковой атаман Л. Максимов вокруг себя собрал 8 тыс. человек, в число которых входили и калмыки. 7 апреля противоборствующие стороны сошлись на р. Лисковатка, между Паншинской и Голубинской станицами. Однако 9 апреля, когда начался бой,

многие казаки из отряда Максимова перешли на сторону повстанцев, что в конечном итоге и решило исход битвы. Атаман бежал в Черкасск, а его войско было деморализовано, и Булавину оставалось лишь двинуться на столицу казачества. 1 мая вспыхнуло восстание в самом Черкасске, и Булавин занял город. С этого времени власть полностью перешла в руки повстанческого лидера, были казнены войсковой атаман и его помощники, произведена конфискация церковных денег и т. п. 9 мая новым войсковым атаманом на Круге был избран Булавин [Пронштейн, 1961: 260, 261].

В целом отношение К. Булавина к калмыкам было отрицательным. Это касалось не только донских калмыков, поддержавших атамана Л. Максимова и участвовавших на его стороне во всех сражениях против булавинцев, но и так называемых «аюкинских» калмыков, которые своими набегами разорили немало казачьих городков.

Не имея возможности снять значительные силы регулярной армии с фронтов Северной войны, чтобы бросить их на подавление восстания, правительство в короткий срок сформировало 32-тысячную армию из дворян и служилых людей под командой гвардии майора В.В. Долгорукого. 28 апреля 1708 г. правительственные войска под командованием стольника С.П. Бахметева на р. Курлак разбили повстанческий отряд Лукьяна Хохлача. Мобилизацию войск против повстанцев организовали изюмский полковник Шидловский и калмыцкий хан Аюка [Пронштейн, 1961: 262].

Активизация правительственных сил заставила К. Булавина действовать более решительно. Он направил отряд Семена Драного в район Северского Донца, к Изюму, а отряд Игната Некрасова – на Волгу. Готовился им удар и по Азову, но, как сообщал азовский губернатор И.А. Толстой, в период подготовки «судовая сволочь… черкасские бурлаки и кабацкие ярыжки» под командой атамана Павлова и Некрасова, взяв пушки и другое оружие, двинулись «для добычи» на Волгу [Пронштейн, 1961: 262-263; Булавинское восстание, 1935: 422].

Действуя против калмыков Аюки, отряд И. Некрасова должен был поднять на антиправительственное выступления все народы Поволжья и, возможно, соединиться с башкирскими повстанцами, которые в это время восстали в районе Уфы. Стольник И. Бахметев лично общался с посланцем тайши Чакдорджаба, Загалдаем, который виделся с башкирами в Яицком городке, где те по секрету сообщили ему о якобы имеющихся контактах с булавинцами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 40]. По мнению В.И. Лебедева, саратовское направление булавинцами было выбрано не случайно, поскольку у Саратова они могли бы объединиться с восставшими башкирами, татарами, мари, вотяками [Лебедев, 1935: 60].

13 мая повстанцы захватили крепость Дмитриевск на р. Камышинка, где им достались артиллерия и боеприпасы. Сделав ее своим опорным пунктом, булавинцы направились в сторону Саратова. По показаниям пленных булавинцев, участвовавших в саратовском походе, первым к Саратову подошел отряд атамана Л. Хохлача из 700 человек. По Волге на стругах двигался отряд из 300 человек атамана Т. Трофимова, но он так и не успел соединиться с основными силами и вернулся обратно на Камышинку. Потерпев неудачу в первом приступе к крепости, Хохлач отвел свой отряд и стал дожидаться подкрепления во главе с И. Некрасовым. В день объединения отрядов повстанцев, по словам Терентьева, к Саратову подошли «бузовые калмыки» с целью войти и укрыться в городе. Однако они не были пропущены за крепостные стены, и калмыки совершили нападение на повстанцев: «от Саратова били и бой де великой учинили, и казаков де они калмыки побили со 100 человек, и они де казаки атаман Лунька и Игнашко с конными казаками, не устояв против калмыков, побежали на Дон» [Булавинское восстание, 1935: 440].

Однако в материалах «Калмыцких дел» отложились более подробные сведения о столкновении калмыков с булавинцами под Саратовом. 22 мая 1708 г. из Казани к Аюке прибыл саратовец Григорий Микулин с листом, в котором сообщалось, что булавинцы во главе с И. Некрасовым вошли в

Дмитриевский и далее направляются на Саратов. На основании этого калмыцкий хан просил правительство отправить вооруженные силы против указанных повстанцев. Эта просьба объяснялась тем, что по государеву указу Аюка должен был отправить в Башкирию для подавления восстания 20-тысячную конницу, а дополнительных сил для направления к Саратову у него не было, поскольку охрана калмыцких улусов также требовала большого внимания. По этому вопросу Аюка совещался со стольником И. Бахметевым, который как раз и отвечал за организацию башкирской экспедиции калмыков. Было принято решение об отправлении половины от 20-тысячного калмыцкого войска под Саратов, а другой половины - в Башкирию. Войско, направлявшееся под Саратов, возглавили тайши Четер и Яман. Бахметев лично приказал Яману за четыре дня с войском добраться до Саратова, переправиться через Волгу на правый берег и «над ворами промысел чинить» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 52].

Из отписки стольника И. Бахметева от 2 июня 1708 г. становится известно, что Даши-Батур со своими 1700 человек были из владения хана Аюки и кочевали на Дону, где на стороне проправительственных сил вступили в борьбу с Булавиным. После захвата булавинцами Черкасска эти калмыки отступили к Саратову и приняли участие в разгроме полуторатысячного отряда И. Некрасова. По данным Бахметева, в столкновении с калмыками под Саратовом казаки потеряли 200 человек, и многие из них были ранены, в качестве трофеев калмыкам достались 350 лошадей с седлами и вооружение. Разгромленные булавинцы, кто пешим, кто конным, бежали по правому берегу вниз по Волге. Кроме отряда Даши-Батура, в этом районе находились и другие калмыцкие военные формирования, направленные Аюкой. В 50-ти верстах выше Саратова они переправлялись на правобережье и двигались в сторону города [Булавинское восстание, 1935: 442].

Из письма казанского коменданта Н. Кудрявцева князю А.Д. Меньшикову известно, что к тайшам для переговоров по вопросу о

военной помощи против булавинцев был отправлен саратовский воевода Никифор Беклемишев. В письмах, адресованных Аюке, Менке-Темиру и Чимету, указывалось, «чтоб они великому государю послужили и воровских казаков воровство искоренили, также, как служили и усердие показали над астраханские бунтовщики». По сведениям Н. Кудрявцева, Аюка и другие владельцы против булавинцев под Саратов выделили 4-тысячное войско под командованием Менке-Темира и Ямана [Булавинское восстание, 1935: 425, 426].

Некоторые детали переговоров Н. Беклемишева с калмыцкой стороной стали известны позже, в январе 1709 г., уже из содержания письма хана Аюки, адресованного боярину Б.А. Голицыну. Просьба саратовского воеводы выделить ему калмыцкое войско для защиты города от булавинцев на основании якобы имеющегося особого государевого указа вызвала у Аюки большое сомнение. Он отправил, как и планировал ранее, 20-тысячную конницу во главе с пятью крупными владельцами на подавление башкирского восстания, а под Саратов указал идти только тысячному отряду под командой Ямана и Муклай-Батура. Однако Беклемишев с этим не смирился и лично провел переговоры с отдельными калмыцкими тайшами. В частности, прийти на помощь Саратову ему удалось уговорить Чимета, Дондук-Омбо и Менке-Темира, который вместо себя отправил своего сына Четера [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1709 г. Д. 4. Л. 1, 2]. Таким образом, Беклемишеву все-таки удалось сформировать сводное воинское подразделение из отрядов различных калмыцких владельцев. Все они двинулись разными дорогами к Саратову и смогли там переломить ситуацию в пользу правительственных сил.

Действительно, в разгроме булавинцев на Волге большая заслуга принадлежала и другим калмыцким тайшам, в частности, Четеру и Чимету. Из письма самого тайши Чимета к боярину Б.А. Голицыну, датируемого августом 1708 г., становятся известны обстоятельства военных действий калмыков под Саратовом. Первоначально по государеву указу и велению

Аюки калмыцкое войско готовилось выдвинуться в Башкирию для подавления восстания, но по просьбе саратовского представителя Алексея Шахматова Чимет направился под Саратов, куда уже подошли булавинцы. По мнению Чимета, если бы повстанцы захватили Саратов, то могли и «иным государевым городам зделать беду немалую». Чимет и Боясхулак во главе войска из 4,5 тыс. человек подошли к городу, но еще до их прибытия основные силы булавинцев уже были разбиты [Булавинское восстание, 1935: 446, 447]. Как говорилось выше, под Саратовом повстанцы были разбиты отрядом тайши Даши-Батура.

В то же время, сообщал в письме Чимет, по другой дороге к Саратову с войском двигался дербетский тайша Четер, которому удалось встретить и разгромить 3-тысячный отряд булавинцев, 500 человек из которых были убиты [Булавинское восстание, 1935: 446, 447]. Из отписки астраханского воеводы князя Петра Ивановича Хованского в Приказ Казанского дворца в октябре 1708 г. известно, что войско калмыков-дербетов, помимо тайши Четера, возглавляли владельцы Цюрюм-Батур и Соломан-Дарчи. Боярин П. И. Хованский, двигаясь из Казани, направил этих тайшей под Саратов и впоследствии дал высокую оценку их действиям: «…великому государю службу свою показали верную, и стояли крепко и бились мужественно». Потери булавинцев после этого сражения, по данным Хованского, составили 300 человек убитыми и 200 ранеными, калмыки захватили у казаков 16 бунчуков [Булавинское восстание, 1935: 447, 448].

От Саратова войско Четера двинулось вниз по р. Медведица к Дону. Это было крупное воинское сводное формирование, насчитывавшее примерно 5 тыс. человек, полторы тысячи из которых принадлежали самому Четеру. По пути следования к Дону им удалось разгромить один из отрядов булавинцев, уничтожив примерно 250 казаков и ранив 100 человек [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 11. Л. 9об., 10]. В качестве доказательства своей победы Четер привез стольнику Бахметеву 9 знамен, захваченных у казаков,

и 250 правых ушей, срезанных у погибших булавинцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 9. Л. 53].

Разбив и рассеяв по степи под Саратовом отряды Хохлача и Некрасова, калмыцкие войска во главе с тайшами совместно с сотней саратовцев под командой А. Шахматова двинулись к Камышинке, где в составе войска П. Хованского приняли участие в захвате перешедших на сторону восставших жителей Дмитриевского (Камышина). 20 июля астраханские полки Апраксина захватили Царицын. С разгромом Дмитриевского закончилась булавинщина на Волге, угрожавшая не только волжскому торговому пути, но и возможностью соединения с башкирскими повстанцами [Чаев, 1935: 55].

Отступив к Дону, повстанцы под началом И. Некрасова, И. Павлова и П. Федорова соединились в станице Голубинской, где пытались организовать оборону против войск П. Хованского, наступавшего с Волги, и армии В. Долгорукого, двигавшейся со стороны Черкасска. По приказу князя П. Хованского тайша Чимет с отрядом из 900 человек выдвинулся в район устья р. Иловля, где в ходе набега разбил и сжег три казачьих городка повстанцев. В следующем набеге в устье Иловли калмыки сожгли Перекопский городок, захватив 3 пушки и уничтожив 150 повстанцев. После казни булавинцами около Паншина городка посланника князя П. Хованского тайши Чимет, Дондук-Омбо и Боян-Хулан получили новое указание – выдвинуться в этот район с 1,5-тысячным войском, в состав которого уже входили 200 украинских казаков (черкасов) полковника Ф. Шидловского. Преследуя двое суток отступавших из Паншина городка булавинцев, передовой отряд калмыков сумел настичь их и навязать бой. Но только с подходом основных сил П. Хованского удалось полностью разгромить 4-тысячный отряд повстанцев. Всего в этой военной операции по преследованию и разгрому булавинцев, по сведениям самого Чимета, участвовало 11 тыс. калмыков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1708 г. Д. 11. Л. 3об., 4; Булавинское восстание, 1935: 446, 447].

Остатки восставших казаков в количестве 3 тыс. человек пытались собраться в Есауловом городке, но 22–23 августа он был взят в осаду армией В. Долгорукого. После упорной обороны осажденные сдались и подверглись жестоким репрессиям. Не успев прийти в Есаулов, И. Некрасов со своим 2-тысячным отрядом ушел на Кубань, под протекцию крымского хана [Чаев, 1935: 55].

Под Паншиным городком булавинцы потерпели жесточайшее поражение. Почти все они были уничтожены, а их семьи и имущество достались победителям, в том числе и калмыкам. Войска П. Хованского и В. Долгорукого, следуя предписанию из центра, приступили к систематическому уничтожению верховых городков по Хопру, Бузулуку, Медведице, Донцу, Айдару и другим рекам. Активное участие в этом приняли и калмыки.

На положение Калмыцкого ханства значительное влияние оказывала сложная международная обстановка на юге. Русско-турецкий мир, заключенный 3 июля 1700 г. сроком на 30 лет, не снял напряженности на границе, где время от времени отмечались случаи набега кочевников. Начиная с лета 1710 г. русско-турецкие отношения резко ухудшились. Неизбежность очередной войны с Портой осознавали и в России. Петр I с этой целью предпринял ряд мер, одной из которых было привлечение как можно большего количества калмыков для будущей к участию в предстоящей борьбе с Крымом и кубанцами.

Не слишком доверяя обещаниям российского правительства о военной поддержке в случае внешней агрессии, хан Аюка решил самостоятельно заключать мирные соглашения. В первую очередь в начале 1709 г. было заключено перемирие с башкирами и, таким образом, калмыки отстранились от участия в подавлении башкирского восстания в составе русской армии [Материалы, 1936, № 116]. Для укрепления результатов, достигнутых в урегулировании отношений с мусульманским миром, Аюка в этом же году направляет в Порту ногайца Мехмед Салих-бека. Прибыв в августе в

Стамбул, посол доставил письмо, содержание которого, к сожалению, не известно [Khodarkovsky, 1992: 146].

Решение приграничных конфликтов и других задач по укреплению южных границ было возложено на казанского губернатора Петра Матвеевича Апраксина. Возвращаясь из Астрахани в Казань, П.М. Апраксин по дороге встретился с ханом Аюкой и с 5 по 7 сентября 1710 г. провел с ним переговоры на р. Даниловка. В ходе этой встречи были утверждены и подписаны так называемые «договорные статьи» «О подданстве хана Аюки со своими тайшами и людьми его Российскому государству». Губернатор сообщал государю: «…И о настоящих вашего царского величества делах говорил и на многих пунктах утвердил, что ему, хану Аюке, со всеми тайшами и с людьми своими быть вашему царскому величеству в верной службе паче прежнего вечно» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 1; ПСЗРИ, 1830, т. IV: 547-550].

Разберем в подробностях статьи этого нового договора. Во-первых, Петр I высоко оценил заслуги калмыцкого хана в подавлении антиправительственных восстаний и как поощрение повысил ему годовое жалованье до 1 тыс. руб., а также увеличил количество выдаваемого свинца и пороха. По словам П.М. Апраксина, Аюка «служить обещался до смерти своей во всякой верности и кочевьем улусов своих от реки Волги отходить никуда не будет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 3, 3об.; ПСЗРИ, 1830, т. IV: 547].

Во второй статье договора говорилось, что по государеву указу П.М. Апраксину поручено управлять обширным краем, куда входили Казань, Уфа, Астрахань, Терек и все низовые города. Поэтому губернатор просил калмыцких владельцев, чтобы они всеми мерами защищали русские города и «с русскими ратными людьми друг друга оберегали заодно». За военную службу на границе калмыкам полагалось дополнительное жалованье. Аюка, Чимет, Четер и Дондук-Омбо перед губернатором «по вере своей душами обещались» всячески защищать государевы города, а хан поклялся, что

«никогда он верной своей службы к великому государю не оставит» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 3об., 4; ПСЗРИ, 1830, т. IV: 548].

В-третьих, еще в августе П.М. Апраксин получил указ, и Петр I лично писал Аюке, чтобы калмыцкие улусы осенью выдвинулись к Дону и там провели зимовку. Это требовалось не только ради защиты российской границы, но и для набегов на Кубань, в т. ч. и против казаков-некрасовцев. Согласно стратегическим планам российского командования, калмыкам надлежало временно заменить донских казаков, которые после их участия в Булавинском восстании были обескровлены и к которым правительство не питало особого доверия. В междуречье Сала и Маныча калмыки должны были сформировать передвижную линию защиты, чтобы, с одной стороны, остановить набеги казаков-некрасовцев и кубанцев, а с другой – не допустить объединения сил крымских татар и кубанских ногайцев. Аюка, «хотя то и [было] не без труда», пообещал выполнить этот указ и осенью отправить 10-тысячную конницу во главе с Чиметом и Четером на Дон, под Манацкий городок [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 4об., 5; ПСЗРИ, 1830, т. IV: 548]. Именно эти силы в январе 1711 г. стали главным сдерживающим фактором выступления кубанцев на помощь крымским татарам [Рахаев, 2012: 73].

В-четвертых, в результате переговоров было принято решение, по которому Аюка под угрозой разорения и выдачи царским властям запретил тайшам и их улусным людям самостоятельно переходить на правый берег Волги и появляться в русских уездах. Присутствующие тайши подтвердили, «что они по тому во всем исполнять будут» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 5, 5об.; ПСЗРИ, 1830, т. IV: 548-549].

В пятой статье договора речь шла об обязательстве калмыков участвовать в подавлении башкирского выступления. Еще ранее правительственные войска во главе со стольником Иваном Бахметевым должны были соединиться с калмыками, чтобы по государеву указу двинуться на башкирских повстанцев. Но калмыки так и не прибыли к месту

сбора, и это, по мнению русской стороны, привело к тому, что башкирские «изменники» учинили «и Казани и многим уездам разорение великое, и больше 11000 людей побили и побрали». Аюка ответил, что он уже три недели назад отправил против башкир 5-тысячную конницу во главе с тайшой Дорджи Назаровым и другими владельцами. Большего числа воинов калмыцкий хан отправить не мог, но обещал уже следующей весной отправить в Башкирию тайшу Чимета с многочисленным войском, если «какой иной великой нужды не будет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 5, 5об.; ПСЗРИ, 1830, т. IV: 549].

В шестой статье договора затрагивался вопрос безопасности уже калмыцких кочевий. Аюка просил губернатора отправить специальные указы во все волжские города от Астрахани до Самары, чтобы местные власти оказывали калмыкам всяческую военную поддержку в случае возникновения внешней угрозы, которая могла исходить, в первую очередь, от крымцев и башкир. П.М. Апраксин заверил хана, что с его стороны такие указы обязательно будут разосланы. Только астраханским властям казанским губернатором было предоставлено право самостоятельно принимать решение об оказании военной помощи калмыкам, не ссылаясь на Казань. Коменданты других волжских городов такого права не имели, они должны были предварительно получить разрешение от казанского губернатора. Также все коменданты волжских городов были обязаны без задержки всячески оказывать помощь подводами и провожатыми калмыцким послам, направляющимся в Казань [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1710 г. Д. 6. Л. 6, 6об.; ПСЗРИ, 1830, т. IV: 549, 550].

Хан Аюка и губернатор П.М. Апраксин заключили договор на правах правителей крупными областями. Один по поручению государя управлял всей «Низовой землей» от Казани до Астрахани, другого русская сторона считала «над многими степными ордами владетельным Ханом». Именно от взаимоотношений этих двух людей зависела судьба огромного региона и проживающего в нем населения: «и как меж ими дружба будет крепкая, и

всем людям, которые под их владением, всегда будет добро, и Великому Государю служить все будут во всякой твердой крепости» [ПСЗРИ, 1830, т. IV: 550].

9 ноября 1710 г. Османская империя объявила войну России. В султанском указе главной причиной начала войны указывалась опасность, исходящая от Российского государства. В доказательство приводилось то, что в нарушение мирного договора русские якобы построили крепости на турецкой границе, а на Азовском море сосредоточили большой флот. Говорилось о нарушениях турецкой границы русскими войсками, преследовавшими Карла XII после его разгрома в Полтавской битве. Перечислялись также многочисленные мелкие конфликты, имевших место на границах Крымского ханства. Например, упоминался набег в турецкие пределы отряда калмыков, которые ограбили и убили 200 турецких подданных, захватили 1700 голов крупного скота. Все это в указе истолковывалось как проявление явного намерения «московитов» в скором времени напасть на Османское государство [РГАДА. Ф.89. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-5].

В соответствии с общим стратегическим планом крымского хана Девлет-Гирея II, шведского короля Карла XII и украинского гетмана Ф. Орлика, сторонника И. Мазепы, военные действия против России должны были начаться на Правобережной Украине. Перед объединенным войском ханского сына Мехмед-Гирея, отрядов казаков-орликовцев и поляков И. Потоцкого ставилась задача – захват всей украинской территории вплоть до Киева. На левом берегу Днепра совместно должны были действовать войска крымского хана, кубанского нуреддина Бахта-Гирея и запорожцев, которые планировали разорить всю Слободскую Украину и воронежские судостроительные верфи [Возгрин, 1985: 74].

Крымский хан Девлет-Гирей II в конце декабря 1710 г. с основной массой татарских войск и запорожцами, не встречая особого сопротивления, быстрым маршем двинулся на Воронеж. Однако, достигнув района Харькова, татарские отряды были вынуждены повернуть назад в Крым [Орешкова, 1971:

15]. По сообщениям пленных татар, это отступление было вызвано известием о приближении крупных воинских подразделений под командованием генерала Шидловского. Ожидаемая ими под Харьковом кубанская группировка была задержана калмыцкими отрядами хана Аюки, напавшими на кочевья кубанских татар [Письма и бумаги, 1887: 401].

Действительно, по договоренности с П.М. Апраксиным Аюка этой зимой отправил на Дон несколько отрядов под командой Дондук-Омбо, Чимета и Четера. Именно они и не допустили соединения кубанцев с главными силами крымского хана на Украине, таким образом сорвав общее наступление крымских сил на Воронеж. По всем калмыцким улусам ханом был разослан приказ о подготовке к войне с Турцией и Крымом [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1711 г. Д. 3. Л. 3, 4].

1 февраля 1711 г. по государеву указу к Аюке прибыл саратовский комендант Никифор Беклемишев, который должен был передать Аюке письмо от губернатора П.М. Апраксина. Ставка калмыцкого хана в это время располагалась на правом берегу Волги, в 115 верстах ниже Черного Яра.

22 февраля 1711 г. в Петербурге был издан манифест о войне с Турцией [ПСЗРИ-IV: 627–639]. Военные приготовления шли на всем протяжении русско-турецкой границы – от Кубани до Молдавии. Вместе с тем российское правительство рассчитывало посеять антитурецкие настроения среди татарского населения Северного Причерноморья. В феврале 1711 г. правительство обратилось с грамотами к мирзам и народам Крымской, Буджацкой, Ногайской и Кубанской Орд. В них говорилось, что Россия готова принять их в «свое подданство и оборону», если татары и ногайцы выступят против турок. В противном случае давалось обещание «огнем и мечом разорять яко неприятелей своих» [Письма и бумаги, 1887: 95-97]. Однако они не приняли это предложение и в течение всего 1711 г. вели войну с Россией.

План военных действий был разработан с учетом произведенной после Полтавской битвы российскими дипломатическими и военными кругами

переоценки собственных сил, но они явно недооценивали силы Турции, а особенно Крыма. Борьбе против Крымского ханства впервые в истории русско-турецких конфликтов отводилась второстепенная роль. Для применения отвлекающих маневров против татар планировалось выделить не более 20 тыс. казаков под командованием гетмана Украины И.С. Скоропадского и генерала Д.И. Бутурлина. На Кубань предполагалось отправить около 7 тыс. солдат казанского губернатора П.М. Апраксина [Мышлаевский, 1898: 220].

В борьбе с Кубанской Ордой и Крымом российское правительство возлагало большие надежды на калмыков. «Калмыцкие дела» снова были переданы из Приказа Казанского дворца в Посольский приказ. Из письменного послания канцлера Г.И. Головкина от 28 февраля 1711 г. известно, что Аюке через его послов было отправлено годовое жалованье, состоявшее из 1 тыс. золотых червонцев и мехов. Канцлер благодарил Аюку и его супругу за подаренных коней и от себя лично отправил им подарки: сукно, две пары соболей и пищаль. На просьбу Аюки прислать ему на помощь 10-тысячное царское войско, Г.И. Головкин вынужден был ответить отказом, ввиду начавшейся русско-турецкой войны. Калмыцкому хану канцлер вкратце объяснил причину начала войны – нарушение мира турецкой стороной, крымско-татарские набеги, совершенные этой зимой на российские земли. Перед Аюкой ставилась конкретная задача – отправить калмыцкие войска против Кубани и Крыма «сколько возможно и чинить промысел и в полон брать и разорять» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1711 г. Д. 1. Л. 3–4об.].

5 марта 1711 г. Петр I в своей грамоте к Аюке обещал крупные денежные жалования в обмен на военную помощь против кубанцев. Предполагалось, что казанский губернатор П.М. Апраксин со своими войсками присоединиться к войскам хана. Аюка заверил российскую власть, что кубанские ногайцы не смогут противостоять ему [Khodarkovsky, 1992: 148].

Но хан Аюка не торопился. Прежде всего, следуя договору о мире, Аюка в марте 1711 г. послал в Крым объявление о войне. Тем самым хан нарушил предписанное ему указание не иметь договоров с другими государствами. В своем письме к астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову от 2 марта 1711 г. Аюка писал: «У нас с Крымом был договор о мире и как завоюемся о том промеж собою скажемся, и когда русские с Турцией начнут войну и он с крымцами не будет в миру, а теперь он хочет послать им ведомость, что быть [ему] с ними в войне». Следовательно, хан Аюка, минуя российское правительство, заключал договоры о мире и войне по своему усмотрению [Новолетов, 1884: 11].

Весной казанский губернатор П.М. Апраксин получил именной указ Петра I о выступлении из Казани с регулярными и нерегулярными войсками на Кубань. Под Царицыным ему предписывалось объединиться с калмыцким войском Аюки, чтобы «идти на Кубань, на магометанские татарские жилища для воинскаго промыслу, и с Божиею помощию велено Кубань Его Царскому Величеству покорить или разорить» [Бранденбург, 1867: 30].

Некоторые сведения о походе нам известны из публикации извлечений, сделанных Н. Бранденбургом из «Послужного списка кубанскаго походу 1711 года» [Бранденбург, 1867: 29-42]. По данным этого источника, кубанская экспедиция регулярных войск под командованием П.М. Апраксина началась выступлением из Казани 13 мая 1711 г. В их состав входили: губернаторский батальон – 590 чел., казанский полк – 1197 чел., полк бригадира Афанасия Мамонова – 1200 чел. Кавалерия включала в себя шквадрон из 600 всадников и три драгунских полка – 2566 чел. В Царицыне к экспедиции присоединились астраханский полк полковника Рихтера в количестве 1113 чел. и 20-тысячная калмыцкая конница под командованием Чакдорджаба.

В Царицыне П.М. Апраксину пришлось на время задержаться, так как 14 июня на р. Ахтуба у него состоялась личная встреча с ханом Аюкой. Несомненно, что главным вопросом на переговорах была организация

предстоящего кубанского похода. Аюка заверил губернатора, что «на Кубань со всяким усердием в поход идти сам желает, только де за старостью и за болезнью своею самому идти в тот поход невозможно». Главным над калмыцким войском вместо себя он отправил старшего сына Чакдорджаба, а с ним и внуков – Дондук-Омбо, Досанга и Бату (двое последних были старшими сыновьями Чакдорджаба). В состав командования входили зять Аюки, дербетский тайша Четер, и некий племянник хана, который кочевал по Яику. 19 июня калмыцкое войско стало переправляться через Волгу и 27 числа присоединилось к экспедиции П.М. Апраксина в Царицыне. Почти половину калмыцкого войска составляли люди Чакдорджаба – 9500 чел. Согласно ведомостям калмыцких владельцев, пришедших в Царицын, всего калмыцком войске насчитывалось 20474 чел. Некоторые из воинов были вооружены «железными бронями» [Бранденбург, 1867: 31-32].

Численность русского экспедиционного войска с учетом донских и яицких казаков, артиллерийской прислуги и обозных солдат составила 13888 чел. После того, как к нему присоединились калмыки численность объединенного русско-калмыцкого экспедиционного войска уже составила 34362 чел. [Бранденбург, 1867: 30; Приймак, 2012: 89]. Для того времени эта была весьма внушительная военная сила, включающая в себя пехоту, артиллерию и, что самое важное, массированную конницу, которая могла решать многие боевые задачи.

5 августа объединенное войско подошло к Азову и после 10-дневного отдыха двинулось на Кубань. В междуречье Бейсуга и Кирпили произошли первые столкновения с кубанскими разъездами, что, естественно, нарушило скрытность передвижения русско-калмыцкого войска [Приймак, 2012: 90]. Не доходя 100 верст до Кубани, на р. Бисугу, 26 августа П.М. Апраксин отправил вперед авангардное соединение, куда входили драгунские полки и казаки общей численностью 3600 чел. Но основную массу этого соединения составляли калмыки численностью 14000 чел. под командованием Дондук-Омбо, Досанга, Бату и Четера [Бранденбург, 1867: 36].

Отправив вперед столь внушительный авангард, 29 августа основные силы войск Апраксина и Чакдорджаба подошли к Кубани. В этот же день произошло вооруженное столкновение с кубанцами, о чем повествует «Послужной список…»: «И в тот день салтаны кубанские по разным местам по Кубану во многих собраниях были, но противнаго собранием бою дать не могли, но с великим страхом как могли по Кубану в крепкие места и за Кубань с женами и детьми бежали, топясь, с многим страхом, где их в тот день [было] побито и в полон побрано, и в реке Кубани потонуло многия тысячи» [Бранденбург, 1867: 37]. Из описания видно, что появление на Кубани крупного русско-калмыцкого войска вызвало настоящую панику. Отсутствие у кубанского войска значительных сил, отправленных к крымскому хану Девлет-Гирею в Подунавье и нуреддин-султану к верховьям Кубани, а также уход в набег на южнорусские уезды отряда Джан-Арсланбека, сделали Орду практически беззащитной [Кабардино-русские II, 1957: 6; Потто, 1887: 19; Приймак, 2012: 91].

После первого боестолкновения П.М. Апраксин и Чакдорджаб два дня простояли на месте, ожидая возвращения отрядов, ранее отправленных к Копылу, столице Кубанской Орды, и в низовье реки для разорения ногайских жилищ. 31 августа войска выдвинулись вверх по Кубани, за четыре дня пройдя 86 верст. 4 сентября П.М. Апраксин принял решение возвращаться обратно к Дону, поскольку большая часть территории Кубанской Орды к этому времени была разорена [Бранденбург, 1867: 38].

Главной причиной, заставившая П.М. Апраксина срочно свернуть боевые действия на Кубани и вернуться, стало заключение мирного договора. Попав в окружение и оказавшись в безвыходном положении в Молдавии, 12 июля 1711 г. Петр I на р. Прут был вынужден пойти на подписание мирного договора с Османской Портой. Условия его были тяжелыми для России: город Азов возвращался Турции, срывались русские крепости Таганрог, Каменный Затон и другие укрепления, построенные после 1696 г.[ПСЗРИ-IV: 714–716]. Таким образом, почти два месяца российские войска вели бои в

Приазовье и Прикубанье в нарушение мирного договора. Возможно, приказ о прекращении боевых действий П.М. Апраксин получил только в первых числах сентября [Приймак, 2012: 92].

По возвращении русско-калмыцкого войска к Дону П.М. Апраксин получил сведения, что 3-тысячный отряд Джан-Арсланбека и 20 мирз движутся на Кубань после успешного набега на Саратовский и Пензенский уезды, где были разорены 36 русских сел и деревень со «многим числом полону русскаго». Навстречу противнику сразу же была отправлена калмыцкая конница. На подходе к р. Сал кубанский отряд был встречен калмыками и практически полностью уничтожен. В плен было взято 120 кубанцев, уйти удалось только одному раненому мирзе и двум ногайцам. Русский полон численностью около 2 тыс. человек был освобожден [Бранденбург, 1867: 39; Пальмов, 1929: 17].

Однако разгромом отряда Джан-Арсланбека кубанская экспедиция П.М. Апраксина и Чакдорджаба не закончилась. Стоявший до этого в верховьях Кубани против кабардинцев нуреддин вернулся на Кубань и срочно собрал все имеющиеся силы из ногайцев, черкесов и казаков-некрасовцев общей численностью 7 тыс. чел. Вечером 5 сентября нуреддин настиг войско П.М. Апраксина на р. Сал и стал от него лагерем в двух верстах. На следующий день, 6 сентября, русско-калмыцкое войско атаковало позиции нуреддина. Как отмечает источник, «того султана и татар побили многое число, и многие с великим страхом с того бою бежали, гнали их и колотили калмыцкие войска, на многих верстах, мало не до самой Кубани, и собраны султанские клейноды и другие знаки и щиты многие, и лошадей и ружья многое число» [Бранденбург, 1867: 39-40]. По другим данным, в этом бою было убито 1400 и взято в плен 470 кубанцев [Приймак, 2012: 92].

Оценивая итоги Кубанского похода, П.М. Апраксин писал брату: «И так милостию божию и счастием царского Величества оружия Кубань вконец разорена» [Цит. по: Приймак, 2012: 92]. По мнению Ю.В. Приймака, по

своим результатам это событие имело куда более важное значение, чем простая демонстрация военной и политической мощи России. Впервые российские войска осуществили успешное вторжение на территорию Кубанской Орды, одной из богатейших провинций Крымского ханства [Приймак, 2012: 92]. До этого только калмыцкой коннице начиная с середины XVII в. периодически удавалось вторгаться в этот регион и подвергать его разорению с захватом ногайских кибиток.

После столь удачной кубанской кампании российское правительство увеличило запрос на военную службу калмыков. 2 января 1712 г. Б.П. Шереметев обратился к канцлеру Головкину с проектом, согласно которому в его распоряжение надлежало выделить 15–20 тыс. калмыков и 5 тыс. донских казаков. Объяснял необходимость в этом тем, что «ежели татаре, разделясь на разные пути в землю нашу пойдут, тогда регулярные [войска] никакой противности татарам учинить не смогут» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 16. Л. 1об.-2].

В условиях территориальных потерь южное направление нуждалось в серьезном укреплении протяженной границы и в Санкт-Петербурге на Аюку, несомненно, возлагали большие надежды, так как в ходе Кубанской кампании калмыцкая конница наглядно продемонстрировала свой военный потенциал. В царской грамоте от 2 февраля 1712 г. Аюке указывалось отправить 15-тысячное войско под командование П.М. Апраксина, которому была поручена охрана южных границ Азовской губернии. По этому же указу калмыки должны были отправиться в корпус фельдмаршала Б.П. Шереметева. Сбор войск предполагался в Изюме и Харькове [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 7, 7об.]. Присутствие калмыков на Украине являлось важной частью стратегического плана Петра I. Государь приказал удовлетворить все материальные запросы и жалобы калмыцкой стороны. На содержание 15-тысячной калмыцкой конницы выделялись значительные суммы, но перед угрозой ответного кубанского набега даже это не могло убедить Аюку отправить на Украину большую часть своих войск.

По государеву указу 17 февраля 1712 г. из Казани к Аюке был направлен саратовский комендант Никифор Беклемишев с указом об отправке 15-тысячного калмыцкого войска на Украину. 23 марта он прибыл в ставку калмыцкого хана, находившуюся в 500 верстах от Волги на левой стороне, в урочище Самаре. По поводу отправки столь крупного войска на Украину хан, будучи в недоумение, задал вопрос: если с турецким султаном «учинен мир» и «которых городов турской салтан желал, те ему отданы, разве тот мир не тверд?», и сам же ответил на него: «Если [мир] не тверд, то придетса государю и низовую Украину оберегать» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 3, 3об.].

20 апреля калмыцкий посланец Ходжим прибыл в Казань с двумя письменными посланиями, в одном из которых Аюка просил губернатора отправить в район Астрахани 5-тысячное русское войско для охраны калмыцких улусов. В другом письме он сообщал о невозможности отправки калмыцкой конницы на Украину, поскольку у калмыков разгорелась внутренняя борьба за улус покойного Чимета [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 7. Л. 3, 3об.].

Возраставшая угроза с восточного направления заставила калмыков искать возможности для установления более тесных связей с Россией. По словам посланца Лузана, саратовские власти отказали калмыкам в военной помощи после того, как ими были получены сведения о готовящемся нападении каракалпаков. На этом основании Аюка просил правительство направить указы в Астрахань, Царицын и Саратов, чтобы местные коменданты по первому требованию Аюки выделяли отряды для поддержки в случае угрозы набегов соседних кочевых народов [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 5. Л. 41].

Одновременно калмыцкие владельцы внимательно отслеживали информацию о ходе русско-турецких мирных переговоров. 5 декабря 1712 г. между Россией и Турцией был заключен Константинопольский мирный договор, который подтвердил основные положения Прутского мирного

договора. 5 марта 1712 г. хан Аюка писал в Астрахань, будто слышал, «что Государь с турецким султаном помирился, и как он с крымцами и кубанцами находится не в миру, то просил дать знать» [Цит. по: Новолетов, 1884: 11]. Аюка не просто так просил точных сведений об окончании русско-турецкой войны. Следуя договору с Крымским ханством, в случае прекращения военных действий между Россией и Турцией хан собирался отправить калмыцкое посольство в Крым для начала собственных мирных переговоров.

В государевой грамоте к Аюке от 28 марта прямо указывалось о заключении мира с Портой, поэтому запрещалось отправлять какие-либо войска против турецких подданных и «никаких неприятельских ссор с подданными Порты Оттоманской не чинить» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 11–12]. В другой грамоте к калмыцкому хану от 12 мая Петр I с благодарностью за службу отмечал: «Нам верный поданный Аюка хан, о службе вашей к нам мы известны, за что вас и благодарим. Показывайте нам и впредь ваши верные службы, за что будете иметь нашу милость и награждение. Мы в надежде той пребываем к Вам, милостию склонный» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 15].

17 марта 1713 г. к Аюке прибыл стольник Д. Бахметев с государевым указом от 13 января, в котором хану предписывалось к началу мая под Харьков прислать крупное калмыцкое войско. Аюка выразил готовность и дальше участвовать в русско-турецкой войне: «И я на вашу службу всегда готов, сколько мочи есть, а отказу нет». Однако до хана дошли слухи, что каракалпаки, казахи и башкиры собираются выступить против калмыков войной. Если бы эти сведения подтвердились, то Аюка не обещал отправить на войну крупное войско. Как сообщал Бахметев, хан рассуждал примерно следующим образом: если угрозы с востока не будет, то на войну Аюка готов был отправить 20-тысячную конницу; если война у калмыков предвиделась бы только с казахами, то он готов был отправить только 15 тыс. войска; «малое войско» в 10 тыс. человек Аюка готов был отправить только в том

случае, если на калмыков совершили бы набег казахи с каракалпаками [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 3. Л. 7, 9, 9об.].

29 апреля в Москву прибыло посольство от Аюки, возглавляемое Ходжумом. Из ханского письма к государю стало известно, что его посол еще не прибыл из Крыма, но ногаец, прибывший с Кубани, сообщил ему, что кубанское войско оказалось втянутым в междоусобное столкновение мирз на левом берегу Дона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 8. Л. 1–1об.].

Адрианопольский мир, заключенный 13 июня 1713 г. сроком на 25 лет, положил конец войне России с Османской Портой, следовательно, и между их вассалами. Но на деле все обстояло несколько иначе. При заключении мира турецкая и российская стороны осознавали разрушительную силу участия калмыков в военных конфликтах между их государствами. Неудивительно, что девятый из одиннадцати пунктов мирного трактата был посвящен именно калмыцкой проблеме: «Россияне не должны находиться среди калмыков, которые открыто проявляют враждебность и наносят вред крымскому народу, подданным Порты, или черкесам и ногайцам, подданным Крыма; крымцы или татары не должны использовать калмыков как оправдание, чтобы причинить вред россиянам. Если будет нанесен какой-либо ущерб одной из сторон, то виновники должны быть наказаны, а захваченные люди и скот возвращены» [ПСЗРИ-V: 42]. Документ, с одной стороны, признавал определенную политическую независимость Калмыцкого ханства, с другой стороны, Россия имела право применить все доступные ей политические и военные средства, чтобы ограничить калмыцкие набеги на подданных Порты.

13 августа 1712 г. на территорию Российского государства впервые прибыло китайское посольство, целью которого был проезд в ставку калмыцкого хана Аюки, кочевавшего на Нижней Волге. Главным вопросом на переговорах с ханом Аюкой значилось вовлечение правителя волжских калмыков в антиджунгарскую коалицию. Приезд китайского посольства поставил российское правительство перед сложной дилеммой: пропускать

или нет через территорию России дипломатическую миссию в калмыцкие улусы? Отказ мог привести к приостановлению русско-китайской торговли, являвшейся в то время одним из важнейших приоритетов русской политики в отношении Китая. С другой стороны, разрешение на проезд открывало китайским послам возможность для ведения переговоров с ханом Аюкой о создании китайско-калмыцкой коалиции против Джунгарского ханства, что могло нарушить неустойчивое равновесие сил, сложившееся на границах Южной Сибири [Мороз, 2009: 31].

Однако российское правительство приняло решение о пропуске китайского посольства к хану Аюке, но всячески его отговаривало вступать в переговоры с послами о создании коалиции против Джунгарского ханства. В «приговоре» Правительствующего сената от 26 ноября 1712 г. казанскому губернатору П.М. Апраксину поручалось «проведывать всячески: для чего оной посланец к нему, Аюке, приехал». И если выяснится, «что приехал он подзывать его, Аюку, на калмыцкого владельца, контайшу, войною, и то ему, Аюке, говорить, дабы он на него, контайшу, войною не ходил для того, что он, контайша, царскому величеству примирителен» [Русско-китайские, 1978: 132].

Хан Аюка старался как можно лучше встретить посольство из Китая, поэтому обратился за помощью к астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову. Он писал ему: «Посол китайского [государства], слышно нам, что будет вскоре. Пожалуй, ты ко мне пришли для государской милости и для оказыванья Бориса Кареитова да 100 человек драгун с пушками и барабаны, и сиповки, и с виоли, и с рушными ядры немедленно, потому [чтобы] показать мне ему, послу, милость государеву. Да пришли ко мне от овощей яблок, пшена сорочинского, шпталы, орехов грецких, сахару и изюму, и фиников, и всяких овощей, какие есть в Астрахани, вина и водки довольно, меду, чахирю, всего против прежнего излишния пришли - едут из дальнего государства небывалые послы, также по своей милости от себя ко мне пришли» [Русско-китайские, 1978: 148].

1 июля 1714 г. посольство достигло ставки хана Аюки в урочище Манутохай, где для них уже было приготовлено 10 кибиток. Первая встреча послов с ханом Аюкой состоялась 2 июля, т. е. уже на следующий день. По данным И.Х. Шничера, к послам прибыл ханский человек и после поздравления с приездом сказал, что «они бы в тот же день, как приехали, могли быть допущены до их хану, если бы хан не рассуждал, что по той трудной езде надлежит им прежде иметь отдых; теперь хан желает их у себя видеть без дальнего отлагательства». Посланники в сопровождении И.Х. Шничера отправились к хану. Из Астрахани были присланы дворянин Борис Кареитов и поручик Лиц с сотней драгун, которые стояли по обеим сторонам дороги пред ханским шатром и при музыкальном сопровождении оружием отдали честь. На расстоянии выстрела от ханского стана находилось большое количество простых калмыков, которые, невзирая на запрет, пытались подойти поближе, чтобы получше увидеть все происходившее. Четверо охранников, вооруженных луками, их удерживали, без предупреждения стреляя по тем, кто подходил слишком близко. С целью не причинить глубоких ран, наконечники стрел были оснащены круглыми головками [Русско-китайские, 1978: 485].

Церемония вручения калмыцкому хану Аюке грамоты цинского императора Канси (Сюань Е) по-разному описывается в цинских и русских источниках. В «Записках Тулишэня» говорится: «На переди перед грамотою ехали Аюки Хановы Тайдзи и Ламы. Грамоту вез один из нашей свиты, держа над головою. За грамотою ехали мы с своею свитою, За нами следовали Руские офицеры и Салдаты. Приехав пред Аюки Ханову юрту с лошадей все слезли, а Аюка Хан вышед из юрты стал пред повелительною грамотою на колени, и приняв оную обеими руками, и вздымя голову, и воззря на юг, сказал: «Высочайшему и Святейшему Хану многая лета» [Путешествие, 1782: 112–113].

В записках российского офицера И.Х. Шничера этот эпизод описывается несколько иначе: «Подойдя к ханскому шатру, китайские послы

вынули из деревянной коробочки грамоту, написанную на золотой бумаге, после чего главнейший из них, Агадай, взявши оную, держал обеими руками на четверть аршина выше головы и так шел с прочими своими товарищами весьма тихо в шатер до ханского места. Хан сидел в бархатных креслах, поставленных на четверть аршин вышиною, на персидском ковре. По окончании речи подал Агадай хану грамоту от своего хана, а потом обнял обеими руками Аюкины колени. Напротив того положил Аюка правую руку на посланниково плечо, изъявляя чрез то свою благодарность, и опять сел». Вторым речь произнес Тулишэнь, за ним другие послы, и сели все рядом [Русско-китайские, 1978: 484].

Очевидно, что церемонию вручения грамоты в данных источниках отличают детали. По мнению Е.Л. Беспрозванных, русская версия является более достоверной, поскольку И.Х. Шничеру не было никакой необходимости искажать картину встречи. Для цинских послов было важно подчеркнуть вассалитет калмыцкого хана по отношению к цинскому императору, несмотря на его мнимое значение. Тулишэнь просто изобразил картину встречи такой, какой она представлялась китайским представлениям о церемонии получения вассалом императорского указа [Беспрозванных, 2008: 73].

После официальной части заиграла музыка и начался пир, во время которого велась беседа на самые различные темы. Наконец, встал вопрос о возвращении Арабджура, и послы сказали: «Когда Его величество бейзе Арабджура хотел чрез землю Цевань-Раптаня к нему отправить, то Цевань-Раптань, не доброхотствуя ему, отговаривался находящимися по ту сторону его владения хасахами и ха-рахалбаками, объявляя, что он опасается, дабы хасаки или харахалбаки не перехватили Арабджура на дороге и его не погубили, и понеже Арабджура дорогою оною отправить опасно, то за лучшей его величество находит к тому способ, чтоб путь или пропуск Арабджуру исходатайствовать у россиян». И ради этого, добавили послы, они и отправлены к нему, чтобы посоветоваться. И как скоро они привезут

ответ от Аюки к императору Канси, «то и Арабджур по тому к нему, Аюкию, отправлен быть имеет». Аюка не сразу дал ответ на это предложение, сославшись на то, что ему сначала надо посоветоваться с родными Арабджура [Русско-китайские, 1978: 469].

10 июля 1714 г. послы вновь посетили хана Аюку. В вопросе о решении возвращения его племянника на родину Аюка был весьма дипломатичным. Он согласился, что ехать «южными землями» Арабджуру нельзя, но, если из Китая он поедет домой через российскую землю, то необходимо получить разрешение у царя, на что потребуется немалое время. По этой причине, заключил хан Аюка, послам не следует зря терять время и, не дожидаясь решения царя, следует отправиться в обратный путь. Он же тем временем пошлет к государю своих посланников, и, если царь согласится, то хан Аюка направит к цинскому императору своих послов [Русско-китайские, 1978: 472].

Именно во время пребывания посольства в калмыцких улусах Аюка осуществил официальное мероприятие, целью которого была демонстрация цинским представителям своей легитимности как хана и устойчивости своей династии [Беспрозванных, 2008: 75]. Как отмечает В.М. Бакунин, в присутствии цинских послов, Буканг-ламы и других владельцев и представителей духовенства Аюка официально объявил наследником старшего сына Чакдорджаба, вручив ему печать, присланную к нему от Далай-ламы, на ханское достоинство [Бакунин, 1995: 30]. Судя по письменным свидетельствам того времени, Аюка передал сыну первую свою печать, которой пользовался до 1699 г. и происхождение которой до сих пор неизвестно. Себе же он оставил вторую печать, дарованную ему Далай-ламой VI, которой пользовался вплоть до своей смерти.

14 июля 1714 г. цинское посольство, пробыв в ставке хана Аюки две недели, отправилось в обратный путь. «Воинские люди» хана Аюки проводили посольство за Волгу [Русско-китайские, 1978: 473].

Итак, попытка цинского императора Канси склонить хана Аюку к выступлению против джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана не увенчалась

успехом. Как российский подданный Аюка не имел права вступать в военный союз с иностранным государством, к тому же Джунгарию и Волгу разделяло огромное расстояние, населенное враждебными кочевыми народами.

Кубанская Орда, являвшаяся частью Крымского ханства, обладала определенной автономией. В 1713 г. хана Девлет-Гирея II сменил вновь назначенный Стамбулом Каплан-Гирей. В Бахчисарай с целью поздравить нового хана с восшествием на престол и провести с ним переговоры об установлении мирных отношений с окончанием русско-турецкой войны прибыло калмыцкое посольство от Чакдорджаба. Крымский хан подтвердил калмыцким послам, что отныне «они в миру». Однако хан не гарантировал калмыцкой стороне, что его ногайские подданные будут соблюдать этот договор [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 17]. Новый хан не желал портить отношения с кубанскими ногайцами, поскольку по приказу турецкого султана Ахмеда III для подчинения Кабарды он открыл военные действия против кабардинцев. В этих условиях поддержка кубанцев была ему крайне необходима.

Действительно, летом 1713 г. нуреддин Бахта-Гирей начал подготовку к крупномасштабному походу на калмыков. В августе это известие достигло и Калмыцкого ханства. Чакдорджаб немедленно сообщил об этом русским властям, причем в своем письме он привел вполне реальную цифру численности – 30 тыс. кубанского войска [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1. Л. 43, 45]. Это стало серьезным доводом к тому, что российское правительство приняло решение не отправлять крупный воинский контингент калмыков под Харьков, оставив его на прежнем месте дислокации для охраны приграничных городов от возможного набега кубанцев [ПСЗРИ-V: 49].

31 августа вышел государевый указ о том, что в связи с заключением мирного трактата с Турцией калмыцкое войско не отправлять на Украину, а калмыкам Аюки не вступать ни в какие конфликты с турецкими подданными. Данный указ Аюке 1 октября привез саратовский комендант Никифор Беклемишев. Надо отметить, что к этому времени калмыцкое войско во главе

с Бату и Бокшургой уже выдвинулось на Украину и перешло Волгу в районе Саратова, но с получением указа оно было отозвано обратно [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 10. Л. 13].

Ответное письмо Аюки и письма других владельцев к государю 21 декабря 1713 г. привезло калмыцкое посольство во главе с Лузаном. Основной темой послания хана было укрепление безопасности калмыцких кочевий. В частности, выражалась просьба отправить в Турцию российского посланника, чтобы тот провел переговоры с османскими властями по калмыцкой проблеме и добился бы отправки на Кубань уполномоченного для примирения калмыков с кубанцами. Также для защиты калмыков Аюка просил российские власти разместить в Астрахани и Царицыне по 5-тысячной коннице. В другом письме для борьбы с набегами каракалпаков хан просил 10-тысячную конницу, 10 пушек и 10 бомб. Письма, адресованные государю, были и от Дарма-Балы, Дондук-Омбо, Четера, Чимет-Дорджи, Ламы-Дондука и Соном-Дорджи [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 10. Л. 13-14].

Затишье продолжалось до ноября 1713 г., когда хан Аюка и Чакдорджаб вновь написали в Астрахань о движущемся на них кубанском войске. 20 ноября Чакдорджаб получил известие, доставленное из Царицына дербетским тайшой Четерем, «будто кубанское войско, седши на кони, идут против калмыков». Они просили срочно прислать пороха, свинца и русские отряды, да чтобы «пушек было немалое число». Выражалось желание, чтобы во главе войска находились полковник Зажарский и один из братьев Кареитовых – Михаил или Борис [Пальмов, 1929: 22, 23]. К этим командирам калмыцкие правители питали особое доверие, и во время Астраханского восстания позволили им найти надежое прибежище у калмыков. Сборным пунктом военных сил Чакдорджаб назначил урочище Казыяр, ниже Черного Яра [Пальмов, 1929: 23]. Но кубанцы из-за необычайно сильных морозов и слухов о большом русском войске, идущем на защиту калмыков, снова повернули обратно.

В начале январе 1714 г. Чакдорджаб из-за наступления холодов также был вынужден отпустить русское войско обратно в Астрахань. Собственных сил у него был достаточно, чтобы нанести по Кубанской Орде превентивный удар. Чакдорджаб преследовал и другую цель – вернуть в калмыцкие улусы тех подвластных ему ногайцев, что бежали на Кубань при появлении в степи кубанцев. Во главе войска численностью в 2500 человек Чакдорджаб стоял на заставе в степи, у р. Кума, в трех днях пути от Кубани, «чтоб впредь кубанцов под государевы городы не допустить». Он отправил своего посланца в Москву с целью получить «подлинную ведомость» о состоянии русско-турецкого мира [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 2. Л. 1об.–2об.; Д. 7. Л. 5об.].

Грамотой от 19 марта 1714 г. государь известил Аюку, что турецкому султану было отправлено послание с сообщением о набегах кубанцев, и на этом основании просили отправить от имени султана в Крым и на Кубань запретительные грамоты [Батмаев, 1976: 137]. Однако кубанские мирзы продолжили совершать набеги и в марте кубанцы осуществили успешный набег, захватив у калмыков 230 кибиток [Пальмов, 1929: 23, 24]. В письме к казанскому губернатору П.С. Салтыкову Аюка сообщал о потере более ста кибиток. По сообщению его посланца Ходжума, кубанское войско насчитывало 3 тыс. человек. Кубанцам удалось захватить большое количество скота, а калмыки потеряли людей убитыми и пленными. Однако преследовать отступавшего противника они не имели возможности, поскольку лошади были сильно ослаблены из-за снежной зимы и наступившей бескормицы. Аюка просил казанского губернатора донести до турецкой стороны, что кубанцы продолжают совершать нападения на калмыков без ведома султана и крымского хана. Калмыцкий хан просил содействия в возвращении захваченного кубанцами полона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 9. Л. 5, 5об.].

Следуя пунктам договора 1710 г., калмыцкое войско в начале осени 1714 г. выступило на правый берег Волги для защиты русской границы от

возможных нападений неприятеля. Переход происходил в обстановке крайней нервозности, так как по калмыцким улусам упорно циркулировали слухи о готовящемся набеге кубанцев. 8 сентября Аюка писал в Астрахань обер-коменданту М.И. Чирикову: «Кубанцы с нами подлинно не в миру. Поэтому изволь послать знатного своего человека в Казань, чтоб прислали ко мне коннова войска десять тысяч, а буде невозможно хотя б шесть или пять тысяч. А буде из Казани войско ко мне прислать невозможно, чтобы о том писали к Великому Государю в Москву и чтоб то войско прислали до льду» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 124].

12 сентября Аюка и Чакдорджаб известили Чирикова о выступлении 1 сентября с Кубани 30-тысячного войска против калмыков. По мнению Н.Н. Пальмова, одновременность движения каракалпаков и кубанцев на калмыков заставляет предполагать согласованность плана их действий, и это обстоятельство, по-видимому, особенно волновало Аюку и Чакдорджаба. Аюка также извещал Чирикова, что он отправляет посланца к царю с листом, в котором, надо полагать, изображалось трудное положение калмыков ввиду угрозы нападения на них неприятелей с двух сторон и излагалась просьба о подаче своевременной помощи калмыкам ратными людьми [Пальмов, 1929: 25, 26]. В другом письме в Астрахань уже Чакдорджаб с тревогой спрашивал Чирикова: «вы нам дадите войско иль нет, и будете ль за нас стоять?» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 233].

Действительно, 9 октября в Москву прибыл посланец Аюки, Ходжум, с письменным посланием хана, в котором с тревогой сообщалось: «кубанцы на наши юрты войною конечно поднимаютца». На этом основании Аюка просил прислать к нему 10-тысячное русское войско или 7–8 тыс. солдат. В крайнем случае он соглашался и на 5-тысячную конницу, которая подчинялась бы Аюке и которую в зимний период можно было держать в Астрахани. В личной беседе Ходжум признался, что калмыцкий хан готов принять любую военную помощь со стороны российского правительства, так как опасается

повторения судьбы терских ногайцев, недавно подвергшихся нападению кубанцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 6, 6об., 8].

Однако Россия, занятая войной со Швецией, не могла выделить калмыкам столь большое войско. В государевой грамоте от 17 ноября на указанный запрос Аюки содержался прямой ответ: «за настоящим с турками мирным утверждением посылать к тебе, подданному нашему, войск наших не надлежит» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 1. Л. 17–18].

11 декабря Аюка письменно подтвердил астраханскому обер-коменданту сведения Чакдорджаба: «Кубанское войско подлинно поднимается. А видели мои, которые взяты были в полон и ныне с Кубани ушли. И я с войском поднялся. Также и вы свое войско готовьте» [НА РК. Ф. И-36. Д. 2. Л. 221; Пальмов, 1929: 26]. В другом письме калмыцкий хан просил Чирикова немедленно отправить к государю посланца с подробным письменным изложением все той же опасности, которая нависла над калмыками, что они с кубанцами действительно «не в миру» [НА РК. Ф. И-36. Д. 2. Л. 235; Пальмов, 1929: 26]. Как видно, Аюка ждал помощи от правительства и не терял надежды на присылку к калмыкам вспомогательного войска.

С наступлением 1715 г. обстановка на калмыцко-кубанской границе продолжала оставаться напряженной. Из близлежащих районов в калмыцкие улусы стекалась разная информация о кубанцах. Так, 25 января астраханскому коменданту Чакдорджаб сообщал следующее: «В осень послан был от нас в Черкасской казачий городок посыльщик, и ныне к нам приехал и сказал подлинные вести, что кубанцы сели на кони и в нынешнем месяце будут к нам. Пороху и свинцу довольно пришли» [НА РК. Ф. И-36. Д. 3. Л. 14; Пальмов, 1929: 26, 27].

На правом берегу Волги действовал разведывательный отряд калмыков, которому удалось захватить шестерых кубанцев и отогнать две тысячи лошадей. По всей видимости, разведке удалось раздобыть какую-то информацию, и 30 января Чакдорджаб сообщал в Астрахань: «Сего месяца с

пятого дня кубанцы на их, калмык, подымутся». На этом основании тайша просил прислать хотя бы «небольшое войско» [НА РК. Ф. И-36. Д. 3. Л. 29; Пальмов, 1929: 27].

В начале февраля Чакдорджаб с войском уже стоял в урочище Коровья Лука, откуда снова просил коменданта М. Чирикова прислать к нему вспомогательный отряд. Наличие небольшого русского отряда при калмыцком войске, по мнению Чакдорджаба, должно было выглядеть всего лишь тактической уловкой: «А которое от вас прислано ко мне войско будет, и при них отпущу своего человека и кубанского татарина, – и те посыльщики скажут на Кубани, что при мне есть русское войско… И услыша, что ваше войско при мне есть, и, чаю, что неприятели и не будут, а хотя и будут, о том буду у бога милости просить». На кубанском направлении он расставил в трех местах заставы, одна из которых насчитывала полторы тысячи человек [НА РК. Ф. И-36. Д. 3. Л. 21, 21об.; Пальмов, 1929: 27].

11 февраля Чакдорджаб в последний раз дал знать Чирикову о приближении кубанцев: «Из Черкасского к нам пришло письмо – кубанцы поднялись тому де ныне шестнадцатой день. Пожалуй, пришли ко мне войска немедленно». Посланец Чакдорджаба словесно сообщил обер-коменданту, что на заставе, где стоит Дондук-Омбо, калмыки от проезжающих русских людей слышат такие же вести о кубанцах, какие получены были из Черкасска [НА РК. Ф. И-36. Д. 3. Л. 26; Пальмов, 1929: 27].

Но было уже поздно. 15 февраля 1715 г. Бахта-Гирей с большим войском внезапно атаковал калмыцкие улусы и ставку хана Аюки. Кубанцы разорили несколько оставшихся без защиты улусов. При спешном бегстве Аюка лишился кибитки с имуществом и спасся под защитой русского отряда А. Бековича-Черкасского.

В марте 1715 г. в Казань из Астрахани прибыл прапорщик Я. Долгов с письменными посланиями подполковника Немкова и Бековича-Черкасского к губернатору П.С. Салтыкову. Из устного донесения Долгова известно, что он с подполковником Немковым 16 февраля, в начале первого часа дня,

прибыл в ставку хана Аюки, располагавшуюся на Болдинском острове, в шерсти верстах к востоку от Астрахани. С ханом в это время был только Альди-Гирей, незадолго до этого прибывший к нему из ссылки, и 30 калмыков. Очевидно, что калмыцкий хан в этот момент не ожидал кубанского наступления, поскольку его ставка состояла только из двух кибиток, «а караулу никакова у него, Аюки, на том острову не было». Основная часть калмыцкого войска во 8главе с Чакдорджабом находилась на другом острове, за р. Малой Болдой, вокруг Корабельной пристани, где стоял полк А. Бековича-Черкасского [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 2].

По сообщению Долгова, в день их приезда к Аюке 30-тысячное кубанское войско, куда входили и казаки-некрасовцы, совершило внезапное нападение на калмыков в четвертом часу дня. Перешли кубанцы Волгу в двух верстах от Астрахани и стали лагерем в степи напротив Болдинского острова. А. Бекович-Черкасский немедленно отправил к Аюке гонца, чтобы тот «ехал скоро до ево полков и к сыну своему Чакдоржабу». Располагались они на другом острове, где находилась Корабельная крепость и где стояли полк Хивинской экспедиции А. Бековича-Черкасского и калмыцкое войско Чакдорджаба. Хан приказал своим людям немедленно собрать его кибитку и двигаться вслед за ним. Не успел Аюка вместе с подполковником И. Немковым и еще одним «ханским человеком» отъехать от остальной группы калмыков на 20 саженей, как сотня кубанцев, заметив их, в ту же минуту бросилась за ними в погоню. Ситуация была настолько критической, что, по мнению князя А. Бековича-Черкасского, если бы Аюка «не убрался, то бы и сам у них в руках был». Некоторые из кубанцев бросились на ханскую ставку и «взяли кибитку его со всеми пожитки, при том взяли печать ево ханскую» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 4об.; Торопицын, 2008: 73].

Отряд калмыков от Корабельной крепости выступил навстречу этой кубанской сотне, и в завязавшейся вооруженной схватке они «закололи кубанцов копьями 50 человек», из своих потеряв 13 человек [РГАДА. Ф. 119.

Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 2об.]. А. Бекович-Черкасский сообщал, что в этой стычке калмыками был убит знатный кубанский мирза, а «мы принуждены были стеречь своих и калмык, мало что в дело не вступили». Как писал И. Немков, «больше того калмыцкого бою с кубанцами не было» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 4об.]. Таким образом, вовремя поступившее предупреждение А. Бековича-Черкасского и вооруженное прикрытие помогли Аюке избежать гибели или плена. По мнению князя, калмыцкий хан «в крепости Болдинской спасся русскими людьми» [Торопицын, 2008: 74].

Из донесения Долгова также известно, что в момент вторжения кубанцев Чакдорджаб с «немногими людьми» находился в Астрахани у обер-коменданта М. Чирикова, «а зачем, того [он] не ведает». И только затем Чакдорджаб присоединился к своему войску у Корабельной крепости [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 2об, 3]. По мнению А. Бековича-Черкасского, «такое несчастие» калмыки потерпели потому, «что они все в розности были, и неосторожно ведали, что кубанцы на них идут, а не умели собратца заранее» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 5]. Таким образом, калмыцкое войско, по крайней мере, в начале кубанского вторжения было рассредоточено и находилось без своего командующего, что, возможно, и объясняет некую растерянность и дезорганизацию калмыков в его первые часы.

Также имела значение и превосходящая численность кубанского войска, во главе которого стояли Бахта-Гирей и четверо султанов. Для того времени оно представляло весьма внушительную силу, и впоследствии пленные кубанцы говорили: «не осталось на Кубани ни одного человека». Именно это и позволило кубанцам держаться вполне уверенно под Астраханью, и, как сообщал Долгов, они стояли три дня и только на четвертый день отошли за Волгу, захватив без боя 10 тыс. кибиток джемболуков и едисан, которые кочевали между р. Кутум и Красным Яром. По мнению подполковника Немкова, Бахта-Гирей, по всей видимости, имел с ними какой-то тайный сговор, поскольку кубанцы «знатно шли прямо на них

с ними по согласию». Добровольно с ними ушли и 500 юртовских татар во главе с мирзой Тинбаевым, который изменил российским властям и бежал на Кубань. Под Астраханью Бахта-Гирей чувствовал уверенность в своих силах, и об этом говорит хотя бы тот факт, что кубанцы вместе с присоединившимися ногайцами собрались возле Ивановского монастыря, переночевали и только затем пошли вниз к учугам [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 3; Торопицын, 2008: 75].

По данным подполковника Немкова, только на шестой день калмыцкое командование перешло к активным действиям. Чакдорджаб направил 10-тысячную конницу во главе с сыном Досангом против тех кубанцев, кто пошел к Гурьеву. Однако калмыки так и не решились вступить с ними в бой: «только на них посмотрели и воротились на побег» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 5–7]. Подобное робкое поведение калмыков во время кубанского набега отмечал и князь А. Бекович-Черкасский, обращая внимание на то, что все калмыки «в великом страхе были, покамест кубанцы не отошли, однако в надеянии были на государевых людей, которые с нами» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 5; Торопицын, 2008: 75].

Таким образом, приведенные документы показывают, что наступление кубанцев, готовившееся с 1713 г., не являлось неожиданностью. Кроме калмыков, о нем знали всюду - и на Нижней Волге, и на Дону. Аюка и Чакдорджаб заблаговременно писали о нависшей опасности не только в Астрахань, но и в Москву. Чакдорджаб всячески старался предотвратить поход кубанцев, и присутствие русского войска при калмыках он считал за верное средство остановить кубанцев. Однако астраханская власть оставила просьбу калмыков о военной помощи без удовлетворения, и к Чакдорджабу не было послано из Астрахани в помощь даже небольшого военного отряда [Пальмов, 1992: 24-25].

По мнению И.В. Торопицына, нападение на хана Аюку следует считать случайностью, а не как запланированный акт. Поскольку калмыцкий хан появился на Болдинском острове всего за два дня до нападения кубанцев,

приехав из Красноярской крепости, и, учитывая большое расстояние от Кубани до Волги, которое следовало пройти 30-тысячному войску, Бахты-Гирей не мог бы рассчитать с такой точностью направление удара по ставке калмыцкого хана [Торопицын, 2008: 73].

Однако с вышеприведенным мнением трудно согласиться. Бахта-Гирей на момент вторжения имел полные и достоверные сведения о расстановке сил в калмыцких кочевьях. Удар кубанцев произошел именно тогда, когда Чакдорджаб находился по делам в Астрахани, а Аюка - с малочисленной охраной на Болдинском острове. Таким образом, калмыцкое войско, в момент нападения оказавшись без главного командира, не предприняло каких-либо ответных действий в первые часы кубанского вторжения. Бахта-Гирей верно рассчитал и то, что калмыкам не будет оказано военной помощи в отражении неприятеля, поскольку астраханский гарнизон был малочисленным, а войско А. Бековича-Черкасского не посмеет нарушить русско-турецкий мир. Наличие столь подробной информации и позволило Бахта-Гирею совершить успешное нападение на калмыков. Этим он был обязан юртовским татарам, обеспечившими его разведданными, те были крепко связаны родственными, религиозными и торговыми связями с кубанскими ногайцами и являлись надежным источником информации о делах в калмыцких кочевьях.

Последние события вынудили Аюку срочно отправить своего посланца Чихир-кашку в Казань и Москву. 21 марта он прибыл в Казань и передал губернатору Петру Самойловичу Салтыкову письмо Аюки с изложением кубанского вторжения и просьбой оказать военную помощь [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 8]. 23 апреля калмыцкий посол прибыл в Санкт-Петербург, куда также привез несколько писем хана. В одном из них Аюка просил расширить полномочия астраханского обер-коменданта М.И. Чирикова и назначить его исполнять «Калмыцкие дела», потому как от этого «ему б от него великая польза была». В связи со смертью астраханского дворянина Дмитрия Голочалова и Бориса Кареитова, которые «при нем,

Аюке, нужды исполняли», хан просил правительство назначить на их место астраханского дворянина Кузьму Воронина с сыном [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 2, 2об.–3].

Как видно, между Аюкой и астраханским обер-комендантом Чириковым сложились вполне доверительные отношения. Именно обер-комендант первым оказал поддержку хану, выделив ему личную охрану, в составе роты солдат с офицером из астраханского гарнизона. Большего числа солдат предоставить он не мог, так как 1100 человек он выделил в состав Хивинской экспедиции А. Бековича-Черкасского, а в его распоряжении оставались только 668 солдат [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 5. Л. 11–11об.].

Но здесь обращает на себя внимание текст письма Аюки, адресованного казанскому вице-губернатору Нефеду Кудрявцеву, с которым, по всей видимости, у него тоже сложились доверительные отношения. Приведем лишь основную и важную часть его послания: «По указу Великого Государя и ради многих русских людей хочу з башкирами супротивитца. И с Крымом, и с Кубаном, и з донскими казаками я не в миру. А в прежних годах я и с Астраханью был не в миру ж. И с каракалпаками и с Казачьею ордою я не в миру ж. И я теперь со всеми не в миру. Мне кажетца и я с вами не в миру. Со все стороны боюсь и покою мне промеж Волги и Яика не будет. Авось неведома откуды супостат с войском будет. А мне друзей со всей стороны нет. И мои и посторонние мне супостаты. Для того государю послал я посланника. Буде впредь войска не пожалует, и я дамся в мысль великую» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 3–3об.].

Текст русского перевода письма Аюки отчетливо нам показывает, насколько сложными были отношения калмыцкого хана с соседями и как он был зависим от военной поддержки Российского государства. Участие калмыков в русско-турецких войнах и подавлении антиправительственных восстаний еще более увеличило число недругов Аюки. Урегулированием отношений с соседями калмыки часто занимались сами, и не всегда это

имело положительный результат. Нетрудно понять, что калмыцкий хан прибег к легкому шантажу правительства, обещая удариться в «мысль великую». Под этой формулировкой Аюка мог иметь все что угодно: от союза с противниками России до ухода калмыков из российских пределов. По мнению Н.Н. Пальмова, просьбу о военной помощи нельзя было оставлять без удовлетворения - это означало бы оскорбить калмыков и толкнуть их на какой-нибудь нежелательный шаг. Правительству было известно, что калмыки давно уже поговаривали об уходе с Волги на восток [Пальмов, 1929: 33].

Указанное письмо все-таки достигло своей цели, и 5 мая в Адмиралтействе Петр I лично его выслушал. Он сразу распорядился отправить Аюке указ о том, чтобы он и далее продолжал кочевать возле Волги. Для охраны калмыцкого хана стольнику Дмитрию Бахметеву было указано со служилыми людьми в количестве 600 человек круглогодично находиться при Аюке. В состав этого подразделения 300 человек полагалось набрать из числа регулярных полков Астрахани и Казани и 300 человек из нерегулярных - яицких и гребенских казаков. Указывалось, что в случае нападения неприятеля на калмыцкие улусы необходимо немедленно оказывать военную помощь из ближайших городов и военных укреплений Казанской губернии. При этом государь распорядился отправить турецкому султану письменное послание о возврате калмыцких пленных с Кубани. Аюке также давалось указание не вступать ни в какие конфликты с турецкими подданными и «под жестоким страхом» удерживать своих людей от набегов на владения султана [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 4–6].

Кандидатура стольника Д. Бахметева была выбрана не случайно. Он был одним из тех немногих российских должностных лиц, кто пользовался доверием Аюки. Именно калмыцкий хан через своего посланца Чихир-кашку всячески лоббировал в Москве и Казани кандидатуру Бахметева на должность саратовского обер-коменданта. Но в его обязанности входила не только военная защита калмыцкого хана. В четвертом пункте инструкции от

24 мая 1715 г. ему прямо предписывалось: «Подавать ему, господину Бахметеву, хану Аюке о всяких делах советы свои и приводить к всякой верности. И калмыкам владения своего приказывал, дабы они с кубанцы и с крымцы и с ыными турецкими подданными никаких задоров и досад не чинили и никакой причины к себе не подавали. И ежели, когда б они похотели то делать для отыскания своих обид, от того их удерживать» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 14об.–15].

По мнению правительства, Бахметев должен был не только выступить в роли ближайшего советника калмыцкого хана, но и вести тайную разведывательную деятельность для недопущения внешних контактов калмыков с турецкими подданными. В пятом пункте вышеназванной инструкции об этом говорилось: «…ни в ссоры, ни в мирные договоры ни с кем не вступать и [чтобы] посылок тайных, ни письменных пересылок с турки не имели; и о том проведывать и держать сие тайно и никому не объявлять» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 15].

Русское правительство стало прилагать немалые усилия к налаживанию мирных отношений калмыков с Кубанской Ордой. Постоянные столкновения кубанцев с калмыками нарушали мирный договор с Османской Портой, а Россия, участвовавшая в Северной войне, не могла позволить себе обострять отношения со Стамбулом, учитывая тяжелые условия Прутского мира. Именно это и стало причиной отправки в Стамбул майора И. Натали. Он должен был передать новому турецкому визиру Дамад-Али-паше царскую грамоту с требованием выплатить ущерб от последних набегов кубанцев и дать указ, чтобы впредь такие набеги не совершать. Все эти задачи были изложены в специальной инструкции канцлера Головкина [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 6. Л. 16–18об.].

Астраханский обер-комендант М.И. Чириков, А. Бекович-Черкасский и хан Аюка направили на Кубань владельцев Ямана и Норбо с дворянином К. Ворониным. Последний выступил главным посредником в переговорах враждующих сторон. Воронин несколько раз ездил к Бахта-Гирею и добился

окончательного заключения мирного договора: «мирное постановление учинили и Коран меж себя целовали в том, чтоб оному Бахты-Гирею Салтану от них калмык отъехав и впредь войны не чинить, а ясырей выкупать меж собою по тридцати рублей за человека» [Цит. по: Пальмов, 1929: 34].

Таким образом, хотя договор и был подтвержден обеими сторонами, но заключен он был при сильном давлении российского правительства, которое фактически навязало калмыкам мирное разрешение конфликта. По мнению И.В. Торопицына, данный договор, скорее всего, носил локальный характер и касался только отношений между Бахта-Гиреем, ханом Аюкой и астраханскими властями и не распространялся на другие территории России [Торопицын, 2008: 77].

Из доношения Д. Бахметева от 14 февраля 1716 г. становится известно, что 15 ноября 1715 г. он прибыл в Красный Яр, а 19 декабря был уже в ставке Аюки. Он передал хану все правительственные требования, в том числе и государевой указ о запрете каких-либо конфликтов на границе с турецкими подданными. Бахметева, обеспокоенного непрекращающимися контактами калмыков с кубанцами, Аюка успокоил, сказав, что они всего лишь решают вопрос выкупа своих женщин и детей, захваченных в предыдущие годы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1715 г. Д. 8. Л. 15об.].

5 января 1716 г. Бахметев узнал о прибытии к Аюке посланца от Бахта-Гирея с письмом. Хан не стал скрывать его содержания, вкратце изложив Бахметеву обстановку на Кубани. Оказалось, что Бахта-Гирей бежал в Кабарду, откуда планировал нанести ответный удар по своим оппонентам в Кубанской Орде и предложил поучаствовать в этом деле и калмыкам. Расплатой за оказанную помощь, как он считал, могли бы стать ногайские джембойлуки и едисаны. Бахметев еще раз напомнил Аюке о соблюдении русско-турецкого мира и просил не доверять посулам и обещаниям Бахта-Гирея. В это время в Стамбуле находился российский посланник, который, по словам Бахметева, вел переговоры с турецкой стороной и должен был решить все вопросы о возврате с Кубани калмыцких пленных и ногайцев,

уведенных годом ранее из-под Астрахани. Как сообщил ему Аюка, он официально ответил приезжавшему к нему послу от кубанского калги, что «царское величество с турецким салтаном в миру, то де и он, хан, с кубанцы в миру ж» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1716 г. Д. 6. Л. 1–5].

Однако идея постоянного нахождения Бахметева в калмыцких улусах не особо приветствовалась Аюкой и другими владельцами. В январе Сенат рассмотрел «доношение» Бахметева, где он сообщал, что Аюка трижды присылал к нему своего ближнего человека, татарина Асана Ишеева, с предложением выехать в Саратов и находиться там до дальнейших распоряжений. Но ему запретили выезжать из калмыцких улусов и велели постоянно наблюдать за действиями хана и других владельцев, поскольку в правительстве владели информацией, что Чакдорджаб имеет письменную пересылку с кубанским Бахта-Гиреем и турецким Азовом. Власти еще раз напомнили Бахметеву о пятом пункте инструкции, в которой говорилось о контроле за внешними связями калмыков и призыве их к сохранению верности государю [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1716 г. Д. 1. Л. 5, 6].

По всей видимости, калмыцкие владельцы осознавали истинную цель миссии Д. Бахметева и поэтому были не совсем довольны его присутствием в улусах. В частности, 21 декабря 1716 г. Чакдорджаб интересовался у астраханского обер-коменданта М.И. Чирикова относительно полномочий, Бахметева и о количестве войска, которым он располагает [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 170]. Столь скромные воинские силы, конечно, не могли обеспечить полную безопасность калмыцких улусов, да и такая цель правительством, видимо, не ставилась.

Обсуждая проблему безопасности калмыков, российские дипломаты на переговорах со своими османскими коллегами подняли вопрос о кубанских набегах. Порта, однако, не включала его в рамки русско-турецких отношений. В письме, отправленном русскому царю в апреле 1716 г., верховный визир подчеркивал, что хан Аюка не является подданным какого-либо государства, так как имеет право отправлять и принимать у себя послов. Если Калмыцкое

ханство обладает независимым статусом, продолжал визир, то кубанцы имеют полное право наказать калмыков за свои прежние обиды, и это не должно рассматриваться как нарушение русско-турецкого мирного договора. В дальнейшем Порта обязывалась уведомить заранее Петербург об угрозе набега кубанцев на калмыцкие улусы [Khodarkovsky, 1992: 160]. Формально турецкая сторона была права, поскольку в девятом пункте мирного договора калмыки рассматривались именно как независимый субъект межгосударственного соглашения.

Государевой грамотой от 25 января 1717 г. Аюка извещался о назначении Д. Бахметева саратовским комендантом [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 227-229]. За ним была оставлена охрана калмыков от неприятельских набегов, как был оставлен и политический надзор за ханом. Однако занятый новыми служебными обязанностями по саратовским делам Бахметев менее внимательно стал относиться к калмыцким делам, чем в известной степени предоставил калмыкам свободу действий [Пальмов, 1929: 35].

В Астрахани внимательно отслеживали информацию о действиях калмыков на Северном Кавказе, тем более что в администрацию ее предоставляли сами калмыцкие посланцы. В январе 1717 г. Бахметеву стало известно о состоявшейся встрече Чакдорджаба с Бахта-Гиреем на р. Кума, в урочище Маджары [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 3. Л. 3]. Они договорились о совместном военном выступлении на противников мятежного султана при условии, если тот окажет содействие в возвращении с Кубани тех ногайцев, которые силой были отняты у калмыков или добровольно ушли от них. Кроме этих ногайцев, принадлежавших калмыкам, Бахта-Гирею было выдвинуто условие вернуть с Кубани еще и ногайцев, пребывавших в «вечном холопстве» у русского царя и до ухода на Кубань кочевавших под Астраханью. Ногайцы частью принадлежали к джембойлукам и едисанам, но главную часть их составляли киличинцы [Пальмов, 1929: 36]. 18 января 1717 г. из письма Аюки астраханский обер-комендант Чириков узнал, что между Чакдорджабом и Бахта-Гиреем

относительно ногайцев достигнуто такое соглашение: «которые предадутся к нам, и тех возьмут, а буде которые противица, и на тех боем пойдут» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 3].

Конечно, астраханские власти ничего не имели против возвращения ногайцев с Кубани на Волгу, так как это отвечало интересам правительства. Поэтому местная власть не была против похода Чакдорджаба в союзе с Бахта-Гиреем на его неприятелей, тем более что в данном случае появлялась возможность наказать некрасовцев руками калмыков и кубанцев из партии Бахта-Гирея. Чакдорджаб на этот раз был снабжен из Астрахани достаточным количеством боеприпасов [Пальмов, 1929: 36, 37]. Их встреча, по всей видимости, произошла примерно в ноябре, поскольку выдвинулись они на Кубань только 4 декабря 1716 г. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1716 г. Д. 6. Л. 59].

Численности войска под командованием Чакдорджаба в нескольких источниках указывается как 30 тыс. калмыков. По сведениям Д. Бахметева, под началом Бахта-Гирея было 5 тыс. кабардинцев [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 3. Л. 3]. Капитан В. Беклемишев, как говорили калмыки в Царицыне, сообщал, что у Бахта-Гирея было 15 тысяч конницы и 3 тысячи пеших воинов. Кроме этого, в коалицию входили 1500 терских ногайцев и 2500 кумыков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 3об–4об.]. Таким образом, общая численность объединенного войска составляла более 50 тыс. человек, что для того времени представляло внушительную военную силу.

Для калмыков поход облегчался тем обстоятельством, что, по имевшимся у них сведениям, половина ногайцев готова была перейти на их сторону. Действительно, при приближении коалиционных войск к Кубани едисаны и джембойлуки в количестве 20 тыс. кибиток добровольно перешли на сторону Чакдорджаба. С ними были и ногайские улусы малибашей и хатай-кипчаков общей численностью 7 тыс. кибиток [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 3. Л. 3].

Кубанский султан Менгли-Гирей попытался было собрать оставшихся кубанцев и выступить против Бахта-Гирея и Чакдорджаба, но не успел. Он был разбит коалиционным войском выше своей резиденции Копыл и вынужден был бежать в Крым [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 2, 3]. Союзники поделили «добычу» и, как сообщил Чакдорджаб Аюке, «етсанов и ембулук и киличинцев наши войска взяли и ныне гонят, Бахта-Гирей салтан взял себе салтан-улу и малибас и поехал домой, и кипчаков наши войска разорили и в полон побрали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 10]. В количественном отношении раздел ногайских кибиток произошел следующим образом: Чакдорджаб взял себе 15 тыс. кибиток, Бахта-Гирею досталось 8 тыс. кибиток. Только двум ногайским улусам удалось избежать захвата, поскольку они успели уйти далеко к морю. Ногайский улус хатай-кипчаков, чьи мирзы были главными противниками Бахта-Гирея, был полностью разорен [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 3. Л. 10, 10об.].

Но российские власти больше интересовала судьба казаков-некрасовцев, и от Аюки требовали их выдачи [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 3. Л. 11]. Как уже отмечалось, И. Некрасов выступил на стороне противников Бахта-Гирея, и за это он подвергся разгрому. В плену у калмыков оказались практически все некрасовцы, включая их женщин и детей. Самому атаману с 40 казаками удалось скрыться в горах у верховья р. Лабы. Чакдорджаб вслед за ними отправил в горы двух своих сыновей, Досанга и Баксадай-Дорджи, а также Дорджи Назарова с 5-тысячным войском [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 3. Л. 4, 4об.]. По всей видимости, им так и не удалось захватить атамана, поскольку Чакдорджаб, решив вернуться на Волгу, на Кубани временно оставил 20-тысячное войско во главе с Дондук-Омбо и вышеуказанными владельцами «для подзыванья» Некрасова и его людей. Бахта-Гирей и Чакдорджаб требовали от атамана встречи с Аюкой, при этом «за вину ево у царского величества обещал он, Чапдержап, и все при нем будущие владельцы просить прощения» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 3. Л. 3об.].

Уходя с Кубани, Чакдорджаб оставил при султане 170 калмыков во главе с зайсангами Нойон-Омбо и Биджиком [Бакунин, 1995: 31]. По сообщению В. Беклемишева, он получил сведения от калмыков, что после окончания успешного похода на Кубань Бахта-Гирей и Чакдорджаб расстались в верховьях р. Кумы, в районе Пятигорья. Султан изъявил желание, как и Чакдорджаб, служить великому государю и отправить совместное письмо в Петербург. Пророссийские его настроения были связаны в первую очередь с желанием уже весной 1717 г. объявить войну Крыму. Ширинские мирзы во главе с Джантемиром писали ему, чтобы он с калмыками и кабардинцами шел на Крым, где бы его поддержали местные татары, недовольные правлением хана Каплан-Гирея [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 4. Л. 3об.–4об.].

В середине февраля 1717 г. отряды калмыков стали возвращаться в свои улусы. 20 февраля астраханский обер-комендант Чириков получил от Аюки подтверждение прежних его сообщений: «Чакдоржап для чего ездил и то дело сделал» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 16]. Как отмечалось выше, калмыками с Кубани было приведено 15 тыс. ногайских кибиток джембойлуков и едисан. Калмыки взяли еще и «русский полон» и большую его часть составляли, по мнению Н.Н. Пальмова, казаки-некрасовцы. Чириков во избежание недоразумений поспешил отправить к Аюке и Чакдорджабу судью юртовских татар Данилу Танбеева, чтобы хан и его сын в знак своей верности прислали на прежнее кочевье ногайцев, пригнанных с Кубани и кочевавших ранее под Астраханью. Это касалось и возврата русского полона с Кубани [Пальмов, 1929: 38].

8 марта Танбеев вернулся в Астрахань и представил Чирикову «доезд» следующего содержания: «хан де и Чакдоржап, выслушав листа и словесный приказ, ему, посланному Танбееву, говорили, что они етсанов, и енбулук, и киличинцев, которые были под высокодержавною царского величества рукою и кочевали под Астраханью, по прежнему отдадут, а неприятелей де етсанов, и енбулук, и киличинцев прежних, которые в приход Бахты-Гирея

из-под Астрахани взяты были на Кубань, также де которые в прежних годах до приходу Бахты-Гирея салтана сами собою уходили воровски на Кубань, возвратили они с Кубани пятнадцать тысяч дымов, а русского полону сколько числом взято, про то они, хан и Чакдоржап, не сведомы; а после что явится русских полонных людей, и тех, собрав, хан и Чакдоржап обещали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 245, 245об.]. В указе из Казани от 29 апреля 1717 г. Чирикову предписывалось быть настойчивым в требованиях, чтобы калмыки непременно выдали астраханских татар и русских пленных [Пальмов, 1929: 38].

В июле 1717 г. Д. Бахметев прибыл в ставку Аюки, и тот сообщил о приезде к нему посланца Бахта-Гирея с целью выкупить кубанских ясырей. С посланцем прибыли и калмыцкие представители, ранее отправленные к султану, который, как они сообщили, теперь «Кубанью ведает». Калмыки привезли сведения о подготовке Бахта-Гиреем набега под государевы города и казачьи городки. Это известие вызвало у Бахметева резкое негодование, и он прямо высказал хану свое мнение о султане: «он, Бакта Гирей, человек непостоянной и лукавой и верить ему и согласие с ним иметь не надлежит, и ныне он, Бакты Гирей, ево, хана, во всем обманывает» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 6. Л. 36–37].

Бахметев воспользовался приездом кубанского посланца и лично с ним встретился. В разговоре выяснилось, что Джан-Темир при встрече с Бахта-Гиреем предлагал ему занять ханский трон в Крыму, но тот отказался. По словам посланца, имеются сведения, что в следующем году должна будет начаться война, и в Крыму ожидают русского наступления и восстановления разрушенной крепости Таганрог. Под началом Бахта-Гирея находилось 20-тыячное войско, и в случае начала войны, как говорил кубанец, султан не собирается идти в набег под государевы города. Однако Бахметев не поверил заверениям кубанского посланца, так как владел информацией, поступившей с Дона, об активной подготовке султаном войска для наступления [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 6. Л. 36–37].

Действительно, в июле 1717 г. произошло окончательное примирение Бахта-Гирея и хатай-кипчаков, что облегчило ему организацию набега на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии. Но далеко не все разделяли его намерение. Так, калмык Бургут из улуса Четера, побывавший на Кубани, сообщал о попытке кабардинцев, ногайских мирз из племени Салтан-аул и сына крымского хана Салта-Гирея отговорить Бахта-Гирея от совершения набега на российскую территорию, чтобы не нарушить русско-турецкий мир. Однако султан их не послушал, и они напали на нижних кубанских ногайцев и увели их в устье Кубани [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 6. Л. 54об.–55].

Источники свидетельствуют, что состав участников похода Бахта-Гирея был крайне пестрым: ногайцы, азовцы, некрасовцы и калмыки. Однако ни донские казаки, ни администрация пограничных городов не знали о точной численности кубанского войска. В грамоте Петра I на Дон от 3 сентября 1717 г. указывалось на 15 тыс. войска у Бахта-Гирея, не считая азовцев и некрасовцев [Грибовский, Сень, 2010: 206, 207]. Донские казаки сообщали о 40 тыс. человек, калмыки говорили о 10–15 тыс. По мнению О.Г. Санина, численность нападавших могла быть около 30–35 тыс. человек [Санин, 1996: 262].

Российские власти оказались явно не готовыми к отражению массированного набега, хотя еще в июле 1717 г. царицынский комендант В. Беклемишев предупреждал казанского губернатора П. Салтыкова о намерении кубанцев идти «под государевы города вплоть до Симбирска». Но вторжение оказалось полной неожиданностью для местных властей, которые не предприняли никаких мер предосторожности или защиты [Грибовский, Сень, 2010: 207].

Сохранились два письма Чакдорджаба к астраханскому обер-коменданту М.И. Чирикову от 4 и 8 августа 1717 г., в которых он сообщал: «Слышно нам вести Бахта-Гирей салтан с войском, с тыщу или больше против Царицына к Волге пришли, и от них де наших людей выходцы, а куда

они едут, того мы не ведаем». В письме от 8 августа Чакдорджаб писал: «Бахта-Гирей салтан выше Царицына тому ныне шестой день…» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 65, 69].

Правительство сумело организовать сопротивление напавшим только тогда, когда кубанцы, отягощенные добычей, направлялись обратно на Кубань. В междуречье Волги и Дона донские казаки под командой В. Фролова 11 августа (по другим данным – 19 августа) настигли противника и в ходе ожесточенной битвы отбили от 1000 до 1500 российских пленных, уничтожив до 500 кубанцев. Содействие донцам в разгроме Бахта-Гирея оказали войска из Воронежской губернии и слободских полков, а также отряды драгунских полков. По сообщению казаков, среди кубанцев было 200 калмыков [Грибовский, Сень, 2010: 207]. Как уже отмечалось, Чакдорджаб оставил при султане 170 калмыков, которые, по мнению В.М. Бакунина, для кубанцев были «вожжами» при набеге в августе 1717 г. на Пензенский и Симбирский уезды [Бакунин, 1995: 31].

Возникает вопрос: добивались ли российские власти военной помощи от калмыцкого хана? Во время кубанского набега Аюка кочевал на Иргизе, в трех днях пути к востоку от Саратова, а Чакдорджаб расположился в 8 днях пути ниже Царицына. Бахметев дважды к ним отправлял посланцев с просьбой оказать поддержку против кубанцев, но они лишь обещали подумать или ссылались на то, что не имеют особого указа от верховной власти. В сентябре, уже после кубанского набега, Бахметьев встретился с Аюкой и выговаривал ему, что тот так и не дал своего войска против Бахта-Гирея. На упреки хан ответил, что «в летнее время владельцы и калмыки кочуют от него, хана, в дальном расстоянии, а сын де ево, Чапдержап, о посылке войск против Бакты Гирея салтана к нему, хану, ответствовал, что послать им войск невозможно, понеже о походе де войною против Бакты Гирея салтана от царского величества указу о том к ним не прислано». При этом Аюка еще раз заверил в своей верности государю и категорически отверг обвинения в том, что в набеге участвовали и его калмыки, назвав

замеченных «воровскими людьми» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1717 г. Д. 6. Л. 46–46об., 49–49об.].

Разумеется, совершенный Бахта-Гиреем набег был грубым нарушением русско-турецкого мирного трактата. Его самоуправство серьезно дестабилизировало ситуацию на границе Османской империи и России и не могло не раздражать Порту. Еще в начале 1717 г., назначая в Крым нового хана Саадет-Гирея II, Порта велела ему положить конец самовольным действиям кубанского султана, на которого жаловался российский посол [Смирнов, 2004: 33]. Поэтому новый крымский хан сразу же по получении известия о набеге направил письмо астраханскому обер-коменданту Чирикову, в котором сообщал, что «Бахты-Гирей салтан поехал русских людей разорять, и про то де дело крымский хан не ведает» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 10].

Российские власти получили сведения о приезде посланца султана в калмыцкие кочевья и желании Чакдорджаба лично встретиться с Бахта-Гиреем. 20 декабря из Саратова Бахметев отправил к Аюке и его старшему сыну дворянина Михаила Потапова с письмом, в котором указывалось прекратить все контакты с мятежным султаном, так как он «великой бездушник и всех ево, хана, и сына ево, Чапдержапа, лукавством своим обманывает» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 1]. При Потапове к хану прибыл посланец от Бахта-Гирея с просьбой оказать военную помощь против кабардинцев, однако Аюка отказал ему, предложив султану помириться с кабардинскими князьями [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 1об.].

В конце февраля 1718 г. в Москву прибыло кабардинское посольство во главе с Султаналием Абашеевым. Из письменных посланий кабардинских князей и устных опросов послов стало известно о контактах Чакдорджаба с Бахта-Гиреем. Когда эта информация дошла до калмыцкой стороны, Чакдорджаб был в негодовании. Сохранилось его письмо, в котором он обвиняет кабардинцев не только во лжи, что он якобы состоит в тесном контакте с Бахта-Гиреем: «будто вечно душу дали в дружбе, а у нас николи

такой дружбы не будет», но и в том, что они же недавно объединились с Бахта-Гиреем и ногайцами-салтанаульцами и разбили сына крымского хана - Салих-Гирея. Чакдорджаб в своем письме задавался вопросом, почему кабардинские князья, считавшие себя «государевыми холопами вечными», не выдали российским властям мятежного султана [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 7. Л. 26об.–27]. В другом письме на имя Бахметева он также отрицал какую-либо дружбу с Бахта-Гиреем, говоря, что «всегда почитаю [его] за неприятеля» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 7. Л. 35].

В российской администрации продолжали внимательно отслеживать ситуацию в калмыцких улусах, особенный интерес представляли контакты калмыков с кубанцами. С целью раздобыть какую-либо информацию об этом, Бахметев в ноябре отправил к Аюке посланника с напоминанием не иметь никаких отношений с Бахта-Гиреем. Хан ответил, что последний посланец от мятежного султана приезжал к Чакдорджабу только летом. Аюка еще раз заверил российские власти, что не собирается помогать Бахта-Гирею: «А он де Бакты Гирей, как ветер, ныне здесь, а завтра и неведомо где». По его словам, калмыкам на Кубани делать было нечего, так как ногайские хатай-кипчаки кочевали под Перекопом, а салтанаульцы отошли слишком далеко, чтобы их можно было достать. Калмыцкие люди, перешедшие на правый берег Волги, ходили туда только для охоты на сайгаков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 5. Л. 1, 1об.].

Новая активизация калмыков на Кубани не могла не тревожить местные власти. В январе 1719 г. Бахметев снова писал Аюке, прося его удерживать калмыков от контактов с Бахта-Гиреем, но, как показали дальнейшие события, все было безуспешно. 14 января его посланник вернулся из калмыцких улусов с письмами от Аюки, Чакдорджаба и Солом-Дорджи. В своем письме Чакдорджаб, видимо, находясь все еще под влиянием от успешного последнего похода, писал Бахметеву, что он болен, но как выздоровеет, то немедленно с войском двинется на Кубань, так как «это дело будет угодно царскому величеству, а мне де Чапдержапу будет

добро». Он в это время кочевал в Мочагах, т.е. на правом берегу, и активно готовился к походу, чтобы всех кубанцев окончательно привести к Волге, тем самым намереваясь обезопасить российские границы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 5. Л. 3об.].

В правительстве весьма болезненно отреагировали на новые движения калмыков в сторону Кубани и нарушения ими русско-турецкого мира. В официальном письменном послании к Аюке от 18 февраля 1719 г. канцлер Г.И. Головкин и тайный советник П.П. Шафиров извещали хана о том, что в правительстве знают о походе Дондук-Даши на Кубань, и на этом основании запрещали иметь какие-либо контакты с мятежным султаном. Ханский посланник Ходжум заверил власти, что Аюка, не имеющий к этому никакого отношения, предпримет все меры, чтобы прервать эти связи. В правительстве также было известно об участии калмыков в набеге Бахта-Гирея летом 1717 г., как и то, что они служили проводниками кубанцам. Аюке указывалось всеми мерами способствовать разрыву отношений его старшего сына с султаном. Российские власти предлагали калмыцким владельцам схватить Бахта-Гирея и доставить его в столицу, за это им обещали денежное вознаграждение в размере 5000 рублей. Тем самым, как считало правительство, калмыки могли бы показать свою верность государю [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 10. Л. 86, 87об.].

19 апреля 1719 г. Д. Бахметев отправил из Саратова в калмыцкие улусы подьячего Кузьму Малинкова. В мае он вернулся с известием, что Бахта-Гирей узнал от донских казаков, что калмыки с русскими хотят его поймать. Чакдорджаб, который в это время кочевал у Черного Яра и направлялся на восток для защиты улусов от казахских набегов, при встрече с Малинковым так высказался по кубанскому вопросу: «И он де Чапдержап не токмо с Бакта Гиреем, хотя с сабакою рад идти на кубанцов, а Бахметева де и других никого слушать не буду, а буду де слушать и делать по указу вашего царского величества, каков прислан будет за рукою вашего царского величества и печатью». По словам подьячего, Чакдорджаб взял в жены

сестру Бахта-Гирея – вдову черкесского владельца Бургун Кучюка. Она жила в городке возле гребенских казаков и находилась под защитой влиятельного калмыцкого владельца. Многие калмыки продолжали кочевать на правом берегу Волги и небольшими партиями от 10 до 100 человек совершали «для воровства» набеги на Кубань [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 5. Л. 36об.–37об.].

В августе 1719 г. обстановка на русско-турецкой границе снова накалилась. 16 августа Аюка письменно извещал Бахметева, что кубанцы поднялись, а подвластные им едисаны и джембойлуки якобы с ними заодно. Хан просил власти прислать в Черный Яр отряд с крупным боевым запасом. 29 августа генерал-майор Кропотов сообщал, что ниже Черного Яра на правый берег Волги перешли 15 тыс. калмыков, что Бахметев интересовался у Аюки о цели их похода [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 5. Л. 62об., 63].

Только в конце октября Бахметев смог получить сведения от своих посланников, прибывших из калмыцких улусов. Аюка и Чакдорджаб ничего им не объяснили, приказав задержать их в улусах. Один из ближних людей Аюки, Самтан, по секрету им поведал, что калмыцкое войско под командованием Сангарая и Зелима идет на Кубань. Это было карательное мероприятие за зимний набег кубанцев, в ходе которого пострадал улус владельца Зелима – он потерял жену и большое количество лошадей. В калмыцком походе участвовал и джемболукский мирза Салтамамет, получивший разрешение от Чакдорджаба взять у кубанцев «баранту», т.е. совершить ответный набег за потерянное имущество. Посланники Бахметева выяснили, что на Кубань двинулись 3 тыс. джембойлуков и едисан под командой Салтамамета Туганова и Енгурчи, и 600 калмыков из улуса Чакдорджаба [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 5. Л. 82об., 83].

Результаты этого похода известны из послания майора Ивана Бахметева, сына саратовского коменданта Д. Бахметева, который в декабре 1719 г. был отправлен отцом в калмыцкие улусы. Калмыцко-ногайский поход на Кубань не принес каких-либо крупных трофеев, так как Салта-Гирей не

пропустил их на Кубань. Удалось им только разбить 300 кубанских кибиток и вернуться обратно. Чакдорджаб кочевал на правом берегу Волги и, по словам Билютки, находился там только для охраны улусов и охоты [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 4, 5].

Вскоре стало известно, что Бахта-Гирей снова назначен кубанским султаном, младший сын крымского хана был отозван в Крым, а старший продолжал оставаться у кабардинцев. По всей видимости, крымский хан Саадет-Гирей решил отказаться от политики резкой конфронтации с Бахта-Гиреем и успокоить Кубань, назначив его сераскером. Аюка не совсем доверял этой информации, а его старший сын отправил посланца в Крым с целью подлинно разузнать сведения об этих перестановках [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 4]. Чакдорджаб, заинтересованный в стабилизации отношений, в конце 1719 г. обратился к российским властям с просьбой оказать содействие в примирении с кубанцами [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 6].

5.3. Русско-калмыцкие отношения в период образования Астраханской губернии

Указом Петра I от 22 ноября 1717 г. была образована отдельная Астраханская губерния, территория которой ранее входила в состав Казанской губернии. Отныне Астрахань как новый региональный центр должна была служить опорным пунктом для торгово-промышленных и военно-политических предприятий правительства на Каспийском море и по Волге [Леонтьев, 1874: 18]. Указом Сената от 17 мая 1719 г., Астрахани в административном и прочих отношениях подчинялись следующие города: Симбирск, Самара, Сызрань, Кашпир, Петровск, Дмитриевск (Камышин), Царицын, Черный Яр, Красный Яр, Гурьев на р. Яике и Терки [ПСЗРИ-5, 1830: 699]. Границы калмыцких кочевий в целом совпадали с территорией

новообразованной губернии: на севере - по Большому Иргизу до Саратова; на юге – вдоль Кумы, Астрахани и по берегу Каспийского моря; на востоке – до реки Яик; на западе - до междуречья Дона и Маныча [Цюрюмов, 2007: 158].

Организацию новой губернии государь доверил генерал-адъютанту Артемию Петровичу Волынскому, который до этого был посланником в Персии. В грамоте к Аюке от 2 марта 1719 г. астраханским губернатором он еще не называется, в ней говорилось лишь о том, что из Петербурга по просьбе калмыцкого хана в Астрахань будет отправлен «особый губернатор из знатных людей» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 10. Л. 88]. Назначение Волынского состоялось только в июне 1719 г., но появился он в Астрахани не раньше 1720 г. В конце января 1719 г. в должность астраханского обер-коменданта вступил бригадир К.И. Эваницкий, сменивший М.И. Чирикова. 17 ноября в Астрахань приехал генерал И.В. Кикин, назначенный 19 июня 1719 г. воеводой в Симбирск [ПСЗРИ-5, 1830: 717], но фактически ставший помощником Волынского в Астрахани. В конце декабря Кикин официально известил хана Аюку о своих полномочиях управлять делами губернии «впредь до указа и до прибытия губернаторского» [НА РК. Ф. И-36. Д. 7. Л. 42].

В первую очередь новый губернатор обновил кадры местного управления. Ближайшими соратниками А.П. Волынского по калмыцким делам стали И. Кикин, В. Бакунин и В. Беклемишев. Волынский выдвинул на должность переводчика молодого Василия Бакунина – выходца из мелких царицынских дворян, знавшего разговорный и письменный калмыцкий язык. Эта должность требовала не только знания языка, но и известных дипломатических способностей. До этого как таковых переводчиков с калмыцкого языка не было, были одни толмачи, передававшие общее содержание текста калмыцкого письма. В. Бакунин, отлично знавший калмыцкий язык и владевший умением разведать калмыцкие секреты, с учетом его преданности губернатору был для Волынского незаменимым сотрудником [Пальмов, 1929: 45].

В инструкции правительства от июля 1720 г. астраханскому губернатору А.П. Волынскому рекомендовалось иметь с ханом, тайшами, владельцами и простыми калмыками «доброе и ласковое обхождение, пересылку и корреспонденцию со всяким учтивством, применяяся к прежним обычаям, и смотреть того накрепко, чтоб им ни от кого никаких противностей и озлобления чинено не было, но наипаче трудиться их привести в вящую верность и послушание к стороне ц. величества». При хане Аюке, его сыне Чакдорджабе, а в случае надобности и при других главных владельцах, «в которых сила есть», губернатор должен был «явно и тайно» иметь таких людей, «чрез которых бы о всем, что у них делается, он мог ведать и вредительное е. ц. в-ства интересам престерегать». В особенности губернатору следовало отговаривать калмыков от дружбы с турками, персами, крымцами и кубанцами, тем паче с Бахта-Гиреем. Губернатор должен был охранять и «по всякой возможности» оборонять войсками калмыцкие улусы в случае угрозы нападения неприятеля, а также не допускать калмыков до ссор с донскими, яицкими и гребенскими казаками, равно как и с другими российскими подданными. По отношению к калмыкам губернатор мог действовать по принципу «по тамошнему делу смотря» и пользоваться силой прежних указов и договоров [ПСЗРИ-6, 1830: 228, 229].

В инструкции значительное место отводилось калмыкам, потому что их дела от казанского губернатора переходили в ведение астраханского губернатора. С калмыками, представлявшими собой значительную боевую силу, приходилось серьезно считаться при разработке плана по экономическому и военно-политическому продвижению России на Кавказ и дальше в Персию. В правительстве считалось, что калмыцкую конницу в нужный момент всегда можно бросить на Северный Кавказ. А.П. Волынский был одним из ярых сторонников продвижения России в Азию. Он не упускал случая донести свои идеи до правительственных кругов, а в письмах к Петру I доказывал, что в Персии и на Кавказе следует действовать не столько приемами дипломатии, сколько силой оружия [Пальмов, 1929: 50].

7 декабря 1719 г. посланец Чакдорджаба, Бархан, по поручению своего владельца сообщал генерал-авдитору о возможности возвращения с Кубани ногайцев, подвластных едисанскому мурзе Салтамамету, для чего, по мнению Чакдорджаба, калмыкам следовало бы ближе подойти к Кубани, где произошло низложение двух султанов и прочно укрепился Бахта-Гирей, которого калмыки поддерживали. Кикин отнесся отрицательно к подобному проекту Чакдорджаба и в последних числах декабря писал ему о том, что приближение калмыков к Кубани могло бы сопровождаться столкновениями их с кубанцами, а это создало бы повод к нарушению русско-турецкого мирного договора [Пальмов, 1929: 45].

Силовую политику Чакдорджаба в отношении кубанцев разделяли далеко не все. 31 января 1720 г. в столицу прибыл калмыцкий посланец Ахалей-кашка с письмом от Аюки, который рассчитывал на то, что российское правительство переадресует его турецкому султану. В нем хан просил султана Ахмеда III воздействовать на кубанских ногайцев, которые в 1719 г. в ходе набега захватили 200 калмыков. Аюка просил посредничества в примирении с Кубанской Ордой. В Петербурге отреагировали на просьбу калмыцкого хана и поручили чрезвычайному российскому послу в Стамбуле Алексею Дашкову уладить калмыцкий вопрос с османским правительством [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 11. Л. 19–20].

Сигналы калмыцкой стороны о готовности заключить мирный договор с кубанцами, по всей видимости, достигли Стамбула. 11 сентября 1720 г. в астраханской администрации Билютка сообщил о приезде весной крымского посла Джитгит-мирзы с письмом от Саадет-Гирея с просьбой прислать к нему Ямана и Билютку «для договору о мире». Крымский хан для достижения мирного соглашения готов был отдать калмыкам из Крыма и Кубани весь калмыцкий «ясырь». Аюка также был готов к заключению мира, поскольку вынужденное нахождение кочевий на левом берегу Волги привело к истощению пастбищ, а постоянная угроза каракалпакских набегов с

востока вынуждала калмыцких владельцев искать возможность безопасно кочевать на правобережье [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 11. Л. 94–95].

17 июля Д. Бахметев встретился с Аюкой, кочевавшим под Саратовом в 150 верстах, на р. Еруслан. Он привез хану государевый указ о выдаче русского полона, захваченного калмыками во время последнего набега на Кубань. В ответ Аюка выдвинул свое требование, заключавшееся в выдаче с Дона беглых калмыков. Бахметев стал свидетелем приезда в ханскую ставку посланцев из разных земель и государств: здесь были хивинские, казахские, крымские и кубанские представители. В частности, крымский посол приехал с предложением мира, но Аюка сказал Бахметеву, что «им не верит, что он (крымский хан. – *В.Т.*) и его люди непостоянные». Калмыцкий хан собирался отправить в Крым «для вящего уверения» Билютку. Аюка вернул кубанским посланцам 20 человек пленных и ждал такого же шага и от кубанцев. Хивинские и казахские посланцы также просили заключения мира. Хивинцы просили посредничества калмыков в урегулировании отношений с Россией, обещая выдать русских пленных, захваченных при разгроме Хивинской экспедиции А. Бековича-Черкасского. Но Аюка, дал знать Бахметеву, что им он особо не доверяет и подозревает крымцев и кубанцев в создании антикалмыцкого альянса с казахами и каракалпаками, которые часто совершали набеги на восточные калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 17, 18].

Временное затишье на русско-турецкой границе было прервано, и причиной тому стал кабардинский вопрос. В Кабарде враждовали две партии: одна в лице Арсланбека Кайтукина и Бековичей действовала в интересах России и неоднократно обращалась к русским за помощью, и по ее призыву в Кабарду ходили донские казаки, но они не сделали ничего полезного для призывавшей их стороны, и их приход сопровождался разорением кубанцев [Пальмов, 1929: 50]. Другая партия в лице Мисостовых и Атажукиных через ханского сына Салих-Гирея, находившегося у кабардинских родственников, обратилась за военной помощью к хану Саадет-Гирею.

В начале 1720 г. крымский хан испросил разрешения у Порты организовать набег на Кабарду, и правительство Ахмеда III санкционировало этот поход, разрешив для этого использовать и турецкие отряды, дислоцированные в Крыму [Смирнов, 2004: 34]. Для крымского хана борьба с кабардинцами была особенно важна, так как они долгое время поддерживали Бахта-Гирея и провоцировали смуту в Кубанской Орде. В конце мая авангард османско-крымских войск вступил на закубанские земли Кабарды. Мисостовы и Атажукины попытались руками крымцев уничтожить своих противников.

15 сентября 1720 г. в Астрахань прибыл посланец Аюки, Олдоксон, с письмом, в котором хан извещал о просьбе кабардинцев оказать помощь войсками. Калмыцкая сторона интересовалась у российской администрации о возможности предоставления ими такой военной помощи кабардинским князьям. С другой стороны, сохранялась опасность для калмыцких кочевий со стороны кубанцев, и по этому поводу Аюка просил прислать отряд Бахметева из Саратова для охраны улусов. Государевый ответ состоял в том, что Аюка вправе самостоятельно решать вопрос о помощи кабардинцам. Для обеспечения безопасности улусов калмыкам указывалось кочевать под защитой астраханского гарнизона [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 96–98].

В ноябре майор И. Бахметев прибыл в ставку калмыцкого хана в урочище Сасыколь, но лично встретиться с ним так и не смог – Аюка был сильно болен. И хотя И. Бахметеву передали, что Аюка не поддерживает каких-либо отношений с Бахта-Гиреем, но до него дошли сведения о переходе калмыцкого войска под командой Чакдорджаба и Церен-Дондука на правый берег Волги. Как оказалось, кабардинцы трижды в течение этого года льправляли посланцев к калмыкам с просьбой прислать военную помощь. По мнению калмыцкой стороны, кабардинцы, как и калмыки, являлись царскими подданными, и на этом основании Аюка и Чакдорджаб решили оказать им военную поддержку. В последний раз в калмыцкие улусы

приезжал Эль-мирза Черкасский, и свою просьбу о помощи он аргументировал существованием государева указа, разрешающего калмыкам выдвинуться в Кабарду. Именно после этой информации калмыцкое войско и выступило на Северный Кавказ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 7. Л. 56]. По сообщению калмыцкого посланца Шарапа в Астрахани, 13 ноября калмыки перешли Волгу, «понеже тот день по их вере [был] праздничной и к походам счастливой» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1720 г. Д. 5. Л. 119].

Наступление крымских сил на Кубань остановило известие об отправке астраханским губернатором А.В. Волынским донских казаков на р. Куму, но последним было запрещено выходить за нее, «дабы тем не подать туркам причины к нарушению мирных трактатов» [Кабардино-русские II, 1957: 25]. 5 ноября 1720 г. российский посол А. Дашков и верховный визир Ибрагим-паша заключили Константинопольский трактат о вечном мире, который, таким образом, заменил Андрианопольский мирный договор 1713 г.

Решение кабардинской проблемы совпало и с обострением ситуации на Тереке. В январе 1721 г. кумыки и ногайцы совершили нападение на терских и гребенских казаков. Астраханские власти призвали Аюку срочно отписать Чакдорджабу, кочевавшему на Куме, чтобы тот оказал военную помощь казакам, а к кумыкским владельцам отправить человека «для взятья ведомостей» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 5. Л. 137, 138]. Перед Чакдорджабом была поставлена задача – отогнать кумыков от казаков, а терских ногайцев, также участвовавших в нападении, забрать в калмыцкие улусы [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 58, 59]. Тайша подчинился приказу и часть своих войск с Кумы отправил на Терек для охраны казачьих городков [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 10].

Но правительство не ограничилось только оборонительными мерами против кумыков. Оно планировало провести ответные карательные действия против кумыкских владельцев силами калмыков. С этой целью в калмыцкие улусы был отправлен переводчик Кутлу-Мухаммед (Алексей Иванович) Тевкелев. 26 февраля 1721 г. он встретился с Аюкой, который к

предложению правительства организовать карательный поход против кумыков отнесся скептически: «ты де тамошних нрав не знаешь, я де лутче знаю вас». Он считал, что Чакдорджабу не под силу причинить какой-либо вред эндиреевцам, поскольку «они де многолюдство имеют и идти на них весьма трудно». На попытки Тевкелева уговорить хана, он только предположил, что для войны против кумыков, возможно, понадобится около 10 тыс. российских солдат и драгун [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 61, 62].

В своем письме к властям Аюка подчеркивал трудность такого похода: «Все ведаете, а места их крепкие и самих их много. И Чакдержап без русских с немногими своими хотя и пойдет, только им (кумыкам. – *В.Т.*) ничего зделать невозможно. И которые с шахом воюютца и с вами в войне управляютца, а их немноголюдством поставляете». Уже на словах через толмача Ивана Клементьева Аюка озвучил конкретную цифру численности кумыков, говоря об их «многолюдстве», – 117 тыс. человек. Это, по его мнению, позволяло им воевать с турками, персами и русскими: «и знатно де они в том на себя надеютца» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 62].

Столь скептическое отношение Аюки к походу против кумыков основывалось и на его личном опыте. Еще в конце XVII в. один из его младших братьев погиб в тех местах: «и они де кумыки брата ево ханскова и со всеми калмыки побили». Поэтому калмыцкий хан предостерегал российские власти от поспешных действий в том регионе: «И ежели де государево войско там пропадет, то его царское величество взыщет на нем, хане Аюке, и в Астрахани де доносят будто их малолюдство и то де ложь» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1721 г. Д. 6. Л. 63]. Здесь он, конечно, намекал на печальный исход Хивинской экспедиции А. Бековича-Черкасского, в причастности к гибели которого подозревали и Аюку.

Летом 1721 г. через Саратов проезжал назначенный астраханским губернатором А.П. Волынский. 23 июня 1721 г. он писал царю о «великих воровствах» Д. Бахметева с сыном. Обвинения его строились на

коллективной жалобе саратовцев, которые свидетельствовали против коменданта. По их доносу, Д. Бахметев, злоупотребляя своим служебным положением развел бурную предпринимательскую деятельность. Например, он беспошлинно торговал скотом, солью, рыбой, рыбным клеем. При поездках в ставку Аюки он возил туда кумачи и сукна для обмена на лошадей и бухарские овчинки. Для собственной торговли комендант использовал казенные деньги и подводы, привлекал в качестве торговых агентов подчиненных ему людей – солдат и драгун, а также крестьян из своей нижегородской вотчины. По словам доносителей, он занимался вымогательством, поощрял взяточничество, особенно со стороны калмыков. Положение «охранителя» калмыков открывало ему широкие возможности для обогащения: за взятки лошадьми Д. Бахметев возвращал кочевникам русских пленных, препятствовал крещению калмыков. 25 сентября 1721 г. по царскому указу Д. Бахметев с сыном Иваном были взяты под арест и отправлены в Петербург [Мезин, 2012: 131, 132].

Отстранив Д. Бахметева, А.П. Волынский 13 июля 1721 г. «Калмыцкие дела» передал саратовскому офицеру Василию Беклемишеву [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 8. Л. 76], и тот стал ездить из Саратова в кочевья хана Аюки для исполнения различных правительственных поручений и даже принимать участие в разрешении споров и ссор между русскими и калмыками. Но официальное назначение к «Калмыцким делам» В. Беклемишев получил только в 1722 г. Грамотами Коллегии иностранных дел (КИД) на имя Волынского от 20 июля и 26 августа 1722 г. состоящим при хане Аюке определялся подполковник Никифор Львов, которому Беклемишев должен был передать по реестру все дела, какие велись при Д. Бахметеве. К Н. Львову переходила и воинская команда, состоявшая тогда из казаков в небольшом их числе [Пальмов, 1929: 47]. Беклемишеву пришлось отойти от калмыцких дел, но, правда, ненадолго.

А.П. Волынский, будучи сторонником активных действий на Северном Кавказе, в августе 1721 г. добился от государя разрешения «учинить

отмщение» эндиреевцам. Но в Астрахани было недостаточно войск, и губернатор обратился за подкреплением к калмыцкой стороне. А.П. Волынский в начале июня заручился согласием калмыцкого хана на присылку к себе вспомогательного войска, а в августе он уже потребовал прибытия Аюки к себе. Губернатору казались подозрительными сношения калмыков с кубанцами, о чем было давно известно в Астрахани, в последнее же время такие сведения были получены и от царицынского дворянина Б. Шарова, которого Волынский отправлял к Аюке с первым своим письмом о присылке войска. 2 июля Шаров докладывал губернатору, что к калмыцкому хану прибыли два кубанских посланца [Пальмов, 1929: 51]. 25 августа посланец Аюки, Билютка привез губернатору такой ответ хана: «Просишь ты у нас войска, и мы войска дадим. Только о множестве того войска или о немножестве, и куда итти, и что делать, приказывали мы Чакдорджабу переговорить и ведать. И вы оба, переговоря, то мне в скорости человека извольте прислать» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 418]. Со своей стороны Чакдорджаб у губернатора запрашивал о численности и направлении похода: «Напред в службу е. ц. в-ства я ходил раза четыре или пять, и тогда от е. ц. в-ства к родителю моему, хану, были присланы указы и грамоты: и куда итти, и кого воевать, все было именно написано» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 420].

Подробно информировать ханского сына относительно предстоящего похода А.П. Волынский отправил В. Бакунина. Переводчик должен был передать Чакдорджабу, что поход предпринимается против тех эндиреевских владельцев, которые «войны производят», что губернатором уже отправлены водным путем пехотные полки к Теркам, а драгунский полк ввиду большого конского падежа разделен на две части: одна часть будет отправлена к месту назначения на судах, другая часть полка в составе 500 человек двинется по суше. Численность калмыцкого войска А.П. Волынский оставил на усмотрение хана и Чакдорджаба. Губернатор считал, что чем больше калмыков выступят в поход, тем больше это будет отвечать интересам дела.

Он считал, что необходимо торопиться с отправлением калмыков, так как и без того уже лучшее время для похода было упущено, на сборы он давал неделю, в крайнем случае – две недели. Волынский высказывал пожелание видеть во главе калмыцкого войска самого Чакдорджаба. В письме к Чакдорджабу губернатор советовал ему написать кабардинским владельцам, чтобы они прекратили взаимную вражду и не допускали бы к себе крымского хана с войском и кубанцев, в противном случае губернатор обещал их разорить [Пальмов, 1929: 52, 53]. А.П. Волынский также изъявил желание лично встретиться с Чакдорджабом и обсудить с ним все детали предстоящего похода: «и для того прошу вас, чтоб изволили приехать, хотя на Болду, куда я для вас буду, где будем обо всех делах дружески и секретно говорить и советовать, как наилучше к пользе… нашего государя; тако ж и сами чрез свидание можем возыметь крепче между собой дружбу» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 424, 424об.].

26 августа В. Бакунин вернулся в Астрахань с ответным письмом от Чакдорджаба, который выражал готовность приехать на р. Болду для встречи и переговоров с губернатором. Он сообщал, что калмыцкое войско уже собрано к походу, а 28 августа он прибудет к р. Болде под городом. Однако эта встреча так и не состоялась, А.П. Волынский заболел и не смог выехать. Тогда Чакдорджаб отправил к губернатору Билютку с важной информацией: во-первых, кумыкам стало известно о подготовке в Астрахани военной операции, но они не знали, пойдут ли русские войска на них; во-вторых, кумыкский владелец Игитемер Каймаметев отправился на Кубань просить Бахта-Гирея, чтобы тот пришел с войском и забрал к себе всех кумыкских ногайцев до прихода русских и калмыцких военных сил; в-третьих, шевкал Альди-Гирей и другие владельцы, собрав войско, выступили против персов, но персам удалось откупиться от них большими деньгами; в-четвертых, между Чепаном и Казаналпом шла война; в-пятых, крымский хан отдал всю Кубань под власть Бахта-Гирея; в-шестых, все казаки отступили из Кабарды [Пальмов, 1929: 53, 54].

Все эти сведения, поступившие от Чакдорджаба, конечно, были полезны для организации А.П. Волынским его похода. На официальное извещение о болезни губернатора Чакдорджаб ответил следующими строками: «Печалью я ныне весьма одержим, что по совету я приехал для свидания, и того не учинилось, понеже желал было я весьма, чтоб на свиданьи показать великое радение в делах е. ц. в-ства, тако ж и меж себя к дружбе» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 418]. В случае невозможности устроить встречу, Чакдорджаб просил прислать для переговоров Кикина как ближайшего помощника губернатора. Но А.П. Волынский, несмотря на болезнь, предпочел лично переговорить с ханским сыном и через подполковника Дивициака предложил ему приехать в город, поскольку, как пояснил губернатор, царские указы обо всех делах имеются только у него. Чакдорджаб не отказался приехать в Астрахань, и для него, а также для сотни калмыков, составлявших свиту и почетный караул главного командира калмыцких войск, из города были отправлены к устью Болды особые суда [Пальмов, 1929: 54]. Из писем Чакдорджаба видно, что калмыцкий владелец остался доволен приемом, состоявшимся 2 сентября в губернаторском доме. В письме, полученном А.П. Волынским 7 сентября, он писал: «Вы с нами когда стали быть в братстве, то уже до смерти во обещаниях наших стоять будем» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 414].

Однако о численности калмыцкого войска и о том, кто будет им командовать, собеседники не смогли окончательно договориться. 5 сентября Чакдорджаб писал Волынскому: «К отцу своему, хану, послал я посыльщика с письмом, в котором я написал, ежели он велит войска отправить десять тысяч, то я сам пойду; а ежели велит отправить тысячи четыре или пять, то я пошлю из братьев или из детей которого одного». Обнадеживая губернатора, что с отправкой войска не будет задержки, Чакдорджаб просил известить его о времени выступления самого губернатора в поход и указывал, что «в поход нашему войску надобно из магазейны е. ц. в-ства 20 пуд пороху, 20 пуд свинцу, 3 пуд белой селитры, 1 пуд серы горючей, 10 пуд железа, 5 пуд стали,

10 ведр вина, 5 ведр водки, 10 ведр чихирю, 10 пуд пшена сорочинского, 20 сум муки пшеничной, 10 сум пшена» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 189].

После выздоровления А.П. Волынский стал готовиться к отъезду на Терек. Вследствие признания эндиреевскими владельцами своей вины и выражения ими желания заключить мир, он собирался туда уже в роли миротворца. Поэтому необходимость в привлечении значительного калмыцкого войска отпала, а при Чакдорджабе, которого он рассчитывал взять с собой, мог состоять для почета небольшой калмыцкий отряд [Пальмов, 1929: 55, 56].

Письмо А.П. Волынского от 27 сентября к Аюке привез подполковник Дивициак, которому было поручено обсудить с ханом вопрос о компенсации за калмыцкие грабежи. От хана Дивициак должен был проехать к Чакдорджабу, чтобы получить от него согласие на его поездку к кумыкам и в Кабарду и сделать ему замечание по поводу его распоряжения калмыкам не являться на базары для продажи скота. Аюка принял реестр обид, причиненных русским калмыками, и передал его на рассмотрение Билютки, но указал на целый ряд обид, какие калмыки потерпели от русских, и потребовал за это удовлетворения. Аюка не одобрил распоряжения Чакдорджаба о том, чтобы калмыки не ездили на базары, и сожалел, что старший сын совсем вышел из повиновения ему. Жены и дети Чакдорджаба также жаловались на него, да и сам хан видел, как Чакдорджаб чрезмерно употребляет алкоголь, но повлиять на него не имел возможности [Пальмов, 1929: 55, 56].

Позже Дивициак прибыл в улус Чакдорджаба и застал его в состоянии сильного опьянения. Выслушав письмо отца и письмо губернатора, Чакдорджаб сказал, что для него хан - отец и государь: если хан велит идти вместе с губернатором, то он не ослушается приказа. На это Дивициак заметил, что хан своим письмом предоставляет решение вопроса доброй воле самого Чакдорджаба, а что таков именно смысл ханского письма, это могут засвидетельствовать посланцы хана, с которыми приехал Дивициак [Пальмов,

1929: 57]. Чакдорджаб решительно заявил: «По письмам, и по посылкам, и по словесному приказу я не поеду, а еду сейчас к отцу своему и обо всем сам буду говорить. И ежели отец мой мне ехать повелит, то я поеду» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 384, 385].

Поначалу, после личной встречи Чакдорджаба с Волынским, между ними установились хорошие отношения. Но не прошло и месяца, как настроение Чакдорджаба резко переменилось. Он запретил калмыкам торговлю на астраханских базарах, и у него пропало желание сопровождать губернатора на Терек. По мнению Н.Н. Пальмова, существовали реальные причины, вызвавшие изменение в настроении Чакдорджаба, хотя, конечно, быстрая и резкая смена одного чувства и одного настроения другими – противоположными – в значительной мере должна быть отнесена к расшатанности его нервов [Пальмов, 1929: 59].

После назначения на должность астраханского губернатора А.П. Волынский в первую очередь решил покончить с калмыцкими грабежами и разбоями, даже не позаботившись глубже вникнуть и тщательнее поискать причины, побудившие их к этому. Для него калмыки были «дикой бестией», обуздать которую можно только суровыми репрессиями. Ответственность за столкновения и конфликты А.П. Волынский был склонен всецело возлагать на калмыков. В калмыцких грабежах и разбоях он усматривал прямое попустительство хана и других владельцев. По распоряжениям губернатора, агенты местной администрации хватали всюду правых и виноватых калмыков, без разбора сажали их в тюрьмы, подвергали истязаниям и изнурительным допросам. Нередко их судебные дела рассматривались тольк русскими чиновниками, без участия представителей калмыцкой стороны, что являлось нарушением ранее существовавшего обычая разбирать дела о калмыках и ногайцах в присутствии заинтересованных судебных сторон [Пальмов, 1929: 59, 60].

Это, конечно, не могло устраивать Аюку, и он не замедлил по этому поводу заявить протест. 12 сентября 1721 г. его посланец Иши представил в

губернскую канцелярию ханское письмо на имя губернатора, в котором говорилось: «Наперед русские и калмыцкие судные дела при князе Борисе (Голицыне. – *В.Т.*), а после того при Апраксине и при Салтыкове, таковы наши суды бывали, что на обе стороны, суд верша, брали. А ныне указом царского величества ты приехал. И как нам ныне суды чинить, извольте, своею мыслью предложа, к нам прислать». Посланец его устно добавил, что «слышал де хан Аюка от многих людей, что де владения его калмык и татар ловя, привозят в Астрахань и без всякой вины наказание чинят» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 500]. Хан обращал внимание губернатора на необходимость строгого разбора дел и на совершенную недопустимость захвата ни в чем неповинных людей. Также хан считал, что при производстве суда над обвиняемыми следует и теперь держаться того же порядка, какой существовал раньше, когда в суде участвовали представители от калмыцкой стороны, и что надо выносить судебные определения по справедливости [Пальмов, 1929: 60].

Воспользовавшись условной формулировкой представления хана о повальном захвате калмыков и ногайцев, губернатор велел устно передать ему: «тому впредь не верил, что будто правых калмык и татар ловят и наказывают, ибо когда вины нет, то и наказывать не за что» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 500]. Губернатор считал, что если калмык или ногаец арестован, значит, на это есть причина, и он должен понести наказание. Однако у хана не было твердой уверенности в невиновности каждого арестованного его подвластного, он только считал, что захвату подвергаются и невиновные, а справедливым суд не может быть из-за отсутствия на нем калмыцкого представительства, потому он и настаивал на необходимости последнего. А.П. Волынский ограничился общим заявлением, что все наказаны за воровство, и упрекал хана за слабую борьбу с преступностью в калмыцкой среде, указывая, что от этого страдает и русская сторона [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 500, 500об.].

26 сентября посланец Аюки, Денджин, представил в губернскую канцелярию письмо Аюки, адресованное А.П. Волынскому, с изложением обид, нанесенных калмыкам со стороны русских, а именно: русские отнимают булавинцев, захваченных калмыками в плен и отданных им по указу; офицеры, проезжающие по Волге на судах, ловят «ребят, и девок, и холопей, и холопок» ханских и не отдают обратно под предлогом, что они стали крещеными; донские казаки не возвращают владельцам беглых калмыков, скрывающихся на Дону, хотя и обязались выдавать таких беглецов; башкиры тоже не возвращают убегающих к ним калмыков и не хотят считаться с судом, когда от них требуют уплаты за покраденное ими калмыцкое имущество по суду. Аюка обращался к губернатору за защитой калмыков от этих и подобных обид. По поручению хана Денджин уже на словах докладывал еще о том, что коменданты городов от Сызрани до Астрахани не только не участвуют в разбирательстве судебных дел, в которых заинтересованы калмыки, но и, наоборот, сами обижают калмыков насилиями, ввиду чего хан просил губернатора взять в свои руки разбор и разрешение русско-калмыцких судебных дел, тем более что и по царской грамоте все дела были вверены губернатору [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 292, 293]. Оставить без внимания заявления калмыков о причиненных им обидах, конечно, было невозможно.

Хану Аюке была прислана грамота, уведомляющая о переводе «Калмыцких дел» в ведение астраханского губернатора и передаче ему судебных русско-калмыцких дел. На этом основании Аюка обратился к губернатору с представлением обид, нанесенных калмыкам казаками и башкирами. После разъяснения, кому подведомственны те и другие, Аюка заявил губернатору, что со своей стороны он все же находит более удобным тот порядок, по которому сам Волынский, следуя примеру князя Б.А. Голицына, принял бы на себя, где следует, ходатайство за калмыков по представлениям хана. На жалобы Аюки на бездействие комендантов городов от Сызрани до Астрахани по судебной части и на то, что они сами учиняют

насилия над калмыками, А.П. Волынский потребовал поименного указания опорочиваемых ханом лиц, так как без этого нельзя было ничего предпринять против них, у самого же губернатора сведений, необходимых для привлечения комендантов к ответственности, не имелось. Аюка выразил готовность назвать поименно нарушителей закона и составить список учиненных им беззаконий.

Составленный в астраханской администрации ответный реестр обид, учиненных калмыками русским людям в разных местах, 27 октября был отправлен Аюке с капитаном Г. Салтагазиным. В особом письме к хану И. Кикин указывал на необходимость принятия энергичных мер к розыску виновных калмыков и отправке их в Астрахань для дознания и суда, но хану предоставлялось право самостоятельного наказания виновников. Захваченное имущество и полон должны были быть непременно возвращены [Пальмов, 1929: 82, 83]. Наконец, ввиду увеличения числа калмыцких грабежей и разбоев, И. Кикин требовал от хана «учинить во всех улусах заказ, чтоб владельцы, каждый в своем улусе, от такого воровства улусных своих людей унимали». Воров наказывалось «сыскивать их без утайки и, сыскав, судить безобидно на обе стороны» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 237].

Волжское правобережье притягивало калмыков не только своими богатыми биоресурсами и обильными пастбищами. Кочуя здесь, они имели возможность поживиться за счет отгона конских табунов с Кубани, Дона и Северного Кавказа. Отправляясь на охоту или по каким-то другим делам, калмыки иногда заручались пропускными листами от улусных владельцев, но чаще обходились и без этих формальностей. У кочевников считалось большим удальством одолеть препятствия в виде военных караулов, расставленных по Волге в разных удобных для переправы пунктах. После того как выяснилось, что и с владельческими разрешениями калмыки переходят на правый берег не всегда в мирных целях, что даже сами владельцы направляют удальцов на поживу чужим добром, местные власти стали вообще отказывать калмыкам в пропуске через Волгу. Аюка по этому

поводу заявил протест. В октябре 1721 г. он написал И. Кикину, что если совсем нельзя отменить стеснительное для калмыков распоряжение, то пусть даст такой лист, по которому они могли бы свободно переезжать Волгу [Пальмов, 1929: 82, 83].

Губернатор, лично прибыв на границу с двумя пехотными батальонами и тремя ротами драгун, отправил тысячу донцов во главе с атаманом Аксеном Фроловым за Терек. В сентябре–октябре 1721 г. казаки дважды ходили и громили кумыкские и ногайские аулы [Курукин, 2010: 45]. А.П. Волынский давно уже находился на Тереке, а калмыки все еще не выступали в поход. Только в самом конце октября Аюка прислал И. Кикину запрос относительно места переправы передовых отрядов калмыцкого войска, готовившегося выступать: «К Волынскому от нас люди поедут, и оным чрез которое место переплавиться?». Узнав от ханского посланца, что «Чакдорджаб при нем приехал к отцу», Кикин в письме к губернатору от 31 октября высказывал догадку: «Знатно, что посланы будут иные, а не сам Чакдорджаб» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 371].

Между тем калмыки не торопились выступать в поход. В первых числах ноября Аюка отправил на Терек зайсангов Ямана и Олдоксона в сопровождении 65 калмыков. Губернатор особенно должен был насторожиться после того, как получил от И. Кикина известие о переговорах Аюки с Бахта-Гиреем. По мнению Н.Н. Пальмова, возможность открытого объединения Аюки и Бахта-Гирея была маловероятна, так как хан был слишком осторожен для того, чтобы рискнуть на столь опрометчивый шаг. Возможно было ожидать отказа хана в присылке вспомогательного войска под тем или иным благовидным предлогом, а в этом как раз и был заинтересован Бахта-Гирей. Приняв у себя его посланцев, Аюка в ответ послал на Кубань своих людей. Один из ханских посланцев, Аю, был захвачен на обратном пути из Кабарды и Кубани. При досмотре у него были обнаружены какие-то письма. Волынский должен был показать Аюке, что его переговоры с кубанским султаном ему известны, поэтому губернатор

посылал из Шадрина к хану переводчика В. Бакунина с письмом, содержавшим в себе довольно ясные намеки по этой части [Пальмов, 1929: 87].

8 декабря В. Бакунин прибыл к Аюке, который кочевал за Ахтубой, в урочище Сасыколь. Письмо начиналось с сообщения о результатах поездки на Терек: из той и из другой Кабарды к губернатору съехались некоторые черкесские князья и заявили, что, прекращая взаимные ссоры, они готовы помириться друг с другом. По поводу этого сообщения Аюка заметил: «А кто именно, [какие] князья прибыли, того не написано. И ежели де от другой стороны Ислам князь прибыл, то де тот мир подлинно так и будет, а ежели де Ислама князя не было, то де прочие князья не устоят в договоре своем» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 362].

Очевидно, что Чакдорджаб умышленно затягивал продвижение калмыцкого войска на Терек. 5 декабря И. Кикин получил от него такое известие: «Против Балчуга я переправился, а вода весьма велика прибыла… великого войска токмо еще передовые ныне вновь переправляются». Посланец Чакдорджаба, Лоузанг-Замбо, объяснял И. Кикину, что ханский сын «в службу» идет «со всяким поспешением, токмо де ныне от большой воды принужден он дожидаться войск своих, а ежели б де не большая вода, то б он давно со всеми переправился» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 444]. Едва ли небольшая речка Балчуг, протекавшая рядом с кочевбями Чакдорджаба, могла стать серьезным препятствием для переправы калмыков, тогда как впереди их ожидала более трудная переправа – через саму Волгу. Но воспользовавшись тем, что калмыкам было указано переправляться через Балчуг на собственных средствах, а на Волге их ожидали казенные транспортные суда, Чакдорджаб не преминул задержаться на Балчуге. Конечно, эта уловка была раскрыта в Астрахани, но в коротком письме Чакдорджабу Кикин не осмелился написать ему то, что говорил его посланцу: «Он (Чакдорджаб. – *В. Т.*) объявляет, будто идет с поспешением, и то не правда, понеже еще и от Волги не отошел; а вода ему от доброго намерения и

поспешения помешательства не чинит, только такою медленностью упускает время, и в неудобное [время] хотя и придет, да уже пользы не будет. А для государева дела так лениво поступать не надобно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 445].

Аюка через посланца Данджина сообщал И. Кикину: «Кумыцкие де все заодно, и сели в крепкое место, а к Бахты Гирею и к Саадат Гирею послали те кумыки своего человека с таким приказом, что они, кумыки, с ними, Бахты Гиреем и Саадат Гиреем, одной веры, и будут ли они их, кумык, выручать?». Кабардинские владельцы Мамбет и Касай, по сведениям Аюки, потому не ехали к губернатору, у которого собирались влиятельнейшие кабардинские князья, что опасаются Арсланбека, т. к. убили его брата. Если губернатору необходимо переговорить с названными владельцами, то лучше всего ему вызвать их в Астрахань, куда они не откажутся приехать. Полученные от Аюки кубанские вести Кикин отправил Волынскому [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 455-459], хотя тот, закончив дела на Тереке, уже возвращался в Астрахань, куда и прибыл 8 января 1722 г. Он сумел обойтись на Тереке без калмыков. 5 декабря 1721 г. в докладе об успешных результатах своей экспедиции Волынский писал Петру I: «вся Кабарда ныне видится под рукой в. в-ства». Но во всяком случае доходившие со всех сторон до татарских племен и пугавшие их слухи о снаряжении русско-калмыцкого большого войска сыграли свою роль в успехе Волынского [Пальмов, 1929: 93].

Персидский план России не был секретом для Стамбула. Султан проявлял большой интерес к российским действиям на Кавказе и нуждался в достоверной и обширной информации. Османская дипломатия действовала через своего посредника на Северном Кавказе – кубанского султана Бахта-Гирея. С 1721 г. Калмыцкое ханство имело активные сношения с Кубанью в связи с предстоящим Персидским походом Петра I. В мае с Кубани к Аюке приезжали посланцы Бахта-Гирея с письмами [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 102]. Тогда же Аюка «дал знать в Кабарду и на Кубань о принятии от оного [похода] предосторожности» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 8. Л. 25об.].

В ходе подготовки к предстоящей военной кампании российское командование большое внимание уделяло и формированию конницы, участие которой в боевых действиях на Кавказе, несомненно, могло иметь решающее значение. В состав конницы, кроме регулярных Московского, Архангельского, Рязанского, Ростовского, Новгородского, Астраханского и Казанского драгунских полков, должна была войти и иррегулярная – украинские и донские казаки, калмыки [Курукин, 2010: 51]. Что касается привлечения калмыцкой конницы, то Петр I планировал обсудить этот вопрос при личной встрече с ханом Аюкой. Описание встречи русского государя и калмыцкого хана оставил шотландский врач на русской службе, путешественник Джона Белль.

Передвигаясь вниз по Волге на судах, 20 июня 1722 г. Петр I прибыл в Саратов. На следующий день состоялась историческая встреча российского императора и калмыцкого хана. Императорский прием Аюки и его супруги прошел на галере, где по этому случаю был организован торжественный обед. Дж. Белль так описывает эту встречу: «Аюка Хан приехал на лошади верхом, последуем двумя своими сынами, и многими офицерами и вельможами своего двора, которые также ехали на изрядно убранных лошадях. Хан сошел с лошади в расстоянии около шестидесяти футов от берега, и встречен был Тайным Советником и Гвардии офицером. Император, увидя его приближение, сошел на землю, поздравил его и, взяв за руку, повел на галеру, и представил его Императрице, которая сидела на верхнем помосте под великолепным балдахином» [Белль, 1896: 231].

Действительно, историческая эта встреча в описании шотландца вызывает удивление и порождает вопросы по поводу статуса калмыцкого хана в российской имперской иерархии того времени. По мнению Д.А. Сусеевой, эта, прежде всего, говорит о том, что «именно император с первых мгновений встречи, в нарушение правил придворного этикета «царь и его подчиненный» демонстративно показал окружающим, что он встречает

хана как почетного гостя, а сам себе отвел роль радушного хозяина» [Сусеева, 2003: 229].

Главным вопросом на переговорах было участие калмыцкой конницы в предстоящем Дербентском походе. По сведениям того же Джона Белля, Петр I для этого похода просил у Аюки 10-тысячную конницу. Аюка ответил, что «они к его услугам, но думает, что и половины сего числа для него довольно будет». Не откладывая, Аюка тотчас дал указание 5-тысячной калмыцкой коннице двигаться на соединение с русскими войсками в Терках. Шотландец был весьма удивлен скоротечностью русско-калмыцких переговоров и их положительным результатом. Как он сам отметил, «сии два сильных Государя заключили Договор гораздо в меньшее время, нежели наши Европейские Полномочные употребляют на обед» [Белль, 1896: 231].

Джон Белль ничего не сообщает о других встречах Петра I и хана Аюки во время остановки государя в Саратове. В.М. Бакунин утверждает, что император «по всенижайшему его Аюкину прошению изволил удостоить его посещением дома его» [Бакунин, 1995: 35]. К сожалению, в историографии нет достоверного источника, где встречались бы сведения о возможном ответном визите Петра I в ханскую ставку.

Вместе с тем накануне Дербентского похода русское командование было прекрасно осведомлено о контактах Аюки с кубанским Бахта-Гиреем и кумыкскими владельцами. Как сообщает В.М. Бакунин, император был в курсе политических интриг Аюки, о его возможной роли в гибели в Хиве военной экспедиции князя А. Бековича-Черкасского. В то же время было известно, что за сына Аюки, Церен-Дондука, была засватана дочь кумыкского владельца Чепан Чеполова. Все это не отвечало российским интересам, поэтому по императорскому указу астраханский губернатор А. Волынский через посланника писал Аюке о недопустимости подобного брачного союза [Бакунин, 1995: 35, 36]. В.М. Бакунин также ставил в вину Аюке постоянные его пересылки с крымскими ханами, персидскими шахами и турецким султаном. Последним его посланцем, кто побывал у шаха, был

астраханский бухарец Абдулла Бегимов, который, в бытность его в Исфагани, познакомился с российским курьером Дмитрием Петричасом [Бакунин, 1995: 37].

С целью упрочить связи с калмыцким правителем и окончательно склонить его на российскую сторону 4 августа 1722 г. Аюке было выплачено жалованье [АВПРИ. Ф. 119. 1722 г. Д. 7. Л. 6]. Как полагает Н.Н. Пальмов, отправка 5-тысячного калмыцкого войска была первой, за которой, по требованию высшего военного командования, последовали новые команды калмыков [Пальмов, 1929: 96]. В. М. Бакунин указывает, что в этом же году императорским указом хану Аюке было велено отправить в поход 7-тысячное калмыцкое войско, но чтобы «в числе сего войска никого из татар ему, Аюке, подданных не было, будучи сей поход тогда предпринят против магометан». И якобы Аюка на то докладывал, что «он толикое число войска отправил, поруча оное в команду внука своего Бату Чакдоржапова» [Бакунин, 1995: 36]. На самом деле вместо обещанных 5 и 7 тысяч, как выяснилось позже, он выставил менее 4 тыс. воинов [Бакунин, 1995: 37].

К калмыцкому войску, которое входило в состав воинской части бригадира Я.С. Шамордина, был прикомандирован поручик лейб-гвардии Преображенского полка Нефед Кудрявцев. В начале августа 1722 г. первые калмыцкие отряды перешли Волгу и направились в сторону Дагестана [Пальмов, 1929: 96]. Во время перехода калмыцкого войска от Волги до р. Терек особо отличился В. Бакунин. Он, узнав, что вместе с Бату едет кубанский ногаец Хаз-Мамбет Тенгисбаев, для маскировки переодетый в калмыцкую одежду, поймал его и отвез в гребенский казачий городок Курдюков. На допросе выяснилось, что Бату имел приказ от хана Аюки отправить его на Кубань к Бахта-Гирею с информацией о дальнейшем маршруте калмыцкой конницы [Бакунин, 1995: 36].

При приближении к Тереку в августе 1722 г. поручик Н. Кудрявцев, сопровождавший калмыцкую конницу, объявил главным предводителям калмыцкого войска, Бату и Яману, что в боевую задачу калмыков входит

произвести «поиск» эндиреевцев. При переправе через Терек Яман секретно от воинских людей, а для калмыков под предлогом добыть корм отправил Тогуса с товарищами на р. Аксай, к местному владельцу Султан-Махмуду с предупреждением о наступлении калмыков на эндиреевских кумыков: «что идут на андреевцов войною указом е. и. в. калмыцкие войски, и чтоб они от того скрывались где кто может». Яман надеялся, что аксаевский Султан-Махмуд, который за год до этих событий принял российское подданство, предупредит эндиреевцев, продолжавших сопротивляться петровской армии. С этой целью Яман планировал вести свое войско медленно, чтобы эндиреевцы успели укрыться в горах. На следующий год по возвращении в калмыцкие улусы на Волге эти посланцы Ямана были задержаны властями и заточены в астраханскую тюрьму. Именно их показания и пролили свет на контакты калмыков с кумыкскими владельцами [Тепкеев, 2017: 13, 14; НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 14. Л. 71, 71об.].

23 августа 1722 г. российская армия вступила в Дербент, но при продвижении столкнулась с серьезными трудностями. Гибель большей части флотилии с провиантом на Каспии и массовый конский падеж не позволили армии двигаться дальше. Поэтому командование приняло решение отказаться от выступления против еще не покорившихся и продолжавших сопротивляться дагестанских владельцев и вернуться в Астрахань. Оставив в Дербенте гарнизон, 18 сентября русская армия двинулась в обратном направлении к Сулаку, где разделилась: пехота была перевезена водным путем в Астрахань, а конница возвращалась сушей. 20 сентября Петр I заложил на левом берегу Сулака, недалеко от устья, небольшой ретраншемент, где должна была зимовать часть армии. На этом месте предполагалось построить мощную крепость Святого Креста – главную российскую «фортецию» на Северном Кавказе [Курукин, 2010: 76].

Именно сюда, как писал Петр I в своем письме в Сенат, прибыла калмыцкая конница Бату и тысячная команда донских казаков под началом атамана Ивана Матвеевича Краснощекова. Из их числа срочно была

сформирована карательная экспедиция против усмейского владельца, который продолжал оказывать вооруженное сопротивление российским войскам. Владение Усмей было следующим объектом нападения русских, но из-за массового конского падежа командованию пришлось на время отказаться от выдвижения войск в этот район Дагестана. Но затем для казаков недостающие лошади были куплены у калмыков [Бумаги императора, 1873: 497].

25 сентября по государеву указу от сулакского укрепления в южном направлении выступила объединенная карательная экспедиция донских казаков и калмыков «для поиску и разорения» усмейского владения и утемышского владельца Султан-Махмуда, наиболее активно сопротивлявшихся российским войскам [Бумаги императора, 1873: 498]. Поручик Н. Кудрявцев сообщил владельцу Бату и двум его зайсангам, Яману и Зайдархан-Тайджи, что «имянным указом объявлено, чтоб им чинить поиски над противными кумыками андреевцами». После переправы через Терек он не стал останавливаться на ночевку, а с калмыцким войском совершил ночной переход, и ранним утром они «учинили над кумыками поиск». Кумыкские владельцы, хотя и получили от калмыков предупреждение о надвигающейся опасности, не все успели укрыться со скотом в горах, что позволило калмыкам получить «великую добычу людьми и скотом» [Бакунин, 1995: 36, 37].

Именно после этих боевых столкновений вскрылась истинная численность калмыцкого войска. Командование решило выплатить каждому калмыцкому воину денежное жалованье за победу над кумыками и организовала это так: «рота драгунская расставлена была в одну линию, а в середине оной оставлено было небольшее порожжее место, наподобие ворот, чрез которые то калмыцкое войско по одному человеку пропускаемо и давано было при том определенное жалованье каждому по одному рублевику, а дабы калмыки не могли, объехав расположение помянутой драгунской роты [и], вдругорядь у означенных ворот для получения жалованья явиться,

для того по обоим крылам той роты постановлены были казацкие команды». Таким образом выяснилось, что калмыцкого войска насчитывалось только 3727 человек, не считая двух убитых в бою. Поручик Н. Кудрявцев немедленно донес об этом его императорскому величеству в письме к тайному кабинет-секретарю Макарову [Бакунин, 1995: 36, 37].

После Персидской кампании, которая в итоге для России закончилась неудачно, международная ситуация стала все больше накаляться. Письма крымского хана в Стамбул с сообщениями об агрессивных планах русских в Персии и строительстве крепости Святого Креста на Северном Кавказе спровоцировали в Порте рост антирусских настроений. Поддержку Саадет-Гирею оказывали английские и австрийские послы, которые грозили, что в случае захвата русскими Шемахи против Порты поднимутся грузины и армяне. Одновременно крымским татарам было указано готовиться к войне, причем русский резидент в Стамбуле И.И. Неплюев в своих донесениях не отрицал возможности нападения крупных татарских сил на южные границы России [АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 4. Л. 82].

В ноябре 1722 г. Порта узнала о возвращении Петра I в Астрахань и окончании Дербентского похода. Стабилизация русско-турецких отношений в Закавказье привела к падению влияния Саадет-Гирея в Стамбуле. На призывы хана начать войну с Россией был дан отрицательный ответ. В Петербург был отправлен полномочный посол Нишли Мухамед-ага с конкретной задачей – решить все спорные вопросы в пограничных конфликтах.

Российская сторона огромное значение придавала решению этой проблемы, так как прекращение татарских набегов и взаимное возмещение ущерба позволяли обеспечить спокойное положение на границе с Крымом. Любой даже самый мелкий пограничный конфликт мог еще больше осложнить и того непростые русско-турецкие отношения, спровоцировав более серьезные столкновения, вплоть до начала военных действий.

Вопрос о возмещении убытков от взаимных набегов поднимался еще во время пребывания в Петербурге турецкого посла Миралема Мустафы-аги. В марте 1722 г. он вручил российской стороне письмо визира с предложением наладить купеческую торговлю и с жалобой на то, что во время похода Саадет-Гирея в Кабарду на стороне кабардинцев якобы сражались 40 тыс. калмыков, которые грабили черкесов, абазинцев и кубанских ногайцев [АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 4. Л. 124, 143-167]. Сведения о таком количестве калмыков явно не соответствовали действительности. Канцлер Г.И. Головкин 30 марта написал визиру, что в Петербурге и не слыхивали о движении такого большого числа калмыков в Кабарду [АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 24]. Однако впоследствии, 17 октября 1722 г., хану Аюке была отправлена грамота о запрещении набегов на кубанских ногайцев [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 8. Л. 20].

В июне 1722 г. Д. Бахметев передал управление калмыцкими делами подполковнику Н. Львову, чьи функции как политического представителя были значительно расширены. Одна из задач Н. Львова заключалась в том, чтобы «Аюкаю хану напоминать и смотреть прилежно, чтобы между императорским величеством и Портою Оттоманскою вечного мира трактат твердо соблюдали и никакой причины противности оного не подавали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 8. Л. 19].

В Калмыцком ханстве в этот период ситуация также была весьма сложной. Начало политическому кризису положила смерть Чакдорджаба 19 февраля 1722 г. В Астрахани об этом узнали только 25 февраля, когда было получено известие от его старшего сына Досанга. По завещанию покойного Досанг возглавил отцовское владение и наследовал его печать [АВПРИ. Ф. 119. 1722 г. Д. 5. Л. 2].

Но скоропостижная смерть старшего ханского сына обострила и другой, более важный вопрос в ханстве, – кто будет главным наследником престарелого хана? Известно, что в 1714 г. Аюка в присутствии цинских послов официально объявил Чакдорджаба своим наследником, вручив ему

одну из двух своих ханских печатей. От Чакдорджаба печать перешла к его старшему сыну Досангу, который формально мог претендовать на ханский престол. Однако он, по всей видимости, не имел таких притязаний, по крайней мере, в документах не встречаются свидетельства о подобных его намерениях.

Во время второй встречи Аюки с Петром I в Черном Яру в августе 1722 г., когда тот возвращался из Дербентского похода, хан представил государю старшего сына Церен-Дондука, рожденного от Дарма-Балы, как наследника престола. В.М. Бакунин по этому поводу писал: «… представляя он свою старость и в здоровье слабость, просил их императорское величество о содержании по нем, хане, жены его и детей в высочайшей их императорского величества милости и о учинении по нем наследником старшего сына его Черен Дондука. И по тому его прошению он, Аюка, и с фамилиею его высочайшею милостию их императорского величества [был] обнадежен» [АВПРИ. Ф. 119. 1722 г. Д. 5. Л. 2].

Спустя годы, в марте 1736 г., Церен-Дондук подтверждал это в письме А. Остерману: «В 1722 г. Аюка в моем присутствии просил Петра I назначить меня наследником». Ответ императора был следующим: «Старик, представление твое о наследниках весьма похвальное и я прошение твое всегда буду жаловать» [Цит. по: Цюрюмов, 2007: 162].

Однако у правительства было свое видение относительно будущего верховной власти в ханстве. В августе того же года граф П.А. Толстой по поручению Петра I в Астрахани тайно взял «реверс» (обязательство) у нойона Дорджи Назарова, двоюродного племянника хана, согласиться с назначением ханом после смерти Аюки и отдать в заложники сына [Батмаев, 1993: 195].

Выбор правительством этого кандидата был не случайным и вполне взвешенным. Церен-Дондук был слишком молод и не пользовался авторитетом у других калмыцких владельцев. Дорджи Назаров был намного старше, опытнее, а главное – всегда действовал в интересах России.

Немаловажное значение имело еще и то обстоятельство, что в родословной линия Дорджи Назарова (Дайчин – Нима-Церен – Назар-Мамут) была старше линии Церен-Дондука (Дайчин – Мончак – Аюка).

По мнению А.В. Цюрюмова, правительство стремилось прервать старую ханскую линию и ограничить независимую политику хана Аюки [Цюрюмов, 2007: 162]. М.М. Батмаев считает, что правительство стремилось достичь двух целей: заменить порядок наследования ханской власти по прямой родственной линии назначением сверху угодной кандидатуры; опираясь на ставленника, подчинить ханство полному контролю российского правительства и лишить автономии [Батмаев, 1993: 195]. Дорджи Назаров, который занимал восточные кочевья, возглавлял одно из крупнейших владений, численность которого достигала 10 тыс. кибиток [Пальмов, 1929: 263].

Используя амбиции каждого из внуков, хану Аюке все-таки удалось расколоть наследников покойного старшего сына. По мнению М.М. Батмаева, Аюка, расчищая дорогу Церен-Дондуку и затрудняя ее Досангу, перессорил его с братьями [Пальмов, 1929: 263]. По сообщению Шарапа, посланца Досанга, Аюка «приказал внуку своему… Дондук Даше часть свою от Досанга отобрать и кочевать при себе, а Досанг де приказу отца своего преступить не желает» [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 4].

Поводом для конфликта стала информация о якобы готовящемся покушении Досанга на жизнь Дондук-Даши, полученная последним от некоего знакомого. Дондук-Даши с братьями откочевал во владение деда, который разрешил им кочевать совместно. Поскольку основная часть кибиток беглецов оставалась под контролем Досанга, то они от старшего брата требовали их передачи [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 6].

Однако Досанг не был склонен к тому, чтобы добровольно передать им кибитки, поскольку помнил о данной отцу клятве сохранить владения в целостности. Дондук-Даши с братом Бодонгом решили более радикальным способом разрешить этот конфликт и 9 февраля 1723 г. совершили нападение

на улус Досанга, в ходе которого были убиты 10 и ранены 20 человек. Двое из числа знатных лиц были казнены. Как сообщал Досанг, среди жертв оказался «добрый судья», владевший 500-ми кибитками, другой владелец, имевший 1000 кибиток, был ранен. Ближайшее окружение Досанга в открытую говорило, что «знатно де оное чинилось не без ведома ханскова» [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 3, 6].

Руку Аюки в этом конфликте узрели и в астраханской администрации. А. Волынский заключал, что «понеже можно видеть и поступок хана Аюки, что он не хочет того, чтоб по нему не противились сыну ево, Черен Дундуку; и так делает, чтоб между ими был баланс и чтоб никто не имел такой силы, что сыну его могли быть противны… А мне мнитца, что для интересу императорского величества ис того худова не будет, ежели противной партии владельцы отчасти посильнее будут, токмо в том нам смотреть, чтоб немного из балансу выходили. Итак ханская власть не так будет самовластна, что к пользе его императорского величества» [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 5. Л. 15].

Приказав Досангу и Дондук-Омбо с войсками двигаться к нему, Аюка 20 февраля обратился к властям с просьбой расположить в районе Селитренного городка царское войско, так как сыновья Чакдорджаба «между собою в ссоре и улусы отнимают». Но в астраханской администрации не спешили вмешиваться, там имели еще очень плохое представляние о данной конфликтной ситуации и кто в ней виноват [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 3].

23 февраля Досанг по призыву деда Аюки для примирения с братом отправился в ханскую ставку, куда уже съехались Дондук-Омбо и другие знатные калмыцкие владельцы и высшие духовные лица. Съезд должен был разрешить создавшуюся конфликтную ситуацию, чтобы в дальнейшем она не стала угрозой для безопасности калмыцких кочевий. Однако во время проведения этого мероприятия пришло известие об откочевке на Дон дербетского тайши Четера с детьми и улусов братьев Ямана (Септена, Дамрина и Халухайчина). Аюка приказал Церен-Дондуку и Дондук-Омбо

срочно выдвинуться с войсками вслед за ними и не допустить их ухода. Съезд, главной целью которого было примирение братьев, таким образом, был перенесен на летний период [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 3].

7 марта Аюка вернулся из похода на непокорных владельцев, стремившихся откочевать на Дон. Оказалось, что Четер и братья Ямана передумали уходить, но отныне они находились под подозрением у хана. Аюка принял решение отделить улус сына Церен-Дондука, выделив ему часть кибиток из своего владения и кибитки братьев Ямана [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 5, 6]. С целью погасить сепаратистские устремления дербетских тайшей хан планировал женить сына Четера, Лаван-Дондука, на дочери Дондук-Омбо. Улусы братьев Ямана Аюка приказал отвести от Волги на расстояние пяти дней пути [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 19], т.е. примерно на 200 км.

Тем временем на русско-турецкой границе обстановка оставалась тревожной. В январе 1723 г. Военная коллегия разослала всем пограничным комендантам предупреждение о возможном набеге кубанских ногайцев [ПСЗРИ-VII: 1, 2]. 31 мая Аюка получил правительственную грамоту об участившихся набегах крымцев и кубанцев на российскую территорию. На этом основании калмыцким владельцам указывалось быть готовыми к возможным военным действиям и не иметь никаких ссылок с кубанскими ногайцами. 3 июля в ханскую ставку прибыли главные калмыцкие владельцы, среди которых были Дорджи Назаров, Бокшурга, Дондук-Даши, Бату, Лаван-Дондук. От Дондук-Омбо и Досанга присутствовали их представители. По завершении съезда хан и тайши объявили о готовности калмыцких войск [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 14].

24 ноября рано утром позиции Досанга были атакованы подошедшим войском Дондук-Омбо и младшего ханского сына Галдан-Данджина. Стороны сошлись, и, как отмечали свидетели, бой был «огненной и лучной». Только в третьем часу дня губернатор на шлюпке прибыл к месту сражения, которое сразу же прекратилось. Противоборствующие стороны разошлись.

А.П. Волынский немедленно призвал к себе для примирения Дондук-Омбо или кого-либо из владельцев. Тайша согласился и утром следующего дня прислал человека с жалобой на Досанга. Губернатор не стал принимать чью-либо сторону и призвал конфликтующих встретиться на переговорах в 15-ти верстах от места сражения [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 34].

Решительное вмешательство губернатора заставило конфликтующие стороны перейти к переговорам, и владельцы стали съезжаться. Губернатор договорился с Дондук-Омбо, что утром к нему прибудет Беклемишев, однако тайша со своими сторонниками ночью ушел вниз по реке [АВПРИ. Ф. 119. 1723 г. Д. 8. Л. 35]. По мнению А. Волынского, его приезд, по существу, спас Досанга от полного разгрома, а людские и материальные потери уже не играли большой роли: «и дух не помянулся, понеже как вижу, что им не до пожитков дело – до голов» [АВПРИ. Ф. 119. 1724 г. Д. 5. Л. 8].

Начиная с конца января 1724 г. калмыки ожидали нападения именно с этого направления. Дондук-Омбо главными своими силами, предназначавшимися для борьбы с Досангом, поспешил заслонить ханский улус. 9 февраля посланец Аюки доставил Беклемишеву в Черный Яр тревожное письмо от хана: «Татары идут войной; мне лодки надобны, больше десяти; ежели можно сыскать, пришлите». 15 февраля хан снова сообщал Беклемишеву, что «кубанцы все поднялись» на него и повторил просьбу о присылке лодок [НА РК. Ф. И-36. Д. 17. Л. 20].

Комментируя письмо Аюки, ханский посланец Джалчин говорил: «В письме де написано, что кубанцы все поднялись на меня, и то де написано для того: нынешних де числах уведомился Аюка хан, что идут кубанские татары войною, а от кого он, хан, о вышеописанном уведомился, того он, Джалчин, не знает; а что де написано, чтоб лодок прислать, и то де хан требует для того, что он, Аюка хан, более кочевать ныне ему не мочно, и чтоб прислать к нему несколько лодок, и быть тем лодкам при нем, Аюкае хане; и как на него, хана, внезапно будет от кубанских татар нападение, чтоб ему, хану, в тех лодках уехать было мочно от них чрез Волгу на луговую

сторону; а ныне де Аюка хан кочует на нагорной стороне ниже Черного Яра подле Волги, против Казачьего острога, расстоянием от Черного Яра в сорока верстах» [НА РК. Ф. И-36. Д. 17. Л. 26, 26об.]. Беклемишев советовал хану продвигаться кочевьями к Царицыну и искать защиты вблизи тамошней линии или же перебираться на остров выше Черного Яра, где калмыки тоже могут чувствовать себя в безопасности; если же больному хану кочевать степью будет невозможно, то Беклемишев предложил доставить его на остров или к Царицыну на лодках [Пальмов, 1929: 155].

11 февраля В. Беклемишев в письме к А.П. Волынскому писал о просьбе Аюки об оказании ему помощи против кубанцев и высказывался за то, чтобы все-таки пропустить калмыков за Царицынскую линию для пущей безопасности. 19 февраля, сообщая в КИД о кончине хана Аюки, он просил указания о возможности перехода калмыков за линию, к которой они уже прикочевали ввиду ожидавшегося нападения кубанцев. Беклемишев считал необходимым дать разрешение на этот переход, так как вне линии калмыки не могли чувствовать себя в безопасности, а переправа на левый берег Волги для них была невозможна, потому как истощавший за зиму калмыцкий скот не вынес бы холодной воды и весь бы погиб [Пальмов, 1929: 157].

4 марта 1724 г. в КИД поступило официальное известие о кончине хана Аюки. Дарма-Бала просила правительство пропустить ее с улусами за Царицынскую линию [АВПРИ. Ф. 119. 1724 г. Д. 7. Л. 5]. 9 марта Дарма-Бала писала Беклемишеву: «С Дону ведомость есть, [что] кубанцы поднялись: моим торговым [людям] сказывали эти вести; мы слышали [это] и в поход поднялись; [если] к нам придут, [то] вы нам помогите, а [если] к вам придут, [то] мы будем помогать» [НА РК. Ф. И-36. Д. 17. Л. 77].

Подводя итог отметим, что главным препятствием в реализации идеи массового ухода калмыков из российских пределов , конечно, оставалось отсутствие единства в калмыцком обществе и центробежные процессы, выражавшиеся в массовом отходничестве на Дон. Именно эти обстоятельства, а также нежелание части калмыцкой элиты уходить на восток, не давали

Аюке решимости на уход из России. По всей видимости, идею возвращению на историческую родину в конечном итоге подхватили его старшие сыновья, а главным вдохновителем которой, несомненно, был Санджаб. Конфликт 1701 г. был вызван и борьбой за власть в правящей ханской семье, что выглядело своего рода попыткой «дворцового переворота». Но в дальнейшем мятежники встретились с сопротивлением той части калмыцкой элиты, которая категорически была против ухода на восток. Отсутствие у мятежников конкретного плана действий, открытый переход на сторону Аюки большинства влиятельных тайшей и всемерная его поддержка царским правительством в конечном итоге склонили чашу весов не в пользу первых. Часть мятежников во главе с Чакдорджабом пошла на примирение с Аюкой, другие во главе с Санджабом пошли на окончательный разрыв и ушли в Джунгарию. При этом, по всей вероятности, конечной их целью были не джунгарские хребты, а священные для буддистов высокогорные районы Тибета.

Говоря об отношении калмыков к восстаниям на юге страны, следует отметить, что калмыцкие тайши во главе с Аюкой-ханом остались верны договоренностям с царским правительством. Без колебаний они приняли его сторону и организовали помощь в борьбе с донскими, астраханскими и башкирскими повстанцами. Присутствие калмыков на Средней Волге не позволило Булавинскому восстанию перекинуться на соседние регионы, а его участникам расширить район своих действий, в том числе и объединиться с башкирскими повстанцами. Осталась верной царю и значительная часть донских калмыков, принявших активное участие в подавлении восстания на начальном его этапе. В последние десятилетия XVII в. калмыцкие тайши вели долгую борьбу с донским казачеством по вопросу возвращения беглых калмыков, но участие в подавлении Булавинского восстания предоставило им возможность вернуть большинство донских калмыков на Волгу. В дальнейшем донские атаманы неоднократно требовали у Аюки-хана вернуть им донских калмыков, но каждый раз получали категорический отказ.

Калмыцкое и Крымское ханства, как вассально-зависимые государства, приняли самое активное участие в Русско-турецкой войне 1710–1713 гг. Однако с установлением перемирия напряженность на границах продолжала сохраняться, особенно на Кавказе. После участия в Кубанском походе 1711 гг. калмыцкий хан Аюка постоянно испытывал давление со стороны кубанских ногайцев, пытавшихся совершить ответный набег на калмыцкие улусы. И хотя российское правительство обещало оказать военную поддержку калмыкам в случае вторжения неприятеля, Аюка не испытывал твердой уверенности и продолжал вести самостоятельные переговоры с кубанскими ногайцами. Русско-турецкие договоренности о мире не гарантировали этого между их вассальными ханствами. В работе показано, что Калмыцкое ханство играло, если не ключевую, то весьма значительную роль в охране южных границ России.

Очевидно, что на Аюку, как главного военного союзника в южном регионе, российское правительство возлагало большие надежды, поскольку в ходе Кубанской кампании 1711 г. калмыцкая конница в полной мере продемонстрировала свой военный потенциал. Однако, ввязавшись в русско-турецкую войну, для калмыков теперь возникла проблема урегулирования калмыцко-крымских отношений, так как опасность ответного карательного набега со стороны кубанцев, подданных крымского хана, был лишь вопросом времени. И он все-таки произошел в 1715 г. с тяжелыми для калмыков последствиями. Таким образом, Российская и Османская империи для достижения своих внешнеполитических целей периодически сталкивали соседние народы друг с другом, вовлекая их в свои военные конфликты, что в конечном итоге приводило к огромным разрушительным результатам в регионе. Однако, кроме этого, в калмыцко-крымских отношениях неурегулированным оставался ногайский вопрос, в частности он касался тех ногайцев, кто считался подданным калмыцкого хана. Эта проблема часто решалась силовыми действиями, путем набегов или участия в военной кампании своих сюзеренов.

Участие калмыцкой конницы в Дербентском походе и роль хана Аюки в этих событиях неоднозначны. С одной стороны, он всецело поддерживал завоевательную политику Петра Великого, выставляя калмыцкую конницу для участия в военных действиях, в том числе и на Северном Кавказе. С другой стороны, в условиях сложнейшей международной обстановки он продолжал поддерживать добрососедские отношения с правителями соседних северокавказских народов, и даже с теми, кто действовал против интересов России. Причина столь терпимого отношения российского правительства к подобной политике калмыцкого хана кроется в том, что, противоборствуя Османской империи и Ирану, Россия не желала портить отношения с правителем Калмыцкого ханства, рассчитывая и в дальнейшем использовать его военный потенциал.

С начала XVIII в. наблюдается важная тенденция: правительственная политика была ориентирована не только на привлечение вооруженных сил Калмыцкого ханства в войнах против Швеции и Турции, но и на интеграцию и ограничение института ханской власти в системе российской государственности. Территория новообразованной Астраханской губернии являлась плацдармом дальнейшего продвижения российских интересов на Кавказ и Среднюю Азию, поэтому основной целью властей стало обеспечение безопасности империи. В результате в губернии была создана упрощенная система административного надзора над Калмыкией, предполагавшая вмешательство в калмыцкие дела только в случае нарушения безопасности во всем регионе Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В 1715-1723 гг. российское правительство расширяет сферу своего влияния путем активного вмешательства во внутри- и внешнеполитические мероприятия хана (выбор будущего наследника ханского престола, контроль за деятельностью Аюки). Одним из главных аргументов для такого вмешательства декларировалось стремление установить порядок на русско-турецкой границе и обезопасить население ханства от внутренних усобиц и внешней агрессии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение многих столетий степи Северного Прикаспия являлись частью огромной арены борьбы кочевых народов, завоевывавших или отстаивавших свое жизненное пространство. На рубеже XVI–XVII вв. началось новое перемещение кочевников, главными участниками которого выступали уже ойраты (калмыки). Монголо-ойратские войны второй половины XVI – начала XVII в. стали главной причиной исхода большей части ойратов с территории Восточного Алтая и Джунгарии в степи Юго-Западной Сибири. Столкнувшись на сибирском направлении с вооруженными силами Московского государства и находясь в условиях затяжного внутреннего противостояния, часть ойратов не смогла здесь обеспечить себя безопасными кочевьями. Более успешными оказались их действия при продвижении в юго-западном направлении – в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов. На этих путях они одержали верх над ногаями, оттеснили их за Волгу, частично подчинили своей власти и вошли в соприкосновение с торговым и опорным пунктом России в Северном Прикаспии – Астраханью. Стремление калмыков закрепиться в этом регионе становится все более настойчивым, поскольку здешние степи представлялись им весьма удобным местом для кочевок. Попытки московского правительства противостоять продвижению калмыков на запад и удержать ногаев на левобережье Волги успеха не имели. Однако и калмыки, не имея официального разрешения от русских властей, около четверти века не могли здесь считать себя полноправными хозяевами.

Переломным для истории ойратов стал XVII в. Анализ выявленных архивных материалов позволяет сделать вывод, что в результате миграции к середине этого столетия ойраты занимали огромную территорию – от Волжско-Донского междуречья до Северного Тибета. В результате такого расселения образовались 4 основные группировки ойратских улусов: *волжская* в Северном Прикаспии, *сибирская* – в Юго-Западной Сибири,

джунгарская – в Центральной Азии и *кукунорская* в Тибете. Численность и состав каждой из этих группировок менялись в зависимости от военно-политической ситуации. Если проследить хронологию данного исторического процесса, то в результате откочевки из Джунгарии к началу XVII в. в Юго-Западной Сибири сформировался самый крупный союз ойратских улусов, включавший в себя преимущественно дербетов, торгутов и хошутов. Постепенно от них отделилась часть торгутов (1630 г.) и дербетов (1642 г.), образовав волжскую группировку, а также часть хошутов и торгутов (1636–1642 гг.), которые в Тибете основали кукунорскую группировку. Значительное сокращение численности северных ойратов (чакарских калмыков) привело к окончательному их падению в борьбе с джунгарами. Небольшая часть дербетов и хошутов мигрировала к торгутам в степи Северного Прикаспия, где приняла участие в формировании уже Калмыцкого ханства, но большинство было присоединено джунгарами в состав своего формировавшегося ханства.

Появление калмыков в Северном Прикаспии в первой половине XVII в. явилось следствием как сложных социально-экономических и политических процессов, происходивших внутри ойратского общества, так и тяжелой международной ситуации в Центральной Азии. Вместе с тем русские источники свидетельствуют, что первое появление калмыков в этом регионе можно рассматривать и как борьбу калмыцких тайшей с Московским государством за влияние на тюркские народы в Восточной Европе. Однако попытки калмыцких тайшей в течение 20–30-х гг. XVII в. объединить под своим началом все ногайские племена к успеху не привели.

Перемещение торгутских улусов в Волго-Яицкое междуречье активизировало русско-калмыцкие отношения и одновременно обострило территориальный вопрос. Но камнем преткновения стал так называемый «ногайский» вопрос, спровоцированный своевольством отдельных молодых калмыцких тайшей, пытавшихся самоутвердиться. Именно в 1643 г. часть ногайских улусов впервые добровольно вливается в состав Калмыцкой орды,

в то время как в 1630-е гг. такое присоединение в основном носило насильственный характер. «Ногайский» вопрос не только создал конфликтную ситуацию внутри калмыцкого общества, но и серьезно осложнял русско-калмыцкие отношения.

Необходимость продажи скота и лошадей и приобретения товаров подталкивала калмыцких тайшей к установлению прочных торговых связей с российскими городами. Но когда царское правительство по разным причинам отказывало калмыкам в такой возможности, они начинали оказывать силовое давление. Подобные действия, однако, не способствовали развитию добрососедских отношений. Попытка силового решения сложившейся ситуации привела к разгрому калмыков на Северном Кавказе и ответным военным ударам русских войск на Волге в 1644 г., что резко ухудшило и без того непростые русско-калмыцкие отношения и в целом положение калмыцких улусов в Северном Прикаспии.

Однако стремление торгутских тайшей к политической самостоятельности удерживало их от ухода из этого региона. Большое значение имело и выгодное геополитическое расположение кочевий – здесь проходили торговые пути, связывавшие южные государства с Россией и Европой. Уход отсюда привел бы к потере торгутами не только политической независимости, но и благоприятных условий для хозяйственной деятельности. Дайчин и другие старшие тайши стремились к скорейшему установлению стабильных отношений с соседями и, в первую очередь, с Московским государством.

К середине XVII в. территориальный вопрос все чаще стал подниматься калмыцкой стороной в переговорах с представителями русских властей. Стесненность торгутских кочевий еще более усугубил приход в 1649 г. хошутских и дербетских улусов. Теснимые джунгарами, хошутские улусы Кунделена-Убаши продвинулись на запад, в район реки Эмбы. Появление здесь новых крупных ойратских улусов заставило торгутских тайшей отойти в западном направлении, т. е. в сторону Волги. Здесь

обращает на себя внимание тот факт, что торгутские и хошутские тайши пытались решить территориальный вопрос не вооруженным путем, а посредством переговоров, что в целом отвечало духу законов, принятых в 1640 г.

Дальнейшее перемещение торгутских улусов в западном направлении встречала на первых порах неодобрительное отношение со стороны царского правительства. Из Москвы неоднократно поступали в Астрахань указы, запрещающие калмыкам кочевать в Волго-Яицком междуречье, а ходатайства тайшей о разрешении кочевать по Волге неизменно отклоняются царскими властями. Конечно, тайши не всегда считались с этим запретом и с улусами переходили установленные для них рубежи, зачастую приближаясь к самой Астрахани и другим поволжским городам. Но правительство твердо стояло на своем, указывая калмыкам отойти на дальние кочевья.

Самостоятельный выход калмыков на Волгу и Дон в то время не отвечал интересам царского правительства, но, с другой стороны, это давало возможность использовать калмыцкую конницу для охраны слабо укрепленных южных и юго-восточных границ России. Географическая близость, взаимовыгодная торговля и общность интересов в борьбе против кубанских ногаев и крымских татар определяли необходимость установления широких контактов между калмыками и донскими казаками. Царское правительство, понимая, что в лице калмыков может получить внушительную военную силу в борьбе против Крымского ханства, в дальнейшем всячески поощряло данный процесс, хотя и стремилось взять его под свой контроль. При этом стоит отметить, что заключение калмыцко-донского военного союза в 1648 г. состоялось раньше, чем окончательно было достигнуто русско-калмыцкое соглашение, принятое во второй половине 1650-х гг., и послужило своего рода толчком к дальнейшей интеграции кочевого народа в политическую орбиту России. Со стороны калмыков также преследовались определенные цели, заключавшиеся в расширении территории их кочевий в Нижнем Поволжье, а значит –

возможности совершать военные походы с целью захвата ногайских улусов и трофеев на территории Северного Кавказа и Причерноморья.

Русско-калмыцкие переговоры 1640–1650-х гг. выявили всю палитру политических взглядов, дипломатических традиций, мировоззрений, культуры и т. д. Правительство убедилось в своеобразном понимании тайшами шерти – они рассматривали эту присягу как союзный договор, а не как признание подданства с вытекающими из этого обязательствами. Поэтому оно избрало более жесткий курс по отношению к калмыкам: ограничение торговли в русских городах и организацию военных экспедиций в ответ на калмыцкие набеги. Но ультиматумы и угрозы, сыпавшиеся с обеих сторон, не способствовали укреплению отношений.

Решающее значение в изменении политики России по отношению к калмыкам имела начавшаяся в 1654 г. русско-польская война. Выступление Крымского ханства на стороне Польши привело к активизации русско-калмыцких переговоров на качественно ином уровне. Теперь стороны от языка ультиматумов и угроз перешли к поискам взаимоприемлемых решений, шли на определенные уступки друг другу. Царское правительство кардинальным образом пересматривает свое отношение к вопросу о районе калмыцких кочевий. Калмыцкие тайши со своей стороны все больше склоняются к мысли о необходимости принять на себя определенные политические обязательства, а правительство согласилось предоставить калмыкам свои рынки в Поволжье.

В 1655 г. в документах впервые встречается упоминание о том, что калмыкам может быть предоставлено право кочевать по Волге. Понятно, что это разрешение было обусловлено обязательством тайшей принять непосредственное участие в войне против Крыма и Польши. Но только после шерти 1657 г. тайшам было официально разрешено кочевать по обоим берегам Нижней Волги. Спустя год уход калмыков из-под Астрахани царское правительство рассматривало уже как нарушение договоренностей. Русско-калмыцкие отношения оформлялись письменными актами – шертями. В

течение 1655–1657 г. калмыцкие тайши дали 3 шерти, каждая из которых подтверждала и конкретизировала содержание предыдущей. Затягивание переговорного процесса в указанные годы во многом объяснялось невыполнением обеими сторонами в полной мере взятых на себя обязательств.

Сложность ситуации, в которой оказалось калмыцкое общество к началу 1650-х гг., вынуждало его правителей искать надежного и сильного союзника. В эти годы наиболее приоритетными для калмыцкой внешней политики были два направления – московское и крымское. Калмыцко-крымские контакты с середины 1650-х гг. приобретают характер постоянных. Но «прокрымской» ориентации придерживалось меньшинство из представителей правящей калмыцкой верхушки, так как решение территориального вопроса во многом зависело от позиции Москвы, и для калмыков оно имело первостепенное значение. Скорее всего, «крымский фактор» калмыцкие тайши использовали для оказания определенного политического давления на Москву, чтобы таким образом обратить внимание на свои проблемы. В то же время решающую роль в принятии Москвой решения о заключении русско-калмыцких договоров, как например, шертей 1657 и 1661 гг., сыграла дипломатическая активность Крымского ханства в отношении калмыков. Именно активизация калмыцко-крымских связей, особенно в условиях войны России с Польшей, вынудила царское правительство прервать чрезвычайно затянувшееся обдумывание и оживить переговорный процесс по «калмыцкому вопросу».

Нельзя не заметить, что и после окончательного оформления отношений с Россией, калмыцкие тайши еще долго сохраняли политическую самостоятельность. Это выражалось в сохранении тайшами независимости в решении вопросов внутренней жизни калмыцкого общества и в признании за калмыками свободы внешних сношений с зарубежными государствами. Такая форма отношений сохранялась до середины XVIII в. Соглашение с Россией создавало калмыкам более благоприятные социально-экономические

условия и обеспечивало относительную безопасность их кочевий от нападений соседей, хотя отчетливо видится, что царское правительство в полной мере не контролировало действий своих подданных. Развитие торговых связей во многом компенсировало потери, понесенными калмыками в результате природных катаклизмов и набегов соседних народов, и одновременно создавало условия для постепенной их интеграции в российское общество. Несмотря на многие препятствия, осложнявшие процесс русско-калмыцких переговоров (взаимные набеги, самовольное занятие калмыками кочевий, споры по процедурным вопросам и т.п.), в целом они завершились успешно.

Шерти 1661 г. большей частью носили характер военных договоров, и вспомогательное калмыцкое войско уже было задействовано совместно с русскими и украинскими вооруженными силами против Крыма и Польши. Правительство назначило тайшам денежные годовые жалованья и, начиная с 1658 г., регулярно их выплачивало.

Следует признать, что ключевую роль в форсировании русско-калмыцких переговоров сыграл боярин Г. С. Черкасский. Именно ему и его команде, в которую входил и племянник К. М. Черкасский, удалось добиться положительного результата в урегулировании отношений с калмыками и привлечь их к военной службе России. Г. С. Черкасский, учитывая неудачный опыт предыдущих переговоров с калмыками, стал выстраивать свои отношения с тайшами на абсолютно новой основе – в отказе от практики аманатства и установлении личных связей. Заключение династического брака между сыном Мончака – Аюки и племянницей Г. С. Черкасского – Абуханы стало поворотным моментом в русско-калмыцких отношениях, событием, закрепившим политический договор.

После заключения шертей позиции калмыков в регионе еще более укрепились. Кроме волжских степей для них теперь были открыты и степи Придонья. Наряду с Астраханью и Уфой заметную роль в отношениях с кочевниками стали теперь играть Царицын и Черкасск. Но было бы

неправильно полагать, что царское правительство в решении территориального вопроса для калмыков занимало столь бескорыстную позицию. Из Волго-Донского междуречья более всего удобно было организовывать походы калмыцких отрядов в Причерноморье и на Северный Кавказ, а присутствие здесь калмыков служило своего рода заградительным барьером от набегов крымских татар на южные русские города [Преображенская, 1963: 14].

В 1664 г. Мончак получил от правительства знамя и другие атрибуты, символизировавшие признание его заслуг. Военная служба, по существу, становится формой вассальных обязательств калмыков перед Россией. Организация военных походов для калмыцких тайшей оставалась главным способом обогащения – за счет отгона скота, захвата пленных и имущества у противника.

Но не следует и переоценивать обязательства калмыков о военной службе, поскольку отношения с Россией часто менялись в результате различных внешних и внутренних обстоятельств. Ярким примером этого является конфликт между Дайчином и Мончаком по вопросу о Манжи-Ялбо. По существу, он расколол калмыцкую элиту на два лагеря, в том числе и по отношению к правительству, принявшего сторону Мончака. Но этот конфликт четко показал политический расклад в калмыцком обществе и его политические предпочтения, поскольку основная часть народных масс, духовенства и знати поддержала Мончака, выступая, таким образом, за дальнейшее укрепление русско-калмыцких отношений.

Рассмотрение русских архивных источников позволяет сделать вывод, что калмыцкие тайши, участвуя в русско-польской войне на стороне Москвы, планировали если не ликвидировать, то значительно ослабить позиции Крымского ханства в северокавказском и причерноморском регионах. Но запланированному продвижению калмыков в причерноморские степи помешала очередная волна ойратской миграции с востока. Многочисленные улусы хошутских и дербетских тайшей, не желая подчиняться джунгарам,

двинулись на занятые торгутами земли в Северном Прикаспии. Новоприбывших тайшей во главе с Аблаем, видимо, не устраивала второстепенная роль в отношениях с Москвой, тем более что последний в Западной Сибири был главным союзником русских. Прочные позиции торгутских тайшей в регионе, многочисленность их подданных, удачные военные походы с захватом богатых трофеев притягивали в степи Северного Прикаспия и других ойратских тайшей.

После неудачных вооруженных столкновений с хошутами, торгутские улусы откатываются к Дону. В свою очередь эти события провоцируют борьбу за власть непосредственно в торгутском правящем доме. Преемнику Дайчина и Мончака, Аюке, в условиях сложной международной обстановки и противостояния внутренней оппозиции удалось достойно выйти из трудного положения. Следующий виток междоусобной войны среди ойратов относится ко второй половине 1670-х гг., в результате которого власть в Джунгарском ханстве перешла окончательно к цоросскому дому. На западе, на берегах Волги отмечалось становление его политического противовеса – Калмыцкого ханства, которое достигло своего расцвета именно в период правления Аюки. Эти два основных ойратских «полюса», помимо Хошутского ханства на Кукуноре, оставались главными политическими ориентирами для большей части ойратского мира в XVII в. вплоть до их окончательного падения в XVIII в.

Процесс образования Калмыцкого ханства можно условно разделить на несколько этапов:

– образование отдельной группировки в Северном Прикаспии;

– консолидация власти в руках первенствующего тайши;

– провозглашение Калмыцкого ханства;

– признание Калмыцкого ханства Россией.

Точкой отсчета провозглашения Калмыцкого ханства можно считать 1647 г., т. е. время возвращения Дайчина в родные кочевья в Северном Прикаспии из Джунгарии и Тибета, где он был признан ханом большинством

представителей верхушки ойратского сообщества и буддийского духовенства, но без наделения соответствующими атрибутами. Однако ханский статус Дайчина не был признан московским правительством.

Признание Россией Калмыцкого ханства можно отсчитывать с момента подписания «Договорных статей, учиненных на реке Камышенка, между Калмыцким ханом Аюкой и боярином кн. Борисом Голицыным» от 17 июля 1697 г. [ПСЗРИ-3, 1830: 331], когда царские власти впервые официально признали ханский титул калмыцкого правителя. При этом стоит учитывать и тот факт, что еще до этого времени, а именно во второй половине XVII в., многие соседние государства уже признали калмыцкого хана.

Обратимся к вопросу о государственности калмыков в XVII–XVIII вв. Термин «кочевое государство» весьма расплывчат. По мнению А. М. Хазанова, кочевыми государствами должны именоваться лишь те независимые образования, которые достигли соответствующего эволюционного уровня и обладали соответствующей политической организацией, где большинство населения составляли номады, разделенные на господствующие и подчиненные классы [Хазанов, 2002: 362] . М. М. Батмаев же считает, что государственность кочевых народов Евразии должна рассматриваться не с точки зрения того, соответствует ли она параметрам государственности земледельческих народов периода феодализма, а с точки зрения того, справлялась ли она с функциями регулирования всего комплекса общественных отношений, присущих кочевым обществам на определенном этапе их развития [Батмаев, 2002: 326]. Понятно, что кочевое государство обязано иметь элементы государственной структуры, территорию с четкими границами, обладать юрисдикцией и эффективным аппаратом управления, что вкупе позволяет хану использовать власть над подданными. Дайчин, а затем и Мончак обладали лишь некоторыми из перечисленных признаков. По мнению М. Ходарковского, титул хана в их случае являлся всего лишь показателем политического

престижа, который не всегда предполагал наличие власти с огромными полномочиями [Khodarkovsky, 1992: 15].

Некоторые исследователи полагают, что калмыки пришли в степи Северного Прикаспия с уже сложившимися общественными и государственными традициями [Кичиков, 1966: 122; Батмаев, 1993: 100–101]. Но в данном случае речь идет об образовании государства именно торгутами, которые как раз и не имели собственного опыта государственного строительства и, по крайней мере, в XV–XVI вв. находились в подчинении у ойратских ханов. Возможно, идея создать собственное ханство отчасти появилась в ответ на жесткую централизаторскую политику дербетского предводителя Далай-Батура, стремившегося собрать большинство улусов вокруг «сибирского ядра» ойратов. Таким образом, продвижение торгутов в западном направлении и образование собственного государственного объединения не происходили в русле общей политики ойратского сообщества. Напротив, это больше выглядело как противопоставление себя основному политическому центру ойратов, находившемуся на востоке. А уже со второй половины XVII в. Калмыцкое и Джунгарское ханства выступали главными «центрами притяжения» для курсировавших между ними различных ойратских улусов.

Новые архивные материалы позволяют показать более объективную историческую картину в указанный период. Будет справедливым считать, что процесс продвижения калмыков в степи Северного Прикаспия носил все-таки характер силовых действий по отношению к обитателям этого и соседних регионов. Вместе с тем продвижение и расселение на этой территории не были направлены на захват русских городов, поскольку калмыки не обладали для этого ни политическими, ни военно-техническими возможностями.

В рамках концепции добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства в качестве исходной даты берется прибытие одного из первых посольств в Москву в начале XVII в. Данное событие

имело важное политическое значение для России и калмыков как субъектов международных отношений. Сегодня в историографии происходит пересмотр множества проблем и аспектов, одним из которых является трактовка присоединения народов и территорий к России. В прошлом историки объявляли тот или иной народ добровольно вступившим в российское подданство на основании первого договора, заключенного национальной знатью с Москвой или местными царскими властями. По мнению В.В. Трепавлова, отношение подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному [Трепавлов, 2007: 6–7].

С самого начала царское правительство пыталось поставить калмыков в подчиненное положение, что вызывало естественное отторжение со стороны последних. Тайши предлагали правительству мир, торговлю и военное сотрудничество на основе взаимных обязательств. Но правительство твердило о подданстве как необходимом условии для дальнейших сдвигов в решении вопросов о торговле и кочевьях. Правительство усиленно добивалось, чтобы шерти калмыков не носили формального характера, а гарантировались выдачей аманатов. Другими словами, Москва не желала видеть калмыцких тайшей в качестве равноправных партнеров международных отношений. В любом случае этот вопрос требует дальнейшего и более детального изучения на основе широкого круга архивных материалов, позволяющих объективно рассмотреть русско-калмыцкие отношения в XVII–XVIII вв.

В изучаемый период царское правительство основные усилия направляло на то, чтобы калмыки по мере сил и возможности обороняли южные границы от набегов враждебных кочевников и оказывали военную помощь, особенно в борьбе против Турции, Крымского ханства и их вассалов. Оно стремилось также установить действенный контроль над связями Калмыцкого ханства с другими государствами, не допустить сближения калмыков с ними или же предотвратить возможные неугодные действия

правящей верхушки ханства, могущих нанести вред интересам России, а в дальнейшем вовсе исключить самовольные контакты тайшей.

Во внутренней жизни царское правительство старалось урегулировать отношения калмыков с непосредственными соседями-подданными России, обезопасить волжский торговый путь, наладить торговые отношения и т. п. Калмыцкие тайши старались получить максимально возможную автономию, не всегда подчиняясь правительственным указам, совершали набеги на русские уезды. Эти негативные моменты порождались и поддерживались рядом обстоятельств. Решение территориального вопроса, известная централизация власти, уменьшение междоусобиц, прикочевки значительных групп калмыков из Джунгарии и Сибири привели к сравнительному усилению Калмыцкого ханства, что активизировало самостоятельные акции тайшей.

Но более всего столкновения с соседями были следствием отсутствия точно установленных границ между ними, претензий на владение степными районами, взаимной организации набегов с целью грабежа и получения недостающих предметов и продуктов промышленного производства и сельского хозяйства, скота, лошадей и т. п.

Калмыки довольно регулярно и сравнительно в большом количестве участвовали в борьбе России против внешних врагов, особенно Турции и Крымского ханства. Сближение же с ними, временное и неглубокое, порождалось определенными политическими и торговыми обстоятельствами. С восточными государствами и, в первую очередь, с Тибетом и Джунгарским ханством поддерживались отношения в силу сохранившихся еще традиций, из-за желания иметь более или менее обеспеченный тыл, ради торговых и религиозных интересов и т.п.

Установление более эффективного контроля над действиями калмыцких феодалов, урегулирование спорных вопросов между калмыками и их соседями, активное подчинение тайшей власти царского правительства тормозились тогдашним положением России и в некоторой степени самого

Калмыцкого ханства, обстановкой в южных районах государства и т.д. Внимание и силы правительства были отвлечены на решение важнейших внешнеполитических задач. Войны и связанные с ними огромные расходы привели к обострению социальной и национальной обстановки.

В подобной обстановке не всегда удавалось контролировать и держать под вниманием национальные окраины, в т. ч. и Калмыцкое ханство, положение которого облегчалось пограничным положением и возможностью откочевки за пределы Российского государства. В сложившейся обстановке правительство старалось урегулировать русско-калмыцкие отношения, не прибегая к насильственным мерам, а путем взятия с тайшей шертей, выдачи жалованья и подарков.

Из приведенного архивного материала видно, что, несмотря на временное сближение с Крымом, тайши в основном сохраняли верность договоренностям с Россией. Колебания во внешнеполитической линии тайшей проистекали из изменений политической и экономической конъюнктуры и не носили долговременного характера. Связям калмыков с Османской империей и Крымским ханством в работе уделено значительное внимание, так как в рассматриваемое время они занимали доминирующее положение и имели непосредственно практическое значение.

Что касается вопроса о возможности ухода калмыков на восток, следует подчеркнуть, что этот фактор в русско-калмыцких отношениях не был постоянным, хотя Россия внимательно отслеживала калмыцко-джунгарские отношения, вовремя узнавала об ухудшении или улучшении связей и действовала в соответствии с этим.

Рассмотренный материал показывает, что у калмыков существовали довольно оживленные торговые отношения с русским населением, охватывавшие довольно широкий круг населенных пунктов, в которые были вовлечены представители различных слоев. Тем не менее в данное время у российского рынка оставались конкурентные рынки в Средней Азии, на Северном Кавказе, Крыму и турецких владениях. Именно это вызывало у

царского правительства неудовольствие, что скорее всего было вызвано политическими соображениями.

Правительственная политика в отношениях с калмыками всегда сообразовывалась с обстановкой на юге страны, с задачами и целями, которые решались на том или ином отрезке времени в этом регионе. Правительство старалось противопоставить одни народы другим, внести раскол внутри их рядов. Калмыцкие тайши оказывали довольно активную поддержку властям в подавлении восстаний, хотя наряду с такой помощью они одновременно пытались действовать и в своих интересах, вовсе не относящихся к подавлению восстания.

Если говорить о причинах, влиявших на ход русско-калмыцких отношений в рассматриваемый период, то нужно сразу же указать на сложную обстановку на юге страны. Отголоски восстания Степана Разина, раскольническое движение, Башкирское восстание 1681–1683 гг., русско-турецкие войны и непрекращающиеся набеги кочевников создавали ряд сложных проблем, при решении которых царская власть пыталась найти в этом регионе более широкую социальную и национальную опору, в том числе и в лице калмыков. Подобные намерения, естественно, вели к терпимому отношению к поступкам калмыцких тайшей.

После шерти 1684 г. Аюка направил свою военно-политическую активность против государств и народов Средней Азии, а также против некоторых владельцев Северного Кавказа. В 1687 г. ухудшились калмыцко-джунгарские отношения. В это время почти прекратились нападения калмыков на царских подданных, но вместе с тем и их военная служба резко сократилась. Правительство Софьи Алексеевны почти вдвое сократило жалованье тайшам, что, конечно, резко ухудшило их отношение к администрации. Как результат – Крымские походы В. В. Голицына были полностью проигнорированы и саботированы тайшами.

В начале 1690-х гг. вновь приняли широкий размах столкновения калмыков с башкирами и казаками, что участило приезды калмыцких

посланцев в Москву. Ссоры калмыков с соседями предписывалось улаживать местным властям. В ответ на это тайши активизировали свои отношения с Турцией и Крымом, а также с казахами и каракалпаками по поводу совместных действий против казаков.

Опасаясь нежелательного развития событий, правительство решило успокоить тайшей и привлечь их на свою сторону, так как Петр I решил овладеть Азовом и рассчитывал на военную помощь калмыков. Таким образом, внешнеполитическая обстановка вновь подтолкнула правительство к смягчению климата русско-калмыцких отношений, и оно пошло навстречу тайшам, гарантировало сравнительно выгодные условия дальнейшего развития.

После встречи боярина Б. А. Голицына с Аюкой в 1697 г. форма взаимоотношений между царским правительством и тайшами несколько меняется. После шерти 1684 г. тайши перестали давать шерти – их заменили личные встречи Аюки с кем-либо из крупных сановников, в частности с руководителем Приказа Казанского дворца, в чьем введении и находились «Калмыцкие дела». В ходе этих встреч составлялись письменные договоры, фиксировавшие обязательства и права сторон.

Однако тайши не могли в полной мере воспользоваться результатами этих соглашений, так как междоусобицы внутри калмыцкого общества, в целом подрывавшие русско-калмыцкое соглашение, принимали более широкий и затяжной характер и одновременно подрывало внешнеполитическое положение Калмыцкого ханства.

Ситуация на юге России на рубеже XVII–XVIII вв. была весьма напряженной. Она оставалась такой все последние десятилетия XVII в., и русско-калмыцкие отношения несколько раз подвергались жестоким испытаниям. С приходом к власти Петра Алексеевича и активизацией внешней политики царского правительства на южном направлении, в связи с азовскими кампаниями, эти отношения стали меняться в положительную

сторону. Но непрекращающиеся локальные конфликты калмыков с казаками и башкирами вновь ставили под вопрос их мирное урегулирование.

Царское правительство, как правило, на словах поддерживая претензии калмыцких тайшей по вопросу беглых калмыков, или затягивало решение, или ограничивалось обещаниями. Очевидно и то, что калмыки, недовольные своей жизнью в улусах и принявшие решение бежать на Дон, шли на такой шаг осознанно. Если на новом месте обстановка складывалась в их пользу, то они оставались здесь жить, в противном случае могли покинуть донские степи и уйти в крымские владения или на Кубань.

Региональные конфликты на юге России и перманентно возникавшая идея возвращения калмыков на историческую родину, подогреваемая влиянием буддийского духовенства, желавшего возвращения волжских калмыков в Центральную Азию для усиления позиции джунгар в их долгой борьбе с маньчжурской агрессией, поднимали вопрос ухода из пределов России. Смерть Галдан Бошогту-хана и приход к власти в Тибете Далай-ламы VI в 1697 г. только усиливали эту идею, а возможность Аюки стать во главе объеденного ойратского государства была весьма реальной.

Наделение Аюки буддийским духовенством ханским титулом открыли перед ним перспективу стать во главе единого ойратского государства. Главным препятствием в реализации этой идеи, конечно, оставалось отсутствие единства в калмыцком обществе и центробежные процессы, выражавшиеся в массовом бегстве калмыков на Дон. Именно эти обстоятельства, а также нежелание части калмыцкой элиты возвращаться в Джунгарию, не давали Аюке в конечном итоге решиться на окончательный уход из России. По всей видимости, идею возвращению на историческую родину в конечном итоге подхватили его старшие сыновья, главным вдохновителем которой, несомненно, был Санджаб. Конфликт 1701 г. был вызван также и борьбой за власть в правящей ханской семье, что выглядело своего рода попыткой «дворцового переворота». Но в дальнейшем мятежники встретились с сопротивлением той части калмыцкой элиты,

которая категорически была против ухода в Джунгарию. Отсутствие у мятежников конкретного плана действий, открытый переход на сторону Аюки большинства влиятельных тайшей и всемерная его поддержка царским правительством в конечном итоге склонили чашу весов не в пользу первых. Часть мятежников во главе с Чакдорджабом пошла на примирение с Аюкой, другие во главе с Санджабом пошли на окончательный разрыв и ушли в Джунгарию. При этом есть вероятность, что конечной их целью были не джунгарские хребты, а священные для буддистов высокогорные районы Тибета. Дальнейшая история показала, насколько мятежники ошиблись в своих расчетах относительно политики джунгарского хунтайджи, который, несомненно, сам претендовал на роль общеойратского правителя.

Калмыцкое ханство сыграло значительную роль в охране южных границ государства в первой четверти XVIII в. Несмотря на небольшой вклад калмыков в военную кампанию Северной войны, в целом охранные функции стали одним из главных видов их военной службы. Калмыцкое ханство становится важным форпостом России в волжско-донском регионе и степях Северного Прикаспия. Пограничное положение ханства и постоянная угроза набегов соседних кочевых народов не позволяло калмыцкой верхушке отправить большую часть своих войск с соседние регионы, например, на Украину, что, несомненно, сказалось и на небольшом вкладе калмыков в ходе Северной войны.

События начала XVIII в. показали значимость калмыцкого фактора как важного препятствия для объединения башкир, ногайцев, каракалпаков в условиях противостояния России и Крымского ханства. Безусловное привлечение вооруженных сил ханства, неминуемо превращавшихся в иррегулярные вооруженные формирования, стало частью петровской военной реформы. Формируя многочисленную иррегулярную конницу и проводя во втором десятилетии XVIII в. губернскую реформу, Петр I в итоге форсировал процесс военно-политической интеграции ханства в состав России.

Калмыцкие тайши во главе с Аюкой-ханом остались верны договоренностям, заключенным с царским правительством. Без колебаний они приняли правительственную сторону и организовали помощь в карательных мероприятиях против донских повстанцев. Присутствие калмыков на Средней Волге не позволило донскому восстанию перекинуться в соседние регионы и расширить район их действий, в т. ч. и объединиться булавинцам с башкирскими повстанцами. Осталось верным царю и большинство донских калмыков, также принявших активное участие в подавлении восстания на начальном его этапе. Очевидно и то, что в течение последних десятилетий XVII в. калмыцкие тайши вели долгую борьбу с донским казачеством по вопросу возвращения беглых калмыков, а участие в подавлении Булавинского восстания предоставило им возможность вернуть большинство донских калмыков на Волгу.

В период Русско-турецкой войны 1710–1713 гг. Калмыцкое ханство как вассально-зависимое от России было втянуто в противостояние двух империй на Северном Кавказе и Причерноморье. Участие калмыков в Кубанском походе 1711 г. против кубанских ногайцев имело тяжелые последствия для Калмыцкого ханства в 1715 г. и в целом создало серьезную дестабилизацию в регионе. С другой стороны, Калмыцкое ханство стало играть важную роль в защите южных границ Российского государства, особенно после подавления Булавинского восстания.

Начало правительственных мероприятий по ограничению калмыцких прав обыкновенно связывается с назначением к калмыцкому хану Аюке стольника Д. Е. Бахметева в качестве командира военного отряда, присланного по просьбе хана в 1715 г. Бахметеву было поручено не только оберегать калмыков от внезапного нападения неприятелей, но, с тем вместе, наблюдать и за политическим поведением хана и калмыков. В дальнейшем российское правительство стремилось расширить сферу своего влияния путем активного вмешательства во внутренние и внешнеполитические дела Калмыцкого ханства. Главным аргументом для такого вмешательства со

стороны правительства декларировалось наведение порядка в ханстве и установление мира на границах государства.

С начала XVIII в. наблюдается важная тенденция: правительственная политика была ориентирована не только на привлечение вооруженных сил Калмыцкого ханства в войнах против Швеции и Турции, но и на интеграцию и ограничение института ханской власти в системе российской государственности. Территория новообразованной Астраханской губернии являлась плацдармом дальнейшего продвижения российских интересов на Кавказ и Среднюю Азию, поэтому основной целью властей стало обеспечение безопасности империи. В результате в губернии была создана упрощенная система административного надзора над Калмыцким ханством, предполагавшая вмешательство в калмыцкие дела только в случае нарушения безопасности во всем регионе Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В 1715–1723 гг. российское правительство расширило сферу своего влияния путем активного вмешательства во внутри- и внешнеполитические мероприятия хана (выбор будущего наследника ханского престола, контроль за деятельностью Аюки). Главным аргументом для такого вмешательства декларировалось стремление установить порядок и обезопасить население ханства от внутренних усобиц и внешней агрессии.

Накануне смерти Аюки-хана в 1724 г. в Калмыцком ханстве наступил длительный период междоусобиц, начавшихся как конфликт за улусы умерших бездетными тайшей, но в итоге затронувших вопрос о верховной власти. Серьезно обострил этот вопрос и смерть в 1722 г. старшего сына Аюки, Чакдорджаба, который владел наибольшим улусом и большим потомством сыновей, претендовавших на власть.

В завершении стоит отметить, что основные проблемы политической истории русско-калмыцких отношений указанного периода в настоящей работе затронуты в полной мере. Это обязательно даст новый толчок дальнейшему исследованию истории не только в рамках указанной темы, но

и всего южнороссийского региона, частью которого является и история калмыков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Фонд 89. Сношения России с Турцией – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718-1719 гг.

1. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1710 г. Д. 3.
2. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1715 г. Д. 6.
3. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1715 г. Д. 16.

Фонд 111. Донские дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел.

4. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1648 г. Д. 4.
5. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 3.
6. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1655 г. Д. 5.
7. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1656 г. Д. 1.
8. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1661 г. Д. 1.
9. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1661 г. Д. 4.
10. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1665 г. Д. 4.
11. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1666 г. Д. 1.
12. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1666 г. Д. 3.
13. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1669 г. Д. 9.
14. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1671 г. Д. 1.
15. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1672 г. Д. 1.
16. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1672 г. Д. 11.
17. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1673 г. Д. 1.
18. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1673 г. Д. 4.

19. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1673 г. Д. 9.
20. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1673 г. Д. 10.
21. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1673 г. Д. 12.
22. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1674 г. Д. 14.
23. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1674 г. Д. 15.
24. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1674 г. Д. 18.
25. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1674 г. Д. 20.
26. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1677 г. Д. 11.
27. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1677 г. Д. 33.
28. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1681 г. Д. 4.
29. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1681 г. Д. 7.
30. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1682 г. Д. 2.
31. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1682 г. Д. 13.
32. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1682 г. Д. 17.
33. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1682 г. Д. 24.
34. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1683 г. Д. 1.
35. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1683 г. Д. 40.
36. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1684 г. Д. 7.
37. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1684 г. Д. 17.
38. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1684 г. Д. 24.
39. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1684 г. Д. 25.
40. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1684 г. Д. 26.
41. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1688 г. Д. 9.
42. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1688 г. Д. 20.
43. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1690 г. Д. 7.
44. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1695 г. Д. 13.
45. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1696 г. Д. 7.
46. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1700 г. Д. 1.
47. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1700 г. Д. 2.

Фонд 112. Дела едиссанских татар – (коллекция) из фонда Посольского приказа.

48. Ф. 112. Дела едиссанских татар. Оп. 1. 1661 г. Д. 1.

Фонд 112. Зюнгорские (контайшинские) дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии.

49. Ф. 113. Зюнгорские дела. Оп. 1. 1674 г. Д. 1.

Фонд 115. Кабардинские, черкесские и другие дела - (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии.

50. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1. 1644 г. Д. 1.

51. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1. 1645 г. Д. 1.

52. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 1. 1675 г. Д. 1.

Фонд 119. Калмыцкие дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии.

53. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1616 г. Д. 1.

54. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1618 г. Д. 1.

55. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1630 г. Д. 1.

56. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп 1. 1632 г. Д. 1.

57. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1633 г. Д. 1.

58. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1636 г. Д. 1.

59. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1640 г. Д. 3.

60. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1641 г. Д. 1.

61. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1643 г. Д. 1.

62. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1644 г. Д. 1.

63. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1644 г. Д. 2.

64. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1645 г. Д. 1.

65. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1645 г. Д. 2.

66. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1646 г. Д. 1.

67. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1648 г. Д. 1.
68. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1648 г. Д. 2.
69. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1649 г. Д. 1.
70. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1649 г. Д. 3.
71. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1650 г. Д. 1.
72. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1650 г. Д. 2.
73. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1650 г. Д. 3.
74. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1651 г. Д. 3.
75. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1651 г. Д. 4.
76. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1653 г. Д. 1.
77. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 1.
78. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1655 г. Д. 1.
79. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1655 г. Д. 2.
80. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1657 г. Д. 1.
81. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1657 г. Д. 2.
82. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1658 г. Д. 1.
83. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1658 г. Д. 2.
84. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1659 г. Д. 1.
85. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1659 г. Д. 2.
86. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1660 г. Д. 5.
87. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1661 г. Д. 1.
88. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1661 г. Д. 2.
89. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1662 г. Д. 1.
90. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1663 г. Д. 1.
91. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1664 г. Д. 3.
92. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1664 г. Д. 6.
93. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1664 г. Д. 7.
94. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1664 г. Д. 9.
95. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1665 г. Д. 1.
96. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1665 г. Д. 2.

97. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1672 г. Д. 1.
98. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1673 г. Д. 1.
99. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1673 г. Д. 5.
100. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1675 г. Д. 2.
101. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1675 г. Д. 4.
102. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1675 г. Д. 5.
103. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1675 г. Д. 7.
104. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1677 г. Д. 1.
105. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1679 г. Д. 1.
106. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1681 г. Д. 2.
107. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1681 г. Д. 3.
108. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1683 г. Д. 1.
109. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1683 г. Д. 7.
110. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1685 г. Д. 1.
111. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1688 г. Д. 1.
112. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1688 г. Д. 2.
113. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1688 г. Д. 4.
114. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1688 г. Д. 5.
115. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1690 г. Д. 2.
116. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1690 г. Д. 4.
117. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1690 г. Д. 6.
118. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1691 г. Д. 1.
119. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1691 г. Д. 2.
120. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1691 г. Д. 3.
121. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1691 г. Д. 6.
122. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1691 г. Д. 7.
123. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1692 г. Д. 1.
124. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1692 г. Д. 2.
125. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1693 г. Д. 3.
126. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1694 г. Д. 2.

127. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1694 г. Д. 3.
128. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1696 г. Д. 2.
129. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1696 г. Д. 3.
130. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1696 г. Д. 5.
131. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1696 г. Д. 6.
132. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1697 г. Д. 1.
133. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1697 г. Д. 4.
134. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1697 г. Д. 5.
135. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1697 г. Д. 7.
136. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1697 г. Д. 8.
137. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1697 г. Д. 11.
138. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1698 г. Д. 2.
139. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1698 г. Д. 3.
140. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1698 г. Д. 5.
141. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 1.
142. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 2.
143. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 3.
144. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 4.
145. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 6.
146. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 7.
147. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 8.
148. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 9.
149. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1699 г. Д. 10.
150. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1700 г. Д. 1.
151. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1700 г. Д. 2.
152. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1701 г. Д. 2.
153. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1701 г. Д. 4.
154. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1701 г. Д. 5.
155. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1701 г. Д. 6.
156. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1701 г. Д. 8.

157. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1701 г. Д. 11.
158. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1703 г. Д. 1.
159. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1703 г. Д. 2.
160. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1703 г. Д. 5.
161. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1703 г. Д. 8.
162. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1704 г. Д. 1.
163. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1704 г. Д. 2.
164. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1704 г. Д. 4.
165. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1704 г. Д. 8.
166. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1705 г. Д. 2.
167. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1708 г. Д. 9.
168. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1708 г. Д. 11.
169. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1709 г. Д. 4.
170. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1710 г. Д. 6.
171. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1711 г. Д. 1.
172. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1711 г. Д. 3.
173. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1712 г. Д. 1.
174. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1712 г. Д. 5.
175. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1712 г. Д. 6.
176. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1712 г. Д. 7.
177. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1713 г. Д. 3.
178. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1713 г. Д. 8.
179. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1713 г. Д. 10.
180. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1714 г. Д. 1.
181. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1714 г. Д. 2.
182. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1714 г. Д. 7.
183. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1714 г. Д. 9.
184. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1714 г. Д. 12.
185. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1715 г. Д. 5.
186. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1715 г. Д. 8.

187. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1716 г. Д. 1.
188. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1716 г. Д. 6.
189. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1717 г. Д. 3.
190. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1717 г. Д. 4.
191. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1717 г. Д. 6.
192. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1718 г. Д. 7.
193. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1718 г. Д. 10.
194. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1719 г. Д. 5.
195. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1719 г. Д. 10.

Фонд 123. Сношения России с Крымом – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа и Посольской канцелярии.

196. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. 1652 г. Д. 3.
197. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. 1656 г. Д. 11.
198. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 1. 1658 г. Д. 17.

Фонд 127. Сношения России с ногайскими татарами – (коллекция) из фондов Боярской Думы и Посольского приказа.

199. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1613 г. Д. 1.
200. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1614 г. Д. 2.
201. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1622 г. Д. 1.
202. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1628 г. Д. 1.
203. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1628 г. Д. 2.
204. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1629 г. Д. 1.
205. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1631 г. Д. 3.
206. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1633 г. Д. 1.
207. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1635 г. Д. 1.
208. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1637 г. Д. 1.
209. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1638 г. Д. 1.
210. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1641 г. Д. 1.

211. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1642 г. Д. 1.
212. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1643 г. Д. 1.
213. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1644 г. Д. 1.
214. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1645 г. Д. 1.
215. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1646 г. Д. 2.
216. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1647 г. Д. 1.
217. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1648 г. Д. 1.
218. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1649 г. Д. 1.
219. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1650 г. Д. 1.
220. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1651 г. Д. 1.
221. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1652 г. Д. 1.
222. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1654 г. Д. 1.
223. Ф. 127. Ногайские дела. Оп. 1. 1662 г. Д. 1.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Фонд 89. Сношения России с Турцией.

224. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1722 г. Д. 1.
225. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1722 г. Д. 4.

Фонд 119. Калмыцкие дела.

226. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1720 г. Д. 5.
227. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1720 г. Д. 7.
228. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1720 г. Д. 11.
229. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1721 г. Д. 5.
230. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1721 г. Д. 6.
231. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1722 г. Д. 5.
232. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1722 г. Д. 7.
233. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1723 г. Д. 5.
234. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1723 г. Д. 8.

235. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. 1724 г. Д. 5.

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН

236. Ф. 178. Астраханская приказная изба. Д. 3231.

237. Ф. 178. Астраханская приказная изба. Д. 4538.

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

Фонд И-36. Состоящий при «Калмыцких делах» при астраханском губернаторе.

238. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 1.

239. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2.

240. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3.

241. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5.

242. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7.

243. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 8.

244. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9.

245. НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17.

Опубликованные источники

Сборники документов, материалов, справочные издания

246. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. с доп. и указ. 1613–1645. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1841. – Т. 3. – 538 с.

247. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. с доп. и указ. 1645–1676. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1842. – Т. 4. – 604 с.

248. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. с доп. и указ. 1676–1700. – СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1842. – Т. 5. – 580 с.

249. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук: в 3-х т. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1894. – Т. 2. – 773 с.

250. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею Наук: в 3-х т. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1901. – Т. 3. – 674 с.

251. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. – Т. 5. – 346 с.

252. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. – Т. 6. – 296 с.

253. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. – СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1872. – Т. 7. – 422 с.

254. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. – СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1875. – Т. 8. – 442 с.

255. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1877. – Т. 9. – 542 с.

256. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. – СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1882. – Т. 12. – 480 с.

257. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 15 т. – СПб.: Тип. А. М. Котомина и Ко, 1884. – Т. 13. – 420 с.

258. Бумаги императора Петра I / изд. акад. А. Быковым. – СПб.: т ип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1873. – 565 с.

259. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. – Т. 2. – 308 с.

260. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1848. – Т. 3. – 572 с.

261. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. – Т. 6. – 518 с.

262. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. – Т. 7. – 400 с.

263. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. – Т. 8. – 372 с.

264. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1867. – Т. 10. – 516 с.

265. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. – СПб.: Тип. В. В. Пратц, 1872. – Т. 12. – 423 с.

266. История Казахстана в русских источниках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – Т. 1. – 721 с.

267. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – Т. 1. – 478 с.

268. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – Т. 2. – 424 с.

269. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. 1666 – июнь 1670 гг. / Сост. Е.А. Швецова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. 1. – 323 с.

270. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – Т. 2. – 665 с.

271. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – Т. 3. – 491 с.

272. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1976. – Т. 4. – 280 с.

273. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 630 с.

274. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сб. документов / сост. Л. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. – М.: Вост. лит., 1959. – 350 с.

275. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654: Сб. документов / Сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. – М.: Наука, 1974. – 469 с.

276. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В.В. Струве, А.К. Боровкова, А.А. Ромаскевича и П.П. Иванова. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. – 700 с.

277. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – Л.: изд. и тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1933. – Вып.3. – Ч. 1. – 504 с.

278. Письма и бумаги император Петра Великого. – СПб.: Гос. тип., 1887. – Т. XI. – 605 с.

279. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. С 1649 по 1675. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 1. – 1072 с.

280. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 2. – 979 с.

281. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 3. – 694 с.

282. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 4. – 890 с.

283. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 5. – 782 с.

284. Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. – Т. 6. – 817 с.

285. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг.: сб. док. / сост. Н. М. Рогожин, М. М. Батмаев. – Элиста: Джангар, 2003. – 316 с.

286. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою коммиссиею. – СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. – Т. 2. – 656 с.

287. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической коммиссией. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1909. – Т. 26. Донские дела. – Кн. 3. – 664 с.

288. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической коммиссией. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1913. – Т. 29. Донские дела. – Кн. 4. – 588 с.

289. Русская историческая библиотека Министерства Народного Просвещения. – Петроград: Тип. Министерства Земледелия, 1917. – Т. 34. Донские дела. – Кн. 5. – 616 с.

290. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов. – М.: Наука, 1988. – 357 с.

291. Русско-китайские отношения в XVIII в.: материалы и документы. 1700–1725. В 2 т. / сост. С. Л. Тихвинский. – М.: Наука, 1978. – Т. 1. – 585 с.

292. Русско-монгольские отношения. 1654–1685: Сб. документов / Сост. Г.И. Слесарчук. – М.: Вост. лит., 1996. – 559 с.

293. Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. / Подгот. Н.Б. Голикова. – М.: Древлехранилище, 2004. – 416 с.

Нарративные источники

294. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю.В. Готье. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 315 с.

295. Бакунин, В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев / В. М. Бакунин. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. – 2-е изд. – 158 с.

296. Батур Убаши Тюмень. Сказание о дербен ойратах // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. – С. 125 –154.

297. Витсен, Н. Путешествие в Московию / Н. Витсен. – СПб.: Симпозиум, 1996. – 265 с.

298. Габан Шараб. Сказание об ойратах (Калмыцкая летопись) / Габан Шараб // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. – С. 84–107.

299. История калмыцких ханов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / сост., ред., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. – Элиста, 2003. – С. 113-119.

300. Літопис Самовидця / видання підготував Я.І. Дзира. Київ: Наукова думка, 1971. – 208 с.

301. Норбо, Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии) / Ш. Норбо [пер. со старомонг. Д.Н. Музраевой, К.В. Орловой, В.П. Санчирова]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 335 с.

Литература

302. Азнабаев, Б. А. Статус пленных в башкирских общинах XVII в. / Б. А. Азнабаев // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4-1. – С. 12–16.

303. Акманов, И. Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. / И. Г. Акманов. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – 156 с.

304. Акманов, И. Г. Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII веков / И. Г. Акманов. – Уфа: БГУ, 1978. – 79 с.

305. Алферова, Г. В., Харламов, В. А. Киев во второй половине XVII в. / Г. В. Алферова, В. А. Харламов – Киев: Наукова думка, 1982. – 160 с.

306. Артамонов, В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы / В. А. Артамонов. – М.: Наука, 1990. – 205 с.

307. Артамонов, В. А. Турецко-русская война 1710–1713 / В. А. Артамонов. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. – 448 с.

308. Бакаева, Э. П. Буддизм в Калмыкии / Э. П. Бакаева. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. – 128 с.

309. Батмаев, М. М. Внутренняя обстановка в Калмыцком ханстве в конце XVII в. / М. М. Батмаев // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии [сост. Л. С. Бурчинова]. – Элиста: Изд-во Калм. науч.-иссл. ин-та языка, лит. и истории, 1977. – С. 34-53.

310. Батмаев, М. М. К историографии политического положения Калмыцкого ханства в конце XVII – первой четверти XVIII веков / М. М. Батмаев // Вестник института. Социально-экономические и политические

проблемы истории дореволюционной Калмыкии. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. – № 5. – С. 140–157.

311. Батмаев, М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. / М. М. Батмаев. В 2-х кн. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 382 с.

312. Батмаев, М. М. Политическая история Калмыцкого ханства в русской историографии / М. М. Батмаев // Калмыковедение: Вопросы историографии и библиографии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. – С. 41–59.

313. Батмаев, М. М. Отражение русско-калмыцких отношений в процессе шертования / М. М. Батмаев // Добровольное вхождение калмыцкого народа в состав России: исторические корни и значение: сб. науч. трудов. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1985. – С. 32–39.

314. Батмаев, М. М. Политическая история Калмыцкого ханства в русской историографии / М. М. Батмаев // Калмыковедение: вопросы историографии и библиографии. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1988. – С. 41–59.

315. Батмаев, М. М. Политическое и экономическое положение Калмыцкого ханства в составе России в конце XVII – начале XVIII веков / М. М. Батмаев. Дисс. на соиск… канд. ист. наук. – М., 1976. – 205 с.

316. Батмаев, М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. / М. М. Батмаев. – Элиста: Джангар, 2002. – 400 с.

317. Батмаев, М. М. Хан Аюка: человек и политик / М. М. Батмаев // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе Росии (к 360-летию со дня рождения хана Аюки): мат. межд. науч. конф. – Элиста: КалмГУ, 2002. – С. 23–24

318. Белль, Дж. Извлечение из описания путешествия (1716–1722 гг.) // Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края / Дж. Белль – Астрахань, 1896. – Вып.1. – С. 219–236.

319. Бембеев, В. Ш. Ойраты и калмыки на евразийском пространстве (XIII – 60-е гг. XVII века) / В. Ш. Бембеев. – Элиста: Джангар, 2007. – 510 с.

320. Беспрозванных, Е. Л. Калмыцко-китайские отношения в XVIII веке / Е. Л. Беспрозванных. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 354 с.

321. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени / Н. Я. Бичурин. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 2-е изд. – 127 с.

322. Бобров, Л. А. Военное дело волжских калмыков и его эволюция в XVII – XVIII вв. / Л. А. Бобров // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – Т. III. – С. 83–103.

323. Бобров, Л. А. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661-январь 1663 гг.) / Л. А. Бобров // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. – № 6. – С. 239-249.

324. Бобров, Л. А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. / Л. А. Бобров // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Специальный выпуск V. – Ч. II. – С. 210–388. http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov.

325. Бобров, Л. А. Калмыцкая конница в Русско-Польской войне 1654-1667 гг.: вооружение, тактика, военная стратегия / Л. А. Бобров // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук (Материалы первой Украинской международной оружиеведческой научно-практической конференции). – Киев: Інститут історії України НАН України; Національний військово-історичний музей України, 2014. – С. 47–63.

326. Бобров, Л. А., Рюмшин, М. А. «…И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. / Л. А. Бобров, М. А. Рюмшин // Золотоордынская цивилизация. – 2015. – № 8. – С. 357–378.

327. Бобров, Л. А., Худяков, Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и

Нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / Л. А. Бобров, Ю. С. Худяков. – СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. – 770 с.

328. Богоявленский, С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века / С. К. Богоявленский // Исторические записки. – 1939. – № 5. – С. 48–102.

329. Бранденбург, Н. Е. Кубанский поход 1711 г. / Н. Е. Бранденбург // Военный сборник. – СПб., 1867. – С. 29–42.

330. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. – Ч. 1. – 620 с.

331. Бюлер, Ф. А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт / Ф. А. Бюлер // Отечественные записки. – 1846. – Т. 47. – № 7. – С. 1–28.

332. Величко, С. В. Летопись событий Юго-Западной России в XVII столетии / С. В. Величко. – Киев: Врем. комис. для разбора древ. актов, 1851. – Т. 2. – 612 с.

333. Вернадский, Г. В. Историческая основа русско-калмыцких отношений / Г. В. Вернадский // Калмыцко-ойратский сборник / под ред. А. Э. Борманжинова, И. Крюгера. – Филадельфия, 1966. – С. 11–50.

334. Веселовский, Н. И. Передовые калмыки на пути к Волге / Н. И. Веселовский // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – СПб., 1888. – Т. 3. – С. 365–370.

335. Возгрин, В. Е. Дипломатические связи Швеции и Крыма накануне и после Полтавы / В. Е. Возгрин // Скандинавский сборник. – Таллин, 1985. – Вып.29. – С. 69–77.

336. Голикова, Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. / Н. Б. Голикова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 328 с.

337. Грибовский, В., Сень, Д. Фронтирные элиты и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII в. деятельность кубанского сераскера Бахты-гирея / В. Грибовский, Д. Сень //

Україна в Центрально-Східній Європі. Київ: ИИУ НАНУ, 2010. – Вип.9-10. – С. 193–226.

338. Гурий, архимандрит (Степанов, А. И.). Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен / Гурий. – Казань, 1915. – Т. 1. – Ч. II. – 700 с.

339. Джалаева, А. М. Политика России в отношении донских казаков и калмыков в XVII в. / А. М. Джалаева // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. – Элиста, 2008. – С. 125–136.

340. Джалаева, А. М. Предисловие / А. М. Джалаева // Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. – Элиста, 2007. – С. 3–25.

341. Дорджиева, Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.) / Г. Ш. Дорджиева. – Элиста: АПП «Джангар», 1995. – 126 с.

342. Доценко, В. Д. Флот Петра Великого / В. Д. Доценко // Морской альманах. История Российского флота. – 1992. – № 1. – С. 5–44.

343. Дробышев, Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.) / Ю. И. Дробышев. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 608 с.

344. Загоровский, В. П. Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 237 с.

345. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758 / И. Я. Златкин. Изд. 2-е. – М.: Наука, 1983. – 334 с.

346. Иванюк, С. А. Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения / С. А. Иванюк. – СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. – 352 с.

347. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. / сост. К. Н. Илюмжинов, К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. – Элиста: Герел, 2009. – Т. 1. – 848 с.

348. История Башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2011. – Т. III. – 475 с.

349. Кашин, В. И. Крестьянская железоделательная промышленность Кузнецкого края в XVII XVIII вв. / В. И. Кашин // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1934. – № 7–8. – С. 11–31.

350. Кичиков, М. Л. Образование Калмыцкого ханства в составе России (1607–1664): автореф. дис. … канд. ист. наук / АН СССР, Ин-т народов Азии, КНИИЯЛИ. М.-Элиста, 1963.

351. Кичиков, М. Л. К истории образования калмыцкого ханства в составе России / М. Л. Кичиков // Записки [КНИИЯЛИ]. – Вып.2. – Элиста: Калмгосиздат, 1962. – С. 31–60.

352. Кичиков, М. Л. К вопросу образования Калмыцкого ханства в составе России / М. Л. Кичиков // Вестник института [КНИИЯЛИ]. – Вып.1. – Элиста: Калмгосиздат, 1963. – С. 3–28.

353. Кичиков, М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: образование калмыцкого государства в составе России / М. Л. Кичиков. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. – 151 с.

354. Кичиков, М. Л. Образование Калмыцкого ханства / М. Л. Кичиков. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. – 120 с.

355. Кичиков, М. Л. О социально-экономических и политических предпосылках поселения калмыков (части ойратов) в степях Приуралья и Нижнего Поволжья / М. Л. Кичиков // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. истор. – Вып.9. – Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. – С. 5–26.

356. Колесник, В. И. Институт ханской власти у калмыков в XVII–XVIII вв. / В. И. Колесник. Элиста: Ставр. гос. пед. университет, 1996. 21 с.

357. Колесник, В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках / В. И. Колесник. – М.: Вост. лит., 2003. – 285 с.

358. Колесник, В. И. Последние имперские федераты (калмыки в составе России в XVII–XVIII веках) / В. И. Колесник // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. – 2015. – № 5. – С. 44–61.

359. Костенков, К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии / К. И. Костенков. – СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.

360. Котвич, В. Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII–XVIII веках / В. Л. Котвич // Известия Российской академии наук. – 1919. – № 12–15. – С. 791–822.

361. Кочегаров, К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире / К. А. Кочегаров. – М.: «Индрик», 2008. – 504 с.

362. Крадин, Н. Н. Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.

363. Кусаинова, Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке / Е. В. Кусаинова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 227 с.

364. Кундакбаева, Ж. Б. «Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке / Ж. Б. Кундакбаева. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 303 с.

365. Кундакбаева, Ж. Б. «Прислал де их Аюкай тайша бить челом великому государю царю… » (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) / Ж. Б. Кундакбаева // Иноземцы в России в XV–XVII веках. – М.: Древлехранилище, 2006. – С. 520–532.

366. Курапов, А. А. Буддизм и власть в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв. / А. А. Курапов. – Элиста: Джангар, 2007. – 247 с.

367. Курапов, А. А. Буддийская обрядность в русско-калмыцких шертях-присягах и договорах XVII – начала XVIII века / А. А. Курапов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. – С. 176–182.

368. Курапов, А. А. Главы буддийской церкви калмыков в взаимодействии с российским государством в XVII-XIX вв. / А. А. Курапов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2017. – Т. 19. – № 3. – С. 18-22.

369. Курапов, А. А. Законотворческая деятельность калмыцкого буддийского духовенства (XVII–XIX вв.) / А. А. Курапов // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 6 (85). – Ч. 2. – С. 262–268.

370. Курапов, А. А. Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. / А. А. Курапов. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018 – 464 с.

371. Курукин, И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735) / И. В. Курукин. – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 381 с.

372. Куц, О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667) / О. Ю. Куц. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 456 с.

373. Лебедев, В. И. Крестьянское движение в метрополии в годы Булавинского восстания / В. И. Лебедев // Булавинское восстание: сб. док. – М., 1935. – С. 60–67.

374. Леонтьев, Н. Ф. О значении Петра Великого для России вообще и в частности для Астраханского края: Речь Н. Леонтьева / Н Ф. Леонтьев – Астрахань: тип. Е.Н. Лесникова, 1873. – 44 с.

375. Лиджиева, И. В., Очиров, У. Б. Калмыки в составе Российского царства и империи / И. В. Лиджиева, У. Б. Очиров // История. Электронный научно-образовательный журнал. – 2019. – № 3. https://history.jes.su/s207987840006047-0-1/

376. Лыткин Ю.С. Аюка-хан калмыцкий // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 131-139.

377. Лыткин, Ю.С. Материалы для истории ойратов // Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники / Сост., ред., предисл., коммент. А.В. Бадмаева. Элиста, 2003. С. 390–468.

378. Любимов, Ю. В. Миграция западных ойратов в Поволжье и русско-калмыцкие отношения / Ю. В. Любимов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2008. – № 2. – С. 46–55.

379. Максимов, К. Н. Калмыки в геостратегических планах России XVII века / К. Н. Максимов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 1. – С. 5–10.

380. Максимов, К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX) / К. Н. Максимов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.

381. Максимов, К. Н. Роль шерти в правовой инкорпорации калмыков в российское подданство / К. Н. Максимов // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. – Элиста, 2008. – С. 71–90.

382. Максимов, Н. Н. Проект русского наступления на Крым в годы Польско-турецкой войны (1672–1676) / Н. Н. Максимов // Славянский сборник. – Саратов, 1993. – Вып.5. – С. 66–76.

383. Малов, А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. / А. В. Малов. – М.: Цейхгауз, 2006. – 52 с.

384. Мезин, С. А. Саратовские воеводы и коменданты первой половины – середины XVIII века / С. А. Мезин // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 116–147.

385. Миллер, Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. М.: Вост. лит. РАН, 2000. – Т. II. – 796 с.

386. Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – М.: Вост. лит. РАН, 2005. – Т. III. – 605 с.

387. Митиров, А. Г. Истоки / А. Г. Митиров. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. – 272 с.

388. Митиров, А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения / А. Г. Митиров. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. – 348 с.

389. Мороз, И. Т. Китайское посольство Тулишэня к калмыцкому хану Аюке на Волгу (1712–1715 гг.) / И. Т. Мороз // Восточный архив. – 2009. – 20. – С. 28–39.

390. Мышлаевский, А. З. Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция): материалы извлеченные из архивов... / А. З. Мышлаевский. – СПб., 1898. – 359 с.

391. Нефедьев, Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым / Н. А. Нефедьев. СПб.: тип. К. Крайя, 1834. – 309 с.

392. Новолетов, М. Г. Калмыки: исторический очерк / М. Г. Новолетов. – СПб.: Тип. В. Демкина, 1884. – 79 с.

393. Новосельский, А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века / А. А. Новосельский. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 452 с.

394. Новосельский, А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие) / А. А. Новосельский. – М.: Наука, 1994. – 221 с.

395. Ногмов, Ш. Б. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Ш. Б. Ногмов. – Нальчик: Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1958. – 239 с.

396. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. – СПб.: издание Археогр. комис., 1884. – Изд. 3-е. – 196 с.

397. Орешкова, С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. / С. Ф. Орешкова. – М.: Наука, 1971. – 205 с.

398. Орлова, К. В. История христианизации калмыков / К. В. Орлова. – М.: Вост. лит., 2006. – 208 с.

399. Орлова, К. В. Христианизация калмыков в контексте внутренней и внешней политики России (середина XVII – начало XX вв.) / К. В. Орлова. – М.: ИВ РАН, 2018. – 381 с.

400. Очерки истории Калмыцкой АССР: Дооктябрьский период / сост. Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кущева. – М.: Наука, 1967. – 479 с.

401. Очиров, У. Б. К вопросу о численности калмыцких этнических групп за пределами кал-мыцких кочевий в конце XVII – начале XX вв. / У. Б. Очиров // Монголоведение. – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – № 2. – С. 194-203.

402. Очиров, У. Б. Попытки объединения калмыцких и ногайских племен в первой половине XVIII в. / У. Б. Очиров // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып.17. Сб. науч. трудов. – Элиста: АПП «Джангар», 2002. – С. 77-85.

403. Очиров, У. Б. Расселение и этнический состав калмыков в XVIII – XX вв. / У. Б. Очиров // Калмыки. – М.: Наука, 2010. – С.47-61.

404. Очиров, У. Б. Тюркоязычные этнические группы в составе Калмыцкого ханства (XVII–XVIII вв.) / У. Б. Очиров // Вестник института [комплексных исследований аридных территорий]. – 2008. – №2. – С. 98-102.

405. Очиров, У. Б. Численность и этнический состав улусов Чагдорджаба в первой четверти XVIII века / У. Б. Очиров // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Материалы Международной научной конференции. – Ч.1. – Элиста: КИГИ РАН, 2008. – С. 107-112.

406. Пальмов, Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / Н. Н. Пальмов [сост. А.М. Джалаева]. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – 462 с.

407. Пальмов, Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России / Н. Н. Пальмов. 2-е изд. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. – 158 с.

408. Пальмов, Н. Н. Этюды по истории волжских калмыков XVII и XVIII века / Н. Н. Пальмов. – Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1926. – Ч. I. – 260 с.

409. Пальмов, Н. Н. Этюды по истории волжских калмыков XVII и XVIII века / Н. Н. Пальмов. – Астрахань: Изд-во Калмоблисполкома, 1929. – Ч. III–IV. – 391 с.

410. Перетяткович, Г. И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края) / Г. И. Перетяткович. – Одесса: тип. П.А. Зеленого, 1882. – 400 с.

411. Позднеев, А. М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия / А. М. Позднеев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1886. – Ч. CCXLIV. – Отд. 2. – С. 140-170.

412. Попов, А. В. Краткие замечания о приволжских калмыках / А. В. Попов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1839. – Ч. XXII. – Отд.2. – С. 17–46.

413. Потто, В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: от древнейших времен до Ермолова / В. Потто. Изд. 2-е. – СПб., 1887. – Т. 1. – Вып.2. – 737 с.

414. Преображенская, П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII в. / П. С. Преображенская // Зап. Калмыц. НИИЯЛИ. – Элиста: Изд-во Калмыц. науч.-исслед. ин-та языка, лит. и истории, 1960. – Вып.1. – С. 49–83.

415. Преображенская, П. С. Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства / П. С. Преображенская: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1963.

416. Преображенская, П. С., Кичиков, М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование Калмыцкого государства в составе России / П. С. Преображенская, М. Л. Кичиков // Вопросы истории. – 1968. – № 8. – С. 167–168.

417. Приймак, Ю. В. Дипломатические и военно-политические мероприятия России в Приазовье и на Северо-Западном Кавказе в контексте подготовки Кубанского похода 1711 г. / Ю. В. Приймак // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – № 11. – С. 43–48.

418. Приймак, Ю. В. Кубанский поход войск П.М. Апраксина в 1711 г. (из истории османо-российских войн 1710–1713 гг.) / Ю. В. Приймак // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – 1. С. 88–94.

419. Пронштейн, А. П. Земля Донская в XVIII веке / А. П. Пронштейн. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1961. – 375 с.

420. Рахаев, Дж. Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века: Архивные и нарративные источники 1699–1725 годов. Российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII века / Дж. Я. Рахаев. – М.: Университет Дм. Пожарского, 2012. – 784 с.

421. Рогожин, Н. М. У государевых дел быть указано… / Н. М. Рогожин – М.: РАГС, 2002. – 285 с.

422. Рябов, С. И. Донская земля в последней четверти XVII – начале XVIII вв / С. И. Рябов. Дис. … канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 1984. – 220 с.

423. Санин, Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века / Г. А. Санин. – М.: Наука, 1987. – 270 с.

424. Санин, О. Г. Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII века / О. Г. Санин. Дис. … канд. ист. наук. – М., 1996. – 454 с.

425. Санчиров, В. П. На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения 20–30-х гг. XVII в. / В. П. Санчиров // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2008. – № 2. – С. 2–23.

426. Санчиров, В. П. Русские посланцы в ставке калмыцкого тайши Далай-Батыра во втором десятилетии XVII в. / В. П. Санчиров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2011. - № 1. – С. 9–15.

427. Сень, Д. В. Верность, вера и война: начало жизни и служения казаков-некрасовцев на Кубани / Д. В. Сень // Казарла. Этнический казачий журнал. – 2012. – №4(17). – С. 10-18.

428. Смирнов, В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века: в 2-х т. / В. Д. Смирнов. – М.: Рубежи XXI, 2005. – Т. 1. – 540 с.

429. Смирнов, В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты: в 2-х т. / В. Д. Смирнов. – М.: Рубежи XXI, 2005. – Т. 2. – 314 с.

430. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев [отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев]. – М.: Мысль, 1991. – Кн. VI. – Т. 11–12. – 671 с.

431. Сусеева, Д. А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования / Д. А. Сусеева. – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – 456 с.

432. Тепкеев, В. Т. Джунгары на юге России в конце XVII века / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных наук РАН. – 2016. – № 3. – С. 12–18.

433. Тепкеев, В. Т. Документы по истории калмыцко-дагестанских отношений в период Персидского похода 1722–1723 гг. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) / В. Т. Тепкеев // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2017. – Вып.1. – С. 6-14.

434. Тепкеев, В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века / В. Т. Тепкеев. – Элиста: Джангар, 2012. – 375 с.

435. Тепкеев, В. Т. Политический кризис в калмыцком обществе в конце 60-х и в начале 70-х гг. XVII века / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных наук РАН. – 2008. – № 2. – С. 32–36.

436. Торопицын, И. В. Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г. / И. В. Торопицын // Козацька Спадьщина. – 2008. – № 4. – С. 72–78.

437. Трепавлов, В. В. «Белый царь»: образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. / В. В. Трепавлов. – М.: Вост. лит. РАН, 2007. – 253 с.

438. Трепавлов, В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов. – М.: Вост. лит., 2001. – 751 с.

439. Трепавлов, В. В. Калмыки и Россия в XVII–XVIII вв.: подданные, вассалы или союзники? / В. В. Трепавлов // Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий. – Элиста: Джангар, 2008. – С. 58–70.

440. Тулишень. Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке хану, с описанием земель и обычаев российских / пер. с манчж. А. Леонтиева. – СПб.: при Имп. акад. наук, 1782. – 166 с.

441. Устюгов, Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. / Н. В. Устюгов // Истор. зап. 1947. – № 24. – С. 30–110.

442. Фирсов, Н. А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве / Н. А. Фирсов. – Казань: Университетская тип., 1866. – 261 с.

443. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 604 с.

444. Цюрюмов, А. В. Административная система Калмыцкого ханства в первой половине XVIII века / А. В. Цюрюмов // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сб. науч. трудов. – Элиста: КалмГУ, 1998. – С. 23–38.

445. Цюрюмов, А. В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений / А. В. Цюрюмов. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 464 с.

446. Цюрюмов, А. В. Калмыцкое ханство в составе Российской империи: черты политического вассалитета / А. В. Цюрюмов // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе Росии (к 360-летию со дня рождения хана Аюки): мат. межд. науч. конф. – Элиста: КалмГУ, 2002. – С. 196–199.

447. Цюрюмов, А. В. Калмыцкое ханство во внешней политике России в середине XVII в. / А. В. Цюрюмов // Научная мысль Кавказа. – 2006. – №S5. – С. 164–170.

448. Цюрюмов, А. В. К периодизации истории вхождения калмыков в состав России / А. В. Цюрюмов // История и культура монгольских народов: источники и традиции. Международная научная конференция, в рамках Международного симпозиума: тезисы докладов и сообщений. – Элиста: КалмГУ, 1999. – С. 122–123.

449. Цюрюмов, А. В. Реформа Зарго и эволюция ханской власти / А. В. Цюрюмов // Монголоведение. – Элиста: КИГИ РАН, 2003. – С. 163–172.

450. Цюрюмов, А. В. Русско-калмыцкие отношения во второй четверти XVII века / А. В. Цюрюмов // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. – 2007. - № 2. – С. 118–125.

451. Цюрюмов, А. В. Формирование статуса Калмыцкого ханства в XVII в. / А. В. Цюрюмов // Регионология. – 2005. - № 4. – С. 248–255.

452. Цюрюмов, А. В., Батыров, В. В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.) / А. В. Цюрюмов, В. В. Батыров. Элиста: КалмГУ, 2006. – 94 с.

453. Чаев, Н. С. Булавинское восстание (1707–1708 гг.) / Н. С. Чаев. – М.: Изд-во Всесоюз. Общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. – 134 с.

454. Шастина, Н. П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. / Н. П. Шастина // Советское востоковедение. – 1949. – № 6. – С. 383–395.

455. Шмелев, А. С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. (По материалам кумыкско-калмыцких контактов) / А. С. Шмелев // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып.2(9). – Махачкала, 2004. – С. 228–235.

456. Шовунов, К. П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.) / К. П. Шовунов. – Элиста: КИОН, 1992. – 320 с.

457. Шовунов, К. П. Очерки военной истории калмыков (XVIII-XIX вв.) / К. П. Шовунов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. – 189 с.

458. Чулошников, А. Торговля Московского государства со Средней Азии в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. – Л.: АН СССР, 1933. – Вып.3. – Ч. 1. – С. 61–88.

459. Янчевский, Н. Л. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XV–XVII вв. / Н. Л. Янчевский. – Ростов н/Д: Сев. Кавказ, 1930. – 196 с.

Литература на иностранных языках

460. Болормаа, О. Ижил мөрний зүг нүүсэн Ойрадуудын нүүдэл (XVII–XVIII). – Улаанбаатар хот, 2008. – 196 с.

461. Bakaeva, E. P. Kalmyks, Oirat Descendants in Russia: a Historical and Ethnographic Sketch / E. P. Bakaeva // Oirat People Cultural Uniformity and Diversification. – Osaka: National Museum of Ethnology, 2014. – P. 31–54.

462. Courant M. L’Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e sifecles: Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? / M. Courant. – Lion-Paris: A. Picard, 1912. – 152 p.

463. Hadży Mehmed Senai z Krymu. Histjoria Chana Islam Gereja III / Tekst turecki wydal, przelożyl i opracowal Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971.

464. Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and The Kalmyk Nomad, 1600-1771 / M. Khodarkovsky. – Ythaka, N.Y.: Cornell University Press, 1992. – 278 p.

465. Khodarkovsky M. Russia’s Steppe Frontier. The Making of a Colonian Empire, 1500 – 1800. Bloomington, 2002.

466. Lemercier-Quelquejay Ch. Les Kalmuks de la Volga entre l’empire Russe et l’empire Ottoman sous le règne de Pierre le Grand / Ch. Lemercier-Quelquejay // Cahiers du Monde Russe et Soviètique. 1966 – vol. VII – № 1. – P. 63–76.

467. Miyawaki, Junko. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki, 1991. Vol. 83.

468. Miyawaki, Junko. Internal Rivalries in the Four Oyirad Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. – P. 228–260.

469. Pallas, P. S. Sammlungen historischer Nachrichten uber die mangolischen Volkerschaften / P. S. Pallas. – SPb., 1776. – T. 1. – 232 c.